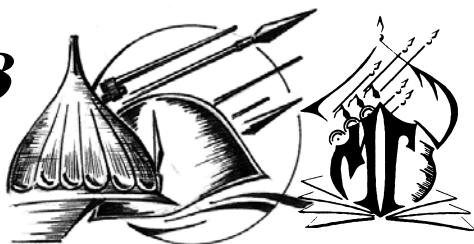

Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2021

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Виталий ДАРЕНСКИЙ. Духовный смысл русской истории	3
Валерий КИРИЛЛОВ. Спрос на народные «одежки»	134
Григорий КАЛЮЖНЫЙ. Любящий вас	
Михаил Лемешев	164

ПРОЗА

Юрий ВИСЬКИН. Ошибка Мойры. Роман. Окончание ...	18
Юрий МЕЩЕРЯКОВ. Мой тейп старше. Рассказ	143
Андрей РАСТВОРЦЕВ. Ненужное золото. Рассказ	177
Дмитрий ВОРОНИН. Контрабанда. Рассказ	184

ПОЭЗИЯ

Эмма МЕНЬШИКОВА. Странная любовь. Стихи	125
Светлана СУПРУНОВА. Утепление души. Стихи	157
Александр ПОТАПОВ. Отцовская трость. Стихи	188
Николай ПИДЛАСКО. Ожидание. Стихи	193
Стихи тамбовских поэтов	225

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валентин СОРОКИН. **Слово и мир** 197

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Граф Н.П. Румянцев** 211

Станислав ЗОТОВ. **Лёд и пламень** 216

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Роман ИЛЮЩЕНКО. **Прекраснодушный диктатор** 233

УРОКИ ИСТОРИИ

Мария ТОБОЛОВА. **Отречение от трона** 239

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валерий РАСТОРГУЕВ. **Приватизация России** 249

Николай БОНДАРЕНКО. **Создать свою «Хуавей»** 252

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы. Размышления**
и воспоминания. Продолжение 255

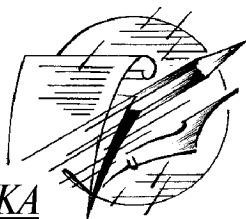
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. **«За жезль куполов**
и за крест золотой» Национальный образ России в поэзии
Александра Хабарова 263

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Роль России в мировой истории всегда была неожиданной, мощной, стремительной и основополагающей. Являясь словно ниоткуда и внезапно предстая перед изумлёнными соседями в виде новой могучей силы, она всегда смешивала их карты и заставляла считаться с собой, а затем и сама создавала новые правила игры для всех. Так, Византия в пору расцвета своего могущества, эта великая империя и тогдашний центр всей мировой истории, вдруг была разгромлена неведомо откуда явившимися «северными варварами» — русичами — и по договору стала платить им дань. Эти недавние «варвары» очень быстро создали и своё великое государство, не менее могущественное, чем она, и более могущественное, чем все тогдашние государства Европы, наперебой спешившие породниться с его правителями — Рюриковичами. Эта новая страна, «богатая городами», взяла из слабейших рук Византии скипетр мировой хранительницы истинного христианства — Православия, стала священным Третьим Римом — центром мировой истории.

Русская история уникальна тем, что главным и решающим в ней всегда был

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

фактор духовно-нравственный, а не материальный. Русь неоднократно возрождалась, как Феникс из пепла, после страшных погромов, когда не было никаких материальных предпосылок для будущего величия. По одним лишь материальным критериям страна была обречена стать колонией своих агрессивных соседей, но этого не произошло. И точно так же Россия внезапно обрушивалась именно в тот момент, когда достигала своего максимального величия и развития. Никакие материальные факторы не могли её спасти, если не работал фактор духовный — единение народа ради спасения государства. И этот главный закон русской истории в полной мере действует до сих пор, и именно он определяет наше будущее. Но как сработает этот закон в очередной раз — на созидание и подвиг или на крах и разрушение — это не предопределено и зависит от нас.

Главный закон русской истории — господство духовно-нравственного фактора над материальными — даёт ключ и к пониманию тех возможностей и перспектив, которые имеет и современная Россия. Материальные ресурсы России по-прежнему велики, хотя у её геополитических противников они всё равно намного больше. Поэтому противостоять им только опираясь на материальный фактор — просто невозможно. Особенно слаба сейчас Россия демографически: ведь население и «коллективного Запада», и Китая, и мусульманского мира — ныне превосходит население России на порядок. По человеческим ресурсам Россия находится уже почти на уровне Нигерии. И можно ли вообще ставить перед собой всемирно-исторические задачи, имея так мало людей в соотношении с нашими «заклятыми партнёрами»?

Очевидно, что если опираться только лишь на один материальный фактор, то нет. Свои собственные огромные малозаселенные территории нужно кому-то защищать, не говоря уже о том, чтобы распространять свое влияние за их пределы. Для всего этого нужны, в первую очередь, люди — но не просто люди, а такие, которые способны выполнять столь тяжёлые задачи. Это должны быть люди русские по духу (независимо от национальности), то есть для которых Россия является такой высшей ценностью, за которую не жалко отдать жизнь. Много ли сейчас таких людей? К счастью, достаточно много, если этот бесценный человеческий ресурс найти и мобилизовать.

У России, как всегда, нет выбора — она вновь, уже в который раз в своей тысячелетней истории, должна либо победить, либо исчезнуть. Сейчас на кону стоит уже само существование России — ей угрожают смертельные опасности и извне, и изнутри. Извне — если Россия не устоит экономичес-

---

ки и будет полностью подчинена мировой экономической системе, это быстро приведёт к её политическому подчинению, а затем разоружению и распаду. Такая опасность уже существовала в 1990-х годах, но была преодолена. Изнутри — в результате быстрого вымирания коренного населения и наплыва мигрантов Россия уже к середине XXI века может стать мусульманской страной с последующим «растворением» в мусульманском мире.

Обе эти опасности действуют мощно и стремительно, и они могут привести страну к краху уже в ближайшие десятилетия. Как этого избежать? Победить в войне цивилизаций ничуть не легче, чем в войне армий. И победить можно только одним-единственным способом — Россия должна быстро стать абсолютно самодостаточной и неуязвимой во всех сферах — не только в военной, но и в экономической, политической и культурной.

В настоящий момент глобальный мир находится в точке перелома: уже созрели все предпосылки для того, чтобы модель цивилизации, созданная Западом и навязанная им остальному миру, стала безальтернативной. Суть этой модели состоит в абсолютном доминировании материальных интересов и тотального эгоизма во всём человеческом бытии. Этому подчинены и экономика, и политика, и остатки культуры.

Формируется новый глобальный человек, которого можно условно назвать «биосоциальным автоматом» — существо с абсолютно приземлёнными и легко манипулируемыми потребностями, но наивно воображающее себя «свободным» в силу незнакомства с подлинной духовной свободой. Существо, предсказанное романами-антиутопиями XX века, которое в христианских категориях называют «человеком последних времен», предшествующих приходу антихриста. Однако до сих пор в мире сильны цивилизации, сохраняющие ещё модель человека как образа Божия. Таковы древние цивилизации Индии и мусульманского мира, а среди стран христианской традиции такая сейчас осталась одна — Россия. Уже только одним этим фактом Россия снова поставлена в центр мировой истории, даже независимо от того, насколько она к этому готова и насколько люди, живущие в России, это понимают. Парадокс ситуации состоит в том, что Россия не устоит, замыкаясь в самой себе и пассивно отдавая конкурентам весь остальной мир, но устоит и станет ведущей мировой державой, если предложит новый тип миропорядка для всех. В этом случае она приобретёт мощных союзников, которые умножат её силы.

Современный тип экономики и тип общества, созданный глобальным Западом, основан на культе человеческой гордыни, которая неизбежно приводит к вырождению личности. Экономика Запада, которую он навязал почти всему миру, основана на культе сверхпотребления за счёт варварского уничтожения ресурсов планеты и поэтому приведёт к экологическому коллапсу уже в ближайшие 30—40 лет. В описанной ситуации выживут только те народы, которые смогут создать (либо сохранить) альтернативный тип цивилизации. В основе её должен лежать тип человека, обеспечивающий его жизнеспособность — приоритет духовных ценностей над материальными, что обеспечивается только включённостью в определённую религиозную традицию и / или классическую культуру, которая созидает тот же тип духовного человека. Без этого невозможно противостоять порабощению со стороны «золотого миллиарда» на ментальном уровне, поскольку это порабощение основано на соблазне сверхпотребления и «свободы» для греха. Тем самым главным фактором альтернативной цивилизации является фактор антропологический — особый тип человека. Главным ресурсом этой цивилизации является человеческий ресурс, без которого все остальные ресурсы остаются бесполезными. В частности, второй важнейший фактор — способность развивать высокотехнологичные производства как условие обороноспособности — также, в первую очередь, зависит от человеческого фактора. Но интеллектуальная и нравственная деградация народа, которая происходит уже на протяжении нескольких десятилетий как следствие развития «общества потребления» уничтожает человеческий ресурс России в качественном отношении. Противостоять этому может только модель «мобилизационного общества», которая является наследием традиционной цивилизации. Кроме того, это потребует и создания альтернативной системы образования, основанной на индивидуальном отборе и специальной подготовке талантливых людей.

Деградационный тип человека как «биосоциального автомата», который формируется современной техногенной цивилизацией, является самым удобным «материалом» для любого манипулирования. Традиционные методы манипулирования массовым сознанием в настоящее время дополняются ещё более мощными и эффективными методами, связанными с использованием виртуальной реальности, психотропных средств и вживлением в человека микрочипов. Этот процесс можно назвать «киборгизацией» человечества. С помощью этих средств можно уже получить огромные массы

полностью контролируемых людей, выполняющих заданные программы деятельности. На этой основе возможно реформативное социума и создание кибер-тоталитаризма. Отдельные элементы этого реформативного наблюдения уже в наше время, но ещё не приобрели системного характера. Исходя из этого, важнейшим условием создания альтернативной цивилизации является защита людей от такого рода воздействий. Такая система может быть обеспечена только на государственном уровне и фактически станет новой отраслью ВПК.

Принципы русской мобилизационной идеологии формулируются на основе модели человека — традиционала-возродителя. Это человек, который характеризуется тремя основными качествами: 1) доминирование духовных интересов над материальными (т.е. отсутствие «потребительского» отношения к жизни; императивы социального служения и личного духовного развития); 2) принадлежность к определённой религиозной традиции и / или ориентация на образцы выдающихся личностей, данных в классической культуре; 3) доминирование общественных интересов над индивидуальными — императив служения людям как нравственная доминанта личной жизни; 4) исповедание «гражданской религии» в виде ценности семьи и воспитания детей как важнейшей основы выживания народа и русской цивилизации.

В современных условиях идеология не может представлять собой, как это было в эпоху «классических» идеологий, набор унифицированных для всех тезисов и определений. Именно воспроизводство такого типа идеологий в наше время и порождает тот идейный хаос и состояние «борьбы всех против всех», который превращает современную Россию в «разделенное общество», которым легко манипулировать извне. Современная неклассическая идеология, с помощью которой можно консолидировать общество — это не набор изначально заданных догм и определений, а набор базовых ценностей, которые могут интерпретироваться индивидуально, исходя из разных мировоззренческих позиций. Только в этом случае возможна идейная консолидация социума, в противном случае описанное состояние идейного хаоса будет оставаться непреодолимым. Фактически такая консолидация происходит постоянно в тех случаях, когда спор идёт не о словах и отдельных принципах, а о стратегиях решения проблем. В таких случаях индивидуальное разнообразие мировоззрений оказывается не препятствием, а преимуществом, поскольку создаёт многомерное видение любой проблемы.

Русская мобилизационная идеология имеет неклассический характер и поэтому открыта для разных мировоззренческих интерпретаций. Она задана инвариантным «ядром» той модели человека, которая очерчена выше. Её главный принцип, который должен играть основную роль социального дискурса: «Человек — не киборг и не животное, а образ Божий с бессмертной душой». Целью русской мобилизационной идеологии является ответ на вызов антитрадиционалистской глобализации — агрессивной экономической и военно-политической экспансии Запада во главе с США. Ответом является альтернативная глобализация на основе защиты традиционных ценностей и принципа экономической взаимопомощи.

В геополитическом контексте русская мобилизационная идеология должна опираться на концепцию Русского мира как локальной самодостаточной и суверенной цивилизации. «Русский мир» как научное понятие было впервые введено в XIX веке известными киевскими историками М. Максимовичем (первым ректором Киевского университета) и В. Антоновичем. Год его рождения — 1864-й. В том году вышла статья М. Максимовича «Нечто о земле Киевской», в которой он писал о событиях 1654 года, т.е. о вхождении Южной Руси в состав Московского государства: «Таким образом вся земля Киево-Переяславская или Украина, на исходе восьмого века своей исторической жизни, возвратилась опять в общий состав русского мира, приумноженная еще Запорожьем, которое во время предтатарское было землей половецкой». Об Украине, то есть о «земле Киево-Переяславской» (прочие земли тогда к Украине никто не относил) он там же писал: «Многострадальная, заслуженная в русском мире земля...». В свою очередь, в 1882 г. Д. Антонович в работе «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие» писал, используя этот же термин: «Владимир Ольгердович уступил Киев не без борьбы; он отправился искать помощи в другом центре русского мира — у Василия Дмитриевича московского».

Понятие «Русский мир» было введено для обозначения исторического периода, наступившего после распада Древней Руси на удельные княжества, которые затем оказались в составе различных государств. Но поскольку объективное единство русских земель как языковой, культурной и религиозной общности сохранялось (часто даже несмотря на глубокое политическое разобщение и междоусобные войны), то для обозначения этой объективной общности и было необходимо введение научного понятия «Русский мир». Затем оно

пришло в забвение, изредка появляясь только у некоторых авторов русской эмиграции XX века, например, в таком определении Л. Эллисом (Кобылинским) фигуры Пушкина как «центра русского мира в России и в эмиграции».

Новую жизнь это понятие обрело после распада СССР, что совершенно естественно, поскольку после 1991 года возникла ситуация, вполне аналогичная периоду «феодалной раздробленности» позднего Средневековья. Поэтому известное определение русских как «самого большого разделенного народа в XXI веке» потребовало и соответствующего этому понятия, которое фиксирует реальную общность русского народа и русской цивилизации, существующую несмотря на политические разделения и новую «феодалную раздробленность». Эту функцию, естественно, и взяло на себя понятие «Русский мир».

Активная теоретическая концептуализация этого понятия происходила в 2000-е годы, в том числе и на Украине. «Знаковыми» в этом процессе стали издания в Киеве энциклопедического словаря «Русский мир Украины» (2008) и сборника трудов ведущих ученых-гуманитариев Украины с таким же названием. В упомянутом словаре были помещены статьи по базовому определению этого понятия. Дальнейшая разработка этих определений РМ требует их спецификации по различным уровням культурно-исторической реальности, среди которых базовое значение имеют экономический, политический, геополитический, аксиологический (ценностный), культурологический и религиозный уровни.

На экономическом уровне понятие РМ определяется как регион мировой экономики, восстанавливающий внутреннюю технологическую, сырьевую и финансовую самодостаточность в рамках мирового разделения труда, позволяющую избежать экономического порабощения Западом. Единственной «альтернативой» Русскому миру в экономической сфере является полная экономическая деградация и превращение в сырьевой придаток Запада, что мы ярко наблюдаем на современной Украине и в Прибалтике, а также в самой Российской Федерации в 1990-е годы.

На политическом уровне понятие РМ определяется как регион мира с реальным политическим суверенитетом стран, способных защищать свои национальные интересы и свои цивилизационные ценности. Единственной альтернативой Русскому миру в политической сфере является установление марионеточных режимов, назначаемых из Вашингтона, и всегда имеющих русофобский и неонацистский характер. Для самой Российской Федерации установление прозапад-

---

ного режима под маской «либерализма» неизбежно приведет к ее дальнейшему распаду и уничтожению как государства.

На геополитическом уровне понятие Русский мир определяется как регион мира, способный поддерживать военный паритет со странами НАТО, в том числе и благодаря военному сотрудничеству с другими странами Азии (в первую очередь, Китаем и Индией) в рамках ШОС.

На аксиологическом уровне понятие Русский мир определяется как регион мира, основанный на возрождении и сохранении традиционных ценностей, препятствующих «антропологической катастрофе» Запада. Это последнее понятие, введенное М.К. Мамардашвили в 1984 году, фиксирует феномен разрушения человеческой личности в потребительском обществе, деградации человека до уровня эго-центрического «биосоциального автомата» с инфантильным сознанием (эгоцентризм, атеизм, содомия).

На культурологическом уровне это означает определение Русского мира как традиционной цивилизации, противостоящей «антропологической катастрофе». Пространство Русского мира состоит из множества локальных культурных традиций — и общей его доминантой является сохранение традиций как таковых и культивирования «традиционного человека» — то есть человека, способного к духовному развитию и возрождению.

На религиозном уровне это означает определение РМ как цивилизации, в которой именно религиозные традиции остаются содержательным ядром культуры и мировоззрения людей, глубоко проникающим во все сферы культуротворчества. Такой тип культуротворчества возродился и снова стал доминирующим в современной русской культуре, а выродженческие проявления псевдокультуры «постмодерна» активно маргинализируются.

Тем самым, в настоящее время понятие «Русский мир» приобрело статус историософской категории с многоуровневым содержанием. Ее смысл вышел за рамки обозначения одной из «локальных цивилизаций» и приобрел еще более глубокое метафизическое измерение. Оно состоит в том, что цивилизация Русского мира в современном мире сохраняет особый библейский статус «удерживающего» («катехона»), противостоящего ныне экспансии апостасийной цивилизации Запада и той inferнальной модели «пост-человека», которую она пытается навязать всему остальному миру.

События в Донбассе в 2014 году были настолько неожиданны, что казались каким-то историческим чудом. Однако

очень скоро они, наоборот, возбудили завышенные надежды — многие ожидали отделения от Украины всей Новороссии от Харькова до Одессы. Но затем, соответственно, пришли разочарования тем, что они не оправдались. Возникли разговоры о якобы «предательстве», «сливе», которые муссируются до сих пор. Однако нам для начала стоит задаться простым вопросом: а было ли возможно нечто подобное десять лет назад? Естественно, что нет: тогда, во время первого «майдана» даже и мысли не возникало о народном восстании в Донбассе. Тогда Русский мир был ещё настолько ослаблен, что не имел возможности хоть как-то реагировать на подобные акции западных спецслужб.

Первая такая реакция произошла на вторжение грузинских войск в Южную Осетию в 2008-м, но там действовала регулярная российская армия, а роль местного ополчения была лишь вспомогательной. И тот факт, что в 2014-м году произошло полноценное русское народное восстание, уже сам по себе является огромным успехом Русского мира. Кроме того, очевидно, что освобождение более обширных территорий, чем нынешние ДНР и ЛНР, было бы невозможно силами одного лишь ополчения, без официального ввода российских войск. Наконец, факт сугубо экономический: на территориях ЛНР и ДНР в 2014—2015 годах почти полностью исчезла экономика, она восстанавливалась очень медленно путём интеграции в российское экономическое пространство и только благодаря временной, но очень значительной российской экономической помощи. Если бы это происходило на более обширных территориях, то этот процесс был бы намного более тяжёлым, и это был бы такой удар по российской экономике, который мог бы просто «обвалить» её на очень значительное время. Этот чисто экономический фактор, как правило, совершенно не учитывается в дискуссиях, но, вероятнее всего, он как раз и был решающим в принятии решений, которые выработывались в аналитических центрах РФ.

Донбасс стал началом процесса, который следует назвать *Русской Реконкистой*. Имеет большой смысл использовать этот термин из славной истории Испании, поскольку он известен во всём мире, и поэтому везде любой грамотный человек сразу поймёт, о чём идёт речь. Тот факт, что в XXI веке где-то идёт Реконкиста своих земель, уже сам по себе внушает уважение любому человеку. Испанская реконкиста шла более двух веков; но Россия тоже имела свою Реконкисту — отвоевание земель Киевской Руси, захваченных западными

соседями. Та первая русская Реконкиста шла почти четыре века (с XV по XVIII). Нынешняя Реконкиста XXI века в силу общего ускорения исторического процесса будет идти быстрее.

Хотя в настоящее время речь не идёт о непосредственном вхождении Донбасса в состав России, однако начат процесс реинтеграции территорий Русского мира, который протекает в различных формах. Экономическая интеграция является первичной, а за нею следуют все другие её формы. Тем самым в Донбассе отрабатывается *модель нового русского «собирания земель»*, которая имеет далеко идущие международные последствия.

Первым последствием стало введение Западом санкций — и хотя они были введены после возвращения Крыма, но сейчас ассоциируются с Донбассом. Россия показала свою экономическую, политическую и моральную устойчивость перед санкциями, и это значительно усилило её авторитет на мировой арене.

Модель «собирания земель» основана на прецедентах Крыма и Донбасса и чётко показывает мировому сообществу следующие принципиальные факты, на которые следует опираться в информационной войне против мифов Запада и русофобской пропаганды. 1) За пределами Российской Федерации проживают миллионы русских не только по языку, но и по национальному самосознанию. 2) Эти русские не боятся репрессий и способны на восстание и народно-освободительную войну, что было ясно продемонстрировано в Донбассе. 3) Россия уже обладает достаточным экономическим потенциалом для поддержки русских земель, которые стремятся вернуться в её состав. Это самым эффективным образом опровергает либеральный миф о современной России как «бензоколонке». 4) Россия вновь обладает достаточным военным потенциалом для того, чтобы игнорировать все угрозы Запада. Тот факт, что Запад возобновил «холодную войну» против России, лучше всего подтверждает этот факт. 5) Россия уже обладает и достаточными ресурсами для эффективной информационной войны со своими геополитическими противниками, в том числе и идеологическим обоснованием права на собирание всех русских земель, которые в силу исторических обстоятельств временно оказались под фактической оккупацией других государств.

В связи с событиями в Крыму и в Донбассе в настоящее время фактически создана и отработана на уровне массового сознания идеология *русского освобождения*. Эта идеоло-

---

гия имеет особое значение для проекта русской Мечты, являясь одним из важнейших его элементов. Он является не локальным, а глобальным проектом, хотя и возникал в связи с локальными событиями 2014 года (точнее, отчасти ещё и 2008-го). Глобальность идеологии русского освобождения как части проекта русской Мечты состоит в новой модели миропорядка, которая альтернативна тоталитарной модели рахАмегисана, представляющей собой глобальную диктатуру мировой финансовой олигархии, основанную на неорассистском разделении народов земли на якобы «избранных» людей сверхпотребления («золотой миллиард») и всех остальных, якобы выброшенных из Истории.

В противоположность этому агрессивному миропорядку, фактически продолжающему политику третьего рейха в глобальном масштабе, Россия предлагает и уже достаточно эффективно реализует свой проект мирового сотрудничества и взаимопомощи. Вышло так, что на этом самом первом этапе реализации русского проекта мироустройства первое его серьёзное столкновение с рахАмегисана на конкретной территории и в форме боевых действий произошло именно в Донбассе. Тем самым Донбасс уже стал мировым символом борьбы двух мировых проектов. Это означает, что этот символ должен получить мощное смысловое наполнение, которое было бы ясным и убедительным для всего мира и содержать в себе всю суть Русского мира. История и современное состояние Донбасса (и Новороссии в целом) дают все основания для этого, но их нужно грамотно использовать. Нужно создать особый дискурс о Донбассе (способ понимания и описания), который бы нёс все эти смыслы. Укажем здесь основные элементы этого дискурса, на которые следует опираться в информационной войне.

1) Донбасс — это продукт мощного развития России как евразийской империи, созданный на месте Дикого поля, населённого кочевыми народами. Такое историческое происхождение Донбасса является мощным символом и для современности. Это внезапное возникновение мощного региона «на пустом месте» сто лет назад даже подвигло А. Блока назвать его «новой Америкой» в одноимённом стихотворении. Однако, учитывая современные коннотации слова «Америка», это название явно к нему не подходит. Исконным и самым правильным является название: Новороссия, которое на самом деле намного старше названия «Украина» (поэтому следует всегда настоятельно напоминать, что Новороссийская губерния создана в 1764 году, а термин «Украина» стал широко известен только в 1918-м).

---

2) Донбасс — полиэтнический регион Русской цивилизации. Здесь самым очевидным образом было продемонстрировано создание единой русской нации на основе синтеза представителей разных этносов в рамках единого государства. Синтез обусловлен единством государства и общей исторической судьбы. Ещё более важным фактором является их единство в рамках евразийской цивилизации Русского мира, которое собрало эти этносы на данной территории. Без общего для них пространства русской цивилизации не было бы и общего великого государства.

3) Донбасс — это имперский регион стремительной индустриализации и массового трудового подвига. Именно это создало и «душу» Донбасса (характер его жителей и общую «атмосферу» жизни), и его восприятие в России. Но именно эти качества сейчас требуются России для рывка в будущее — и в этом смысле Донбасс может быть историческим символом всего *русского* эпохи Прорыва — не только в прошлом, но и в будущем.

4) Донбасс — это земля возрождающегося народа. Таким был Донбасс после Гражданской войны в 1920-х, после Великой Отечественной в 1940-х, и сейчас снова этот «архетип» повторяется. Но теперь и вся Россия, и весь Русский мир как цивилизация находятся в усилии возрождения — и в этом смысле они представляют собой один «огромный Донбасс». **Сама Русская Реконкиста — это не только возвращение территорий, но и возвращение нашей способности к историческому бытию и историческим свершениям.**

5) Донбасс — «точка сборки» большой Новороссии. Не стоит думать, будто бы русскоязычные территории Украины от Харькова до Одессы якобы уже разочаровались в Русской Весне. Постоянное общение с людьми оттуда убеждает, что это далеко не так. Люди там молчат, чтобы не попасть под репрессии на Украине, но опыт освобождения Донбасса убеждает их, что это возможно, и этим опытом они тоже неизбежно воспользуются.

В том, что новая Русская Реконкиста началась с Крыма и Донбасса, и вообще с Новороссии, есть и Божий Промысл, и практический урок. Промысл в том, что это земли наиболее важные в стратегическом отношении. А уроки многообразны, и их следует рассмотреть подробнее. Первый урок, о котором было сказано выше, состоит в том, что успех Реконкисты в первую очередь зависит от состояния самой России и от её привлекательности для русских, живущих за её пределами. Второй урок — в том, что в этом процессе освоения и «переваривания» возвращённых земель экономические ас-

---

пекты могут быть не менее трудными, чем военно-политические усилия.

Однако важнейшие уроки ещё не осознаны в полной мере, поэтому их следует рассмотреть подробнее. Во-первых, **в Донбассе был осуществлён важный эксперимент создания нового мобилизационного общества**. И в этом смысле Донбасс стал «моделью» всей России. Те вызовы, которые сейчас стоят перед Россией, также требуют создания мобилизационного общества, и Донбасс стал важным опытом на этом пути. Что показал этот опыт?

Первое. В мобилизационный режим общество переходит само — в качестве ответа на вызов, который перед ним стоит. То есть не в результате государственной политики, а в результате самоорганизации. Если же к этому добавить и шаги самого государства, то такой переход будет более эффективным.

Второе. Носителями мобилизационного сознания и мобилизационных действий становятся люди, которых по привычной терминологии уже можно назвать «пассионариями», — то есть люди, готовые жертвовать собой ради Родины. Эти люди, как правило, не заметны в мирной жизни, но они очень быстро появляются в «точках сборки» — местах, где происходит самоорганизация.

Третье. В мобилизационном режиме очень быстро происходит своего рода «фильтрация» и оздоровление общества. Люди с эгоцентрическими и гедонистическими жизненными установками («субпассионарии») очень быстро уезжают, бросая всё свое имущество, поскольку в мобилизационном обществе они жить абсолютно не способны. Зато на их место приезжают добровольцы из других регионов Русского мира — ярко выраженные «пассионарии». Тем самым резко повышается «пассионарность» общества и меняется общественная мораль: начинают цениться в первую очередь личностные качества людей — совесть, героизм, самопожертвование и ум, а не богатство, карьера и пронируемость.

Это означает резкое обновление народа в целом, возвращение его в «героические времена». Но подобный процесс, хотя и в более мягкой форме, чем в Донбассе, в настоящее время идёт и в России: эмигрируют из России на Запад эгоисты-гедонисты, а на их место из ближнего зарубежья приезжают скромные работяги, благодаря которым население России увеличивается, даже несмотря на вымирание коренного населения. Последнее обстоятельство является главной проблемой русских, однако нельзя не видеть, что этот процесс происходит в рамках формирования «мобилизационно-

---

го общества». Эту проблему государство должно решать путём стимуляции рождаемости.

Перечисленные базовые исторические смыслы Донбасса и большой Новороссии нужно внедрять в российское массовое сознание не только для прекращения невежественных вопросов: «Зачем нам этот Донбасс?» Через тему Донбасса очень хорошо видны и судьба всей России в XX веке, и её задачи в будущем. Донбасс и Новороссия изначально, с самого своего возникновения в XVIII веке, были территориями русской Мечты. Сюда ехали люди большой души, искавшие волю и новую жизнь (отсюда, например, название романа Г. Данилевского «Беглые в Новороссии»).

Пока республики Донбасса ещё не признаны и не вошли в состав России, они держатся на одной только русской Мечте и уже успели показать, что Мечта бывает сильнее страха и сильнее любой армии. Русская Мечта должна быть «операционализирована» в форме чёткой и ясной доктрины, которая должна быть понятна на массовом уровне и эффективна как оружие в информационной войне. В общих чертах эта доктрина уже существует и «работает», однако требует дальнейшего совершенствования.

Политические метафоры «остров Россия» и «евразийская Атлантида», предложенные выдающимся русским мыслителем В. Цымбурским (1957—2009), независимо от их дальнейшего смыслового наполнения, чётко обозначили объективную геополитическую реальность, которая возникла в период формирования России как империи и вновь актуализировалась в XXI веке. Россия как цивилизационное, политическое, экономическое и культурное пространство изначально структурирована как мобилизационное сообщество этносов, объединившихся для защиты от внешней угрозы. Присоединение земель к московскому «ядру» России происходило по логике отодвигания «предполья» — дальних рубежей обороны от неизбежной внешней опасности. В настоящее время эта территория является исходным фактором российской геополитики, главная цель которой в конечном счёте уже сводится к удержанию этих пространств в условиях дефицита человеческих и других ресурсов. Тем самым объективно это «геополитика острова».

Демографическое давление со стороны Китая и исламского мира усугубляется депопуляцией внутри страны, а также внутренней миграцией населения в мегаполисы и в европейскую часть страны. Удержание огромных пустеющих пространств будет становиться всё более сложной задачей, даже

несмотря на рост боеспособности армии. Демографический баланс при его сохраняющихся тенденциях может сделать Россию *de facto* мусульманской страной уже в ближайшие 30 лет. В этой ситуации, которая уже является потенциально катастрофической, требуется государственная политика «геополитического выживания».

В настоящее время развиваются военная и инфраструктурная составляющие этой политики, намного слабее культурно-идеологическая и почти катастрофична демографическая — стратегии «народосбережения» работают очень плохо. В этой ситуации Россия может позиционировать себя на международной арене как «остров, принимающий переселенцев», и развернуть политику приглашения на свои территории выходцев из бывшего СССР для расселения их в малонаселённых регионах, в первую очередь к востоку от Урала.

Максимально приоритетными должны стать союзнические отношения и экономическая кооперация со странами — восточными и южными соседями России, а также переориентация России от европейского сообщества стран — на общество стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которое в настоящее время становится центром мирового развития. В наше время сбываются пророческие слова Ф.М. Достоевского: «Русскому ни за что нельзя обратиться в европейца, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем не похожее и само по себе серьёзное». Чтобы не быть поглощённой ни с Запада, ни с Востока, Россия в конце концов должна стать сама собой.

г. Луганск, ЛНР

ОШИБКА МОЙРЫ

РОМАН

22

— Вот такая вышла у ней история, — сказала Алла Сергеевна со вздохом и замолчала. Глаза ее заметно повлажнели и блестели сквозь очки.

Портреты уже были развешаны, и мы сидели за партами через проход друг от друга. В окна всё так же обвалом лилось солнце, а в распахнутую форточку, которую я открыл, чтобы вытянуло пыль, нагнанную дредлю, втекал чистейший воздух и доносились крики ребятни.

— Господи, да если б я только знала! — снова заговорила Алла Сергеевна — Я бы сразу бросилась к ней! Но она постоянно писала, что всё у ней хорошо. Эта ее гордость... Не могла вернуться побитой... А когда вернулась... — Тут влага все-таки не удержалась в ее глазах, пролилась двумя крупными слезинками. Она достала из кармана платочек, приподнимая очки, вытерла слёзы и продолжала: — Я не узнала ее. Я что-то делала во дворе, смотрю, подъезжает белая машина, и из нее выходит какой-то па-

---

Окончание. Начало в №5-6 за 2021 г.

ПРОЗА

рень. Я так и подумала сначала: парень. На голове — кожаная кепка, какие шофера в допотопные времена еще носили, только что «консервных банок» над козырьком нет. Волосы полностью упрятаны под кепку. Кожаная же куртка, под ней — мужская ковбойка. Потертые джинсы, туфли с длинными загнутыми носами, тоже навряд ли мужских. Вот в таком-то виде она и возила людей. Многие, наверно, и не догадывались, что это женщина. А я-то сама поняла, что передо мной дочь, когда она мальчонку из кабины взяла под ручки, поставила на землю и говорит: «Вон твоя бабушка! Иди к ней!» Она вообще тогда сильно изменилась, и даже не столько внешне — внешне только похудела, а главное, что-то в ней появилось такое... чужое, неживое... она как бы залубенела внутри... Откуда-то взялась настороженность недобрая такая во взгляде... Когда уж рассказала нам всё, что там у ней произошло, говорит: «Завтра начну разворачивать свое дело!» Да с такой настырностью, будто собралась кому-то мстить. Она же приехала не только с гостинцами для всех нас, но и с прицепом, в городе его купила, а в прицепе товару с верхом: на оптовках взяла. В этом и была ее цель: вернуться не пустой, а с финансовым, как она сказала, зарядом, чтоб заняться предпринимательством. Я говорю: «Надя, да разве можно так?! Ты хоть сначала отдохни!» А сама думаю: только б не разрослось в ней это, не омертвило вконец! Мне вот сейчас вспомнился Леонардо да Винчи. Он не только писал картины и изобретал, но и в литературе оставил след. И есть у него притча о саламандре, ящерке, входящей в огонь. Из петуха от огня получается жаркое, а у саламандры только кожа становится прочней. Вот так и Надю закалила жизненная печка. Но если саламандра выходит из огня внутренне помолодевшей и обновленной, то на душу моей дочери это повлияло, увы, не лучшим образом. Я и говорю ей: «Отдохни сначала! Да к radoлюбам своим съезди! А то уж забыла о них, наверное!»

— А что это за radoлюбы такие? — спросил я. — Секта, что ли?

— Нет, это не секта, это православные христиане, просто их пастырь, отец Афанасий, придерживается взглядов старца, о котором написал в своем романе наш величайший классик, — указала она на висевший на стене у окна портрет Достоевского. — Отец Афанасий придерживается взглядов отца Зосимы из «Братьев Карамазовых».

Я не помнил, что это за персонаж, да и романа, по правде говоря, толком не читал, пару раз брался, но как-то трудно шло, осиливал с четверть, а потом засасывали дела, и Карамазовы забывались. Но услышав об отце Зосиме, я почему-то вспомнил старичка с бородкой и остатками седых волос

на висках, которого мы с Надеждой видели в экспресс-кафе торгового центра, вспомнил, как он ел пельмени с кэтчупом, как весело посмотрел на нас и как Надежда сказала, что он напоминает ей одного святого. И мне подумалось сейчас, что, наверное, отца Зосиму он ей тогда и напомнил.

— Он учился у меня, Афанасий, — продолжала Алла Сергеевна, — заканчивал школу, когда Надя пошла в первый класс. После школы поступил в духовное училище, а когда вернулся, у нас в райцентре как раз открыли приход, и Афанасий стал его священником. Когда он бывал в Топольках, то заходил ко мне, говорил с дочерьми. Ну и Надя как-то прониклась этим духом. Она уже училась в седьмом классе. Ездил туда, в приход. На нее это очень хорошо влияло, даже сама идея, что «жизнь есть великая радость, а не смирение слёзное». Она и возвращалась оттуда такой, знаете, обновлённо-радостной. А на отца Афанасия священнослужители косились, кто-то даже пытался обвинить его в ереси, и даже какие-то разбирательства были, вроде собирались отлучить его от Церкви, но не отлучили, не было повода. Он построил себе домик в лесочке возле райцентра, и ушел туда с семьей. Но люди как тянулись к нему, так и тянутся, и их становится всё больше и больше. Их давно уже называют радолюбами. Так вот, когда я напомнила про них Наде, она говорит: «Я не забыла их! Я писала оттуда отцу Афанасию...» Ну, в общем, она меня послушалась, съездила с сыном в профилакторий на двадцать четыре дня, потом стала ездить к радолюбам, и постепенно снова в ней всё ожило...

Алла Сергеевна помолчала, глядя на доску, где мелом было написано «Чем больше человек недоволен людьми и обстоятельствами и чем более доволен собою, тем он дальше от мудрости», и сказала:

— А тот лесоторговец, между прочим, приезжал к нам.

— Вот как!

— Да.

И она рассказала, как примерно через год после возвращения Надежды, в выходной, к дому подъехали две легковые машины, и из одной из них вышел Григорий Эдуардович, в новеньком костюме из блестящего материала цвета стали, при галстукке, с букетом красных роз в красивенькой гофрированной обертке. Из другой машины вышел человек примерно того же возраста и так же празднично одетый. Они зашли в дом. Надежда и ее родители сидели за столом, пили чай, а сынишка играл в другой комнате. Увидев гостей, Надежда вскинула руки, хлопнула ими по коленям и крикнула:

«Да ёлкин же дух! Вот кого меньше всего я хотела видеть у себя дома!»

«Ну, зачем же так, Надя! — сказал лесоторговец, протягивая ей букет. — Я приехал к тебе по очень серьезному делу!»

Она взяла букет и положила на диван со словами:

«На «ты» мы не переходили, Григорий Эдуардович!»

«Даладно тебе, — сказал он. — Что за церемонии? Познакомьтесь, это мой коллега по предпринимательскому цеху, Петр Егорович».

И тут же сам представился родителям. Пришлось и Надежде представить их гостям. Они сели за стол, Алла Сергеевна налила им чаю и придвинула блюдо с пирожками. Какое-то время молча пили чай. Потом Надежда спросила:

«Ну и что же за дело у вас ко мне, Григорий Эдуардович? Никак, еще один дворец отгрохали?»

Он ответил:

«Нет. Пока только собираюсь».

И, выдержав паузу, выдал напрямую:

«Выходи за меня замуж».

Сразу же наступила тишина, такая, что было слышно, как звенят комары за оконным стеклом.

Надежда, едва оправившись от изумления, спросила: «Вы это всерьез?»

«И даже очень!», — сказал он.

Она без всяких пауз сразу ответила: «Я вынуждена отказать».

«Почему?»

«Вы мне не по сердцу».

Он посидел, глядя на нее вприщур, а потом зло сказал:

«Опять, опя-ать ты меня гнобишь! В какое положение там, в гостинице, поставила, и вот снова... Но я же тебе не какой-нибудь там... Ты не должна мне отказывать! Не в твоих это интересах! Это тебе, тебе самой надо! Тебе! Я же могу сделать из тебя первую бизнес-леди в городе!»

Она засмеялась:

«Оч-чень сильно сомневаюсь, что у вас это может получиться! Но дело даже не в этом... Просто... У нас с вами пути разные!»

«Да ты пойми! — закричал он. — Ради тебя я весь свой бизнес перевел в этот город!»

Тут и она подняла голос:

«Обращайтесь ко мне на «вы»! И не надо врать! Никакой бизнес вы никуда не переводили! Просто там всё обанкротили, избавились от долгов, а здесь открыли новое дело, вот и всё!»

Он аж рот открыл. Так и сидел с открытым ртом. А его коллега Петр Егорович спросил:

«Откуда вам это известно?»

«Так ведь я тоже предприниматель, — сказала она. — Пусть и на селе, но в городе бываю и новости узнаю... О-ох... Не могу понять, в чём и перед кем я провинилась? Взашей вас гнать как-то неловко, Григорий Эдуардович. Может, сами, добром уйдете?»

У него рот закрылся, а лицо покраснело, как те розы, что лежали на диване. Казалось, он начнет бушевать, но он тихо, с сожалением сказал:

«Не думал я, что так получится, что... зацепит... Если бы время вернуть, я бы тех денег назад брать у тебя не стал».

«Взяли бы», — усмехнулась она.

«Нет!»

«Взяли бы! По суду взяли бы! Представляете процесс, в котором истец добивается, чтобы ответчик принял у него долг?! Вот смеху-то было бы!»

Он умоляюще посмотрел на ее отца:

«Хоть бы вы меня поддержали, Василий Степанович. повлияйте на нее, а?»

«Не могу, — ответил отец. — Я знаю свою дочь. Вы имейте в виду, в ней вятская кряжистость сдобрена упорством чалдонских и огнем казачьих кровей. Так что даже и сотне таких, как я, вряд ли удастся ее сдвинуть».

Лесоторговец перевел взгляд на Аллу Сергеевну, явно и от нее ожидая поддержки. А она спросила:

«Скажите мне, пожалуйста, Григорий Эдуардович, а вот когда она приходила к вам за кредитом, вы знали, что она одна с грудным ребенком?»

«Как так?!» — Он отпрянул на стуле и замер, прислушиваясь к погромыхиванию игрушек в другой комнате.

И спросил Надежду:

«А почему ты не сказала?»

Она ответила:

«Потому что знала: не видать бы мне тогда кредита, как своих ушей!»

Он смутился. И сидел молча.

И тут Алла Сергеевна заговорила резко, глядя на Григория Эдуардовича в упор:

«Вы ждете поддержки, а почему сами-то не поддержали ее тогда? Почему даже не вникли в ее ситуацию? А если бы с ней что-нибудь случилось?... Да, вы дали ей кредит, но на каких условиях! Это же просто комедия какая-то! Напоминает «Женитьбу Фигаро» Бомарше! Только смеяться в данном слу-

---

чае не над чем! И потом, вы дали ей кредит под пятьдесят процентов! Банки, наверное, и сейчас таких не дерут!»

Услышав это, Петр Егорович удивленно вскинул брови и спросил Григория Эдуардовича: «Это так?»

Тот огрызнулся: «Да ты не лезь!»

«Но ты мне говорил совершенно другое!»

«Не лезь, тебе сказано!»

Петр Егорович встал и, глядя на Аллу Сергеевну, сказал официальным тоном: «Выясняется, наш визит неуместен». И перевел взгляд на Григория Эдуардовича, кладя ему руку на плечо: «Пойдем, коллега. Хватит позориться».

Лесоторговец заорал: «Да пошел ты!» И толкнул было Петра Егоровича, но тот мгновенно перехватил его руку, выдернул его из-за стола и швырнул к выходу с такой силой, что он едва удержался на ногах.

«Не беспокойтесь, — сказал Петр Егорович уже не официальным, а извиняющимся тоном. — Больше он здесь не появится». И вытолкал Григория Эдуардовича из дома. С улицы еще слышалась ругань, потом хлопнули дверцы, и машины уехали.

Алла Сергеевна замолчала. Я спросил:

— А как фамилия того лесоторговца?

— Фамилия? Сейчас вспомню, подождите... Та-ак... Рубец. Да, да. Знаете, наверное? Ведь вы тоже в тех кругах...

Я кивнул и посмотрел на часы, висевшие на стене класса над доской.

— Ой, пора уже нам! — сказала Алла Сергеевна, пряча в карман платочек, вставая и снимая с вешалки пальто. — Пойдемте.

23

Когда мы вышли на улицу, я спросил:

— Алла Сергеевна, а что это за шум всё время во-он оттуда доносится?

— Там магистраль, — ответила она.

— Что?! — Я даже приостановился. — Новая Северная Магистраль?! Она здесь проходит?

— Да. Где-то в километре с лишним.

— О-го! Вот так да-а...

Мы шли по деревенской улице, поскрипывая снежком и жмурясь от солнца. Мысли мои крутились вокруг неожиданного открытия, и всё же я заметил, что изредка встречавшиеся во дворах люди, с которыми здоровалась Алла Сергеевна, а заодно здоровался и я, поглядывали на меня с большим любопытством.

— Как там в последние дни с бизнесом-то у Надежды? — поинтересовался я, продолжая думать о своем...

— Вы знаете, Виктор, — сказала Алла Сергеевна, поправляя белую пуховую шапочку, и вздохнула; от ее сочных, неярко накрашенных губ клочками вырывался парок и тут же исчезал. — Между нами говоря, я сейчас побаиваюсь за нее. Я ведь тогда сильно ругала ее за то, что она сама работала на «газели». Она всё отбивалась, всё говорила: «Зато после этого мне нич-чего в жизни не страшно!» А теперь вот я думаю: лучше уж так работать, чем запереть себя...

— В смысле? — насторожился я.

— Понимаете, тут неподалеку, километров в десяти, несколько лет назад построили женский монастырь. Ну и в последнее время Надя зачастила туда. Всё к матушке Авдотье ездит, к игуменье. Она и раньше там бывала, привозила им продуктов, материю для одежды и прочее. Она вообще многим помогала, в том числе и на храм, который в райцентре строят, перечисляла деньги. Сначала-то у ней бизнес хорошо пошел. У нас в селе семь лет магазин не работал, за самым необходимым ездили за три моря, а она его восстановила; сама возила товар с городских оптовок: прицеп с верхом, да в самой «Ниве», в фургоне, под потолок. А потом наняла транспортников и открыла магазины еще в трех селах. Ну, и когда уже доходы пошли вверх, запустила в райцентре первый минимаркет. Всё у ней заладилось, все ее очень зауважали и даже начали уговаривать пойти в депутаты районного Совета, но она отказалась, сказала: «Это не для меня!» Ну, правда, проблемами села она и так занимается: отремонтировала Дом культуры, мне помогает — с ремонтом школы, с инвентарем... А недавно у нас закрыли филиал сбербанка, и нашим людям приходилось ездить в райцентр, чтобы оплачивать квитанции и получать деньги. А это такое-ое неудобство! Обратились к Наде, она поездила, похлопотала, и — пожалуйста! — сберкасса у нас снова заработала!

Мы уже подходили к их дому (у меня вызревала мысль: «*Да, да, прямо сейчас съездить, посмотреть*»), и Алла Сергеевна заговорила быстрее, с волнением в голосе и тише, будто кто-то, кроме меня, мог услышать ее:

— Так вот насчет матушки Авдотьи. Надя зачастила к ней с тех пор, как начал душить кризис. Я сначала не поняла, в чем дело, потом вижу: что-то с ней неладное, похоже, начинает падать духом. Дела-то всё хуже, работать всё тяжелей. И вот ей уже приходится свое детище, минимаркет, закрывать и переводить в другое помещение. Она рук не опускает, главное, старается сохранить рабочие места. Но житья-то не дают!

Как тут выживать со всеми этими новыми законами?! И вот я замечаю: в ее разговорах всё чаще этот монастырь... Один раз проговорила: можно, мол, туда... передать кому-нибудь бизнес, как тот, газельный, да и уйти... Там, говорит, лучше, чем во всем этом... Правда, спохватилась, добавила, что она не о себе, а так, в общем... Но потом опять проговорила: мол, с матушкой Авдотьей ведет разговоры о каком-то там послушании. Вроде где-то сидеть в часовенке, на первых порах только по выходным. Меня это так встревожило! Я ничего и говорить ей не могу, знаю же: если в ней загорится, всё равно сделает по-своему. Но я такого для нее не желаю. Не-ет! Не желаю! Как мать, не желаю! И специально вам это говорю, чтобы вы...

— А я не пушу ее туда, — сказал я, заговорщически наклоняясь на ходу к Алле Сергеевне. — А если сбежит — выкраду.

Она посмотрела на меня и рассмеялась. И смех у них с Надеждой очень похожий.

— Ну, я на вас надеюсь! — смеясь, сказала она, а потом добавила серьезно: — Только это все-таки не шутки, учтите...

— Прощу, — пропустил я ее вперед, открывая калитку. — Считайте, я это уже учел.

Хоть и взял я шуточный тон, однако новость эта не на шутку меня испугала, и я думал: *«Неужели вообще ничего не бывает без препоны? И как-то же это надо будет обойти...»*

— Но я должна вас предупредить, — тихо говорила Алла Сергеевна. — Характер у ней не гладкий. Она бывает очень жесткой, своенравной. Придется какое-то время приноравливаться...

— Это я уже понял.

— Через компромиссы, конечно...

Поднимаясь на крыльцо, она оборачивалась ко мне и уже совсем тихо, почти шепотом говорила:

— А знаете, как она вкусно готовит?! Бабушка ее научила. Да вы сами сейчас убедитесь!

Убедился я сразу, как только вошел в дом: от запахов у меня разыгрался аппетит, какого я не знал за собой давно. Надежда, в нарядном светло-синем платье с белым кружевным фартуком поверх, орудовала и у газовой плиты, и у русской печи, которая только и выдавала, что это деревенский дом, поскольку всё остальное здесь было как в городской квартире: кухонный гарнитур, холодильник, на стенах — обои в оранжевых цветах... Обернувшись, она скользнула взглядом по мне, по Алле Сергеевне, тут же повернулась обратно к плите, но мне было видно, как зарделась ее щека. *Поняла, о чем мы говорили.*

Из комнаты вышел Василий Степанович, в белой рубашке с чёрным галстуком и в чёрных свежееотглаженных брюках. С шуруванием складывая газету, он спросил меня:

— Ну и как впечатленьца?

Ответить я не успел, потому что Надежда, засмеявшись, бросила мне через плечо:

— Ты уже здесь прославился!

— Интере-есно, — сказала Алла Сергеевна, принимая у меня пальто и вешая его на вешалку у двери. — Как это могло произойти так скоро?

— Да ерунда! — недовольно махнул рукой Василий Степанович. Голос его звучал здесь еще более зычно, чем на улице, и теперь я различил в нем едва уловимое оканье. — Кабанкова пришла и говорит: «Что это за гость у вас? наших ребят обижает...» Я: «Что такое?!» Да так, мол, и так, Тимку Охотникова избил, Бабка Ермошина видела, от нее весть и полетела. Я пошел к Ермошиной, и она пояснила: никто никого не избивал, Тимка пьяный сам полез на Виктора драться, да споткнулся и упал. Где оступился, как говорить, там и повалился. Они, видишь, с дружкой его закадычным укрепили сарай Куроедовой, а она им — самогону... Ты Тимку, что ль, не знаешь?

— Ну как не знаю, учила же... — сказала Алла Сергеевна. Увидев, что я снимаю сапоги, показала на полку для обуви: — Тапочки — пожалуйста...

И пошла помогать Надежде.

— У него и отец, Федька, такой же по молодости был, — говорил мне Василий Степанович. — Механизатор — из лучших. Трезвый — грубого слова не скажет, никого пальцем не тронет. А как выпьет — драться. Сколь его мужики связывали, участковый закрывал... Вот Тимка в него... Пойдем в горницу... Пить им нельзя давать, молодняку этому! У нас, Виктор, село вообще-то не хулиганистое...

Мы вошли в большую комнату. И здесь всё было по-городскому: полированная мебель, широкий плоский экран домашнего кинотеатра в углу, на полу — коричневый линолеум с простым угловатым рисунком, над головой — светлые натяжные потолки, тоже с рисунком, но витиеватым. И на всю противоположную от окна стену — стеллаж с книгами.

Василий Степанович указал мне на стул и положил газету к другим газетам, что вразброс лежали на столе, покрытом скатертью в подсолнухах. Одна из газет примечательна была цветастой рекламой крема «Лесной», гласящей: «Молодость и красота пусть сияют вам всегда!» А в качестве наглядной иллюстрации или, лучше сказать, образца кра-

---

соты и молодости с газетной страницы улыбалась моя супруга Лилия. Усаживаясь, я сдвинул газеты так, чтоб ее лица не было видно.

Василий Степанович сел за стол напротив меня, взял со скатерти надорванную пачку «Беломора» и спросил:

— Куришь?

— Нет.

— Ну, молодец. А я закурю. — Он закурил, помахал спичкой и, кладя ее в пепельницу, продолжал: — Так вот, я говорю, село у нас не хулиганистое, то есть не было хулиганистым, мы же всё для ребят делали, чтоб оттянуть от дурного. У нас и спортивные секции при школе работали, и всякие кружки в Доме культуры... А тепе-ерь у нас, Виктор, полный-полный раздрай. Ты вот сейчас ходил село осматривал, так, наверно, видел бывший животноводческий комплекс? Видел?

— Это не те корпуса за окраиной? Где недострой?

— Те самые.

— Видел.

— Вот. Он теперь стоит пустой. И так нынче везде... Что они там думают, неизвестно. Выступают за какое-то всеобщее единение, а откуда ему взяться, если кругом одно сплошное разъединение?! Вот в то, советское время — да, я чувствовал единство всего в стране. Когда материально-техническим снабжением МТС занимался, ездил в командировки в разные города, и куда ни приедешь, хоть и нелегко было что-то там дефицитное выбивать, но чувство такое, что все мы одно дело делаем, было, было! Единство, я так понимаю, должно быть прежде всего у власти с народом, а если власть не стремится сделать жизнь народа лучше, то это... Да пусть бы даже не стремилась, но хоть бы не делала так, чтоб жизнь становилась всё хуже и хуже! К-хэх! — Он достал из пачки еще одну папиросу и прикурил от первой. — У меня вот сейчас свободного времени много, так я взялся книги читать, Алла в то время постоянно их покупала, видишь, сколько накопилось. Там на верхней полке стоит двухтомник... Вон, зеленый, — повел он рукой в сторону стеллажа, колыхнув слои табачного дыма. — Это великий русский философ Владимир Соловьев. Он писал, что «государство есть собирательно-организованная жалость»... А у нас что это за государство такое, если оно к людям безжалостно?!

Мы помолчали.

— А с той стороны, когда подъезжал, обратил внимание на развалины? — спросил Василий Степанович.

— Ну да, видел.

— Это наш бывший хлебокомбинат... Ну и какое же впечатление может создаться у человека, побывавшего в нашем селе? А, Виктор?

— По-моему, его надо возрождать, как после войны.

— Только надо уточнить: как те села, которые были в оккупации. А наше село и в войну, и после нее было очень крепким! Мой дед-фронтовик рассказывал: когда наши мужики вернулись с войны, они удивлялись, как это женщинам удалось всё удержать? И что же это получается?! Женщины в войну смогли удержать, а наши правители в мирное время...

— Вась, принеси-ка дровишек, — заглянула в комнату Алла Сергеевна. — О-ой, норму-то перебрал! — всплеснула она руками, морщась от дыма.

— Всё, всё! — Василий Степанович поспешно затушил в пепельнице папиросу, вскочил и вышел.

Тут же вошла Надежда. Я поднялся из-за стола и сказал:

— Ну, знакомь...

Несколько секунд она смотрела на меня с иронией, потом спросила:

— А не боязно так сразу-то?

— Боязно, — признался я. — Опыта же нет у меня. Но ты ведь рядом. Поможешь, а?

— Ну нет уж, на меня не рассчитывай, — усмехнулась она. — Тут ты должен сам... Пойдем!

И она двинулась к входу в другую комнату, закрытому зелеными плюшевыми занавесками. Раздвинув занавески, вошла туда. Я — за ней. А ведь и правда, заволновался я!

— Вот, знакомься... — сказала она, указывая на своего сына. В ее голосе я вдруг почувствовал робость, а в глазах, быстро взглянувших на меня, увидел настороженное ожидание.

Он сидел на расстеленном на полу длинношерстом рыжем паласе, мальчик в ало-полосатой рубашечке, синем комбинезончике и теплых черных тапочках. Солнечный свет из окна играл золотыми крупцами в его каштановых кудряшках. Он что-то собирал из разноцветных пластмассовых деталей детского «конструктора». Вокруг него были разбросаны игрушки, в основном машинки разной величины и формы. Он поднял на меня глаза. Они были карими, как у Надежды, и смотрели внимательно и не по-детски серьезно. И в этих глазах, и в самом лице его было что-то уже успевшее прильнуть к моему сердцу, что-то узнаваемое, верней, уже знакомое мне по Надежде, и пока я присаживался перед ним на корточки, в груди у меня вздрогнуло и потеплело, и всё мое волнение мигом прошло.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Андрейка, — ответил он тихим, чистым и нежным голосом с отчетливым «р».

— А меня Витя. — Я протянул ему руку. — Будем знакомы. Он дал мне пожать свою теплую ручонку и спросил:

— А разве дядей можно так называть?

— Отдельных дядей отдельным мальчикам можно, — сказал я. — Тебе меня можно... А что это ты собираешь?

— Подъемный кран. Не получается.

— И что же у тебя не получается? — спросил я, садясь рядом с ним на палас. — Давай-ка глянем чертеж... — Я взял инструкцию к игре, посмотрел. — О-о, тут ты, братец, ошибся, не туда балласт прикрутил. Вот, смотри...

— Ну, вы играйте, а я пойду накрывать, — сказала Надежда, и я, прежде чем она вышла, успел увидеть, как прижимает она ко рту ладонь и как мелко дрожат в беззвучном смехе ее плечи.

— А ты, Андрейка, гляжу, любитель техники, — говорил я, скручивая детальки подъемного крана и указывая на лежащие вокруг машинки. — Наверно, и кататься на машине любишь, а?

— Мама не катает меня, — сказал он, вздыхая.

— А что ж так?

— Говорит, маленьким не надо.

— А ты разве маленький?

— Большой! Я и говорю ей — большой! Мне через два года в школу. А она: нет, маленький!

— Вот все они такие, мамы. Даже когда ты будешь уже совсем большим, очень большим, она все равно будет считать, что ты — маленький...

Так мы разговаривали, собирая подъемный кран, и я осматривал эту комнату, где опять же бросалось в глаза обилие книг; большой книжный шкаф был до отказа наполнен ими, правда, здесь были в основном книги детские, пестрящие цветастыми корешками. Возле одного из двух окон стояла односпальная кровать с накрытой шелковой накидкой подушкой острием вверх, а у стены напротив — детская кроватка. Меня поразила стоявшая в углу на полке явно очень старая, частью облупленная, но все-таки изумительно красивая икона в золоченом окладе, убранная белой материей; и я снова и снова смотрел на это изображение Богородицы с младенцем на руках.

Когда вернулась Надежда, подъемный кран был уже собран, и она, взглянув на сияющее лицо Андрейки, воскликнула:

— Ну, какие же молодцы! Пойдемте за стол, заслужили!

Я спросил, поднимаясь с паласа и кивая на икону:

— Откуда такая чудотворная?

Она посмотрела на икону, полюбовалась ею секунды две-три и, поворачиваясь и выходя за Андрейкой из комнаты, ответила:

— Вятские предки с собой привезли...

Андрейка решительно отказался расставаться с подъемным краном, захватил его, попросился сесть за столом рядом со мной и держал кран на коленях. Все поглядывали на него, улыбаясь. Мне было уютно, хорошо, и я как-то особенно ясно почувствовал, что все-таки живет во мне семьянин... Да, да, семья — вот что прежде всего необходимо мне в жизни! И было жаль, что нет возможности побыть здесь не только до вечера, но и хотя бы часа два, потому что надо успеть на важные переговоры по поводу отсрочки арендной платы... *Да плюс еще сейчас же проехаться, посмотреть...* Поглощая нечто мясное тушеное в подливе с жареными картофельными брусочками и золотистыми колечками лука, я жмурился от удовольствия и слушал Василия Степановича, а он говорил о том, как перед последними выборами главы районной администрации в Топольки приезжал уже отбывший один срок глава; за тот-то срок всё и пришло здесь в окончательный упадок, но он всё же приехал, встреча проходила в Доме культуры при полном зале; с него, конечно, был жесткий спрос, но он сумел убедить людей проголосовать за него еще раз, сослался на временные трудности, сказал, что уже почти добился финансирования на восстановление животноводческого комплекса в Топольках, и сразу после выборов деньги начнут поступать: дескать, не позднее чем через два месяца он сам приедет сюда со сметой, после чего здесь снова всё заработает. Ему поверили, отдали за него голоса, и он прошел на следующий срок, но с тех пор минуло полтора года, а он здесь больше так и не появлялся.

— А мы — в яме, — говорил Василий Степанович. — И что нас ждет завтра — неведомо. Появилась было какая-то надежда на нового репреза, но он уже почти три месяца у власти, и — всё тихо...

— Вы обанкрочены? — спросил я.

— Да нет пока. Я так и числюсь начальником МТС. Но зарплату не получаю. Пробавляюсь тем, что вяжу метёлки да венички банные. Есть договора в нескольких местах — и в районе, и в городе. Такой вот бизнес. Хоть чем-то себя занять. Доход, конечно, невелик...

Мне пора было выдвигаться.

— Ну что, — спросил я Андрейку. — Хочешь прокатиться на машине?

— Хочу! — обрадовано ответил он.

— Мне тут надо кое-что посмотреть, — сказала я Надежде. — Пойдем, проедете со мной...

— Уже уезжаете? — спросила Алла Сергеевна. — Даже чаю не попьете?

— Спасибо, в другой раз. Дела. Боюсь опоздать.

— Ну, рад был познакомиться, — сказал Василий Степанович, с улыбкой подавая мне на прощанье руку.

24

Андрейка сидел у меня на коленях, держась за руль. Я вел машину, слушая Надежду, а она говорила, указывая вперед:

— Вон за той лесополосой — поле, а дальше — она, Новая Северная Магистраль. К ней через поле ведет накатанная дорога...

— А эта, асфальтовая, куда ведет?

— Она сейчас повернет направо, сделает дугу на юг, к Марьино, за пятнадцать километров отсюда, а потом еще километров через восемь, около Строгино, повернет влево, пройдет через туннель под этой самой магистралью, и уже напрямиком на север...

Вот дорога повернула направо, и когда оборвалась стена лесополосы, я увидел за белым заснеженным полем насыпь магистрали, уходящие вдаль в обе стороны столбы с фонарями и проводами, несущиеся машины. Сверкали на солнце рифленые бока серебристых фур, искрились стеклами грузовики и легковушки. Движение было плотным, потому и шум такой. Я свернул на неасфальтированную дорогу через поле и повел машину к насыпи, к тому месту, где был спуск с нее. Подъехав, остановился, открыл дверцу, надел на руки Андрейки рукавички, которые свисали на резинках из рукавов его зимнего пальтишка, осторожно поставил его на снег и вылез сам. Надежда вышла из машины с другой стороны и сказала Андрейке:

— Ну, прогуляйся, прогуляйся! А то целый день дома...

Андрейка, по-взрослому сдвинув на затылок свою цигейковую шапочку-ушанку, пошел по полю среди сухой травы, выглядывающей из-под снега, загребая его валенками, отбрасывая изламывающуюся в снежных волнах тень и громко, без передыху декламируя нежным своим голоском: «Серебряный тополь мы ровни с тобой но ты беззаботно-кудрявой главой поднялся высоко раскинул широкую тень и весело шелестом листьев приветствуешь день...» Это стихотворе-

---

ние они вчера выучили с Аллой Сергеевной, и он мне уже читал его, когда мы собирали подъемный кран.

— А ты им понравился, — тихо сказала Надежда.

Я помолчал, глядя на проезжающие машины и думая, как бы потактичной намекнуть насчет монастыря. И сказал, посмотрев на нее прямо:

— У меня к тебе просьба... Не принимай, пожалуйста, никаких кардинальных решений в ближайшее время... Хорошо?

Она взглянула на меня удивленно и тут же опустила глаза, усмехаясь:

— Ах, мама, мама...

— Прощу тебя!

— Я поняла.

Отводя от нее взгляд, я увидел стоящий по ту сторону магистрали вишневый «жигуленок». Возле него понуро бродил человек в распахнутом полушубке и в кожаной зимней кепке. Я взбежал на насыпь и крикнул:

— У вас проблемы?

— Запаска для моей найдется? — оживился он.

— Есть! — крикнул я.

Он перебежал на эту сторону, и мы пошли к моей машине. Размахивая руками, он возбужденно говорил:

— Вот сколько езжу по этой Новой Северной... Да какая она к чертям новая! Вся уже поразбита! Ее когда еще построили-то... И хоть бы один пункт ремонта хоть где-нибудь стоял бы! — разорялся он. — Постоянно приходится по ней ездить по своим делам, и через раз каждый раз что-нибудь да случается!

Я достал из багажника запаску и отдал ему. Денег брать не стал, объяснив, что помощь ему оказана фирмой «Кардан», и это в данном случае можно считать благотворительной акцией, а кроме того, для нас будет очень неплохо, если он запомнит название и при случае скажет о нашей фирме знакомым водителям, которые бывают в городе.

На магистрали тормознула старенькая «Колхида», из ее кабины выглянул шофер и крикнул:

— Мужики! Бензопроводной трубки не найдется?

Мы помотали головами, и он с досадой махнул рукой, хлопнул дверцей и поехал дальше.

Когда снова на моих коленях сидел Андрейка, и мы рулили в обратную сторону, я пробормотал:

— Возможно, фарт грядет...

И стал было сворачивать с дороги к Тополькам, но Надежда, положив руку на руль, решительно сказала:

— Нет, нет! Мы дойдем сами, тут близко, прогуляемся. Езжай, Витя, а то опоздаешь! Остановливай!

Возражать было бесполезно. Да она и верно почувствовала: подвези я их к дому, опоздал бы без всяких, а так успел тютелька-в-тютельку. Всю дорогу я думал о ней с Андреейкой, изредка переключаясь мыслями на то, о чем скоро, как я решил, надо будет говорить с Фролом и Славой.

25

Скоро, правда, не получилось. Заговорил я с ними об этом почти через месяц, перед Новым годом: меня всё одолевали сомнения, я опасался, что они и слушать не станут, а если и выслушают, не согласятся, и потому снова и снова всё обдумывал, наводил справки...

И вот наступил тот день праздника, устроенного для предпринимателей города в здании бывшего Центра увлечений молодежи. В перестройку это строение было заброшено, превратилось чуть ли не в развалины, но потом, когда Горсовет принял новые законы, и мэрия получила возможность продавать имущество и начала распродавать всё подряд, его купил местный магнат, кажется, единственный в городе не пострадавший от кризиса, во всяком случае, если и были у него какие убытки, то, я думаю, он их при своем состоянии и не ощутил. И теперь в этом большущем здании, в тех комнатах и залах, где прежде проходили занятия кружков и секций, крутились рулетки казино, трещали колоды карт в руках крупье, стучали бильярдные шары, бились друг о дружку кегли, гремела музыка в продымленных барах, уплывали в сауны подносы, тяжелые от кружек с пивом... А кинозал был превращен в ресторан на восемьсот пятьдесят посадочных мест. В нем и проходили предновогодние увеселения.

Когда мы вошли в него, он уже был почти полон. Нас встретил метрдотель в стандартном мужском костюме, но с белоснежной курчавой искусственной бородой и в таком же парике, который венчала красная шапка Деда Мороза. Он отметил нас в списке приглашенных, а стоявшая рядом Снегурочка в кокошнике, усеянном самоцветными камнями из стекла, и в голубом обтягивающем костюме фигуристки выдала нам один на троих приглашительный билет и схему зала, где были указаны наши места. Мы двинулись вперед, я первый, и как только шагнул на верхнюю ступеньку пологой лестницы, она, замигав множеством разноцветных огоньков, плавно двинулась, и я поехал, опускаясь в пчелино гудящее, кишашее людьми пространство, где белели скатертями столы с маленькими елочками в центре. А впереди, на прилич-

---

ном удалении, виднелась ярко освещенная сцена, и к ней от лестницы, на которой, съезжая вниз, стоял я, выстреливала между столов ковровая дорожка. К сцене во всю ее ширь ко- нусно восходили закругленные по краям и мигающие огонь- ками ступени. В дальнем конце сцены тоже мигали огонька- ми ступени, но не закругленные, а прямые, они поднимались к большой, медленно крутящейся ёлке, обвешенной непо- мерно крупными, наверное, надувными, игрушками, краси- выми, пестрыми, весело сверкающими. На макушке у елки рубиновым цветом горела звезда. В зале звучала элегичная мелодия, ее выводили на струнных инструментах четверо музыкантов в черных фраках, сидевших кружком на специ- альной площадке у сцены.

Столы стояли не только в нижнем пространстве, но и на балконах, балкончиках и в ложах, что в несколько этажей лепились к стенам по обе стороны и сзади зала, и всё это соединялось лестницами, лесенками и переходами.

Съехав на ковровую дорожку, мы немного прошли по ней и свернули меж столов направо, а дальше, кивая знакомым, шли, куда говорил Слава: он шагал сзади, глядя на схему. На вто- ром этаже слева тянулись открытые двери балкончиков со сто- ликами и стульями, за ними виден был зал; а справа — столы в освещенных комнатках, где сидело по несколько человек, и дальше — подряд три комнатёнки гораздо меньшего размера, со шторами, сейчас открытыми; в них лишь то, что стояло на столиках (пока еще почти ничего не стояло) было освещено настольными лампами, и видны были только очертания си- девших. В двух комнатенках сидело по два человека, а в тре- тьей, под первым номером, неброско вышитом на правой штор- ре, не полностью открытой, кто-то сидел в одиночестве. И ког- да мы проходили мимо этой комнатёнки, из нее послышалось что-то вроде тихого оклика, и это заставило нас замедлить шаг. А через одну-две секунды мы с Фролом, как вкопанные, вста- ли на месте, так что Слава налетел на нас и начал было выго- варивать, но, взглянув на наши лица, умолк, а мы смотрели на проступившее из полутьмы лицо того, кто выходил к нам: те же крупные черты, но седые волосы отросли и красиво набега- ют на уши, а во взгляде нет ничего от того тяжелого и режуще- го, что пришлось нам с Фролом выдержать у него в коттедже. Теперь в его глазах была одна только приветливость, а голос звучал мягко, дружелюбно, и даже растроганно:

— Спасибо вам, ребята, за новое здание «Кардана»!

Он пожимал нам по очереди руки своей жесткой рукой, и был это ни кто иной, как Владимир Трофимович, тот самый, которому обязаны мы участком под «совушку».

— Вы очень, очень меня порадовали! Это место мне дорого. Там детство мое прошло, домишко наш стоял. Честно говоря, сомневался я, что у вас получится... в такое-то время... Думал, придется подключаться, но вы... Молодцы! Спасибо! Вы — можете! — Он достал из нагрудного кармана цветной картонный прямоугольничек и отдал Фролу. — Если что понадобится — звоните не стесняясь! Кто силу на добро тратит, тому добро и оплатит... Удачи вам!

И, повернувшись, ушел обратно в каморку, растворился в полутьме, а мы пошли дальше, и Фрол, прежде чем спрятать в карман визитку, посмотрел на нее, запоминая номер телефона, а я тем временем объяснил Славе, кто это такой, а он насупился, и это было понятно: мне тоже, как, наверное, и Фролу, вспомнился *шум вентиляции, всё соленое без капли воды, газетные карты*. И тут из маленькой ложи, мимо которой мы проходили, послышалось бодрое:

— Пр-ивет, орлы!

Я посмотрел туда, и у меня запершило в горле и сами собой начали сжиматься кулаки. Первой мыслью было — плюнуть, пройти мимо, лишь кивнув на ходу, как это сделали Фрол со Славой, но удержало: *«Может больше никогда не будет такой возможности внимательно поглядеть вблизи...»* И я сказал им:

— Идите, я подойду!

И вошел в эту ложу. В ней сидел красавец возрастом под пятьдесят, лицо моложавое, и его странным образом не старили ни мелкие морщины у глаз, ни проседь в волосах. Одет он был, как всегда, с шиком. Замшевый пиджак цвета темного шоколада расстегнут, широкий воротник оранжевой рубахи раскинут, а подобранный со вкусом галстук по моде ослаблен, и узел его приопущен.

— Посидеть тут можно у тебя? — спросил я.

— Конечно, Виктор! — Он произносил мое имя с ударением на «о». — Виктор, я всегда тебе рад! — Он вскочил, схватил двумя руками мою руку и потряс ее, потом схватил свой стул, переметнул через стол, поставил с моей стороны и, пока я усаживался, выскочил из ложи, тут же вернулся с еще одним стулом, переметнул через стол в обратную сторону и сел на прежнее место, напротив меня. Поставил мне рюмку, налил водки из едва початой литровой бутылки, подвинул тарелку с закуской. Налил себе, поднял рюмку:

— За встречу!

Стукнул своей рюмкой о мою, лихо плеснул водку в рот, небрежно кинул рюмку на стол, так что она упала на белую скатерть набок, и стал закусывать зимним салатом.

Я пригубил, поставил рюмку и спросил:

— А чё один-то?

— Один, — сказал он, жуя и поднимая вилку, — горит прекраснее рубин!

— Давно у нас?

— Сегодня прибыл.

— Котёл, что ли, пригласил?

— Да нет, надо кое-что проверить...

Звали этого человека Григорий Эдуардович Рубец. Это он дал Надежде кредит со своими условиями, а потом приезжал к ней в Топольки с предложением выйти за него замуж. И он же запечатлен на фотографии Серегина — с моей женой в какой-то комнате. Такое вот совпадение. Как сказал кто-то из великих: двое в одном. Или нет, лучше так: двойной треугольник.

Хотя какой там, к чертям, треугольник?! Нет никакого треугольника! И вижу-то я его, может, в последний раз, а если еще и доведется, то уж точно не стану сидеть с ним за одним столом. Просто тогда я уже решил: надо начинать основательно постигать людей. Я обязательно должен научиться понимать их. Чувствовал: *«Понадобится, да еще как, и не только даже для того, чтоб не ошибаться больше так явно, как ошибся уже однажды»*. И вот смотрел на него, слегка досадуя на себя: *«Как это не сумел распознать такого вражину»*. Но главным все-таки было: *«Вот здесь сейчас взглядеться, увидеть, взять опыт, чтобы потом уметь распознавать в других»*. А он спокойно закусывал, рассказывая о какой-то сделке, наклонувшейся в нашем городе, не говоря конкретно, что это за сделка, но очень уверенно утверждая, что в Москву вернётся, по меньшей мере, с утроенным капиталом.

Разглядывая его, я всё никак не мог вспомнить, в какой же момент вошло в мою жизнь это лицо; видать, начиналось с кратких его мельканий в предпринимательской среде, пока кто-то не представил его, добавив: «Приехал с Урала. Недавно. Н-но уже-е...» Потом он пригнал к нам в «Кардан» подшаманить свое авто; выйдя из него, приобнимал нас с Фролом за плечи, как давних друзей, был говорлив, улыбчив; осмотревшись, хвалебно отозвался о нашем предприятии, хоть мы работали еще в старом помещении; поинтересовался, не нужен ли нам хороший пиломатериал с приличной скидкой, а нам как раз был нужен, и он сказал, что может дать самый лучший из всех имеющихся в области, причем прямо с пило-рамы, и предложил немедленно поехать туда — на нашей машине, а грузовик будет там. По идее должен был ехать Слава, но он что-то добывал в другом городе, и поехал я. Во время

пути Эдуардыч, как мы потом стали его называть, рассказал о себе. Он окончил швейный факультет института текстильной и легкой промышленности, работал по распределению на швейной фабрике (географические привязки затерялись в памяти), где, по его словам, достиг солидной высоты, и если бы, как он выразился, не «горестройка», быть бы ему директором. «Всё шло к тому. Уже готовился приказ, — говорил он, посмеиваясь. — Но система стала разваливаться, локомотив производства забуксовал, и у меня не было другого выхода, кроме как пойти в бизнес...» Я вел машину и слушал, поглядывая в зеркало на его лицо, напомилавшее лицо одного итальянского киногероя, и чувствуя всё большую симпатию к нему; в нём и правда было что-то притягательное, какая-то располагающая открытость, что не так уж часто встречается у нашего брата-предпринимателя. Ну, и размах, масштабность, ибо планы, которые он ставил перед собой и о которых рассказывал с той же открытостью, были грандиозны. «Это только одна из моих точек, — говорил он, когда мы выходили из машины в лесхозном уголке, где он арендовал участок. — А всего их у меня в разных районах уже четырнадцать. Но будет гораздо больше! Я же сказал: весь лесной комплекс области хочу взять под контроль!» Шагая с ним рядом, я думал: «*Вот как надо работать!*» А он, кивая на разбросанные по обширной цветущей поляне высокие островерхие шалаши, похожие на вигвамы, шуливо говорил: «Это мои индейцы!» Возле шалашей в траве курились дымки костров, и разношерстно одетые люди азиатской внешности помешивали ложками в котелках и время от времени что-то в них добавляли. Поляна заканчивалась полуоткрытым простором с молодыми деревьями, большей частью изломанными и вдавленными в траву, а дальше виднелась стена смешанного леса, откуда доносился дизельный гул и взвизги бензопил, и когда трактор, не разбирая дороги и сминая гусеницами тонкие стволы, выволок сноп поваленных толстых деревьев, я содрогнулся, представив, что же эти гусеницы творят с лесом там, в чаще. Деревья развалились по бокам от трактора, и десяток гастарбайтеров, оставив котелки над кострами и похватав топоры, налетели на них и в считанные секунды очистили от веток. Эдуардыч повел меня к временной пилораме, где бревна рассекались на доски, а рядом стоял грузовик. Пиломатериал оказался, увы, не из лучших, а тот, кто уважительно сказал об Эдуардыче: «Н-но уже...» — явно пребывал в очень сильном заблуждении, но тогда я об этом не думал; мы продолжали наш дружелюбный разговор, глядя, как грузят доски, а потом, разговаривая, ехали обрат-

---

но, и после того, как наша бухгалтерша все оформила и выдала Эдуардычу деньги, он предложил нам пойти в ближайший ресторанчик отметить это дело, но Фролу срочно надо было ехать домой, и мы пошли вдвоем; а потом он чуть не каждый день звонил мне, и в следующий раз мы уже встретились так, будто и впрямь были давними друзьями, а это произошло на том самом юбилейном вечере Шпитаева, где я был с женой; и теперь, вспоминая, как он глядел на нее, когда я их знакомил, я думал: *«Не в этом ли и была причина такого внимания ко мне, ведь наверняка видел ее со мной в период предварительного мелькания среди предпринимателей и вполне мог положить глаз»*. Как бы там ни было, его звонки после того вечера прекратились, а через какое-то время я узнал, что он отбыл в Москву. Но дело его, как говорится, продолжало жить. Однажды осенним утром горожане стали свидетелями необычной картины: растянувшись метров на сто, по улицам двигалось десятка три оборванных и грязных людей. Быть бы им всем схваченными милицией и раскиданными по «обезьянникам», если б не депутат, встретившийся им на подступах к зданию Законодательного собрания. Он остановил их, представился, спросил, откуда они, и внимательно выслушал. Оказалось, это были «индейцы» Эдуардыча. Недели за две до того он сказал им, что настало время перебираться на новое место, но сначала надо перегнать технику, а потом перевезут и их. Техника ушла, а люди остались. Они ждали, пока не кончились продукты, потом пешком пошли в город... Депутат мгновенно позвонил, куда требовалось, по своему сотовому и выяснил, что Эдуардыча уже поминай как звали, и, крайне возмущившись, повел всю эту ораву к зданию мэрии. Депутат оказался от оппозиции, и пока шли, он позвонил в обком своей партии и сказал, что надо срочно готовить пикет. В мэрии он сумел добиться разрешения на проведение в тот же день акции протеста у здания областной администрации, и когда часа через полтора пришел вместе с гастарбайтерами к ее крыльцу, туда уже подтягивались его однопартийцы с плакатами: «Мошеннику — топор, и — на деляню!», «Наемный — тоже человек!», «Бесплатный труд мостит дорогу в пропасть!» и так далее. Вскоре к пикетчикам вышли чиновники и сказали, что договорились с обкомом профсоюза строителей, и те готовы взять на себя решение этой проблемы. Людей посадили в специально прибывший автобус и повезли к зданию областной федерации профсоюзов, куда уже слетались кем-то оповещенные «купцы» со строек (тогда еще до кризиса было далеко, и работа в строительстве кипела). Они мигом разобрали гастарбайтеров. Но проф-

---

союзы этого так не оставили: совместно с миграционной службой, госинспекцией труда, прокуратурой и другими структурами провели по всей области повальную проверку на предмет содержания на предприятиях иностранной рабочей силы, выявили массу нарушений, выдали уйму предписаний, наложили огромное количество штрафов, организовали множество совещаний и семинаров, что, разумеется, повлияло в лучшую сторону на отношение нашего работодателя к приезжему наемному трудяге. Когда через полтора года в наш город наведалься Эдуардыч и узнал обо всем этом, он долго хохотал, а потом сказал самодовольно: «Так я им, получается, права обеспечил! Они молиться на меня должны!» Когда же его спросили о судьбе тех людей, что работали на остальных тринадцати его лесоучастках, он, ничуть не смутившись, сказал, что там у него всё было чин-чинарем, хотя все уже знали: никаких точек, кроме той единственной, у него в нашей области не было. Но, странное дело, никто не сказал ему ни одного подковыристого слова, тем более никто не попытался вывести его на чистую воду; как-то уж так он был устроен, что на него совершенно невозможно было осерчать: он только располагал к себе, — и сейчас, когда я сидел и смотрел на него, внутри у меня вместо неприязни, которую я пытался разжечь, возникла почти такая же симпатия, как тогда в машине, — несмотря даже на то, что мне удавалось разглядеть в его лице то самое, тщательно выискиваемое, необходимое в будущем *для распознаний*: микроскопические детальки, способные, как мне думается, заведомо выявить людское негодяйство; у него, например, отметил я, презрительно вздернулся левый краешек верхней губы, когда он, говоря о конкурентах, взял кусок хлеба и встряхнул его над вазой, как встряхивают от рассола соленый огурец, доставая его из банки; он хищновато сощурился, называя имя одного бизнесмена, и пару раз, перехватив мой взгляд, потупился и еле заметно, но, как мне показалось, презрительно ухмыльнулся (так ухмыляются хваткие дяди, видя перед собой лоха). Да и блеск в его глазах, не вызывавший раньше никаких подозрений, теперь казался мне плутоватым; а глаза у него блестятели всё сильнее и сильнее по мере того, как он в хорошем темпе накатывал рюмку за рюмкой, каждый раз говоря мне:

— А ну-ка, давай тоже прими и закуси!

Я только пригублял для вида и кидал в рот оливку или кусочек сыра. В общем-то я уже всё для себя выяснил, *взял опыт*, но любопытно было узнать, не изменилось ли у него что-нибудь, и я спросил:

— Как там у тебя в личной-то жизни?

— А я как был холостяк, так и остался, — ответил он уже довольно пьяно. — Заче-ем?.. Я, Виктор, ник-когда в природном сырье под названием «женщина» не испытывал недостатка. Они меня еще в студенчестве перебаловали. Я ж, ты знаешь, в текстильном учился, а там их девяносто с лишним процентов. А заче-ем, располагая морем, где можно ловить любую рыбу, менять его на лужу, в которой будет плавать одна-единственная рыбешка?

— Ну, а вдруг она окажется золотой?

— Серьезно? — удивленно вскинув брови, подался он ко мне, и тут я увидел, что при ближайшем рассмотрении его лицо — это лицо уже стабильно пьющего человека. Он откинулся назад и, положив локоть на спинку стула и склонив голову, задумался. Над его плечом было видно, как с площадки у сцены уходит струнный квартет, а на его место заступают музыканты духового оркестра в бело-красных военных формах девятнадцатого века. — Был такой вариант! — восторженно Эдуардыч, кинув в меня указательным пальцем. — Был! Подвернулась золотая, но... мимо невода... Черт!.. О-о... — Он налил себе в рюмку, выпил и, не закусывая, сильно морщась, продолжал: — Но им же что надо-то? Они же не могут понять... Ну да, я — не Рокфеллер, не всё получается... Не всё! Но что-то же я могу-у... И вы, друзья, погоди-ите, вы еще меня узна-аете... И вот эта, как ты говоришь, золотая... Я ей помог! Я звал ее к себе... У меня на Урале хоро-оший финский домик был... сборный... Но ей же другое надо, понимаешь?.. Я знаю, что ей надо. Я понял. Вот если бы я был тугим мешком, она бы за меня пошла без всяких... Но я им стану! — ударил он кулаком по столу, так что подпрыгнули тарелки. — Я стану долларовым миллиардером! Я буду олигархом! Она еще узнает и по-жа-ле-ет... Вот завтра, за-автра всё решится! Мне бы только дожить до завтра! И тогда-а...

Он схватил литровую бутылку, в которой водки было уже меньше половины, взял пустой фужер, набухал полный и залпом выпил. И, уронив голову, что-то забормотал, разобрать было невозможно из-за духового оркестра, громко заигравшего «На сопках Манчжурии». Какой-то младенческой беспомощностью веяло сейчас от Рубца. И такой горькой несчастьем, что мне стало его жалко.

— Да ты успокойся, Эдуардыч, — сказал я. — Всё у тебя будет нормально. Не пей только больше... Ну ладно, пойду я.

Он, не поднимая головы, сделал жест рукой: давай, мол, всего...

Я встал, вышел из ложи и пошел искать своих.

Нашел я их на четвертом, самом верхнем ярусе. Оба стояли у барьера и смотрели вниз. Здесь были не ложи, а один сплошной подковообразный балкон типа галёрки, разделённый полупрозрачными перегородками на секции; его края прилично отступали от сцены, так что из отведенной нам, ближней к сцене секции, хорошо было видно всю сцену со ступеньками в мигающих разноцветных огоньках, с елкой на площадке, куда эти ступеньки вели. Елка отсюда была видна несколько сверху, а над нами, близко, подвешенная в центре потолка, светила большая люстра, часть огней которой медленно потухала, тогда как другая часть так же медленно, с едва заметным мерцанием загоралась, и оттого весь ее свет красиво и плавно переливался.

— Вить, ты посмотри! — сказал мне Слава, кивком указывая вниз.

И я увидел сидевших за столом возле сцены, у площадки, где играл духовой оркестр, Ангарова и Шпитаева. Они сидели рядышком, как друзья. Крупный Ангаров развалился на стуле, одну руку сунув в карман расстегнутого ярко-красного пиджака, второй поглаживая полушарие своего живота, обтянутого белой атласной рубахой с пышным жабо, а маленький Шпитаев, шустро, как воробей, вертя головой, отчего сильно бликовала его лысина, что-то объяснял ему, то и дело хватая со стола ручку и рисуя на салфетке. За соседним столом попивал минеральную воду и как бы невзначай поглядывал вокруг одетый в черный смокинг охранник Ангарова, тот самый могучий мужик (длинные темно-русые волосы его были теперь стянуты сзади в косу), вкативший в зал тачку для Шпитаева на собрании регионального Союза предпринимателей.

— Как утверждал Гоголь, подобное может только у нас на Руси случиться! — со смехом констатировал Слава. — А я-то не верил, что Шпитая вернули в президиум.

— Про фонд тоже не верил? — спросил Фрол.

— А в это я и сейчас не хочу верить!

Поговаривали, что президиум нашего предпринимательского Союза, правящий теперь коллегиально, без конкретного председателя, начинает коллективное строительство коттеджей на побережье Черного моря. Меня это как-то мало заботило, и я больше не прислушивался к тому, о чем говорили Слава и Фрол. Сейчас я, как и все последние дни, чувствовал себя на большом подъеме и думал о том, о чём думалось теперь всякую свободную минуту; их, этих минут, выпадало, увы, не так уж много: прошедшие три недели приходилось упираться особенно интенсивно: мы старались нара-

---

ботать хоть какой-то задел, готовясь к новому повышению тарифов; и всё же я вырвал время, умудрился пару раз встретиться с Надеждой; первый раз, правда, в городе, она приехала на оптовку, и там мы посидели и поговорили в ее машине; но второй раз — в Топольках: я сгонял туда на полчаса; Андрейку не видел, он был в школе у Аллы Сергеевны; но с Василием Степановичем поговорил, и с Надеждой, конечно, тоже; напоследок в морозной темноте сеней ткнулся губами в ее лицо; оно вспыхнуло огнем, но та же твердость: «*Как ромашку!*». И до сих пор сладко отдавалось в сердце мгновение, когда она порывисто и крепко сжала своей горячей рукой мою руку, как бы стараясь показать, до чего не хочется ей меня отпускать, и воспоминание об одном только этом внутренне поднимало на такую высоту, что грудь начинало распирать от избытка сил, и хотелось немедленно что-то делать, делать, хотя бы вот сейчас, здесь, прозондировать текущее настроение *среды*, почувствовать общую атмосферу людей своего круга; и я взял со стола театральный бинокль и стал смотреть в зал, где духовой оркестр играл уже аргентинское танго, а из-за перегородки слева слышалось чье-то возмущенное, исторгаемое чуть не криком: «А потом единый социальный, значит, подскочит до тридцати четырех с рубля!..» — и было понятно, что и те, на которых я смотрел, переводя бинокль с ложи на ложу, с балкончика на балкончик, наконец, направляя его вниз, в зал, точно так же (местами уже начиная выпивать и закусывать) говорили о работе, о своих проблемах; это было ясно по их лицам, в большинстве никакой праздничности не отражающих; ее-то, праздничности, как раз и недоставало на этом праздничном мероприятии, особенно недоставало ее в одежде собравшихся: редко кто был одет празднично, в основном как в рабочие дни; и ни на одной из немногих женщин, большей частью руководителей риэлторских компаний, не увидел я вечернего платья, все они были одеты строго, по-офисному; и это было вовсе даже не случайно, а заведомо predetermined: нам тоже накануне посоветовали одеться буднично, чтобы хоть так выразить протест против «удушающей политики по отношению к предпринимательству». Мы, тем не менее, сочли, что это будет неуважением к устройтелю вечера, и оделись, как всегда одевались на праздники: одинаковые светло-синие блескучие костюмы и разных цветов галстуки. А среди собравшихся были, заметил я, и одетые просто невзрачно, у тех уж совсем постные лица, кое-кто даже в черных рубашках — видимо, в предвкушении траура по своему бизнесу...

Тут к нам вошла молоденькая официанточка, вся в белокружевном, как снежинка, и спросила, не желаем ли мы чего-нибудь еще к тому, что уже стояло на столе. Слава и Фрол что-то попросили, она упорхнула, и мы стали рассаживаться каждый на свое поименованное место: имена и фамилии значились на расставленных по столу бумажных табличках. Мне досталось самое лучшее место для обозрения: у барьера, откуда и сцена и зал хорошо видны. Но мест было четыре. На четвертой табличке стояла одна большая буква «С».

— Непонятно, для кого это может быть... — говорил Слава, осторожно, чтобы не хлестануло, поворачивая пробку полторашки с сильногазированным лимонадом.

И тут на нас, да и не только на нас, а на всех, кто сидел в ресторане, обрушилось нечто суперсногосшибательное! Вышедшие на сцену, как только оборвалась музыка (духовой оркестр военным строем уходил с площадки), ведущий и ведущая, опутанные серебряной мишурой, подошли к микрофону и, по очереди поприветствовав всех и поздравив с наступающим Новым годом, по очереди же объявили:

- Сегодня!
- На нашем вечере!
- Присутствует!
- Региональный президент!
- Владислав!
- Дмитриевич!
- Волчков!

И уже одна только ведущая торжественно произнесла:

— Мы приглашаем его на сцену! Встречайте!

Грянул приветственный марш, фонограмма. И на верхнюю площадку, где в медленном вращении сверкали и переливались висевшие на елке игрушки, из-за кулис с правой стороны не вышел, а как-то мелким прыжком, словно перепрыгивая через узкую траншею, выскочил и легко посеменял к середине площадки, а затем, дойдя до елки и резко, как солдатик на плацу, сделав поворот налево, пошагал вниз по ступенькам, качая покатыми плечами, маленький человек с несколько удлинненной головой, коротко стриженными на пробор темными волосами и большими, слегка навывкате, как у черепашки, глазами. На нем был черный костюм, обтягивающий тонкое хрупкое тельце, белая рубашка и галстук неопределенного цвета. Его встретил не шквал аплодисментов (их, кажется, не было вообще, ну разве жидкие, тонущие в музыке хлопки), а напряженное ожидание, повисшее в воздухе, когда музыка смолкла, и он, стоя у микрофона, с застенчивой улыбкой исподлобья посмотрел в зал. Со дня его

победы на выборах прошло почти четыре месяца, но он ни разу еще не выступил перед народом, не дал ни одной пресс-конференции; после промелькнувшей обыденно, как прием канцелярских дел новым работником, церемонии вступления в должность, были только редкие появления на телеэкране, когда журналистам удавалось подкараулить его у подъезда чиновного здания или у дверцы машины; он с озабоченным видом скороговоркой проборматовал: «Пока что не могу ничего сказать, вхожу в курс дела...», — и тут же ускользал, оставляя у всех чувство недоумения и недовольства, а главное, неопределенности: как дальше-то пойдет у нас в области? — будут ли перемены или продолжится развал, который тянулся почти двадцать лет.

...Он стоял на сцене у микрофона, заложив руки за спину и глядя вниз, на острый носок своего черного лакированного туфля, которым двигал так, будто растирал о пол курок; и если б он постоял так еще пару секунд, зал бы, наверное, захотал. Но он быстро поднял взгляд и сказал:

— Мне хорошо известны ваши проблемы. И я намерен их решать. Это одно из приоритетных направлений нашей работы. Уже подписаны договора и с федеральным центром, и с зарубежными инвесторами. И буквально через месяц от Содружества азиатских стран к нам поступит первый транш. Пятьсот миллионов долларов. Мы хотим целиком пустить его на развитие малого и среднего бизнеса!

Громко ахнув, откинулся на стуле Ангаров. И тут же вскочил с криком: «Наши-и-и!» И, вскинув над головой руки, захопал, поворачиваясь к залу и тряся головой: мол, поддерживайте! И все волной, как на стадионе, стали вскакивать, вскидывать руки и аплодировать. Поднялся неимоверный шум. Вскакивали на балкончиках и в ложах, вскакивали по ту сторону «галерки»... Мы тоже хлопали, но некоторое время сидя, потом тоже встали. Слава хлопал с силой и кричал, поглядывая на нас: «А что, может, и сделает, а?!» Фрол хлопал неохотно и кривенько улыбался, как бы говоря: «Ну, поглядим, поглядим...» А я не знал, как относиться к сказанному репрезом, и пытался взглянуть в его лицо, но до него было слишком далеко, и ничего кроме улыбки, с которой он кивал залу, как кивает артист, благодаря зрителей за теплый прием и аплодисменты, я различить не мог. «*Посмотреть бы на него вблизи*». Постояв еще немного, он прокричал в микрофон:

— С наступающим Новым годом! Всем вам желаю успеха!

И, сбежав по ступенькам со сцены, пошел в грохоте оваций по дорожке среди столов и стоящих за ними аплодирую-

---

щих людей в сторону входа, где его ждал Игорь Иванович Котелев, попросту Котел, тот самый местный магнат, владелец этого здания и устроитель вечера. Довольно высокий, но хилый на вид Котел, одетый в светло-зеленый костюм, сиял своим круглым гладеньким личиком, сверкал неизменными очками в тонкой оправе, блестел словно отлакированным просторным лбом и смешил клочком редких, песчаного цвета волос, что топорщились у него на темечке. Он тоже хлопал, потом раскинул руки навстречу репрезу, подхватил его под локоть и увел мимо ступенек входа в дальний конец ресторана, куда-то во тьму...

Аплодисменты стихли; все, возбужденно переговариваясь, стали усаживаться. Сели и мы. Ведущие острили в микрофон, а на специальную площадку для музыкантов поднимался эстрадный оркестр. Слава хлопнул пробкой шампанского и наполнил бокалы. Появилась официантка с подносом, мигом составила на стол тарелки с креветками и нарезанным ананасом и тут же исчезла. Слава, дурачась, взял ломтик ананаса и опустил в свой бокал с шампанским. И сказал тост: чтобы в новом году дела у нас шли лучше, чем в этом. Я чуточку выпил и стал закусывать жареным куриным окорочком. Аппетит был отменным, да и как иначе: за делами и поесть с утра было некогда, и так тянулось уже долгие дни (о домашних-то обедах я давно-о забыл: накрылась семейная кухня). И тут меня ошарашила еще одна неожиданность. Ведущий восторженно выдал в микрофон:

— В нашем вечере принимает участие лауреат областной молодежной театральной премии «Дебют года», актриса академического театра драмы Лилия Чернобурова.

Последовал взрыв аплодисментов, пожалуй, не меньший, чем после слов репрезы. В горле у меня застряла курица, и я закашлялся. Смотреть на сцену не хотелось. Но Фрол со Славой, сидевшие бок о бок по другую сторону стола, вперили в меня вопросительные взгляды. Им рано было знать о моих личных делах, и я пока еще ничего им о них не говорил. Я взял бинокль и повернулся к сцене. А Слава укоризненно спросил:

— Что ж ты нас-то не посвятил?

Я ответил, поднося к глазам бинокль:

— Сам не знал...

— Вот ничего себе! И такое бывает?

— Да ладно, — буркнул Фрол. — Что ты к нему пристал? Посмотри-ка лучше на нее... О, какая!

И правда, она была сейчас очень хороша. Легкое платье из шифона всегда отлично идущего ей синего цвета; да и не пла-

---

тые даже, а, скорей, костюм сказочной феи; пышный начес на голове — блеск, в этом начесе — синяя мишура, на шее — колье, которое я подарил ей на день рождения еще *до того...* Уже играл эстрадный оркестр; у ней вдоль щеки тянулась к губам дужка микрофончика, и она пела в него, легко и красиво танцуя. *Всему-то научилась!* И в танце спускалась от елки по ступенькам в бегущих и мигающих разноцветных огнях, а на сцене под ней танцевали пятеро стройных ребят в черных брюках и черных обтягивающих рубашках. Я перевел бинокль в зал. Многие, забыв про выпивку и закуску, смотрели на нее. И как смотрели! Наверное, точно так же смотрели почитатели на принцессу Диану. Я положил бинокль и продолжил есть, но краем глаза видел, как во время проигрыша *она* пролетает по кругу в вальсе по очереди с каждым из пятерых танцоров, а потом, начав петь последний куплет, спускается в зал, проходит меж столов к похожей на трап морского лайнера лесенке, круто восходящей по стене к нашей галерке и, скользя рукой по тонким перилам и продолжая петь, поднимается, поднимается, и вот уже входит к нам в секцию и последние слова поет, наклонившись ко мне и приобнимая меня за плечи, и в голову мне ударяет запах ее духов, очень хорошо мне знакомых, тех, что я дарил ей на праздники; а когда песня кончается и смолкает музыка, и зал снова аплодирует, она, перегнувшись через барьер, машет залу рукой, а потом садится за стол на свободное место рядом со мной и весело бросает Фролу и Славе:

— Приветик, дружочки! Налейте-ка мне шампанского!

Наливая шампанское в четвертый бокал, Слава спрашивает:

— Так это место для тебя?

— Ну а для кого же?

— А почему «С»?

— Сюрприз! Ну, будем счастливы в Новом году!

Прозвенели над нашим столом бокалы, и потек разговор между Славой, Фролом и Лилией. Я молча ел. Ведущие что-то говорили, в зале хохотали над их шутками, и — снова музыка, сквозь нее долетал до меня голос Славы, который с удивлением спрашивал Лилию:

— И как это ты так хорошо всё понимаешь?

— В сам деле! — удивлялся и Фрол.

— Так вы ж не забывайте, — отвечала Лилия, звонко смеясь, — что по первой профессии я — банковский работник!

К нам вошла официантка, приблизилась к Лилии и что-то шепнула ей на ухо.

— Секунду, — сказала Лилия, вставая. И вышла.

Очень скоро вернулась и села.

— Вы представляете, со мной хочет познакомиться репрез. Приглашает!

— А ты что? — спросил Слава.

— Сказала: могу только с мужем.

— Образцовая жена!

Через несколько минут к нам вошел представительного вида мужчина и, отчеканивая слова, как на официальном приеме, сказал, обращаясь к Лилии и ко мне:

— Вас приглашает Владислав Дмитриевич. Просьба пройти за мной.

И тут же вышел из секции и остановился, ожидая нас.

Фрол привстал, потянулся ко мне через стол и тихо сказал:

— Ты там... это... Повнимательней... Выясни, что за гриб...

Мы с Лилией встали. Обходя стол, она спросила Фрола и Славу:

— Может, попросить для вас что-нибудь?

— Попросят, пусть тарифы оставит, — сказал Фрол.

— И снизит цены на горячку, — добавил Слава. — Минимум вдвое.

— Да, и пусть отменит налоги, — закончил Фрол.

— Ну, приколышки! — сказала Лилия, улыбаясь и грозя им пальцем.

27

Шагая за представителем регионального президента, я не без волнения думал, о чем бы таком спросить репреза, чтобы узнать получше, что он за человек. Иначе говоря, как бы точнее протестировать его. Лилия что-то рассупонилась: то висла у меня на плече, так что приходилось ее естественно нести, то тесно прижималась, крепко обнимая меня за пояс, а то вдруг ворошила мне волосы или нежно проводила ладонью по щеке. И все что-то горячо шептала, на ходу быстро приподнимаясь на цыпочки и приближаясь губами к моему уху, но я не слышал, не столько из-за галдежа, смеха и шума в балкончиках и ложах, мимо которых мы проходили, сколько из-за того, что думал о своем. Но все-таки заметил: здорово повеселела толпа. Вот что значит вовремя кинуть обещание! Мы спустились с яруса на ярус, наконец, сошли в самый низ и пошли всё в том же шуме среди столов, а потом шум стал отдаляться, оставаясь позади; представитель провел нас в глубь здания, к массивной высокой двери, по обеим сторонам от которой стояли, как стражники, двое смурных ребят в глухих черных френчах с черными пластмассовыми стручками за ушами навроде слуховых аппаратов для слабослышащих. Представитель сделал нам жест рукой, озна-

---

чающий: «Подождите», — скрылся за дверью, но через несколько секунд вышел и сделал жест приглашающий. И мы вошли в помещение, оборудованное, как я понял, специально для приема высоких гостей. Всё здесь было в мягких золотистых тонах: росписи на стенах в виде древнерусских рисованных лубков, обивка массивных стульев и углового дивана, скатерть длинного стола, накрытого грузно, как на пиршественных натюрмортах; камин, на котором сверху по бокам стояли два непомерно больших золоченых подсвечника, а посередине — большое прямоугольное зеркало в объемной золоченой раме. Даже оправа просторного плоского монитора, с приглушенным звуком передававшего всё, что происходило сейчас на сцене и в ближней к ней части ресторана, была золоченой. Мне поневоле вспомнился сказочный герой, превращавший всё, к чему прикоснется, в золото. Пахло здесь свежими, только-только разгорающимися дровами. Котёл сидел, скромненько поджав ноги и сложив на коленях руки, в торце стола, и когда мы вошли, посмотрел на нас с обычной своей умильной и, на первый взгляд, совершенно безвольной улыбочкой, выдержав паузу, почему я и успел везде пробежать взглядом; потом он медленно повернул голову к столу, кивнул, и из-за горы фруктов в трехъярусной вазе, увенчанной ананасом величиной с мяч для регби, показалось лицо репреза. Увидев Лилию, он весь прямо-таки засветился, заулыбался, быстро вышел из-за стола, подошел к ней и, склонив голову, пожал ее руку так, как, наверное, и следует первому должностному лицу области пожимать ее женщине: за кончики согнутых пальцев, тогда как сама рука обращена тыльной стороной вверх.

— Очень, очень, очень рад с вами познакомиться! — говорил он, глядя на нее своими большими, сверкающими, слегка навывкате глазами снизу вверх (она была заметно выше его ростом, а мне он вообще виделся где-то там внизу: маленький, как гномик). — Здравствуйте, — тут же повернулся он ко мне, еле заметно темнея лицом и подавая мне руку, маленькую, белую и теплую, шевельнувшуюся в моей руке, как мышка. — С вами мне тоже приятно познакомиться, — скороговоркой сказал он и повернулся к Лилии, вновь засияв улыбкой: — Ваши работы меня просто завораживают. Я ведь давний, давний любитель театра. А в студенчестве даже играл в театре миниатюр. У нас тогда был режиссер... такой... э-э...

Тут к нам подошел и Котёл. Лилии он приветливо кивнул, а мне пожал руку и, приобняв, тихо сказал:

— Ну и что ж ты, Витя, так долго не объявляешься? Со всем, что ли, забросил святое дело формы телесной?

— Игорек, я как раз после Нового года собирался... — начал оправдываться я, а Котёл, взяв меня под руку, повел по золотисто блестящему полу к столу, куда уже шли, разговаривая, и Лилия с Волчковым.

Мы сели за стол, Лилия — слева от меня, Котёл — справа, а Волчков — по другую сторону стола, лицом к лицу с Лилией. Котёл налил в бокалы густо красного до черноты вина из бутылки затейливой формы, а после репрезентативного тоста «за театральные открытия в новом году» Лилия разговаривала с Волчковым, а я — с Котлом. Но, разговаривая с ним, я втихую поглядывал на репреза и до последнего слова слышал то, о чем они говорили — всё о театре, о театре... Мы же с Котлом вспоминали спортзалы, что во Дворце Бодрости на Тальниковом острове, где мы играли с ним в большой теннис, подкачивались в зале атлетической гимнастики, работали в парах на ринге: и бокс, и кикбоксинг... При всей внешней хилости у Котла под костюмом были крепкие мышцы, он свободно брал штангу весом много больше себя, а удар, хоть рукой, хоть ногой, был у него таков, что тяжелый кожаный снаряд болтался после него, как надувной. Котёл был старше меня лет на семь-восемь, и когда мы познакомились в том самом Дворце Бодрости, я был еще студентом, а он уже владел крупной строительной компанией, предприятием по производству лакокрасочных материалов, сетью книжных магазинов и ресторанов, еще чем-то, и еще чем-то... Для всех было загадкой, как ему всё удается, но факт оставался фактом: любое дело, за которое он брался, всегда шло у него в рост. Котёл и в самом деле не пострадал от кризиса, я специально спросил, и оказалось, что он даже продолжает затевать и раскручивать новые проекты. Вот только с партнером по «делу формы телесной», посетовал он, дела обстоят неважно: никак не может найти никого, кто подходил бы ему так, как я. При этих словах он смотрел так умоляюще, что из меня мгновенно вылетело обещание: сразу после новогодних праздников снова начинаем регулярно заниматься вместе, главное — спарринговать. Он заулыбался, взял вилку, положил мне в тарелку каких-то ломтиков, похожих на мясные, и сказал, что это совершенно новый для наших краев деликатес, надо непременно отведать, и начал оживленно рассказывать о каком-то случае, произошедшем у него на метизном заводе. Поедая на самом деле очень вкусный продукт, немного напоминающий говяжий язык, я чувствовал, как меня словно бы обдаёт двумя невидимыми токами: один, приятный, исходил от Котла (общение с ним всегда было уютным), другой, малоприятный — от репреза, не сводившего с Лилии во-

---

сторженного взгляда, в котором нет-нет да и проглядывала тоска (всем было известно, что к своим сорока двум годам он успел овдоветь: жена умерла от какой-то болезни два года назад), и к этим двум токам примешивался еще один — от твердой нацеленности моей жены; она сидела, скрестив на груди руки, покусывая губы и глядя на репреза серьезно и прямо, впрочем, своевременно и улыбаясь, если тот пытался шутить; но как только он поинтересовался, что у них в театре предполагается ставить в ближайшее время, она сжато сказала о задумке режиссера на конец сезона (спектакль, где у ней вновь будет центральная роль) и добавила, что, мол, проект затратен, а с финансами в театре туго, и выдала это так актерски беспроегрышно, что репрез, может быть, и мысль свою опережая, шустро достал из кармана какую-то синенькую штучку (то ли крохотный мобильник, то ли специальное устройство для вызова подчиненных), нажал одну из кнопочек, и сразу же открылась дверь, и вошел тот самый представитель или помощник, который привел нас сюда. Волчков дал ему указание насчет немедленной материальной поддержки драмтеатра, закончив словами:

— Нагрузи бюджет!

И помощник кивнул и, доставая из кармана телефон, вышел. Репрез спрятал свою синенькую штучку и продолжил говорить с Лилией, но та как-то быстро, так что я и сообразить не успел, переключила его внимание на меня, сказав ему что-то типа: вот, мол, супруг мой постоянно испытывает затруднения в своих делах... нет ли возможности... а то, понимаете, это как-то и на моем творчестве отражается... Репрез перевел на меня взгляд и без особого энтузиазма спросил, в чем же заключаются мои затруднения. Я сперва почувствовал неловкость, ведь не думал ничего просить, и что-то промямлил, но тут же собрался, вмиг воспроизвел в памяти все приготовленные вопросы и, вроде как отвечая, дескать, затруднения в том-то и том-то, плавно перешел на авторынок города, тут же кинул первый вопрос, и потек разговор меж репрезом и мной наискось через стол под негромкое звучание трансляции из зала ресторана по монитору, тогда как Лилия с Котлом молча слушали нас. Волчков сходу разразился длинной тирадой, и я вслушивался, стараясь уловить ход мысли, даже нет, не так, просто стараясь уловить в его словах мысль, но к своему дикому изумлению не только никакой мысли, но и тени мысли, и даже тени тени мысли не обнаруживал: всё обычные, ничего не значащие слова, пустые, как засохшая и дырявая маковая головка, произносимые, однако, с важным и глубокомысленным видом, с видом

большой компетентности, отчего становилось смешно, да так, что временами трудно было и удержаться от смеха. Да-а, такого я не ожидал! Не с поднебесной высоты, а лицом к лицу потрясающая мелкость человека открывалась мне во всей полноте. И что самое ужасное — человека на самом высоком посту нашей громадной области, превосходящей по площади и Францию, и Бельгию, и... какие там еще страны в Европе... Я был смят! Я был уязвлен, огорчен, оскорблен, смущен и возмущен одновременно. Мне было еще и стыдно. Должно быть, моя физиономия пошла краснотой, уж больно встревоженно поглядывала на меня Лилия. Какое-то время мне еще думалось, что я, может, чего-то недопонимаю, но, продолжая задавать вопросы, уже вообще по делам в городе и области, и слушая его длинные ответы, чувствовал нарастающее желание вскочить, крикнуть: «Да чё ты мне тут задвигаешь!» — и шлепнуть его по макушке. А в самом деле, я же отлично знал, что ни черта в городе не делается, как всё стоит, так и стоит. А он говорил о налаженном производстве тракторов по конверсии (три трактора два года назад выпустили, всё!), о том, что уже начинается серийный выпуск мотозильных агрегатов для поставок за рубеж (даже оборудование за четыре года не завезли на тот завод — я точно знал, был там недавно по делам), что в скором времени начнут выходить потоком трамвайные вагоны (а это уже о том погибшем заводе, с которого пришел к нам Отрошенко), что в целом нарастает поступательное движение в деле создания в области сильной экономики... и дальше, дальше... всё в продолжение прежней многолетней песни... Я слушал, и мне было нехорошо. Но не долго. Вдруг что-то перевернулось во мне, и я сразу успокоился. Да, перед этим я еще успел подумать, что в этом человечке и в других таких же, вершащих судьбы многих и многих, скорей всего и заложена подлинная причина моей периодически возникающей невнятной тоски, как и причины кой-каких знакомых мне проявлений реальной жизни, той же, например, внутренней *порабощенности* горожанки... Но это подумалось вскользь, а в следующее мгновение я уже смотрел на Волчкова спокойно и так же спокойно думал: *«От него, как и от других таких же, нечего ждать, и надо это усвоить и рассчитывать на себя, а значит немедленно начинать реализовывать задумку»*. А он говорил:

— Многое будет зависеть, как поведете себя вы, предприниматели, окажете ли поддержку. А то я вот прошу Игоря Ивановича, — кивнул он на Котла, — помочь городу, выделить средства на реконструкцию панельных пятиэтажек. — Он посмотрел на меня с погрустневшей улыбкой, как бы мне

одному объясняя. — Но он занят другим строительством. И знаете, каким?

— Не знаю, — ответил я.

— Он строит «Центр Бракосочетаний»!

Котел потупился, смущенно улыбаясь. А репрез, глядя на меня, сказал несколько обиженно:

— Представляете? Нашел время!

В кармане у него что-то затрезвонило, и я подумал, что сейчас он достанет ту синенькую штучку, но он достал маленький желтый мобильник, поднес к уху, послушал и быстро проговорил:

— Нет, нет, нет. Не отменяется. Сейчас буду. — И встал, посмотрев на Лилию со вздохом сожаления. — Ну что ж, дела не знают наперед ни времени, ни места...

28

Мы все вышли из помещения для приема гостей, распрошались с репрезом, и он, качая покатыми плечами, пошагал по коридору на выход в сопровождении двух охранников и помощника. Глядя ему вслед, Лилия тихо сказала мне:

— Почему ты ничего не попросил у него?

Я молча двинулся на отдаленные звуки музыки. Она пошла рядом. Котёл шел сзади.

— Мог бы хоть насчет низкопроцентных кредитов заикнуться, — говорила она всё так же тихо. — Ты наверно, думаешь, теперь таких нет? Есть, есть! Я знаю точно! Сама удивляюсь, но ты представляешь, мне иногда хочется вернуться в свое банковское дело. Бывает, надоест всё, так я пойду к администраторам, они меня за компьютер усадят, и я читаю в инете банковские новости или играю в биржевых спекулянтов... есть такая игра... Последний раз хорошо получилось, на первое место вышла, маржа — ой-ей-ей... Так вот, я говорю, есть и сейчас кредиты с небольшими процентами... Не для всех, конечно... Ну ничего, можно потом... — Она схватила меня за руку и быстро зашептала на ухо: — Этот, кто он там у него... Ну, который приходил-то к нам наверх... Он дал мне, когда мы выходили, его прямой... Репрез сам написал... Вот, — показала она бумажку с написанным от руки номером телефона.

Она что-то еще говорила, но музыка приближалась, уже заглушая ее голос. Мы вошли в зал. Всё его продымленное пространство было поперечёркано серебряными нитями «дождя» и разноцветными лентами серпантина, а сверху сыпались конфетти... Музыка смолкла, и ведущий прокричал в микрофон:

— А вот и Лилия появилась! Давайте пригласим ее на сцену!

Грянули аплодисменты, раздались крики. Много уже было пьяных. Лилия пошла к сцене меж столов, на ходу обернулась и что-то крикнула мне, я не расслышал...

Мы с Котлом вышли в проход и остановились.

— Ну? — произнес он, глядя на сцену. Из-за шума голос его был слышен не очень хорошо. — Я вижу, ты всё понял, да?

— Что?.. А, да, да, — сказал я. — Понял.

И, помолчав, спросил:

— А чё ты им, правда, денег-то не дашь?

Он хмыкнул и ответил:

— Думаешь, я не давал? Два года назад дал на реконструкцию пяти домов. А они сделали только один.

— Куда ж остальные бабки ушли?

— Ясно куда... Так я уж лучше их на бомжей потрачу...

Бомжами он занимается, точно. Построил комфортабельную ночлежку под названием «Ни дома, ни лома» и организовал десятки точек по всему городу, куда для бомжей каждый день привозят горячие обеды.

— Что у тебя за беда-то? — вдруг просил он.

Я вздрогнул. И посмотрел на него. Он, как ни в чём не бывало, глядел по сторонам.

— Да нет никакой беды.

— Ну, я же вижу, что есть.

О, чутье! Это как раз то, что необходимо предпринимателю. Не зря говорят: предпринимательство требует таланта, точно так же, как, например, музыка или живопись. За счет него-то и преуспевает Котёл. *Значит, в мой внутренний подъем нет-нет да и встревает прошлое! Наверное, когда смотрю на нее.*

Я помолчал и спросил:

— А когда ты свои «Бракосочетания» запустишь?

— В феврале. А что, может понадобится?

— Очень даже!

— Ну, в таком случае, для тебя — полный комплект бесплатных услуг. Только загодя позвони... А как насчет формы телесной?

— В первую среду Нового года — на Тальниковом острове!

— Зафиксировал! Ну, давай пока. Мне пора тылы обходить.

Мы ударили по рукам и пошли в разные стороны. Всё, о чем только что думалось, мигом отлетело. Я двинул наверх. Я весь теперь был — порыв, бросок. *Только б они согласились!*

В сумрачном проходе первого яруса двое охранников протаскивали мимо меня «безжизненное» тело. Они держали его

под руки, ноги скребли по полу, голова была низко уронена и болталась. И всё же, когда его вытаскивали в зал, я успел увидеть лицо. Это был Рубец.

Поднявшись на галерку, я вошел в нашу секцию и сел за стол.

— Ну и как прошел визит? — спросил Слава. — Чем вас потчевали? Что вы там...

— Подожди, — оборвал его Фрол. — Ну, выяснил? Как он?

— Помнишь, — сказал я ему, — ты говорил, много ли, мол, на свете таких, насчет которых ошибается Мойра?

— Что, что?.. А-а... Ну да... Мойра... Помню. И что?

— Так вот я не знаю, много их или нет, но этот репрез — одна из самых крупных ошибок Мойры! Однозначно!

— А что, что? В чём дело?

— А дело в том, что ты его, я думаю, даже мастером к себе не взял бы! — резюмировал я, пристукивая ладонью по столу. — В общем, слушайте меня внимательно...

И начал выкладывать свою задумку.

29

А через полтора с лишним месяца я ехал в своей машине в район Топольков, возглавляя длинный трудовой кортеж: сзади шел автокран, потом — тягач с бульдозером на трейлере, следом грузовики тащили на платформах сборный ангар, жилую времянку на восемь человек, вагончик с оборудованием для шиномонтажа, будку с дизелем, железную эстакаду, компрессор, бочки с соляжкой, столбы, проводку и всё прочее, необходимое для того, чтобы поставить станцию технического обслуживания в полевых условиях. В самом конце катил автобус с прорабом и рабочими.

Рядом со мной сидел, подрёмывая, Анисим Чубуков, сорокапятилетний автомеханик, первоклассный спец, на все руки мастер, страдавший только одним недостатком, склонностью к выпивке, из-за чего приходилось держать его в ежовых рукавицах; жена от него давно уехала вместе с сыном, и жил он один, почему и согласился на «вахту» без возражений в отличие от слесаря Коли Иванова, который сидел сзади: его пришлось долго уговаривать, да и то он согласился оторваться от молодой жены не более чем на три дня. Больше никого уговорить не удалось, так что кадровый вопрос я надеялся решать на месте. Момент был для меня очень непростой. Хорошо еще, Чубуков там будет. Фрол-то не хотел его отпускать, и мне пришлось надавить: «Ты же поддержал?! Ну и всё! Значит, пусть едет со мной!»

А Фрол не просто поддержал... Когда мы сидели в ресторане у Котла, и я высказывал свои соображения, то всё смотрел и смотрел на Фрола и видел, как темнеет его лицо и наморщивается лоб, как сдвигаются брови и словно еще глубже уходят под них глаза. Он слушал, наклоняясь к столу и потирая шею, а когда я закончил, напряженно думал, пока Слава не спросил меня подозрительно: «А чё ты делал в этих Топольках?» Фрол ему бросил: «Да ладно...» И, выпрямившись, посмотрел вокруг: «А что нам-то еще здесь делать?» И встал. Глаза у него горели, как у игрока, почувствовавшего фарт, губы растягивались в торжествующей улыбке... «Поедемте, друзья, к себе, — сказал он. — Потолкуем...» Когда мы выходили из зала, Лилия, оборвав монолог из водевиля, крикнула в микрофон со сцены: «Витя! Ну куда ты?! Я же просила подождать!» По залу пронесся смех, а я обернулся к ней, провел ребром ладони по горлу и показал жестами, что, дескать, позвоню, а потом вернусь за ней. Мы вышли на улицу, сели в мою машину, а когда приехали в «Кардан», Фрол включил компьютер, посмотрел в Интернете информацию по предложенной мной теме, и мы начали разговор. Постепенно загорелся и Слава. Фрол же действительно поддержал меня, причем, поддержал горячо. И сразу же ухватился за эту мою идею. Мы всё хорошенько обговорили, а со следующего дня началась подготовка...

И вот уже навстречу мне бежала асфальтовая дорога, местами обледенелая и сверкающая на солнце белой жутью, ее наискось пересекали струйки снежной поземки. У ветрового стекла качался первый за всё время с тех пор, как у меня появилась машина, талисман: четырехликий Световид с мечом на боку, с луком в одной руке и рогом в другой, — древнерусское божество, приносившее победу. Трудно передать, что я чувствовал в те минуты, во всяком случае такого напряжения никогда еще не испытывал, ведь мне предстояло всё начать с нуля, на пустом месте, а поражение на *том* месте могло мне обойтись очень дорого, как бы не поражением в жизни вообще, так что я даже начинал побаиваться. Помню, очень хотелось поскорей доехать, и я то и дело прибавлял скорости, но всякий раз приходилось сбавлять ее, чтобы не отрываться от остальных машин...

Подъехав к Новой Северной Магистральной, я остановился в том месте, где побывали мы с Надеждой и Андрейкой. Выйдя из машины, смотрел, как из автобуса выпрыгивают люди в зимних спецовках... И началась работа. Я отдавал распоряжения, спорил с рабочими, ругался с прорабом, советовался с Чубуковым... Бульдозер расчищал площадку, выравнивал

и расширял спуск к ней от магистрали. Ревел компрессор, вгрызались в мерзлую землю отбойные молотки. Рабочие споро собирали ангар. Тяжко поворачивалась стрела автокрана, перемещая в воздухе то одно, то другое, и аккуратно становились на очищенный грунт шиномонтажка, дизель, эстакада... А магистраль жила своей шумной жизнью. Некоторые из проезжавших по ней машин замедляли ход, шофера выглядывали из кабин и что-то кричали...

К середине дня управились. Прораб сказал: реальный объем работ превысил тот, что запланирован в смете, и придется доплатить. Я ответил, что сделаю это сегодня же. Они уехали, а мы вдвоем остались. Теперь здесь на расчищенной от снега земле стоял небольшой компактный техгородок. В центре — синий ангар, воротами к магистрали, на нем красовалась вывеска с надписью черным по желтому «Кардан. СТО», а на вагончике рядом — «Шиномонтаж». Возле времянки — диспетчерская и кассовая будки. В стороне, за дизельной будкой и складом из железного грузового вагона кирпичного цвета — новый деревянный нужник... Чтобы приобрести всё это, пришлось влезть в долги, а землю в аренду нам помог получить Лунев, который был теперь главным архитектором области. Две недели назад я приезжал сюда с землеустроителями...

Постояв, посмотрев на техгородок и на мчавшиеся по магистрали машины, я зашел в будку к Чубукову:

— Ну что, идем?

— Сейчас...

Он заканчивал собирать карабин, который, оказывается, был у него среди других вещей в большом чемодане.

— Это еще зачем? — удивился я.

— Ты же сказал, мы пойдем в народ за кадрами?

— Ну, а берданка-то к чему?

— Это Миклухо-Маклай мог выходить к дикарям безоружным. Здесь нельзя!

Я покачал головой, но спорить не стал. Он вскинул на плечо карабин, нахлобучил шапку, и мы вышли на улицу.

— Не обижай клиентов! — крикнул Чубуков Коле, который укладывал стопами шины у дверей шиномонтажки. И тихо добавил: — Если они, конечно, будут...

Мы сели в мою машину, и я повел ее в Топольки. Я знал, где их можно найти, кадры: позавчера был у Надежды и спросил Василия Степановича. Но ни слова не сказал им о том, что затеял...

На краю села мы вышли из машины и направились к недострою, я — впереди, Чубуков — за мной.

И точно, на первом этаже этого недостроя в потоках солнца, льющегося в проемы, я увидел ребят, их было пятеро: кто сидел на доске, кто на ведре вверх дном, один лежал на голом пружинном лежаке от дивана... В середине, возле потрескивающего старым палочьём костерчика, на опрокинутом деревянном ящике стояла полторашка с остатками пива и прозрачный пластмассовый стакан с пивом на доньшке.

Никто не пошевелился и даже не взглянул на меня, когда я вошел, все были словно в сонном оцепененье, и я, глядя на них, одетых в поношенную, где-то и продранную одежду, в ширпотребовские лыжные шапочки, в разбитые дешевенькие кроссовки да растоптанные простые зимние сапожата, громко поздоровался. Все посмотрели на меня, а тот, что лежал, приподнялся, и я сразу узнал его. Это был тот парень, которого я подсечкой направил к плетню, когда приезжал сюда первый раз. Взглянув на меня, он сел на лежаке и хотел было встать, но, увидев ствол карабина за плечом Чубукова, снова лег, по-мужицки басовито проворчав:

— Привет старым знакомым...

— Эт кто, Тимоха? — лениво спросил его паренёк в телогрейке и ушанке, самый молоденький, лет четырнадцати.

— А это, Андрос, Аллы Сергеевны дочки жених.

— Надькин, что ли?

— Ну.

— Молодец, Надька... — Андрос смотрел на меня, оживляясь, в глазах блеснуло веселое любопытство. — Интеллигентного отхватила...

— А Надька чё, не интеллигентная? — возразил парень, который в тот раз был с Тимохой (за это время у него отросли светлые кудри — так и лезли из-под черной шапочки).

Чубуков кашлянул, и я сказал:

— Ребята, нам нужны люди. На работу.

Все посмотрели на меня удивленно. А Тимоха, всё так же лежа, спросил:

— В город, что ли?

— Почему в город? Здесь.

— Ну и шутки!

— Какие там шутки... Я же сказал — люди нужны!

Тимоха поднялся с лежака и, усевшись на нем, спросил:

— Сколько тебе надо людей?

— Идемте все.

Чубуков толкнул меня в бок, но я решительно повторил:

— Все идemте!

— А куда, куда, куда? — закудаhtал тоненьким голоском Андрос.

— Стоять! — дернул его за рукав сидевший рядом худощавый парень, как видно, постарше остальных, может быть, даже отслуживший в армии. — Неужели еще где-то есть работа? Мы уже и забыли, что это такое!

— Погоди, Макар... — Тимоха встал с лежака, подошел ко мне и взглянул исподлобья настороженным цепким взглядом. — Вы бы хоть представились для начала. Вот меня, например, зовут Тимофей Федорович.

Остальные засмеялись, а я протянул ему руку:

— Виктор Иванович. Главный инженер автотехцентра «Кардан».

Тимоха чуть помедлил, но пожал мне руку. И спросил:

— По авто, значит, работа?

— Ну да.

— А винтарь зачем? — кивнул он на Чубукова.

— Мой товарищ — любитель охоты. Он слышал, у вас тут волки водятся...

— Волки не здесь! — сказал паренёк, у которого сдвинутая назад шапочка обнажала часть стриженной налысо головы. — Это за полста километров, за Строгино. Там леса...

— Стой, Седуля! — оборвал его Тимоха. — Не надо про волков... Где ваша работа?

— Пойдемте.

Мы вышли из развалин и направились к машине. Под ногами скрипел снег, солнце светило в глаза, и чувствовалось, что оно почти неощутимо, но все-таки уже начинает пригревать. И все-таки как хорошо, как легко и вольно дышалось здесь!

Светлокудрый спросил:

— А приемам научите?

— Запросто, — сказал я. — Можно даже секцию открыть. У вас в школе, я видел, хороший спортзал...

— А тренировать кто будет? Вы?

— Ну, зачем? У меня других дел хватает. Пригласим тренера, будет из города ездить...

— Заживе-ем, Сашок! — хлопнул по плечу русокудрого Тимоха. — И, как в песне поется: всё, о чем мечтал ты, станет явью!

Все засмеялись, а Сашок сказал со вздохом:

— Да-а... Слетал бы на Канары, да потерты шаровары...

В мою «семерку» все, конечно, не влезли, двоих пришлось отправить пешком. Я сел за руль и тронул машину. Чубуков сидел рядом, а на заднем сиденье уместились трое: Тимоха, Сашок, и Андрос. На коленях у них лежал карабин.

— На «ты» можно с вами? — спросил Тимоха.

— Конечно, — сказал я и кивнул на Чубукова: — Вот Анисима Петровича попрошу называть только на «вы». Он будет вашим наставником...

Когда я вывел машину на шоссе, Тимоха спросил:

— Не слыхал, как вот этот Андрос твою Надьку сватать ходил?

— Ты? — удивленно взглянул я в зеркало на Андроса. — Сватать?

— Ну. Года два назад, — сказал Тимоха. — Он еще совсем малым был... Приходит к ним, и Надьке: мол, на крылечко выйдем. Ну, вышли. Она: «В чем дело?» А он стоит, пыхтит...

— Да чё ты... — пропищал Андрос. — Ты-то не видел!

— Зато сейчас вижу! — хохотнул Тимоха. — Как наяву!.. Ну, и говорит ей: «Я пришел тебя сватать...» У ней сразу глаза по чайнику, а он: «Да я за брата!» Вовка, братан его, тогда только из армии пришел, ну и решил её сосватать. Родичи отговаривали, она ж с ребенком, но он чё-то там... Ну, ладно... В общем, Надька спрашивает: «А сам-то он почему не идет?» Андрос: «Так я ж за него!» А она ему... — Тимоха засмеялся и продолжал говорить, давясь от смеха: — Она... говорит... «Так ты, может, — говорит, — вместо него и под венец со мной пойдешь?!» Андроса сразу столбняк — хватить! И ка-ак он даст-даст оттуда...

— Да не бежал я...

— Бежал, бежал! — сказал, хохоча, Сашок. — Будто от страшилки какой!

— А дальше? — спросил я.

— Что?

— Ну этот, Вовка-то...

— А-а... — махнул рукой Тимоха. — Больше к ней не совался. Она вообще многих поотшибала, ты учти, даже одного типа олигарха, на двух иномарках приезжал... А женился Вовка на Любке, соседке...

Тут как раз кончилась лесополоса и открылся вид на магистраль.

— А это что? — изумленно спросил Тимоха, показывая рукой на наш техгородок. — Никак, мираж?

— Жисть это, — сказал Чубуков, вприщур глядя вперед. — Самая, что ни на есть натуральная... Э-эх-ма!

Возле ангара стояла одна легковушка. Ее хозяин, высунившись в открытую дверцу, разговаривал с Колей. Дальше, несколько возвышаясь над ними, с шумом проносились по магистрали машины.

Я остановил свою «семерку» и вышел.

— Так, все вперед! — сказал Чубуков, вылезая и принимая у ребят карабин.

Я подошел к нему и тихо сказал:

— Ну, я поехал...

— Так у тебя тут что, личные перспективы? — так же тихо спросил он.

— Ты только пока об этом никому!

— Ладно... Когда будешь?

— Не знаю. Надо с этими делами закончить...

— Ну, давай... — Чубуков протянул мне руку. Я пожал ее. — Пойду отдохнуть... Чё-т мне кажется, зря мы их привезли. Курорт, видать, будет, а не работа! — Он глянул на меня с усмешкой и двинулся вслед за ребятами к ангару, неся на весу карабин. Я смотрел им вслед, и на меня накатывала такая хандра, что хотелось рассыпаться на элементарные частицы, исчезнуть, раствориться в этом чудесном воздухе. «*Неужели ничего не выйдет? И как же тогда?*» Постояв еще немного, я тяжко вздохнул, сел в машину и поехал в город.

30

Это был один из редких случаев, когда я не хотел никого видеть, но надо было отчитаться перед Фролом, да и доплату перечислить бригаде, поставившей техгородок, и пришлось заехать в «Кардан». Потом я сгонял по делам в два места и, уже направляясь домой через центр, вдруг почувствовал, как что-то толкнуло меня внутри, когда я увидел впереди, у въезда на мост, освещенную предзакатным солнцем островерхую часовенку, в которую иногда заходил. И подумал: «*Надо заглянуть*». В часовне, где тусклый свет лампочки отблескивал на иконных ликах, а на полу краснела спираль обогревателя, как обычно, купил свечку, втолкнул деньги в щель фанерного ящичка для пожертвований, зажег свечку от одной из горящих в подсвечнике свечек и поставил ее «во здравие себе и всем своим начинаниям» и помолился, как умел. Выходя, попрощался с пожилой послушницей. Она благословила меня, и я шел к машине, чувствуя хорошее просветление на душе.

Когда приехал домой, меня там, конечно, никто не ждал: у Лилии шли репетиции спектакля, до премьеры которого оставалось всего ничего, и она опять допоздна пропадала в театре. Я отключил свой сотовый телефон, отключил и городской. Поплескался под душем, нехотя перекусил подсохшей копченой колбасой с позавчерашним хлебом, а потом лежал на диване с пультом в руке, переключая телепрограммы, но почти ничего не видя на экране; и только всё думал и думал,

---

и вспоминал то, о чём говорил мне отец, когда я был у родителей в последний раз, осенью. Тогда я купил отцу новую машину, «Мерседес». Мне пришлось сделать это втихаря от Лилии, потому что если бы она узнала и дошло до тещи, не миновать бы мне очередной порции давления: теща и без того уже не раз намекала, что, дескать, пора бы мне приобрести машину для супруги. «Мерседес» я отправил по железной дороге, а сам сел на самолет и прилетел к родителям погостить. Отцу не говорил о своем подарке. Через два дня мы с ним приехали на товарную станцию, я получил «Мерседес» и сказал ему: «Это тебе от сына. Владей!» Он чуть не расплакался, крепко обнял меня, а потом сел за баранку, и когда выруливал со станции, растроганно говорил: «Не знаю уж, как ты там догадался, что мой «москвичонок» вконец рассыпается, вроде я тебе об этом не писал, но знаю, сейчас этот подарок не мог тебе обойтись легко, и потому уверен: воздавать тебе должно обязательно! Недавно я помог одному провидцу, и он сказал, что может дать мне расклад на будущее. Так вот я попросил его, чтобы он сказал насчет тебя, и он посмотрел на твое фото, и смотрел-смотрел, а потом говорит: «У твоего сына в скором времени должны быть важные перемены в жизни, и всё будет так, как он хочет». Больше он ничего не сказал, но я знаю, это — к твоей удаче!»

Удачей я считал место у Новой Северной Магистральной, но сейчас чувствовал себя так, будто меня уже постиг полный провал, и в мыслях уходил очень далеко, вплоть до того, что думал бросить всё и уехать к родителям навсегда, таксовать там вместе с отцом и никуда больше не соваться... Что-то знакомое мелькнуло на экране телевизора. Я взгляделся и увидел Лилию. Она говорила о предстоящей премьере, потом они с Ковалевым стали играть сцену из спектакля. Я выключил телевизор, разделся и лег спать.

31

Проснулся, когда за окном уже светало. Лилии не было, и я вспомнил: еще вчера днем она предупредила меня по телефону, что ей, возможно, придется заночевать в театре. Я встал, побрился, умылся, выпил стакан чая. Вспомнил, что телефоны отключены, включил сотовый, и он почти сразу замузичировал. Я нажал кнопку, поднес телефон к уху и услышал хриплый голос Чубукова. Он говорил невнятно, похоже, заплетающимся языком, так что я еле-еле разобрал:

— Ше-еф... Приезжа-ай... Сро-очно...

— Сейчас приеду! — рявкнул я, думая: «Все-таки нажрался, скотина!» — Приготовься!

И отключился. Тут же включил городской телефон, и он сразу зазвонил. Это был Фрол.

— Слушай... — встревожено сказал он. — Там у них... что-то...

— Да знаю! — крикнул я — Еду! — И бросил трубку.

Быстро оделся, выскочил из квартиры и помчался к гаражу... Пришлось еще заехать на заправку, а потом поторчать в пробке у парка культуры, но когда вырвался за город, погнал от души, выжал всё из своей старушки. Меня раздирало бешенство, хотелось немедленно схватить Чубукова за грудки и трясти, трясти... Желтый шар солнца уже завис над горизонтом с правой стороны, когда я проезжал мимо Топольков. Домишки тянулись слева, и по их окнам весело бежали солнечные брызги. Досадней всего было думать, что завтра снова придется гнать сюда бригаду и технику и всё сворачивать... Но когда остались позади леса и открылся вид на магистраль, я увидел совсем не то, что ожидал. Верней, я не увидел нашего техгородка. Его заслоняли грузовики и фуры. Было много и легковушек. Машины заполонили всё пространство вокруг, и пришлось объезжать их по полю, чтобы приблизиться к ангару. Мне начинало казаться, что я еще не проснулся, и всё это сон. Я на полном серьезе зажмурился и тряс головой, но радостная волна уже поднималась в груди... Я остановился у легковушки с поднятым капотом и вышел на не хрустящий укатанный снег. Худощавый осунувшийся Макар в новой зимней спецодежде светло-синего цвета с золотистой надписью «Кардан» на спине живо орудовал аккумуляторной отверткой. Мы коротко переговорили, и выяснилось, что он и в самом деле отслужил в армии, в танковых войсках, специальность — электротехник. Я пошел к временке, услышав за спиной, как Макар подзывает владельца машины и начинает ему что-то объяснять. Над крышей легковушки мне было видно, как возле одной из грузовых машин Сашок колотил кувалдой по железу, а Андрос что-то там поддерживал; вид у обоих был сосредоточенно-насупленный, но и сонный; оба тоже были в спецодежде; я подумал, что они работают вдвоем, но тут, что-то им говоря, разогнулся Коля Иванов, устало отирая рукавом пот со лба. Чуть поодаль, наблюдая за ними, стояли двое незнакомых ребяташек лет по двенадцати. *«Значит, в деревне уже все знают!»* Я заглянул во временку, где горел огонь в буржуйке, а на нижних нарах из-под одеяла виднелась лысая голова спящего Седули; его светло-синяя спецодежда была аккуратно повешена на спинку стула. Проходя мимо шиномонтажки, я заглянул и в неё. Тимоха в светло-синем комбинезоне (свет-

---

ло-синяя куртка висела на гвозде) монтировал на станке колесо, и делал всё правильно. Молодец Анисим Чубуков, быстро обучил! В одном месте среди машин громко звучали голоса и смех: там скопились шофера. Чубукова, так же одетого в светло-синюю спецовку, я нашел в будке с крупной надписью «Касса» на вывеске над дверью. Он отбивал на кассовом аппарате чек, а возле него стояла пышная дама в пышной шубе, с пышными распущенными волосами.

— Вот тебе и курорт! — сказал он, увидев меня. И взял у дамы деньги, отдал ей чек, и она, выйдя из будки, пошла к своей «Ауди». — Я тут, как лев Бонифаций...

Чубуков был абсолютно трезв, но язык от усталости у него и в самом деле заплетался. На его посеревшем лице темнела щетина. Говорил он ворчливо, но вид у него был довольный. Он рассказал, как вчера, когда я уехал, он выдал ребятам нашу фирменную спецодежду категории «омега», то есть для работы на улице в зимних условиях: теплые комбинезоны, ботинки, ватные стеганые шапки типа подшлемников и утепленные куртки. Потом переоделся сам и начал давать ребятам пояснения по работе, которой довольно долго не было. Наконец, подъехала машина с какой-то неисправностью, и дальше пояснения пошли уже на практике. Вскоре подъехала еще одна, а позже (видимо, как раз после того, как я побывал в часовне) машины повалили одна за другой, и работы стало невпоровот...

— Здесь место, наверное, такое, — говорил Чубуков, открывая ключом дверцу большого несгораемого сейфа. — В обе стороны до ремонтных дел далеко, и у многих что-то да начинает трещать. Покрытие-то гиблое, сколь его ни ремонтировали! А чем еще объяснить, не знаю... В общем, меняй меня, начальник! Мне надо хоть немного поспать... Гляди!

Он открыл дверцу. Сейф был наполнен мятыми деньгами.

— Некогда было складывать, так впихивал... И вот гляди!

Он достал из-под кушетки черный дутый портфель и открыл его. Портфель тоже был набит деньгами.

— Я привезу тебе замену, Петрович, — пообещал я. — Хорошую замену! Надежную! Прямо сейчас привезу! Продержись еще немного!

— Держусь, держусь... — сказал Анисим, спрятал обратно под кушетку портфель, закрыл сейф и отдал мне ключ от него.

Выскочив из будки, я чуть не сбил человека, которому Макар наладил аккумулятор. Я извинился, а он, доставая бумажник, недовольно взглянул на меня и вошел в будку. Я быстро пошагал к своей машине. В просвеченной солнцем кабине одной из фур увидел смазливое девичье личико рядом

с пустующим водительским местом. *«Что ж, без этого, видно, не обойтись: будут и трассовички, и, наверно, криминал... Надо срочно нанимать охрану!»*

Я сел в машину и поехал в Топольки.

32

Дома у Запеваловых я застал одного Василия Степановича, и он сразу сказал, пожимая мне руку:

— Слышал, слышал о твоём начинании!

— Мне помощь ваша нужна! Поедьте со мной!

— Поехали.

Он стал одеваться, но тут в дом вошла Надежда с охапкой дров, бросила их к печи и спросила:

— Куда это вы?

Я объяснил, а она сказала:

— Подожди-ка...

Взяла меня за подбородок, внимательно заглянула мне в глаза и протянула:

— Голо-одный... А ну-ка за стол!

— Да некогда!

— Нет, правда, Виктор, — положил мне руку на плечо Василий Степанович. — Пятнадцать минут приема пищи если что-то и изменят, то только к лучшему. Садись!

— И успокоиться тебе надо, — говорила Надежда, уходя на кухню. — А то что-то уж больно взбудоражен...

Усевшись за стол с Василием Степановичем, я стал спрашивать его под звон посуды из кухни о том, чего еще толком не знал: кто чем сейчас занимается в Топольках, — и быстро выяснил, что основную часть составляют пенсионеры, за счет которых живет молодежь без определенных занятий, а те, кто постарше, главным образом работают вахтовым методом в Ханты-Мансийске, Салехарде, Нижневартовске и прочих северных местах; кто-то из молодых уезжает в город, устраиваются охранниками, дворниками или грузчиками (другой работы и не найти, заводы же стоят), снимают какое-нибудь захудалое жилье, так и перебиваются; некоторая часть топольчан живет только со своих хозяйств, и есть крохотная горстка людей, которые, как Василий Степанович, зарабатывают ремёслами: кто обувь чинит, кто одежду шьет, кто по печному делу... Теперь я внимал всему, что слышал, совсем не так, как при первом нашем разговоре с отцом Надежды, теперь это был для меня процесс необходимого познания, ничуть не менее важный, чем необходимость как можно скорей войти в курс дела вновь принятому на работу специалисту, дабы в кратчайший срок начать успешно

выполнять служебные обязанности, и потому я слушал, стараясь запоминать всё до последних мелочей; и расспрашивал с дотошностью школьника, впервые в жизни пришедшего на экскурсию в производственный цех, так что пару раз словил ироничные, но и с примесью нежности и одобрения взгляды Надежды, когда мы с Василием Степановичем уже трапезничали: он пил чай с пирожком, просто за компанию, потому как успел позавтракать, ну а я в полную меру вкушал от кулинарного таланта Надежды (тонко проперченная уха с белоснежными щучьими кусками и плавающими поверху пятаками жира; нежные свиные ломтики с тушеной капустой и кругляшками жареного зимнего кабачка), и всё расспрашивал, и слушал, с каждой минутой естественно наливаясь силой, как Илья Муромец от волшебной воды калик перехожих; и это обостряло уже знакомое ощущение беззащитности вымирающей деревни, часть которой видел я в окне над плечом Василия Степановича: в промежутке между голыми ветвями яблоньки ясно вырисовывалось крыльцо соседнего дома — скособоченный козырек под пухлой снежной подушкой, надломленная стойка, распахнутая дверь на одной петле и зияющий абсолютной чернотой проем, лишенный прямоугольной формы, казавшийся мне похожим на широко открытый рот, искривленный в отчаянном крике о помощи... И вдруг из этого проема, из тьмы в яркий свет вылетела птица, белый голубь, — мелькнув, исчезла, и я, не донеся до рта вилку, замер, думая, не померещилось ли, но мог поклясться, что видел, как он взмыл над крышей и, прежде чем уйти в небо, на секунду завис, трепеща крыльями, но главное — в следующее мгновение подумалось: *«Вот так бы, пожалуй, надо вверх и до упора»*, и это был момент зарождения того, чем одержим я теперь и от чего уже не отступлюсь; правда, тогда я этого не понял и лишь усмехнулся мысли, показавшейся нелепой, но она не ушла, и теперь я знаю: движение этой мысли, нырнувшей в подсознание, продолжалось непрерывно все последующие минуты, часы, дни, пока не вызрело *решение*; но и тогда я, кажется, чувствовал начало этого движения, уже до краев налившись силой и успев к той минуте, когда ладони мои грела чашка с чаем, втянуть в разговор и Надежду, и вбирал в себя знания об этой земле от них обоих; разговор тек ровно, ладно, семейно. И всё же недоставало Аллы Сергеевны и, конечно, Андрейки, по которому я скучал. Не прерывался разговор и всё то время, пока мы вставали из-за стола, одевались, выходили на улицу, а потом сидели в машине, мчавшей нас к техгородку.

Когда оборвалась лесополоса и открылось заполонённое машинами поле, Василий Степанович пророкотал своим громовым голосом:

— Нет, ну ты только посмотри, что они натворили!

Надежда, сидевшая сзади, с тихим смехом сказала:

— Так вот, значит, как зарождались города...

Я объехал машины и остановился по левую сторону от ангара. Мы вышли, и тут же до нас долетел крик:

— Степаны-ыч! Здоро-ово-о!

Кричал кто-то из стоявших среди машин шоферов, и Василий Степанович направился туда. Солнце поднялось уже довольно высоко. Стоял несмолкаемый близкий шум движения машин по магистрали.

— Пойдем со мной, — сказал я Надежде. — Поможешь.

Но пока мы шли в сторону кассовой будки, окликнули и ее:

— Надежда Васильевна! До чего же кстати вы мне повстречались!

Держась за ручку дверцы бежевого «ЛуАЗа», на нее смотрел рослый человек с рыжей бородой, в распахнутом полушубке и ондатровой шапке, с синим «ромбиком» на лацкане пиджака и в рубашке лимонного цвета с оранжевым галстуком. Надежда свернула к нему, и дальше я шел один. На двери кассовой будки висел замок, а рядом стояли в ожидании несколько человек. Я пошел к Чубукову, он что-то там колдовал под задраным капотом бортового «газика». Ему помогал выпавшийся Седуля. Состояние Чубкова было уже явно на пределе. Увидев меня, он выдохнул, сонно закатывая глаза:

— Ну, где она, где твоя замена?

Я прошел среди машин к Василию Степановичу, отбил его у гогочущих шоферов и привел к Чубукову, по пути заметив, что Надежда уже переговорила с рыжебородым и говорит с кем-то другим. Чубуков дал пояснения водителю «газика», хлопнул крышкой и сказал:

— Лет десять гарантии, не меньше. Касса вон там.

И, повернувшись к нам, бросил Василию Степановичу:

— Вы кто? Представьтесь по форме.

Я открыл было рот, чтобы ответить ему «по форме», но Василий Степанович остановил меня жестом и, назвав свое имя, спокойно сказал:

— Действующий начальник местной МТС. Всего отработал на ней двадцать шесть лет, а начальником — семнадцать.

— А, ну тогда, коллега, без меня разберетесь. Держите ключ от склада, там еще мно-ого всего... Да, очень приятно. Чубуков Анисим Петрович.

Они пожали друг другу руки, и Чубуков сказал:

— Я спать.

Он отдал мне ключ от кассовой будки и, пошатываясь, побрел к времянке.

— Вижу, отличный профи, — кивнул ему вслед Василий Степанович и повернулся к Седуле: — Ну что, Валера, приступим?

— Мы уже приступили, — солидно ответил Седуля, смешно наморщивая свой конопатый нос.

— Ты давай-ка вот что, — улыбаясь, потрепал его по плечу Василий Степанович. — Собери-ка сейчас сюда всех, кто есть.

Седуля ушмыгнул, а я сказал:

— Еще бы людей...

Василий Степанович деловито осматривался вокруг:

— Нала-адим... Надо вот только площадку разметить, чтобы не скапливались как попало... — Он достал из кармана бушлата-камуфле надорванную пачку «Беломора» и спички. — И место для курения обустроить, со скамеечками... Во-он там, я думаю, ближе к дороге. И хорошо бы музыку.

Когда Седуля привел ребят, он спросил у него:

— Все?

— Андрос спит. И городской тоже спит, Коля.

— Та-ак... — Василий Степанович прошелся подле стоявших рядом ребят в одинаковой одежде небесно-синего цвета. И заговорил своим зычным голосом, первым делом обращаясь к Тимохе: — Тебе, Охотников, задание. Дуй в село и приведи Володьку Антипова. Он в автобате служил, — пояснял мне. — Захвати так же Савельева Ивана. И Федора Парушкина, если он, конечно, не на вахте. Ну и, может, еще кто подвернется, сам помаракуй. Давай, вперед!

Тимоха повернулся и быстро пошел среди машин в сторону Топольков. Я крикнул ему вслед:

— Тимофей Федорыч!

Он остановился, обернулся.

— Ты машину водить умеешь?

Он развел руками и сделал обиженное лицо: мол, что за вопрос.

— Ну, тогда садись в мою и езжай! Пойдем!

И я направился к своей машине, а Василий Степанович говорил уже подтянувшимся водителям:

— Давайте соблюдать порядок... По очереди...

Тимоха отъезжал на моей «семерке», а я провожал ее взглядом, и тут увидел Надежду. Она шла ко мне, лицо раздурмянилось, глаза смеются, волосы спадают из-под розового шер-

---

стяного берета на отвороты коричневой дубленки, и вся-то красива какой-то чистой красотой, и мне так захотелось ее обнять, прижать к себе нежно-нежно и так же нежно целовать лицо, глаза, сочные губы... Когда она подошла, я, туго сглатывая, спросил:

— Ты когда-нибудь с кассовым аппаратом работала?

— Ну а как же. Без него у нас теперь ничего не делается... Слушай, там мужиков понаехало из соседних сел! Они вчера узнали, что появился ближний ремонт... Раньше-то всё в город гоняли...

— А этот, с бородой, он кто?

— Маломахин, начальник районного управления культуры. Как всегда, просит оказать спонсорскую помощь. Финансирование-то у них...

— Знаю, по остаточному принципу.

— Да сейчас вообще никакого нет, вот и приходится помогать...

Мы подошли к кассовой будке. Очередь возле нее выросла. Я отомкнул замок, и мы с Надеждой вошли внутрь. Электрокамин был выключен, но тепло от него еще сохранялось. На столе у кассового аппарата лежало несколько крохотных серебристых копеек. Я включил камин. Надежда сняла дубленку и повесила на вешалку у окна. Я дал ей реестр тарифов, и она села за кассовый аппарат и стала принимать у людей расчет. А я вытащил из-под кушетки черный портфель с деньгами и пошел в диспетчерскую будку, где холод был такой же, как на улице. Я включил масляный обогреватель, подождал, пока немного потеплеет, потом стал выкладывать из портфеля на стол деньги, считать и складывать в пачки. Каждую пачку перетягивал бумажной полоской, которые нарезал тут же, и склеивал канцелярским клеем, приговаривая: «Пошла-а пахота...» И думал, что надо как можно быстрее разобрать затор, образовавшийся из двух потоков машин: с магистрали и из деревень. Второго, кстати, я не ожидал, рассчитывал только на ремонт транспорта с магистрали. Ну что ж, попался в лов попутный улов, так нам же и справа!

Тимоха привез из Топольков четверых, все они знали автодело и сразу взялись за работу. К этому времени я заканчивал считать деньги, что были в портфеле, а когда закончил, сложил их в портфель уже пачками, взял чистый лист бумаги, начертил ведомость и стал по очереди вызывать каждого в диспетчерскую будку и выдавать под роспись аванс, попутно выясняя, кому нужно трудоустройство и кто желает пройти у нас в «Кардане» трехмесячные курсы автослесарей. (Всё-

---

таки милое дело — свое здание! Благодаря ему мы организовали эти курсы, причем, у нас могли учиться не только ребята из города, но и из сельских районов: для них мы обустроили прямо в здании две общежитские комнаты, где они могли бесплатно жить все три месяца. Ну, а право аттестовывать автослесарей было у каждого из нас троих, мы его получили еще в институте.) Трудоустройство потребовалось всем, кроме сорокасемилетнего Парушкина, бывшего механизатора, работавшего теперь подсобником на стройках Севера месяц через месяц, и Андроса, ученика седьмого класса. Андрос, оказывается, был второгодником, и я, узнав об этом, сказал ему, когда он выпался и пришел ко мне, чтоб завтра уже не приходил, а шел в школу, а после школы сидел дома за уроками. Но он так отчаянно завершал, из глаз его так обильно хлынули слезы, что мне ничего не оставалось, кроме как согласиться оставить его при делах, но с условием: работать не более четырех часов в день, в школу ходить обязательно, учиться без двоек и ежедневно показывать дневник Чубукову.

Всем остальным я сказал, чтобы завтра принесли трудовые книжки и паспорта. Выяснилось, что у Седули и трудовой нет: он в прошлом году окончил девятый класс, дальше учиться не захотел, но и работу найти не смог.

— Ничего, — сказал я ему. — Выпишем трудовую.

Он согласился пойти к нам на курсы. Согласились так же Сашок и Тимоха.

— Вот через месяц будет новый набор, — говорил я. — Все вместе и пойдете.

Выдавая деньги, я предупреждал каждого:

— Один случай пьянства на работе — автоматически сниматься с довольствия!

Седуля попросил разрешения сбегать в Топольки отнести деньги родителям, и я решил так: все отдают деньги Тимохе, он садится в мою машину и развозит их по домам.

— Это ты правильно делаешь, — говорила мне Надежда: — Но учти: сегодня они опустошат мой магазин, и завтра придется ехать в город за товаром. И помогать я тебе не смогу. Давай-ка я поеду с Тимкой и привезу кассира и бухгалтера в одном лице. Это наш совхозный главбух, Полина Игнатьевна Николаенкова. Она сейчас безработная, как и все совхозные. У ней всё будет без сучка без задоринки, вот увидишь.

— Хорошо, вези.

И она привезла главбуха, внушительных габаритов женщину, на которой старое канареечное пальто с потертым норковым воротником висело так, будто было размера на два

больше. А когда — уже в будке — она его сняла, то оказалось, что и платье заметно великовато ей, и тогда я понял, что это — результат вынужденного похудения. Полина Игнатьевна уверенно и удобно расположилась на рабочем месте, а когда взялась за дело, я сразу почувствовал себя надежно защищенным по финансовой части.

Когда мы с Надеждой вышли из кассовой будки, она спросила меня:

— У вас питание-то организовано?

За меня ответил проходивший мимо заспанный Чубуков:

— Ну а как же? — Он приостановился, жмурясь от солнца. — И вчера готовили, и сегодня завтрак у нас был. А за обед отвечает, по-моему, Балашников. Гляньте, там в вагоне график дежурств по кухне...

Мне казалось, Чубуков и полчаса не проспал, но когда я посмотрел на свои наручные часы, то увидел, что он спал больше двух часов. Мы с Надеждой зашли в бытовку и взглянули на прикипяченный к стене листок с написанным школьным почерком графиком. Точно, готовить обед должен был Сашок.

— Что ж ты про свои обязанности-то забываешь? — выговаривала ему на улице Надежда. — Где у вас кухня? — Она повернулась ко мне. — Показывай!

Кухня находилась в ангаре: боковое помещение с окном, из которого был виден спуск с магистрали. На кухонном столе с тумбой, набитой кастрюлями и посудой, стояла большая электроплитка на два места, а рядом — газовая туристская плита с красным округлым баллоном. Был здесь и разделочный стол, и буфет, полный мешочков с крупами, сахаром, мукой, банками тушенки, рыбных консервов и сгущенного молока; был и огороженный закуток, где лежали два сетчатых мешка с картошкой и полиэтиленовые мешки с луком, капустой, свеклой... Надежда сунула в руки Сашку нож и усадила чистить картошку, а меня отправила за водой. Я взял ведро, сходил в дизельную, набрал воды из резервуара, принес на кухню, и только тут вспомнил (сам же всю эту утварь и собирал), что здесь должен быть бачок, в каких возят молоко, и нашел его за буфетом — воды в нем было почти доверху. Надежда, уже в белом фартуке, секла капусту на разделочном столе. Я показал ей бачок с водой и хотел помочь готовить обед, но она сказала, что они управятся вдвоем, а мое место «на площадке», и я пошел в кассовую будку, выгреб из сейфа лежавшие внавал деньги, уложил и утрамбовал их в большой пластиковый пакет и унес его, доверху набитый, в диспетчерскую будку; там пересчитал и тоже сложил в пачки, на это ушло не меньше часа, а потом все деньги, вместе с

теми, что оставались в черном портфеле, унес в кассовую будку, где Полина Игнатьевна без спешки, сосредоточенно принимала оплату, и аккуратно сложил в сейф. Денег в нем теперь было столько, сколько раньше наш «Кардан» и за месяц не зарабатывал. А работы не уменьшалось. Из окна будки было видно, как машины медленно движутся на фоне других машин, а среди них то появляются, то исчезают люди в светло-синих одеждах.

Дверь будки открылась, и вошел Коля Иванов, выспавшийся, в гражданской одежде:

— Ну что, поеду я домой, а? Теперь ведь и без меня справитесь.

— Езжай, Коля, езжай, — ответил я. — Передавай привет своей Полине! На вот тебе, — полез я в сейф, достал деньги и отдал ему. — Здесь и за работу, и суточные, и на дорогу, и сразу премия и надбавка... Держи... Пойдем только сходим в диспетчерскую: распишешься в ведомости ... — и спросил главбуха: — Полина Игнатьевна, сегодня в город рейсовый автобус идет?

— Идет. Через... — посмотрела главбух на свои часики. — Через два часа десять минут... Раньше три раза в день ходил, теперь ходит один раз через день.

— Да я лучше за эти два часа на попутках доберусь! — сказал Коля, и мы пошли с ним, сияющим, как новенькая втулка, в диспетчерскую будку, где он расписался в ведомости, а потом со всех ног помчался к дороге.

А я сходил на склад, где как раз подбирал запчасти Василий Степанович, взял новый комплект светло-синей рабочей одежды, вернулся в бытовку, переоделся и пошел в ангар — внести свой вклад в общее дело. В ангаре механизатор Парушкин менял колесо на «джипе». Я помог ему, а потом спросил:

— Как думаете, Федор Никифорович, долго такой загруз продержится? Не останемся вскоре без дела?

— Как бы еще не привалило, — сказал он, улыбаясь редкозубым ртом и отирая пот с лысины и лба чистой тряпочкой, которую достал из нагрудного кармана светло-синего комбинезона. — Одних сельских сколько! Это пока из ближних мест сюда едут, а вот когда из дальних попрут...

— Ну, а когда пообслуживаем всех?

— О-о, это пока-а еще... А там вторая волна пойдет, и так дальше... Да если даже всех надолго обслужим, эта матушка-кормилица, — кивнул он в ворота ангара на шумящую магистраль, — не даст помереть с голоду. Она же, как большая река, от нее всегда есть чем питаться... Удивляюсь, как вы догадались-то? Здесь же самое золотое место! У нас про это давно-о говорили, да некому было взяться...

Из ангара я пошел к эстакаде. На эстакаде стояла грузовая «газель», а под ней протягивал ходовую часть Антипов, молодой крепкий парень, с лицом, не просто довольным, а счастливым. Я и ему помог, подавая инструменты, как подаёт их ассистент хирургу, а он приговаривал:

— Это мы вот так закрутим... Это подтянем... Тут подстучим... Дай-ка мне ключ на семнадцать... Та-ак, заверне-ем... Отвертку!.. Сейча-ас... мы всё это дело приведем... в по-олный обгемахт...

Закончив, он вышел из-под эстакады, весело глядя на меня. Снял светло-синюю шапку, пригладил рыжеватые взмокшие волосы. В них была белая прядка, и я тут же вспомнил, что видел его, когда приезжал в Топольки в первый раз — во дворе одного из домов, с молодой дородной женой, которая держала на руках младенца, укутанного в розовое одеяльце.

— Зашиби-ись... — сказал он, потянувшись, как после сладкого сна. И заговорил, жестикулируя руками (в одной — отвертка, в другой — гаечный ключ): — Понимаешь, я как дембельнулся, домой еду, а в Новосибирске пересадка. И вот на вокзале пирожок беру, а тут паренек с волосами такими... короткими... просит: «Возьми, братишка, и мне, а то у меня ни копейки!» Я взял и ему пирожок, а он: «Только вчера освободился. Хожу и не могу свободой надышаться!» А я сейчас, ты понимаешь, работой не могу надышаться! Ну что ты хочешь, третий год после автобата без дела! А у нас так говорят: без работы день годом кажется. Хорошо еще по дому чё-то надо делать, семья же. А водку я не пью, и не тянет. Но опять же, по дому всё переделаешь, а остальное-то время куда? Ну? Куда-а? Пойдешь поищешь, кому там дров наколоть, кому там еще чего... но не густо... чаще и не найдешь... И вот оно это безделье... Я раньше и не знал, какая это ценная штука — работа! Я на комбайне могу, на тракторе могу, на стогомете... Да на всем! И эти машины мне — семечки. А нету! Так я другой раз пойду в наши развалины и начинаю в одну кучу железо стаскивать, мол, кому-нибудь, может, металлолом понадобится. А в другую — камни потяжелее. Вот так вот! Не сильно тебя насмешил, нет?

— Да какой уж тут смех...

— Общем, Виктор Иваныч, можешь ко мне в гости в любое время. Хоть один, хоть с Надей, пожалуйста! И жена будет рада. А если из этих тебя кто тронет, — он показал на скопление машин, — мы им глотки поперервем!

После этого неожиданного заявления он полез на эстакаду. Забравшись в кабину «газели», выглянул из нее, посмотрел вниз и сказал, понижая голос и хлопая ладонью по дверце:

— Между прочим, из Марьино кобыла. Ихний бизнесмен-хлебобёк пригнал... Э-эх, все-то пораздербанили... Да, Виктор Иванович, за брата-то спасибо!

— За какого брата?

— Ну, Андрос, брат мой. Ты ж его здесь оставил. И правильно сделал. Он подтянется, я сам прослежу..

«Так это он к Надежде сватался!» — подумал я, вспомнив случай, о котором рассказывал Тимоха. И еле удержался, чтоб не рассмеяться. Поглядев, как он безукоризненно съезжает с эстакады, я повернулся и пошел на площадку, думая: *«Слюдь-ми повезло. Это главное».*

34

На табло над крышами машин наискось за перекрестком промахивали зеленые дуги, волоча за собой сложенные из квадратиков фоны разных цветов — за фиолетовым следовал бордовый, потом аквамариновый, и вот на ярко-желтом фоне появился полосатый, как рыбка данио-рерио, барсук, присосавшийся к бутылочке с тонизирующим напитком «Золотой ранет»... Мы с Надеждой сидели в моей машине, зажатой в пробке в центре города среди громадных домов, и говорили о событиях пяти дней, проведенных в техгородке. У меня болели руки и ныла поясница, на лбу зияла г-образная ссадина от железного уголка, на который я наткнулся в сумрачном углу ангара, а правая ступня, что пострадала от упавшей на нее чугунной ступицы, вынуждала стискивать зубы при каждом нажатии на акселератор. Но когда я поглядывал на себя в зеркало над застывшей фигуркой Световида, то видел, как живо и остро блестят мои глаза и как румяно мое свежесвыбритое лицо, и мне думалось, что на самом деле еду с лучшего в моей жизни отдыха, хотя в техгородке, особенно поначалу, было тяжко как никогда. Требовалось переломить ситуацию, дальнейшее зависело от того, как сработаем на старте. Надо было выдавать и быстроту ремонта, и его качество, и очень важно было не упустить ни одной машины. Мы работали, рассредоточившись по всей площадке, и как только видели, что кто-то отъезжает, не дождавшись очереди, спешили к нему. Чубуков и Запевалов руководили на равных, поделив обязанности: автомеханик занимался устранением крупных неполадок, а начальник МТС — средних и мелких. Таким образом, мне руководить было нечем, и я трудился, как простой работяга: домкратил, откручивал, заворачивал, подстукивал, выправлял... А на второй день на меня взвалили склад, и я стал работать еще и за кладовщика, мысленно благодаря Фрола за то, что он заставил меня взять уйму зап-

---

частей (опять, опять он предвидел!), в том числе и тех, которые, как мне казалось, не могли там потребоваться. Но потребовалось всё, даже зеркала и стекла для стоп-сигналов. Помню, было у меня такое ощущение, будто кто-то испытывает нас на излом, причем прилюдно: на нас, как болельщики, приходили смотреть сельчане, в основном дети, но были и взрослые, и даже старики, и все с любопытством наблюдали, сдюжим или нет, и под их оценивающими взглядами, как только попадалось что-то потрудней, работать приходилось особенно старательно. А тот, кто испытывал нас, будто нарочно подбрасывал всё более сложные задачи. И вот на третий день в техгородок понуро прибрел человек в мохнатой шапке, в рыжей собачьей шубе и унтах, и сказал, что у его самосвала-«ЗИЛа» «стукнул» движок, а он замешкался и не тормознул, и машина мертво встала: видно, рассыпались поршня; и теперь она стоит километрах в четырех, — он уже позвонил по мобильнику своему начальству в какой-то городок Тюменской области, но ему ответили, что хоть он и везет срочный груз, возможности прислать кого-либо на помощь нет, и он должен найти выход; а тут остановился какой-то шофер и сказал ему, что неподалеку только что поставили станцию технического обслуживания. Он и пошел к нам в надежде, что мы поможем. Однако надежда угасала в его глазах по мере того, как Чубуков объяснял, что у нас нет условий для ремонта двигателя, а Василий Степанович говорил, что у него в парке нет «ЗИЛов»: был бы хоть один, отдал бы движок без всяких. И тот и другой утверждали: единственный выход — добиваться, чтоб из Тюменской области прислали тягач. Таким образом, решение этой задачи автоматически возлагалось на меня. И тут «болельщики» стали наблюдать за нами — первым делом за мной — с особым вниманием. Посообразав, я спросил Махрова Геннадия Александровича (так звали водителя самосвала), сможет ли его начальство обеспечить нам предоплату, если мы найдем двигатель, и он связался с ними по мобильнику, и ему ответили, что деньги переведут незамедлительно. И тогда я отошел в сторону, достал свой телефон, позвонил Славе Тимачеву, растолковал ситуацию и добавил, что это нам надо повернуть обязательно: дело престижа. Потом я вышел к магистрали, остановил первый попавшийся грузовик, договорился с шофером, и он вместе с Махровым съездил и притащил «зилек». Оказалось, что он еще и с прицепом. И в кузове, и в прицепе горбами высылся накрытый брезентом груз. Слава позвонил часа через полтора и сказал, что движок есть, и я подумал: молодец, уже не просто снабженец, а тертый калач. Но оказа-

---

лось, он не стал напрягаться, а подключил Отрошенко, и тот через свои связи отыскал на одном из развалившихся заводиков наполовину разобранный «зилок», двигатель которого оказался исправным. Обработанный Махров вновь связался со своим начальством, я дал им номер телефона Фрола, и тот через полчаса позвонил мне и сказал: деньги переведены, движок будет доставлен. Вскоре, когда солнце еще висело над горизонтом, к нам приехал эвакуатор с кран-балкой и двигателем в кузове, и Чубуков, Парушкин и Антипов заменили его минут за сорок, так что Махров, сбросив нам с прицепа два рулона сетки-рабицы, выехал засветло. Это была уже большая победа, и «болельщики» глядели на нас с уважением.

Я мог бы и дальше оставаться в техгородке, но необходимо было наладить дело так, чтобы можно было справляться с автопотоком без перенапряга, а для этого требовалось продумать всё заново и всем вместе обсудить у нас в «Кардане». Я понял это на пятый день, хоть и сам что-то успел: принял на работу еще четверых из села, заставил Фрола прислать новую партию запчастей, убедил его срочно заключить договор с частным охранным предприятием, и он прислал нам не только четверых вооруженных охранников в одинаковой черной форме, но еще и машину, на вид ничем не отличающуюся от обычной, но это была инкассаторская машина, она и увезла в банк заработанные деньги — в брезентовых апломбированных сумках. Мы сразу неплохо спонсировали и драмтеатр, и родной детский дом Фрола.

Первые сутки охранникам пришлось тесниться с нами во времянке, но уже на следующий день Фрол прислал для них специальный вагончик, а заодно и столб с «колоколом» и аудиоаппаратурой, и теперь у нас в техгородке играла музыка и звучала новостная и техническая информация. У меня появились новые замыслы, когда я видел, например, как скопившиеся в очереди шофера помоложе начинают от нечего делать гонять футбол мячом из ветоши, или когда машины остаются на площадке на ночь, и шофера спят в них до утра... В общем, многое надо было обсудить, и я поехал в город. Надежда попросила меня взять ее с собой: ей захотелось навесить сестру и бабушку с дедушкой. Когда мы выезжали из Топольков, она сказала:

— С вами хочет поговорить Клавдия Егоровна, глава нашей сельской администрации. Вы будете здесь все вместе?

— Обязательно, — ответил я. — В следующий раз приеду с ними, тогда и поговорим...

Мы изредка, микроскопическими отрезками, перемещались в пробке, но это не раздражало меня, как раз наоборот,

---

хотелось подольше посидеть с ней рядом, а то ведь ни минуты свободной не было все те пять дней...

В центре табло за перекрестком возникло желтое колечко, стремительно разрослось, исчезло, и на белом фоне появилось изображение репреза Волчкова; он стоял вполоборота, многозначительно подняв указательный палец, и я подумал: может, сейчас мы прочтем информацию о том, что обещанный транш в пятьсот миллионов долларов наконец пришел. Но вместо этого появилась фраза «Всё лучшее — региону!» и картинка сменилась. А деньги, между тем, должны были поступить еще месяц назад — именно такой срок назвал глава области на новогоднем празднестве. *«Значит, не будет никакого транша, как и финансирования на восстановление животноводческого комплекса в Топольках».*

Какое-то время я сидел, задумавшись. *«Бесчестность, мошенническая хитрость, наглость — козыри, которыми эти пустоболты удерживают власть...»* Стекло дверцы было чуть опущено, и с улицы тянуло пропитанным выхлопными газами сырым оттепельным воздухом; слышались частые сигналы машин, голоса, крики. Солнце светило в безоблачном небе над домом со шпилем. Вдруг меня вывел из задумчивости негромкий голос Надежды:

— Как она играет, с ума сойти...

Я повернулся к ней, а потом перевел взгляд туда, куда она заморожено смотрела, и увидел на табло совершенно забытую мной жену мою Лилию. (В первый день в техгородке даже и не подумал, что надо бы ей позвонить, предупредить, что я в командировке, и только почти уже ночью, когда зашел в бытовку, достал из кармана пальто телефон, увидел уйму непринятых вызовов от нее и позвонил.) Лилия красовалась на табло в новой роли, сначала крупным планом, потом она, уменьшаясь, отдалилась, и ее уже было видно с другими актерами, а крупная надпись внизу извещала о том, что завтра в драмтеатре состоится премьера...

— Недавно ее показывали по телевизору, — говорила Надежда. — И показывали отрывки из этого спектакля. Ну так здорово! Давай сходим завтра?

— Ты театралка, что ли?

— Да нет... Но люблю театр.

«Зараза, проникающая в кровь искусства неискusstвенно живого». Это я слышал от нее.

— Когда бываю в Москве или в Питере, каждый день хожу. И здесь хожу, но давно уже не была, и не видела еще эту актрису. Так пойдем?

— Да я, знаешь, к театру как-то боком...

— И зря! Это интересно! Походишь, помотришь — поймешь!.. В общем, так, Витя. Мать подружки моей сестры работает в драмтеатре постижером, и она мне всегда дает приглаательные. Сегодня я ей позвоню...

— Ты сама-то не хотела стать актрисой?

— Представь себе, хотела! — засмеялась Надежда. — Но у меня нет данных.

— С чего это ты решила?

— А мне один заслуженный артист из ТЮЗа сказал. Он у нас в пионерском лагере вёл драмкружок и ставил номера. И я во всю-то силушку старалась, хотела показать себя. Но он посоветовал не мечтать о театре. Есть, мол, художественная самодеятельность, хор, танцы — вот туда... Ну так как? Договорились? Идем?

— Н-ну... Что ж тут поделать...

35

И на другой день мы сидели с ней в ложе первого яруса и смотрели спектакль. Когда на сцену вышла Лилия, зал встретил ее аплодисментами. Она работала со всей отдачей, как и подобает на премьере. На ней была широкополая соломенная шляпа с лентами и длинное летнее платье, воздушно-голубое, со всякими оборками и бантами, какие носили в начале двадцатого века. Меня, конечно, опять, как и всех, втянула ее игра, и я смотрел так, будто это был совершенно посторонний человек, и смотрел бы до самого конца, если б не эпизод среди стогов сена, где они с Дионисием Ковалевым прилегли и начали изображать то, чем люди занимаются в постели. Ничего подобного на сцене я еще не видел. Тишина дала трещину: послышался вздох, раздался смехок, а потом по рядам пошел гулять ропот. Я посмотрел в партер и увидел лица, недоуменные, ухмыляющиеся, а где-то и хмуро недовольствующие, но смотрели все — и молодые, и пожилые, и встречавшиеся изредка дети, и, конечно, должны были смотреть актеры, безусловно, высыпавшие из гримерок в кулисы, что, как я знал от самих актеров, происходит во время спектаклей в любом театре, когда на сцену выходит лучший среди них. И то, что так много людей видят *ее* сейчас, сразу напомнило мне о том, что как ни крути, а пока она все-таки моя жена, и от этого стало паршиво, в груди забродила боль сродни той, что чувствовал я, когда глядел на фотки из серёгинского пакета...

Я шепнул Надежде:

— Не могу это смотреть. Ухожу.

Встал и вышел из ложи. Когда проходил мимо входа в зал, оттуда вышли две женщины, а за ними билетерша, она торопливо говорила:

— Ну, зря же вы, зря. Там не только это...

— И много еще подобных сцен? — спросила одна из женщин.

— Кажется, пять... или шесть...

Надежда догнала меня в фойе, взяла за руку:

— Вить, ну ты... — Увидев мое лицо, отпрянула: — Ой, да что это с тобой?! Из-за чего?! Из-за того, что эта актриса...

— Это моя жена.

— Да-а?.. — Она застыла, бледнея, но быстро справилась с собой. — Это Лилия? — И открыла программку, и посмотрела. — Лилия, точно! Только фамилия другая. Это понятно, они всегда оставляют свои фамилии... А из-за чего тут расстраиваться-то? — вскинула она на меня насмешливый взгляд. — Сейчас в театрах и не такое показывают, я видела... И потом, актриса, она же делает то, что ее заставляют, только и всего...

— Да она... — начал было я, но Надежда резко перебила:

— Не надо! Не говори плохо о своей жене. И вообще, никогда не говори плохо о женщине!

И, помолчав, опуская взгляд, тихо добавила:

— Я поняла... Не надо...

И пошла в сторону гардероба, но через несколько шагов остановилась, обернулась и сказала:

— О-о! А какая у тебя жена-то, оказывается, Витя! Таких не бросают, не-ет...

Повернувшись, она твердым шагом пошла дальше.

И всю дорогу, пока мы ехали, молчала. А когда я пытался ее разговорить, отвечала односложно и всё о чем-то думала. Мне казалось, она и напоследок ничего не скажет, но когда я остановил машину и мы вышли, она сказала сухо:

— Обратно я уеду рейсовым. Не забудь про Клавдию Егоровну. Когда соберетесь к нам, позвони.

И, обойдя машину, ткнула мне в грудь лицом, прижалась с каким-то горестным порывом, будто прощаясь навсегда. Тут же повернулась и, хрупая по размягченной снежной корке, пошла к подъезду тем же твердым шагом. Но я успел увидеть печаль в ее глазах, блеснувшую в свете фонаря. Мне хотелось броситься за ней, схватить, повернуть к себе и говорить, говорить, объяснять... Но я сдержался. Слова не помогут. Нужно дело. Нужна ситуация *окончательного разрешения*. А ее надо подготовить, продуманно, тонко. Но мне пока не хватало на это времени.

Домой я шел, держа в себе зло на свою жену. Шагая то под светом фонарей, то во тьме среди жёлто светящихся повсюду окон Новосёловки, я думал: «Лучше ей сегодня не приходиться!»

Но она пришла, вся прелестная, в пушистой шубке с черными крапчатыми полосками на белоснежном меху и в такой же шапке (купила их на какие-то свои премиальные, о чем говорила с гордостью). Заметил я, однако, когда открыл ей дверь, что настроение у нее неважное. Я отошел в комнату и смотрел, как она, невидяще глядя перед собой, словно сосредоточившись на какой-то крайне озадачившей ее мысли, снимает в коридоре шубку, кидает на трюмо, туда же сметает с головы шапку, потом, наклонившись и двумя быстрыми движениями опустив молнии сапог, сбрасывает их, сует ноги в пухлые тапочки в виде двух зеленых кошачьих мордочек, входит в комнату и мгновенно останавливается, наткнувшись на мой взгляд.

И тут же я резко хлестнул ее вопросом:

— Ты что играешь, а?!

Глаза ее непонимающе расширились, и она проговорила:

— О чем ты?

— О спектакле! Сегодняшнем!

— А, значит, ты был! — оживилась она. — Видел?

— Видел, видел. Но больше чтоб не видел! Ты поняла?

Она сказала удивленно и тихо:

— Зачем ты так, Витя?

А я заорал во всё горло:

— Заче-ем?! Ты еще спрашиваешь: заче-ем?! Ты сама должна это понимать! И попробуй только еще...

Я орал, не глядя на нее. Не знаю, сколько это длилось, но стоило мне только взглянуть на нее, как я сразу осекся и замолчал. Она смотрела на меня снизу вверх своими прекрасными синими глазами, смотрела так, что я подумал: «Ну всё... Кончено...» Никогда раньше я не поднимал на нее голос. И подумал, что сейчас она закричит и бросится собирать вещи... Но вместо этого она сникла, опустила глаза, медленно села на диван и заплакала. Первый раз в жизни я видел, как она плачет, до этого видел лишь на сцене, но то было совершенно другое, разное в разных спектаклях, нисколько не похожее на этот плач, делавший ее какой-то очень простой и жалкой. Мне стало плохо.

Я сел с ней рядом и обнял ее.

— Ну, прости... Не плачь...

— Что ж ты на репетиции-то не ходил... — всхлипывая и размазывая по лицу тушь, говорила она. — Я же звала... Может, всё было бы по-другому... Может, я отказалась бы... Да этого спектакля больше и не будет... Его ре... жиссер из Питера ставил... Петровцев был в Москве... Сегодня он специально к премьере приехал... посмот... рел и сказал, что... снимает его...

«Вот, значит, отчего у ней неважное настроение».

— Ну и ладно... Не плачь...

— Это, наверное, и хорошо, что ты... так... — говорила она, всё плача и плача. — Значит, любишь... О-ой!.. Съездить бы куда-нибудь, отдохнуть... Не надо островов Зеленого Мыса, хоть бы в Светлоречье... Когда же время-то появится!.. И в коттедж бы переехать поскорей... Он так и не строится?.. Нет?.. Ай, ну и пусть, и здесь хорошо... Вот что, Витя... — сказала она, мало-помалу переставая плакать и утирая ладню черные слезы. — Надо сходить в гости к маме. Зовет. Давай сходим, а?

— Сходим, сходим. Не плачь.

— Ну и на репетиции... Придешь?

— Хорошо, только не плачь. Приду.

37

И пришел. Но это было уже в апреле. А в начале марта, через неделю после того, как я вернулся из Топольков, мы поехали туда все вместе, как и обещал я Надежде. Везде еще лежал снег, но уже начинало подтаивать. Грязный снег в сугробах у дорог становился игловатым, а расстилавшийся по полям, чистый, покрывался и блестел на солнце хрупкой, как тончайшее стекло, корочкой. Над влажной асфальтовой дорогой курился легкий парок. Мы ехали в «Москвиче» Фрола, он сидел за рулем, рядом с ним — Владимир Николаевич Отрошенко, а мы со Славой — сзади. Открывшийся с дороги вид на техгородок порадовал меня: машин там по-прежнему стояло предостаточно. Площадка и спуск с магистрали теперь были огорожены полосами сетки-рабицы шириной с полметра, протянутой меж вбитых в землю деревянных кольев. У спуска стояли скамеечки буквой «п», а в центре высился шест с фанерным листом, на котором крупными буквами было написано «Место для курения». Несколько шоферов сидели там и курили, разговаривая и время от времени раздражаясь хохотом.

— Сразу видно: не временщики обосновались, — сказал Отрошенко, когда мы вышли из машины с внешней стороны от ограждения.

К нам уже шли и Чубуков, и Запевалов. Мне махали руками и кричали от машин с разных сторон ребята в светлосинем... Я провел наших везде, всё показал и со всеми пере-знакомил. После этого Фрол зачем-то ушел к магистралаи, долго стоял там перед пронозящимися машинами, смотрел вокруг, вертя головой, а потом, придерживая одной рукой шапку, а второй запахивая полы пальто, перебежал на ту сторону и на некоторое время исчез из вида. Слава тем временем высказывал нам с Отрошенко свои идеи, точь-в-точь как у нашей «совушки» на следующий день после ее от-крытия... Наконец, Фрол, вернулся. Он смеялся и с радост-ным задором кричал:

— Есть, есть простор для манё-ёвра!

Подбежав, сказал:

— Поехали-ка, братья-технари, сделаем визит... это... по-селковому начальству... Я знаю, о чём пойдет разговор... И даже подготовился... Но учтите, дела предстоят — крупняк! Настраивайтесь!

Мы сели в машину и поехали в село. По пути я позвонил Надежде и предупредил.

Оказалось, я был прав, когда во время своей ознакоми-тельной прогулки по Тополькам подумал, что местные влас-ти заседают в двухэтажном панельном здании в форме куба: именно там, в кабинете на втором этаже и ждала нас глава сельской администрации Клавдия Егоровна Радужнова.

Когда мы подошли к двери, и Отрошенко прочитал над-пись на табличке, он тут же оттеснил нас и приложил палец к губам:

— Тс-с! А ну-ка, посмотрим реакцию...

И тут же резко распахнул дверь, и я увидел над его плечом сидящую в солнечном свете женщину лет пятидесяти. Она, шурша страницами и придерживая одной рукой накинутое на плечи пальто, сосредоточенно просматривала какие-то бумаги. Подняв взгляд, замерла. И вскочила, сбрасывая пальто на спинку стула и всплескивая руками:

— Да это же Владимир Николаевич!

Он хохотнул и двинулся к ней, а она вышла из-за стола и пошла ему навстречу. Они обнялись. И заговорили, разгля-дывая друг друга:

— Вот не ожидала!

— Ты нисколько не изменилась, Клава! Нисколько!

— Ой, врать-то! Ой, вра-ать!

— Да не вру я! Правда! А здесь-то ты как?

— Так это же мое родное село, я здесь родилась и выросла. А в райцентр переселялась по должности...

— О, времена были! А?

— Не говори... А как райком закрыли, сюда и вернулась. Всё-ё с начала пришлось... На ферме убирала по уши в навозе, тогда еще скот только начали вырезать. Потом бригадиром поставили, потом замом директора совхоза... А четыре года назад уговорили в это кресло... А ты-то, ты-то как, Володя? Как твой завод?

— Почивает в бозе.

— Как же это? — огорченно сказала Радужнова. — А я слышала, вы начали оживать, перестраиваетесь на новую продукцию, будете выпускать трамвайные вагоны...

— Да ты слушай их больше! Вагонный тендер проигран... Ай, нечего и говорить! Ты лучше с ребятами познакомься... — Отрошенко повернулся к нам: — Мы с Клавдией Егоровной контактировали на почве охотничьего хозяйства нашего завода, в районе села Большеозерное...

— Прекрасное было хозяйство, — вздохнула Радужнова.

— Увы, тоже почил... Клавдия Егоровна, ребята, была тогда вторым секретарем райкома, ну и лучшей в области охотницей, они вместе со своим супругом настреливали дичи больше всех нас городских вместе взятых... Как он, кстати, твой Максим?

— Да ничего, в райцентре пристроился в котельной...

— Э-эх, какой егерь был!.. — вздохнул Отрошенко и стал не торопясь, по очереди представлять нас Радужновой: — Ну вот, Клава, это Фрол, лидер фирмы «Кардан»... Это Вячеслав, Слава, спец по снабжению... А это — Виктор...

Клавдия Егоровна приветливо кивнула Фролу, Славе, а на мне задержала взгляд, вроде что-то хотела сказать, но лишь едва заметно улыбнулась и пошла на свое место, указывая на шифоньер:

— Можете туда свою одежду повесить. Но лучше в ней. У нас с отоплением беда.

И действительно, было холодно в этом кабинете, угловом, очень светлом, небогатом мебелью, но с компьютером, который стоял на столе в углу возле двери.

Когда мы сели, Клавдия Егоровна сказала:

— У меня к вам вот такая просьба. Вы — предприниматели, и поэтому...

Тут отворилась дверь и вошла Надежда:

— Здравствуйте... Можно?

— Входи, Надюша.

Пока она проходила к столу и усаживалась, Фрол и Слава смотрели на нее во все глаза. Не мудрено, выглядела она превосходно. Усевшись, быстро взглянула на меня и слегка по-

---

краснела. Фрол тут же что-то сказал Славке, очень-очень тихо, но я все-таки расслышал. Он сказал: «Теперь ты понял, чё он здесь делал?»

— Для вас, — продолжала Клавдия Егоровна, — интерес, я думаю, должен представлять бизнес в любой сфере. У нас тут неподалеку, в соседнем районе, Флагманском, предприниматель из города взял разрушенный животноводческий комплекс...

— Остаков Саня, — вставил Фрол. — В городе у него продуктовые магазины и спортпавильон.

— Да, да. И здесь у него уже неплохая прибыль...

— Не совсем так, — возразил Фрол. — Но, может, еще будет... Так вы хотите, чтобы мы занялись животноводством?

— Пока нет. Нам бы сначала хлеб засеять. Мы уже два года не сеялись.

Воцарилась тишина. Все смотрели на Фрола. Он подумал, постукивая пальцами по столу, и спросил:

— А сколько последний раз сеяли?

— Да мелочь. Гектаров триста.

— Сбыли?

— Нет. Не смогли.

— Хм... А в былые времена по сколько засевали?

— О-о!.. И по двенадцать, и по пятнадцать тысяч гектаров одной только пшеницы! А земля у нас хорошая, и если год не засушливый, меньше двадцати пяти центнеров с гектара не брали.

Фрол еще подумал и спросил, кивая на компьютер в углу:

— У вас выход в Интернет есть?

— Есть. Надюша обеспечила.

— Можно воспользоваться?

— Разумеется.

Фрол встал и пошел к компьютеру.

— Сколько я помню, — говорил он, — наша область по всем показателям находится на семьдесят седьмом месте в стране. Рассуждаю просто. Надо посмотреть, на каком месте соседние с нами области, а там уж...

Он сел за компьютер, включил. Мы все встали и подошли к нему. Порыскав в Интернете, Фрол сказал:

— Поздравляю. Мы уже на семьдесят девятом месте.

— План Моталова в действии, — прокомментировал Отрошенко.

— При участии Волчкова, — добавил Фрол. — А вот соседний регион занимает, представьте, седьмую позицию. А регион с другой стороны... Ого-го! Ажно четвертую! А ну-ка, сейчас я...

Он встал и быстро вышел. Клавдия Егоровна вопросительно посмотрела на Отрошенко:

— Я что, не ошиблась? Что-то будет?

— Будет, будет, — кивнул Отрошенко. — Если берется Фрол — будет!

А Слава подтвердил:

— Он уже с этой идеи не соскочит.

Тем временем я незаметно взял за руку Надежду и шепнул ей: «Поехали с нами сегодня в город?» Она, не глядя на меня, высвободила руку и отрицательно покачала головой.

Фрол вернулся, пахнув на нас холодом и держа в руках дипломат. Положив его на стол, открыл, достал какой-то диск и сел за компьютер.

— Вот сейчас мы поищем, — говорил он, когда на мониторе поплыло зелено-коричневое полотно географической карты. — Ценная штука. С трудом достал. Тут вся Западная Сибирь, последний обновленный вариант со всеми населенными пунктами, адресами и телефонами начальства... Тэ-экс... Вот она, которая на седьмом-то... Там, видите, уже болота идут, полей нету. Значит, что? Зерно свое отсутствует, должны завозить. Возможно, есть дефицит... Ну и вот, самое ближе к нам поселение, куда можно добраться по Новой Северной... Жителей — четырнадцать тыщ, расстояние от нас... Тэкс... Двести десять кэмэ. Недалече. Глянем-ка их шишек... это не то... Ага, вот... Заместитель главы администрации по снабжению... И сотовый есть...

Фрол достал из кармана телефон, набрал номер, послушал и заговорил:

— Андриан Васильевич?... Это из соседней области... э-э... Тут... это...

Его, конечно, заклинило. Я выхватил у него мобильник, краем глаза узрев, как переглянулись Клавдия Егоровна с Надеждой, и стал расспрашивать зама о их делах с поставками зерна. Оказалось, каждый год проблемы, завозить приходится издалека, в том числе и из Средней Азии, а это очень невыгодно, но без зерна никак, одному только районному хлебозаводу требуется его тьма, да плюс пекарни... Узнав, что зерно им могут возить отсюда, он обрадовался, и я договорился, что мы приедем обсудить вопрос.

— Ну вот, — сказал Фрол, пожимая мне руку и забирая телефон. — Значит, можно как-то решать! — Он был доволен. Вынул диск, выключил компьютер. Мы все расселись по прежним местам. — И в область с той стороны, которая на четвертом, значит, можно сбывать... Но главное не это... Вы не пробовали попасть в фонд? — спросил он Клавдию Егоровну.

— Ну как же не пробовали... — ответила она, глядя на Фрола ошеломленно. — Пробовали...

— И что?

— Не получается. Там, как сейчас говорят, всё коррумпировано... Но почему, не пойму, нам-то в голову не приходило, что можно в соседнюю область... Это же так просто!

— Но это дела не исправит, — сказал Фрол. — Если вы по пятнадцать тыщ засевали... Надо в фонд попасть. Там, как мне сказали, берут от тысячи тонн... Так вот... э-э... Нам есть смысл браться только в одном случае — если попадаем в этот самый фонд. Тогда, я думаю, для начала можно было бы засеять... Ну-у... Не пятнадцать тыщ, конечно, а-а... скажем, тыщи три-четыре... Четвертую-пятую часть, допустим, можно раскидать по соседним областям. Может и в нашей потребители найдутся, надо поискать... А остальное сдать в фонд, да. И тогда уже получится хоро-ошее подспорье на следующий год. А там можно будет наращивать...

Отрошенко наmeshливо посмотрел на Фрола и спросил:

— А как ты в фонд-то собираешься попасть?

Фрол не ответил. Он говорил, глядя на Клавдию Егоровну:

— Но надо... э-э... Вот что... Если будем работать, а это... ну... чувствую... очень даже возможно... то руководителем от нас будет здесь вот этот товарищ. — Он повернулся ко мне и положил руку на мое плечо. И, убрав ее, продолжал: — Но вы сами понимаете, опыта в сельских делах у него ноль. Он, конечно, получит знания, но первоначальные. Азы. Я организую ему цикл консультаций у самых лучших ученых нашей сельхозакадемии. Но здесь нам всё равно... это... Специалисты нужны.

— А они есть, — быстро сказала Клавдия Егоровна. — И даже очень хорошие. Только надо вернуть их к земле... Но мы их вернем, вернем, лишь бы работа была!

— Ладно, раз так. — Фрол на минуту задумался, потом задумчиво сказал: — Нужны будут, конечно, финансы... на семена, зарплату и прочее... Займ нужен. — Он многозначительно посмотрел на меня. — Ну и... — Перевел взгляд на Клавдию Егоровну. — Техника. Серьезная. Ее мы не потянем, точно. Разве что по лизингу, но это еще надо прокачивать...

Клавдия Егоровна мгновенно повернулась к Надежде:

— Где твой отец сейчас?

— Как где? В техгородке, конечно.

— Позвони ему, он срочно нужен здесь!

Надежда открыла крышку лакировано-красного мобильного, который всё это время держала в руке, набрала номер и, дождавшись ответа, тихо и быстро проговорила:

— Пап, тебя ждут в сельсовете, срочно... Угу... Да, да, именно... — И щелкнула крышкой телефона. — Сказал, будет.

— Так как же ты думаешь попасть в фонд? — снова спросил Отрошенко у Фрола, как бы подначивая его.

— А у тебя у самого-то на этот счет какие-нибудь соображения есть?

— Да откуда? Это не в моей компетенции. Могу только сказать, что сейчас я и в своем деле никаких перспектив куда-то попасть не вижу. Хочешь, приведу пример?

— Ну, приведи.

И Отрошенко рассказал, как он, когда уже был безработным, познакомился с приехавшими в наш город предпринимателями из Китая, и те предложили ему совместный проект — наладить у нас выпуск китайских малолитражных автомобилей. Он пошел к своим друзьям, заводским начальникам (бывшим, потому что и их к тому времени уволили с завода по сокращению). Они всё обсудили, встретились с китайцами и договорились работать. Потом обратились к властям. А те потребовали... заплатить налог. Китайцы удивились: «Какой налог? Мы еще ничего не заработали!» «Нет-нет, — говорят им. — Сначала налог!» Китайцы подумали и предложили Отрошенко и его друзьям следующее: «Мы пришлем вам ширпотреб. Кожу, текстиль и прочее. А вы продадите и заплатите им налог». И вот они завезли товар, начали было торговать, а тут снова: «Платите налог!» Пришлось китайцам заплатить налог на торговлю. Ладно, продали ширпотреб, заплатили налог на несуществующее автопроизводство. А потом полгода ходили по инстанциям, оформляли документы. Китайцы поражались: «Как вы работаете? У нас всё это делается за несколько дней!» Наконец, договорились с директором машиностроительного завода (великан, превратившийся в лилипута), что будут собирать автомобили в его пустующих цехах. Китайцы давали всё: двигатели, подвески, коробки передач, сиденья, пружины, крылья и прочие листовые детали... Нужны вам пресс-формы, штампы? Пожалуйста! Только собирайте! Доход пополам! Но директор посоветовался с кем-то из сидящих наверху и говорит: «Пусть китайцы дадут нам два миллиона долларов». Когда Отрошенко передал им это, они чуть а обморок не попадали: «Зачем? Мы вам даем возможность заработать за год-полтора все сто миллионов долларов!»

— Они, конечно, смекнули, что с них вытягивают взятку, — говорил Отрошенко, посмеиваясь, но глаза его были невеселы. — И всё так и заглохло.

Дальше он говорил без смеха, жестко:

— Вот в том-то всё и дело, что эта власть не дает работать! Только что-то ты затеял, уже стоит с косою! А у них там как, в Китае? Я ведь ездил к ним пару раз... Вот, скажем, я живу в Китае, а ты приехал и предлагаешь мне заключить контракт на миллион долларов. Обещаешь поставить тысячу тонн металла, колёса для грузовиков, что-то еще. А я, скажем, обязуюсь дать тебе взамен медикаменты, одежду, продукты... Подписываем контракт, я иду с ним в правительство, показываю. И мне сразу дают кредит миллион долларов. Беспроцентный! Но через год я должен вернуть его в банк. Их не интересует, куда я его дел, что-то купил или пропил. Должен отдать, всё. Не отдам, посадят. Дадут двадцать лет. А если в более крупных размерах возьмешь и не отдашь, могут и расстрелять, у них это есть. Но толковый всегда вернет, он и еще контракт заключит, и еще, и еще, и на этот миллион за год заработает себе пять миллионов! А сколько в казну пойдет! Потому-то у них всё и крутится, и расцвело уже так, что весь мир на сто верст обогнали! А у нас...

Он безнадежно махнул рукой и сказал Фролу:

— А ты еще рассчитываешь попасть в фонд.

Фрол хотел ему ответить, но тут вдруг заговорила Надежда, заговорила с каким-то горьким отчаянием:

— А вы знаете, я вот сейчас думаю: если бы у нас было, как в Китае! Представляю, как можно было бы развернуться! Ну вот почему, почему я должна плавать на мели, заниматься невесть чем, какими-то мелочами, когда я строитель, и знаю, что могу многое?! Почему у нас всё так?! Живи в тосках на голых досках! До чего доняло всё это! Уже и не веришь, что когда-нибудь станет лучше! И больше уже и ввязываться ни во что не хочется, а хочется только руки сложить...

— Ну-у, — мягко-укоризненно перебил ее Отрошенко. — Так-то уж совсем-то ни к чему.

— Да, — подхватила Клавдия Егоровна. — Мы проиграли, а вы должны победить!

В кабинет вошел отец Надежды и весело отчеканил:

— Прибыл по вызову!

— Проедем до Муртаза, Василий Степанович, — сказала ему, вставая, Клавдия Егоровна. — А потом все ко мне. Там уже стол накрыт. — И добавила, посмотрев на Отрошенко: — И Максим ждет.

— Да ты что!

— Ага. Вот обрадуется-то!

Мы вышли на улицу. Ярко светило солнце. На площади скопилось довольно много людей, и со всех сторон подтягивались новые. Все глядели на нас с ожиданием и надеждой. Воздух свежо пах весной. Ствол большого тополя у магазина отогревался на солнце, темнея влажными пятнами, а его голые ветви были усыпаны нежно-серыми хохлатыми свиристелями, и от них доносилось тихое приятное пение, сложенное из множества непрерывных трелей. Люди о чем-то спрашивали Радужнову, она отвечала. До меня донеслось:

— Дядь Витя, здравствуйте!

И я увидел Андроса, шагавшего мимо. За спиной у него был школьный рюкзачок.

— А, здравствуй! Как дела?

— Сегодня по русскому четверку получил, — похвалился он. — Сейчас уроки сделаю и — на ремонтную.

«Ремонтная» — так здесь прозвали наш техгородок.

Василий Степанович сел за руль «Лады», позаимствованной у кого-то из знакомых местных клиентов, к нему сели Клавдия Егоровна и Надежда, а мы со Славой, Фролом и Отрошенко забрались в «Москвич» и поехали за ними.

Слава тронул сзади за плечо Фрола, сидевшего за рулем:

— А что это за фонд такой, куда ты норовишь попасть?

Фрол покосился на сидевшего рядом с ним Отрошенко:

— Сформулируй, Николаич.

— Это... — Отрошенко несколько секунд подумал и сказал: — Ну, в общем, если туда попадаешь, в федеральный ли фонд, в региональный, то у тебя зерно будут брать в обязательном порядке за хорошую цену.

Слава, усмехнувшись, резюмировал:

— Короче, несбыточная мечта простого хлебороба.

— Совершенно верно, — согласился Отрошенко. — Я только не пойму, как же ты всё-таки, Фрол, собираешься в него попасть?

— Есть вариант, попробуем... — отвечал Фрол, он осторожно вёл машину по деревенским ухабам. — Чувствую — можно... Правда, пока не совсем уверен, надо еще подумать...

Мы выехали за окраину села, мимо поплыли высокие бетонные стены построек, у которых и правда был вид начинающих разрушаться, но только здесь, вначале: разбитые стекла, сорванные двери. И это был, как я понял, тот самый бывший животноводческий комплекс, о котором говорил мне Василий Степанович Запёвалов. А дальше пошли постройки еще целые и крепкие.

Ехали довольно долго. Справа от нас плыли и плыли бетонные стены с выкрашенными когда-то половой краской

большими деревянными воротами. Но вот они кончились, и за ними мы увидели старую рубленую избу на огороженном жердями хоздворе. Из трубы избы струился дым, казавшийся на солнце серебристым. Василий Степанович остановил машину, вышел из нее, вошел во двор, поднялся на крыльцо избы и исчез за ее дверью. Мы все тоже вышли из машин. Я пытался поймать взгляд Надежды, но он ускользал от меня.

Вскоре Василий Степанович вышел из избы, а вслед за ним вышел плотный человек со смуглым лицом, возрастом не старше тридцати пяти, одетый в синий байковый рабочий костюм, серые валенки с литыми резиновыми подошвами и в черный подшлемник с белой шнуровкой посередине. В руке он держал большое кольцо с множеством ключей.

— Здравствуй, Муртаз, — сказала ему Клавдия Егоровна, и он широко улыбнулся, жемчужно сверкнув зубами, поприветствовал всех жестом руки и, звеня ключами, пошел к постройкам и начал открывать один за другим висячие замки на дверях ворот и, ныряя внутрь, распахивать их. Он уходил всё дальше и дальше, а распахнутых ворот становилось всё больше и больше.

И мы увидели в этих чисто выметенных помещениях уйму комбайнов и тракторов ДТ, увидели трактора «Беларусь», «КамАЗы», молоковозы, грузовики с будками и прочее, все в хорошем состоянии. Фрол натурально ошалел. Он взял щуп и зачем-то начал проверять горючку то в тракторе, то в «КамАЗе»...

Улучив момент, я тихо сказал Радужновой:

— Клавдия Егоровна, у вас в селе есть пустой домик... Такой, похожий на теремок... Он чей?

— Какой, какой домик?

— Ну такой, с проваленной крышей.

— А, поняла. Его построили для молодых специалистов. Здесь открывали звероферму, разводили песцов. И пригласили двоих выпускников вуза, мужа с женой. Они хоро-ошие были спецы. У них отменная шла пушнина! Но в перестройку всё заглохло, и они уехали.

— А домик чей теперь?

— Собственность поселения.

— Можете мне продать его?

Радужнова чуть подумала и сказала:

— Возьмите пока в аренду. Там посмотрим.

— Хорошо. Только никому. Ладно?

— Ладно, ладно, — улыбнулась она.

— Скажите, а этот Муртаз, он откуда? — поинтересовался я.

— Беженцы из Средней Азии. Он, жена, двое детей. Запелов привез их семь лет назад, специально искал в городе. Вот, дали им жилье, приплачиваем, они и охраняют корпуса и технику, а так бы давно всю порастащили, как хлебокомбинат... С гражданством только у них проблема...

Фрол тем временем нашел заправленный «КамАЗ», забрался в кабину, запустил двигатель, выехал из гаража и погнал в поле. Там, вздымая на солнце снежную пыль, дал большого кругаля, вернулся, что-то крича нам в открытую дверцу, поставил машину на место, потом залез в трактор «Беларусь», прокатился и на нем и, выпрыгнув из кабины, заорал:

— Вот о каком бизнесе я мечтал! Еще с сельского детдома!

Да, было такое время в его жизни, с двенадцати до пятнадцати лет. Там-то и научился он работать на всех видах сельхозтехники.

39

Итак, в апреле, в самом его начале, я вновь честно сдержал слово: пошел на репетицию к Лилии. Войдя в театр, сразу попал во времена трех мушкетеров, потому как там повсюду ходили актеры в шляпах с перьями, в высоких ботфортах и со шпагами, а на актрисах колоколами качались широченные платья. В зале сидели только женщина-помощник режиссера и пожилой актер — заведующий труппой в костюме лакея. Они сказали: репетиция задерживается, ждут телевидение. И я пошел к Лилии в гримёрку, чтобы доложить: времени у меня в обрез, могу побыть не более сорока минут, а коль задерживают, позволь мне, выполнившему обещание, отбыть по своим срочным делам.

В длинном сумрачном пустом коридоре с множеством дверей я остановился у той, на которой была табличка с именами трех актрис, в том числе и Лилии. Открыв дверь, я хотел было войти, но так и застыл на пороге. На диване меж гримировочных столов с зеркалами и горящими настольными лампами сидели моя жена Лилия и актер Ковалев. Лилия была в легком, как пеньюар, платье из розового шелка. На Ковалеве красовался белый атласный камзол и белая же батистовая рубаша с пышным жабо. Его шляпа с пером лежала на столе. Ковалев и Лилия слились в samozабвенном поцелуе. Кончик шпаги на боку актера еле слышно поскрёбывал по полу. Я закрыл дверь. И постоял, прижимаясь лбом к медной табличке, слыша, как в висках шумит кровь и думая: *«Спокойно. Представь лицо Надежды, и всё уйдет»*. Через минуту я выпрямился, постучал в дверь и, услышав после короткой бесшумной паузы ее голос, вошел в гримёрку. Она

сидела за своим столом, глядя в зеркало и припудривая лицо. Ковалев был в шляпе, и шелестел страницами, просматривая роль. Лица у обоих спокойные и сосредоточенные. Ни малейшего повода для подозрений. У них это называется — «внутренняя подвижность».

Увидев меня в зеркале, Лилия обернулась и сказала обрадовано:

— А, вот и ты! Придётся тебе выпить с нами кофе, прежде чем...

Я перебил:

— Мне покинуть вас придется. Без кофе. Лимит времени.

— Вот жизнь, — бросая на стол бумаги, сказал Ковалев. И посмотрел на меня с усмешкой. — Регламент рыночных отношений. Чуть что, где-то промедлил — угар и всё такое. Тяжело, наверно?

Произнося эти слова, он явно кого-то играл, какого-то персонажа из какой-то пьесы.

— Да нет, нормально — ответил я. — Есть же театр, он облегчает. В него всегда можно сходить и отойти от забот насущных... Слушай, Дионисий, я всё хотел спросить... А что это за имя у тебя такое? В честь бога пьянки, что ли?

Он растерялся:

— Да нет...

— Ви-итя... — стрельнула в меня укоризненным взглядом Лилия. *«Все та же бездонная прелестнейшая синь».*

— Или это псевдоним? Актерский бренд?

— Нет. Дело в том, что имя мне дали...

Дионисий не договорил, потому что в этот момент открылась дверь и вошла маленькая шустрая девчушка в оранжевой клетчатой рубашке и потёртых джинсах. Она бойко затараторила:

— Здравствуйте, здравствуйте все! Мы представляем второй городской телеканал, нам необходимо задать вопросы о вашей предстоящей премьере...

У ней были крашенные ярко-оранжевые волосы комком, как пакля, и конопушки вокруг носа, что делало ее похожей на циркового клоуна. За ней вошел длинный оператор в серой безрукавке с множеством карманов; седые волосы стянуты сзади в хвост, в одной руке он нёс за рукоятку большую видеокамеру, в другой — треногу.

— Значит, вы играете Роксану, — говорила, обращаясь к Лилии, девчушка. — Вы, — перевела она взгляд на Дионисия, — Кристиана... А у вас, извините, какая роль? — повернулась она ко мне.

— Это мой муж, — сказала Лилия.

— О, прекрасно! — обрадовалась девчушка. — С вас и начнем! Скажите, пожалуйста, а какая роль вашей супруги вам нравится больше всего?

— Мое место за кадром, — сказал я, осторожно продвигаясь на выход мимо оператора, который устанавливал камеру на треноге. — Всем успеха! — И вышел из гримерки.

Шагая по темному коридору мимо дверей гримерок, я старался унять все-таки возникшую боль в груди. «*Опять она меня долбанула!*»

Сзади послышался оклик. Я оглянулся. Она догоняла меня. Я остановился и ждал, когда она подойдет. Хотелось заорать на нее, как тогда, дома, после спектакля, но я сдержался.

Приблизившись, она сказала:

— Витя, вчера звонила мама...

И взяла меня за руку и придвинулась ближе, возможно, чуя неладное и стараясь разглядеть мои глаза в этой полутьме. Она была очень красива сейчас в этом розовом оборчатом шелку со сверкающей брошью в набриолированных волосах с выющимися по бокам локонами.

— Она просила, чтоб мы с тобой пришли к ней в пятницу. У меня как раз не будет спектакля...

— А у меня будет уйма работы, — пробурчал я, отводя взгляд.

— Но Витя, она так просила! И отец как раз в отпуске, он будет дома. Давай съездим, посидим все вместе!

Чуть подумав, я ответил:

— Ладно, сходим, постараюсь урвать времечко...

«С тестем надо попрощаться», — мысленно закончил я фразу.

И тут мне вдруг вспомнился многозначительный взгляд Фрола в кабинете Клавдии Егоровны, когда он сказал о финансовом займе. И я решил воспользоваться моментом:

— Помнишь, ты говорила про низкопроцентный кредит, который может устроить нам репрез?

— Ну да, помню. Конечно, помню.

— Он нужен нам сейчас. Очень.

— Сколько? — с готовностью спросила она.

Я назвал сумму, и она ахнула.

— Это у вас теперь такие запросы?! Вы так развиваетесь?!

— Сделаешь или нет?

— Ну, конечно! Завтра же деньги поступят на ваш счет...

Приехав домой, я достал из «стенки» конверт частного детектива Серегина, вынул отчет, нашел координаты и тут же позвонил ему.

А в пятницу мы с Лилией поехали к ее родителям. По пути, конечно, пришлось заехать в торговый центр, где она купила какой-то косметики, какую-то кофточку... «Надо сделать приятное маме», — говорила она всегда в таких случаях. Почему-то о том, чтобы сделать приятное папе, не думала никогда.

Как только мы вошли в их квартиру на третьем этаже девятиэтажки левобережного микрорайона «Иртышский», я сразу почувствовал те же приятные запахи, что всегда витали в бревенчатом доме у завода «Трансмаш», и мне поневоле взгрустнулось: всё же то было счастливое время. Но грусть была недолгой, она сменилась изумлением — сразу, как только я вошел в большую комнату. Сходящиеся углом противоположные стены были теперь не стенами, а цветисто-зеленым полем, уходящим к лесу; над ним парили облачка, и целлофаново поблескивающий потолок, неровный, с впадинами и выпуклостями, был высоким небом с косяком журавлей, которые словно бы оживали, взмахивая крыльями и устремляясь вперед, если смотреть на них, шагая по диагонали комнаты. И я раз десять прошелся, глядя вверх и снова, снова поражаясь этой высоте, простору, свободному и живому движению журавлиного полета.

Тесть, как-то необычайно внимательно глядя на меня, расспрашивал о моих делах.

А потом мы вчетвером сидели за столом. Они теперь жили вдвоем: их сын Вадик учился в Москве, на втором курсе университета. Теща, сидевшая рядом со мной и, как всегда, обильно потчuya меня, завела разговор, к которому я был готов. На все ее слова о том, что, дескать, пора бы мне подарить супруге машину, несерьезно же для мужчины, тем более, бизнесмена, совершенно не заботиться об имидже своей жены, тем более что она теперь такая известная актриса. (В открытую дверь другой комнаты видна была часть стены, сплошь занятой большими фотографиями Лилии в разных ролях.) Я отвечал неопределенно: мол, ситуация пока не позволяет, а там видно будет; и поглядывал на Лилию, сидевшую напротив, и ждал, что она начнет поддакивать матери, но она молча жевала, думая о чем-то своем.

Вскоре заиграл мой мобильник. Звонил Фрол, как я и просил, с распоряжением срочно прибыть в «Кардан». Но почему-то на двадцать минут раньше.

— Еду! — ответил я, сунул телефон в карман, быстро доел то, что оставалось в тарелке и, прожевывая, встал и сказал: — Извините меня, пожалуйста... — и спросил Лилию: — Ты со мной?

— Нет, — покачала она головой. — Побуду здесь.
— Так как мы решим, Виктор? — с милой улыбкой посмотрела на меня теща.

— Ой, да мама, хватит! — вдруг выдала Лилия. — Обойдусь без машины!

Я взглянул на нее удивленно, а потом сказал теще:

— Любовь Федосеевна, вопрос будет рассматриваться. — И перевел взгляд на тестя: — Николай Евгеньевич, спуститесь со мной, пожалуйста, на минутку. Поможете разобраться в одной странности моей старушечки...

Когда мы вышли на улицу, он спросил, кивая на мою белую «семерку»:

— Ну и что в ней за странность?

Я достал из кармана пальто приготовленные доллары, свернутые в трубку и перетянутые резинкой, как это показывают в кино, и протянул ему:

— Вот, собственно, всё, что я хотел. Возьмите. Только, пожалуйста, не отказывайтесь!

Он чуть помолчал и сказал с тихой усмешкой:

— Ну, а зачем же отказываться? Лично для меня это — в калах.

И взял деньги. И тут же выставил руку, опережая меня:

— Не беспокойся, никому не скажу.

А в следующее мгновение, глядя на эту толстенькую трубку, поворачивая ее и так и этак, ошаршил меня словами, произнесёнными в раздумье и обращёнными вроде бы не столько в мой, сколько в свой адрес:

— Значит, все-таки уходишь от нее...

И посмотрел на меня своим чистым синим взглядом. Я не выдержал этого взгляда и опустил глаза. А он сказал:

— Но ты всё же подумай. Может, по-другому решишь ... Да-а, жа-аль мне... Очень... Ну что ж, как бы там ни было, а желаю тебе всего самого-самого наилучшего!

И он протянул мне руку. Я крепко пожал ее. Мне тоже было очень жаль расставаться с ним.

41

Как оказалось, Фрол позвонил раньше, чем я просил, потому что именно в тот момент возникла необходимость быть в «Кардане» нам всем четверым. Но Слава разобрался с партией запчастей, застрявшей на сортировочной станции в Канушино, а Отрошенко второй день сидел на больничном, грипповал, и Фрол был один в «совушке», когда позвонили от человека, на чью помощь мы рассчитывали, от Владимира Трофимовича. Это был ответ на мой позавчерашний звонок

ему по номеру в визитке, которую он дал нам на новогоднем празднестве у Котла. Автоответчик велел оставить сообщение, что я и сделал. И вот сегодня юный женский голос в телефонной трубке буквально поверг Фрола в шок известием о том, что Владимир Трофимович скоро приедет к нам. Пока я добирался, Фрол звонил мне поминутно и говорил, запинаясь так, что я ничего не мог разобрать. Не помню, чтобы когда-нибудь он был так сильно взволнован. Благо, пробки держали не шибко, и я успел. Волнение одолевало и меня, когда я поднимался в наш кабинет.

Фрол уже немного успокоился, но был очень серьезен. Он сидел за своим столом, постукивая по нему мобильником и глядя на плоский монитор компьютера. Воротник его белой рубашки был расстегнут, патиссоновый галстук выбился на лацкан светло-синего блестящего костюма... Взглянув на меня, он сказал:

— Ты... это... Сходи-ка тоже... Оденься по форме...

И я уже было повернулся, чтобы пойти в гардеробную и надеть наш фирменный костюм, но так и застыл на месте, глядя в окно. И проговорил хриловато:

— Не успею. Гляди.

В окно хорошо было видно, как на той стороне Кутузовской улицы остановился «жигуленок», окраской похожий на милицейский. Из него вышел паренек в спортивной куртке, поверх которой по-цыплячьи желтела безрукавка. Поднимая над головой полосатый жезл, он вышел на дорогу и перекрыл движение с ближней к нам стороны. А с дальней начали по очереди сворачивать к нашему зданию сначала черная «Волга», за ней — апельсиновый «Форд», потом — зеленая «Хонда».

Фрол вскочил и бросился из кабинета, на бегу поправляя галстук и застегивая воротник рубахи. Я бросился за ним, и когда мы сбежали вниз по лестнице и выскочили на крыльцо, возле него уже стоял вышедший из «Волги» солидного вида человек в белом утепленном плаще и в белой кепке с пластмассовым белым козырьком и околышем, как у наркомов тридцатых годов. Он вежливо поздоровался с нами и попросил пустить в здание двоих угловых (так и сказал — «угловых»), для предварительного профилактического осмотра в целях общей безопасности. Угловые, поджарые, как борзые собаки, ребята, одетые в такие же белые плащи и белые кепки, исчезли за стеклянными дверями «совушки». Сolidный посмотрел на того, что стоял ближе к дороге, у притулившейся к газону «Хонды», а он напряженно осматривал в морской бинокль крыши пятиэтажных домов за гаражами по ту

сторону Кутузовской. Осмотрев и опустив бинокль, повернулся к солидному и кивнул. Из-за угла «совушки» вышли еще двое в белых плащах и белых кепках; они уже побывали во дворе и тоже кивнули солидному, а тот что-то шепнул в маленький белый телефончик. Тут же открылась дверца стоявшего посреди площадки апельсинового «Форда», и из него вышел молодой водитель с пышными светлыми кудрями и в каком-то странном одеянии, похожем на кафтан. Обойдя машину спереди, он открыл другую дверцу, и на невысохший еще от весеннего снеготаяния асфальт медленно ступил толстой подошвой коричневого туфля Владимир Трофимович. Вот он степенно вышел из машины и осмотрелся. Было пасмурно, холодный ветер теребил его седые волосы, но он с видимым удовольствием подставлял ему чисто выбритое лицо, вдыхая полной грудью и распахивая полы замшевого пиджака, отчего колыхался широкий и длинный красный галстук, повязанный на белую в тонкую красную полоску рубаху.

Мы с Фролом спустились с крыльца и подошли к нему, а он с таким видом, будто продолжал давно начатый разговор, повел вокруг себя рукой и сказал своим глубоким басом:

— Вот здесь стоял наш дом. Мимо него проходила дорога, пыльная, по ней тогда в основном ездили на телегах, запряженных лошадьми. А там, за дорогой, тянулся, знаете, такой ста-арый деревянный забор. Он огораживал территорию городка юных натуралистов. Чего только не выращивали мы на его земле! К вашему сведению, нам удалось вывести первый сибирский арбуз... Да-да... Ну, здравствуйте, ребята!

Он пожал нам руки своей жесткой кистью, посмотрел на наше здание и воскликнул:

— А вблизи оно еще краше! И мне, — посмотрел он на нас в ожидании, — до безумия интересно увидеть, что у вас там внутри!

— Сейчас мы... это... — сказал Фрол, а я подхватил:

— Пойдемте, Владимир Трофимович! Сейчас мы вам всё покажем!

Тут как раз вышли из здания оба «угловых», покивали солидному, и тот совершенно не солидно взбежал на крыльцо и открыл дверь, и стоял, держа ее открытой. Наш гость двинулся вперед, а мы с Фролом пошли по бокам от него, но он не вошел в здание первым, а вежливым жестом пропустил нас вперед, и мы с Фролом вошли, а когда вошел он, вновь пристроились по бокам от него и так шли, указывая направление — мимо лестницы, в дверь магазина. А в магазине, увидев гостя, сразу вскочила из-за стола, выронив ручку, менед-

---

жер; и мгновенно присела за прилавком продавщица, как бы пытаясь спрятаться. Я рассказывал Владимиру Трофимовичу о работе нашей фирмы, а он внимательно слушал, и впрямь с большим с интересом разглядывая всё, что попадало в поле его зрения, иногда и расспрашивал, особенно подробно — об автосигнализации. Из магазина мы пошли в цеха, за нами увязались менеджер с продавщицей, а по мере того, как переходили из цеха в цех, увязывались и рабочие, так что процессия росла, и охранникам в белых плащах и белых кепках приходилось аккуратно оттеснять ее. В том, что Владимира Трофимовича узнавали, не было ничего удивительного: его часто показывали по телевидению, а городские газеты не менее часто печатали интервью с ним. К нему, как к знатоку, обращались с вопросами по многим городским проблемам, и он всегда давал исчерпывающие ответы. А в последнее время неожиданно стал регулярно выступать с жесткой критикой властей.

Вскоре я заметил чужих в растущей толпе. Это были незваные гости из соседствующих с нами медсанчасти, автозаправки, спортпавильона... Не иначе, кто-то из наших сотрудников передал новость кому-то из них по телефону, а там пошло, пошло распространяться, и вот уже все бежали к нам посмотреть на живую легенду...

Когда мы, наконец, показали Владимиру Трофимовичу всё и пригласили пройти наверх, я подозвал двоих наших охранников и тихо сказал, чтоб они разогнали всех по рабочим местам, а чужих выпроводили.

Наверху, в банкетном зале, официантки нашего кафе как раз закончили накрывать, и мы сели за стол. Владимир Трофимович выпил только одну рюмку водки, закусил соленым огурцом, не притронулся к деликатесам, коих было в достатке, а из всего нашего довольно обширного меню выбрал и съел лишь бефстроганов с гречкой; потом пил чай, и после третьей чашки, отерев платком вспотевший лоб, сказал, повернувшись к окну и указывая на железные гаражи, стоявшие по ту сторону Кутузовской улицы среди беспорядочно растущих кустов и деревьев на замусоренной земле:

— Надо, ребята, придать цивилизованный вид этому месту. Постройте там что-нибудь приличное. Аренду земли я опять же обеспечу вам, помогу и материально, а гаражи перенесу... Сами-то не думали об этом?

— Думали, — сказал я. — И даже есть идеи. Сделаем, Владимир Трофимович.

— Ну, тогда помощь от меня — по той же схеме. Неплохо было бы там построить что-нибудь для оздоровления.

— Именно в этом направлении и мыслим.

— Очень хорошо! — одобряюще улыбнулся Владимир Трофимович и, выдержав небольшую паузу, посерьезнел и, глядя на нас прямо через стол, сказал: — А теперь — я весь внимание, друзья. Что это у вас за очень важное дело ко мне, о котором было сказано в вашем телефонном сообщении?

Я коротко объяснил. Он удивился:

— С чего это вас вдруг потянуло в сельское хозяйство?

И внимательно слушал мой рассказ о том, как мы решили поставить у Новой Северной Магистральной пункт нашего предприятия, как заработал техгородок и как нас пригласила к себе Клавдия Егоровна... По мере того, как я рассказывал, его взгляд теплел, он начинал улыбаться, а когда я закончил, гулко рассмеялся и сказал:

— Вот уж истинно: кто в деле смогает, тому Бог помогает! Струя, так сказать, сама нашла созидателей и понесла на своем гребне к победам! Опять вы меня радуете, ребята! Да-да. И это замечательно, ведь когда я к вам ехал, то надеялся на серьезный разговор, и теперь вижу — не ошибся. Должен такой разговор у нас получиться...

Он говорил под доносившийся из-за окон шум машин на Кутузовской и под резкие, хорошо слышные оттуда порывы ветра, а еще под красивые тонкие трели двух щеглов в клетке у зимнего сада в углу этого небольшого зала, освещенного светом пасмурного дня. И мы слушали в оцепенении, потому что всё, о чем он говорил, действительно было очень и очень серьезно. Он сказал много такого, чего ни от кого другого мы никогда бы не услышали, а начал с простой мысли о том, что в жизни нельзя ни за что братья вполнакала, пусть даже и обстоятельства не дают простора, ищи сам, где можно размахнуться во всю силу. И он в свое время, по окончании строительного вуза, искал, и нашел, да еще угадал с такой точностью, что в течение относительно недолгого времени взлетел на самый верх в городе — в мэрское кресло (тогда это называлось — председатель горисполкома), и сам разрабатывал новый генплан, из которого что-то и в жизнь успел воплотить, и наверняка воплотил бы полностью, если бы не аннигиляция перспектив из-за всеобщего развала, начавшегося в девяностые, которые в то же время дали возможность завладеть крупной собственностью, и это поставило его перед *выбором*. Но здесь для цельности излагаемого необходимо вернуться по времени на несколько лет назад, когда одна горисполкомовская финансистка попросила его, мэра Владимира Трофимовича, помочь трудоустроиться своему бывшему однокласснику, по известным причинам желавшему

вернуться из соседней азиатской республики, куда еще двадцать семь лет назад он попал по распределению после института, того самого, строительного. Это все и решило: мэр заинтересовался, кто же это такой, и хоть имя его, Моталов Виталий Андреевич, было ему неизвестно, все-таки его подкупило, что этот самый Моталов работал заместителем начальника довольно крупной стройки; и он согласился с ним встретиться и переговорить, а когда тот приехал, он его сразу узнал: в строительном институте Моталов был известным комсомольским активистом, учился на последнем курсе, когда Владимир Трофимович только поступил, и он хорошо его помнил — несмотря на то, что они даже знакомы не были. В общем, авторитет студенческих времен сработал на Моталова очень сильно: мэр помог ему устроиться здесь, правда, всего лишь замом начальника управления сельхозстроительства, однако возможности роста были обеспечены ему тем, чего не было меж ними прежде — дружбой, возникшей и укреплявшейся не без помощи финансистки, которая оказалась очень умелой по части наведения контактов, а Владимиру Трофимовичу, как ни крути, был по нутру Моталов, тогда еще далеко не старый, крепкий, деловой, а главное — по всем внешним признакам (особенно по смыслу того, что говорил) твердо нацеленный на работу и готовый все свои силы отдавать на благо людей; и поэтому мэр сделал всё для того, чтобы продвинуть Моталова: благодаря ему Виталий Андреевич стал депутатом областного совета, а затем и его председателем; когда же освободилась должность первого секретаря обкома партии, и все дружно взялись уговаривать Владимира Трофимовича занять это место, он уступил его Моталову. И вот после того, как пост партийного лидера трансформировался в пост главы областной администрации, а затем регионального президента, кем и стал на долгие годы Моталов, Владимир Трофимович и оказался перед тем самым *выбором*: остаться мэром или пойти в бизнес, — совмещать эти две позиции нельзя было по закону, а Владимир Трофимович почему-то загорелся идеей стать крупным собственником; он советовался со многими, в том числе и с Моталовым, и со связующей их финансисткой, и те советовали ему выбрать путь экстра-современный: дескать, достигнув высот на стезе обретения собственности, он сможет реализовать свой генплан целиком, тем более что ему будет открыт доступ к средствам областного бюджета, это твердо пообещал Моталов. Он же и обеспечил кредит на стартовый капитал, и Владимир Трофимович все-таки оставил кресло мэра и пошел в дело, для начала став первым в городе владельцем торгового дома,

---

а потом взявшись за игорный бизнес, по-крупному, с прицелом на то, чтобы подмять под себя весь этот бизнес в городе, и когда ему это удалось, взялся подминать бизнес ресторанный, банный, общепитовский, какой-то еще, все это были ошметки кооперативного движения второй половины восьмидесятых годов с их мелким рэкитирством и проходными разборками; и тогда-то он наткнулся на то, чего никак не ожидал и не предвидел: немалая часть молодежи, хлынувшей на улицу с гибнущих заводов, не находила для себя ничего более подходящего, кроме как вымогать средства к существованию у новоявленных бизнесменов, в том числе, разумеется, игорной и ресторанно-общепитовской сфер, и это была волна уже не мелкого, а куда более весомого рэкета со стремительно растущими бригадами, а значит, всё более болезненно бьющего по доходности и даже ставящего под угрозу существование самого бизнеса. Владимир Трофимович воспринял это точно так же, как в прежние годы воспринимал задачи, которые ставила перед ним партия, и хоть теперь задачу ставила не партия, а сама прогнивающая жизнь, решать ее он взялся с тем же усердием и твердостью, что проявлял, когда руководил всей хозяйственной и политической деятельностью города, используя весь свой организаторский талант и связи. Первым делом подключил милицию, знакомых начальников райотделов, и устроил по всем районам города серию громких показательных процессов, одинаково заканчивавшихся рассеиванием любителей легких денег по тюрьмам. Однако он понимал, что этим проблему не решить, и одновременно начал сколачивать свои бригады из спортсменов, недавно закончивших карьеру и не нашедших себя в жизни, отбирая их самолично, проводя собеседования с каждым; и в конце концов преуспел в этом настолько, что рэкет как таковой напрочь исчез в городе, буквально растворившись в бизнесе, став его внутренней составной частью, когда бармен, банщик или крупье — вышедшие в тираж мастера каких-нибудь единоборств или игровых видов спорта, а около них — друзья, на вид бездельничающие, а на самом деле напряженно работающие в качестве заслонов для любых посягательств на доходы; и только ему, Владимиру Трофимовичу, предприниматели нашего города обязаны устоявшейся в непоколебимом спокойствии работой, свободной от вымогательств (что же касается случаев, подобных нападению на нас команды Классного, они и тогда уже стали единичными, по сути, исчезли, как атавизм). И всё бы ничего, но в тот период работы по урегулированию теневых отношений его стали привлекать для разбирательств и поиска ра-

---

зумных решений предприниматели крупные, делившие рынки и землю под новые рынки; и на какое-то время ему пришлось в своих поездках по городу по всем этим делам пере-сесть на заднее сиденье легковой машины, к помощнику, прятавшему под полкой автомат; но и в тех сферах он сумел унять брожения, раздел в конечном итоге прошел успешно, и когда представители всех сторон умиротворенно сели за круглый стол и по очереди пригубили дорогого напитка из золотой чаши, передавая ее из рук в руки, а потом повели домашнему уютную беседу, выяснилось, причем, неожиданно для самого Владимира Трофимовича, что не кто иной, как именно он — первый в городе авторитет, если хотите, его крестный отец. На это ушло не так уж мало времени, годы, пролетавшие в суматохе, чередующейся с недолгими передышками в наших местных загородных здравницах (никаких других мест для отдыха он не признавал), и все эти годы он жил жизнью, абсолютно отстраненной от того, что происходило в других городских сферах, не бывал в них, ни о чем не справлялся, да и не хотел ни о чем знать до поры до времени; теперь же настала пора вернуться в свет, и, вернувшись, он ужаснулся, как ужаснулся бы человек, оказавшийся в грязных подвалах и вынужденный проползти по ним длиннющее расстояние в поисках выхода на поверхность, где, по его разумению, все должно цвести и благоухать, но вместо этого на поверхности его встретило запустение, мрак, разруха; иначе и нельзя назвать то, что увидел Владимир Трофимович, сделав экскурс по городским предприятиям. Первое, что потрясло его — разрушенный станкостроительный завод, где он начинал сразу после института мастером отдела капитального строительства, и за несколько лет, поднявшись до заместителя директора, построил новые корпуса, столовую, внутривозводской клуб и многое другое, но теперь все это лежало в руинах; а дальше его взгляду открывались развалины других предприятий, его детищ, о благополучии которых пекся он уже на посту мэра, исповедуя главный свой принцип — «прежде всего думать о людях и делать все для людей». Но в его отсутствии умами руководителей завладели иные принципы, и он, чтобы разобраться, пошел к Моталову, отношения с которым как-то сами собой давно пресеклись (он считал — временно), но его даже в здание не пустили, в новое громадное здание областной администрации, построенное в то самое время, когда разваливались заводы, и после того, как он позвонил Моталову, и тот не ответил, ему стало ясно, что никаких средств из бюджета на реализацию генплана ему не светит. Он еще позвонил той финансистке, что свела его с

Моталовым, но она, теперь уже министр финансов области, выслушав лишь несколько слов, положила трубку.

Первым делом после этого Владимир Трофимович подробно разузнал через свои каналы всё о жизни и деятельности Моталова с тех пор, как отношения их пресеклись, узнал, естественно, и о его истинных, скрываемых от всех доходах, и о его состоянии, испытал шок и долго не мог успокоиться, но в конце концов понял, что виноват сам: не почувствовал вовремя, что стояло за моталовскими словами о готовности служить народу. В городе, конечно, узнали, как обошелся репрез со своим благодетелем, ждали ответных мер, но вдруг на бывшего мэра последовали одно за другим два покушения, и поначалу многие были уверены, что организованы они репрезом; никто не пострадал, за исключением шофера, верней, запястья его левой руки, по которому скользнула пуля; тем не менее Владимир Трофимович сразу значительно усилил свою охрану. Он отрицал вероятность причастия к покушениям своего выдвиженца, и даже заявил об этом в прессе, пообещав во всём разобраться, и организовал расследование, в ходе которого выяснилось, что на жизнь его посягнули некогда посаженные им, а теперь вышедшие на свободу вымогатели; он предпринял свои меры, и больше покушений не было, только усиленная охрана осталась. Он по-прежнему пребывал в своем авторитете и при своих делах, хоть и зажил жизнью одинокого пенсионера, обосновавшись в особнячке, выстроенном среди деревянных домишек далеко не в самом престижном месте города, древнем, напоминавшем ему о том уголке, где прошло детство. Его жена, которая была старше на одиннадцать лет, но замены которой не существовало для него в природе, давно умерла, двое сыновей жили в столице, а больше никого у него не было, и всё свободное время он отдавал выращиванию тюльпанов на клумбах во дворе, коллекционированию живописи и своему генплану: копия всегда лежала на столе в его рабочем кабинете, — при случае он старался хоть что-нибудь да реализовать, но случаи такие подворачивались не часто, да и их-то использовать он мог не всегда: при всей неплохой для одного человека состоятельности ему элементарно не хватало на это средств. И ничего не оставалось, кроме как ждать лучших времен, ждать, когда окончится моталовская эпоха, а там, глядишь, и откроется доступ к средствам областного бюджета. Он никогда ни единым словом не задел Моталова, ни разу не выступил против него: не мог, помнил, кто обеспечил ему стартовый капитал; вообще старался не касаться политики, просто занимался делом, вел его в основном по телефонной связи, из

особнячка, время от времени выезжая в ночные клубы, рестораны, оздоровительные комплексы и прочие объекты своего бизнеса, как рачительный директор выезжает неожиданно, порой и среди ночи, в цеха своего завода, дабы проверить, исправно ли идет трудовой процесс, не волыньят ли работники. К нему постоянно обращались за помощью, люди шли и шли, он принимал всех без исключения и всегда, чем мог, помогал. Благодаря ему, все деревянные домишки в районе, где стоял его особнячок, были газифицированы, обеспечены водопроводом и добротны, красиво отремонтированы: на это средств ему хватало. Казалось бы, такая покойная и размеренная жизнь, являющаяся, по мнению ученых, главным залогом долголетия, должна была сделать его счастливым или хотя бы довольным тем, что достигнуто, должна бы дать ему и душевный покой. Но не тут-то было: он не мог похвастать даже просто нормальным внутренним состоянием, свойственным большинству людей, и то, что чувствовал теперь почти всегда, было адowymi муками, страданием от того, что нет уже возможности для *полнокровной* деятельности, какую дает должность мэра, не говоря уж о должности главы области, так бездумно брошенной им впустоцвет. Он долгое время сам не мог понять, как умудрился польститься на то, к чему всегда был равнодушен. Покопавшись в себе основательно, пришел к выводу: не богатство его привлекло, а соблазн потрудиться в другой системе, в пространстве свободного предпринимательства, о чем, конечно, в советское время знал не очень много, но все-таки кое-что знал: бывал в капиталистических странах, видел работу их предприятий, видел цеха, где ни одного человека, а всё в движении, и продукция, как по волшебству, производится словно из ничего, словно сама по себе; видел, как их станки выпускают текстиль со скоростью в разы выше наших, видел еще и многое другое, и думалось ему: будет всё точно так же и у нас, стоит только внедрить ту систему, представлял, как оживет экономика и станет расти на дрожжах золотых стимулов промышленность, почему-то забыв, что их системе не присуще то, что всегда было дорого ему: социальная справедливость; а может, и не забыв, а просто посчитав, что потом, на каком-то этапе можно будет решить и это. Всё, однако, оказалось иллюзией, и теперь он видел: ничего общего с той системой не имеет насаженное у нас — дичь, разброд, не дающий никаких шансов для того развития, о котором он мечтал, и это добавляло топлива к адovým мукам, избавиться от которых его, возможно, могло бы возвращение в реальную власть, но путь к этому как раз-то и был заказан ему навсегда, не потому, что

он боялся проиграть на выборах, мог бы и победить, он знал это, но главное: прошла жизнь, которую можно было принести в жертву добру для людей, ушла на другое, и никак ее уже не вернуть; и оставались одни только мучительные раздумья, перемешанные с мученьями, может быть, не меньшими, чем те, что испытывал библейский персонаж, с мольбой и воплями просивший прикоснуться к его губам смоченным в воде пальцем; он думал непрестанно, думал, как выйти из ситуации, главное — как реализовать то, что замышлял когда-то; думал и в редких выездах, когда мог на самую капельку позволить себе нарушить взятую за норму трезвость, и в абсолютно трезвых суточных просиживаниях дома, и в созерцании по ночам причудливой цветовой гаммы звезд в установленном на крыше телескоп или в охоте на доисторических зверей в подвале перед большим монитором, где сам был виртуальным стрелком, почти как в одном романе Саймака. Полегче стало незадолго до ухода Моталова, который и раньше постоянно пребывал в конфликте с городской властью, держа город на голодном бюджетном пайке, а тут развернул против нее невиданную войну, — тогда-то о заслугах и регалиях бывшего мэра вспомнили и стали приглашать на городские мероприятия, в том числе и на заседания горсовета. Город снова увидел его, уже без власти и даже без совещательного голоса, но теперь он по крайней мере мог публично высказывать свое мнение, и это прекрасно действовало на состояние его духа, тем более, что к нему прислушивались. А вскоре и моталовщине пришел конец. Он надеялся столкнуться с Владиславом Дмитриевичем Волчковым, новым репрезом, хоть и обнаружил сразу, наведя справки, наличие дальних родственных связей между ним и Моталовым: мать Волчкова была замужем за двоюродным братом жены Моталова, — и тем не менее он сразу стал готовить письменное обращение к Волчкову, но неожиданно тот пригласил его сам. Было это, когда Волчков просидел на посту главы области месяца два и уже успел отметиться рядом странных поступков, например, во время смотра военной техники проехал на полигоне большой круг в танке на месте командира; его голова в черном шлемофоне торчала из башни, он то и дело махал рукой зрителям, и лицо его было озарено по-детски счастливой улыбкой. С такой же улыбкой он встретил в своем кабинете Владимира Трофимовича, восторженно сказав, что помнит его со школьных лет, когда он, будучи мэром, повязал ему красный галстук у памятника Ленину. Владимир Трофимович сразу перевел разговор на серьезный лад и заговорил о главном, о своем генплане. Достал его из папки и

развернул на столе. Волчков проявил живейший интерес, смотрел, слушал, переспрашивал, изумлялся масштабы предлагаемого, одобрял, соглашался с необходимостью перестраивать в городе целые районы, сносить ветхое жилье и строить новое, создавать транспортные развязки по типу современных европейских, расширять и прокладывать дороги, а то уже всем так осточертели эти вечные пробки, из-за них порой по несколько часов уходит на то, чтобы добраться с окраины до центра, — и, конечно же, надо, обязательно надо восстанавливать трамвайные линии. И так вот, соглашаясь, поддакивая, Волчков выслушал, а потом заговорил сам, но лучше бы он молчал: на этом месте Владимир Трофимович выдержал паузу, согнувшись над столом и приложив ко лбу ладонь, так что глаз не было видно, но я успел заметить, когда он отнял ладонь, как в них веселыми искрами плеснулся смех; и вспомнил, как сам еле удерживался от смеха, когда слушал репреза Волčkова, и, возможно, засмеялся бы, если б гость наш не посуровел, а это значило, что память повела его дальше по цепочке событий уже не смешных: Волчков пообещал ему поспособствовать, нагрузить, как он говорил, бюджет, но чего стоили эти обещания, стало ясно позже, когда он поддержал проект строительства в городе вредоносного завода, от которого отказались, выходя на улицы и митингуя, жители нескольких других городов, — в самом деле, суля дать городу пять-шесть десятков новых рабочих мест, этот заводик грозил превратить его атмосферу в опасную для проживания; против этой стройки митинговали и у нас, но решение Волčkова было твердым, и бывшему мэру стало ясно, что плевать ему на город и его жителей, и что он, безусловно, пойдет по пути Моталова, будет набивать мощну, беспспорным доказательством чего стал случай с полумиллиардным траншем, о котором Волчков заявил на новогоднем празднике у Котла. Владимир Трофимович рассчитывал на эти финансы, много он не просил — просил небольшую часть, двадцать миллионов долларов — на восстановление разрушенного путепровода над железнодорожными путями в одном из старых районов города, где транспортная проблема из-за этого особенно тяжела — там не пробки, а одна сплошная, с утра до ночи, пробка. Транш в пятьсот миллионов долларов выделил благотворительный фонд Содружества азиатских стран, причем, не через банк, а напрямую, наличкой; берите, мол, и тратьте на свои нужды, но с условием: откройте нашим товарам новые каналы доступа на ваш рынок и дайте возможность арендовать нашим людям земли вашей области в ранее закрытых для нас зонах. Условия были вы-

---

полнены, всё как положено, с оформлением договоров. Оставалось дожидаться денег. Но их почему-то всё не было. Когда же Владимир Трофимович поинтересовался у Волчкова, скоро ли поступит транш, тот туманно объяснил, что произошла какая-то заминка, что-то там не сложилось, и обещанных средств, по всей видимости, не будет. Экс-мэра никак не мог устроить такой ответ, но более внятного добиться он не смог, и это его насторожило. Он взялся со свойственной ему настойчивостью выяснять, что же там произошло, и довольно скоро узнал, что сразу после заключения договоров, в конце февраля, уложенные в мешки полмиллиарда долларов отправились из азиатских далей к нам, и перекочевывали через границы и таможи разных стран в сменяющихся инкассаторских машинах под охраной сменяющихся вооруженных инкассаторов, наконец, достигли нашей границы, где были благополучно перегружены в нашу инкассаторскую машину, и нашлось немало свидетелей, которые видели, как она отбыла в сторону нашего города, вот только прибытие ее к нам никто засвидетельствовать не мог, потому что больше ее никто не видел, и Владимиру Трофимовичу пришлось направить уйму своих людей на ее поиски. Машину нашли. Она не доехала до города километров двести и, абсолютно целехонькая, забросанная сосновыми ветвями, покоилась во впадине, созданной в мерзлой болотине взрывами гранат, где клету должна была навеки уйти в трясины. Никаких денег в ней, конечно, не было. Владимир Трофимович мог бы продолжить их поиск и, наверняка, нашел бы, но ему уже было безразлично, куда они делись, загреб ли их себе Волчков, растеклись ли они по чиновничьим карманам или же их сумел перехватить кто-нибудь из олигархов, заправляющих всем в стране. Ему просто опротивело копаться в этом, и теперь он больше всего хотел, чтобы паразиты навсегда были отброшены от власти, а их место заняли порядочные люди, которые будут исповедовать его принципы. Он знал, что это возможно, знал, как это осуществить, знал давно, потому что давно начал всерьез об этом задумываться. Знал, но оставил на самый крайний случай. И вот он наступил, этот случай. Работа предстояла кропотливая и долгая, требующая терпения и времени, но он взялся за нее без всяких сомнений, для начала сняв стресс довольно своеобразным способом, это уж я сам так думаю, потому как по моим подсчетам именно после эпизода с траншем я видел его в зале борьбы Дворца Бодрости на Тальниковом острове, куда уже четвертый месяц регулярно, три раза в неделю, ходил стоять с Котлом в паре на ринге. В промокшем насквозь лыжном

костюме Владимир Трофимович бросал и бросал на ковер тяжелый борцовский манекен для отработки приемов... И вот теперь он разговаривал с нами, и мы были явно не первыми, с кем говорил он на эту тему. Ему надо было подобрать как можно больше надежных и перспективных молодых людей, полностью разделяющих его взгляды, причем, живущих не только в городе, но и по всей нашей области.

— Это хорошо, — сказал он, посмотрев на меня, — что вы теперь руководите автомастерскими в сельской местности...

Из таких, как мы, он хотел подготовить политиков, которые постепенно и заменят всю власть в области.

— Вы согласны? — спросил он меня.

— Согласен, — сказал я, не раздумывая. Это полностью совпадало с моим уже созревшим *решением* от той мысли, что возникла в доме Надежды, когда я увидел голубя, вылетевшего из тьмы на свет...

— А вы? — посмотрел он на Фрола.

Фрол насутился, опустил голову и отрицательно покачал головой.

— Почему?

— Политика... это... не для меня...

— А что для вас?

— Ну... Планирование там... Анализ и оценка ситуаций... Прогнозы...

— Ну и прекрасно! Это качества хозяйственника. Перспективы у вас, Фрол Сергеевич, отличные, я это знаю: очень много хорошего слышал о вас. И очень на вас надеюсь. Да-да. А вы как? — посмотрел он на Фрола прямо. — Готовы меня поддерживать?

Фрол, чуть смутившись, улыбнулся и утвердительно кивнул.

— Вот и замечательно! — Владимир Трофимович тоже улыбнулся и встал. — В общем, я доволен, разговор состоялся. — Выйдя из-за стола, он пошел к выходу, продолжая говорить: — А дальше всё будем решать в рабочем порядке. Третьего вашего товарища, Вячеслава, введите в курс дела, пусть подумает. Да, и кстати! Передайте привет моему тёзке Отрошенко, мы с ним очень хорошо знакомы!

Уже на улице, где всё так же дул ветер, разнося повсюду мелкие брызги начинавшего накрапывать дождика, он сказал, пожимая нам руки:

— В понедельник вам позвонят и пригласят в фонд. Так что можете хоть сегодня начинать закупать семена. Ну и горючка, любая, будет вам бесперебойно и со всеми скидками. До скорой встречи!

И в тот же день я начал обзванивать насчет семян все места, которые находил в Интернете. Мне повезло: вскоре попался продавец не очень удаленный от Топольков, предлагавший семена недорого и, по его заверению, отменного качества. Последнее требовало проверки, один я, конечно, ехать не собирался, только со спецом из Топольков, куда и отправился на следующий день, в субботу.

В качестве спеца Клавдия Егоровна Радужнова выделила мне Ивана Ермолаевича Князева. Это был крутолобый плешивый старичок с небольшими умными глазами, весело глядевшими из-под белёсых бровей. В деревне его звали Соколёнок. Когда мы договорились в его избе о послезавтрашней поездке, я попросил:

— Иван Ермолаевич, вы ведь тут всю жизнь прожили, всех знаете. Не могли бы помочь, сопроводить меня по селу? Надо мне с людьми познакомиться.

— О, эт-то дело важное, — одобрительно покивал головой Соколёнок. — Узнаешь население — поднимешь поселение. Пойдем, пойдем, пойдем. Всё обскажу и покажу, в любую хату провожу..

В тот день мы обошли с ним домов двадцать. И на следующий день, в воскресенье, почти столько же. И потом, как только выдавалось свободное время, я шел к Соколёнку, и он вел меня в следующие дома, пока мы, где-то в течение месяца, не обошли все до одного. Мне хотелось узнать как можно больше, и я дотошно расспрашивал каждого, и, самое важное, записывал в блокнот. По окончании обхода Соколёнок сказал (как всегда, сочиненной на ходу рифмованной прибауткой), что я провел перепись местного населения. Мы посмеялись, а потом пошли в магазин, я взял всё необходимое для застолья, и мы отлично у него посидели. «Перепись» была лишь малой частью работы, проделанной за считанные недели. Надо сказать, в фонд нас пригласили очень уважительно. А после того, как мы с Соколёнком съездили и посмотрели семена, в самом деле отличные, и проконтролировали их завоз, Радужнова назначила нового директора совхоза «Первомайский», обновила его правление и провела собрание. Выяснилось, что для посевной катастрофически не хватает трактористов. Те из них, кто трудился на вахтах, не соглашались бросить работу, готовы были только помогать в межвахтовых промежутках. Но это не спасало положения, и пришлось срочно отправить на кратковременные курсы районного ПТУ семерых ребят и троих девушек.

Деревня ожила. Утром на улицах глядишь — там гурьба, там гурьба. Идут на работу. Мне в сельхозделах не было места, я понимал, что лучше туда не лезть, без меня разберутся. И я, хоть и в самом деле получил с подачи Фрола ценные консультации в сельхозакадемии, занимался автоделами и проблемами людей, их было много, меня просили и просили помочь, не только топольчане, и я помогал — и материально, и всячески.

Без дела я не мог. Жажда деятельности так и бурлила во мне, а сил было столько, что казалось: могу перевернуть мир. Именно такую мощь чувствовал я в себе, когда — уже в конце мая — стоял на сторожевой вышке, только что возведенной в техгородке, и осматривал всё вокруг. Полуденное солнце в безоблачном небе отбрасывало от вышки тень вместе с моей тенью на площадку в розовом щебне, окантованную сеткой рабица. Когда по площадке проезжала машина, наша с вышкой тень заползала на нее, а потом соскальзывала обратно на щебень. Машин всё так же было много. И всё неслись и неслись машины по магистрали, шум их сливался с музыкой из «колокола» на столбе у диспетчерской будки и с рокотом, доносившимся слева, с полей, где, сверкая стеклами на солнце и дымя тонкими трубками, ползали трактора, и даже отсюда был виден трепещущий красный флажок на тракторе лидера посевной Володи Антипова.

А чуть подальше в сторону полей уже почти вырыт котлован. Там будет построено здание гостиницы, в него переместится и столовая. За котлованом — футбольное поле, на нем белая разметка и ворота с сетками; по нему гоняют мяч и шофера, и деревенские мальчишки. Если же взглянуть с вышки направо, то хорошо видна длинная вереница машин, выстроившихся по ту сторону магистрали к новенькой бензозаправке, блестящей синим пластиком. Это давняя мечта Фрола, воплощенная в жизнь. Поодаль от бензозаправки люди в красных спецовках и красных кепках, издали похожие на жуков-пожарников, монтируют еще одну заправку, газовую. Глядя на всё это, я думал: *«Ничто нас уже не может здесь сковырнуть»*. Думал: *«Отсюда пойду во власть, и надо не отступать продолжать всё делать для людей, везде, в каждом уголке района»*. Осенью начнется учеба в университете, на факультете правоведения, и пусть окончу его заочно, но не по ускоренной, а по полной программе. Будет и другая учеба, подпольная, уже прошло ознакомительное занятие; там предстоит узнать о всех механизмах и тонкостях проникновения во власть, о каждом из тех, кто стоит сейчас у власти, и еще многое, многое... А через два года я пойду на первые вы-

---

боры — в депутаты районного совета. Потом будут выборы глав районных администраций, а дальше — выборы депутатов Законодательного собрания нашей области.

Таким образом, в моей жизни появилась большая цель. Я уже был одержим ею и чувствовал себя на высоте.

И проморгал опасность с другой стороны.

43

В тот самый момент, когда я стоял на вышке, она и гвозданаула. В кармане у меня заиграл мобильник. Я достал его. Звонила Алла Сергеевна.

— Виктор! — кричала она со слезами в голосе. — Помогите! Только вы можете... Я не знаю, как быть...

— А что случилось?

— Надя...

Послушав еще немного, я крикнул:

— Сейчас буду!

И слетел вниз по стальной лесенке со стремительностью бойца, поднятого по тревоге. Рванулся было к своей машине, но вспомнил, что поставил ее на развал.

— Что за беда, Иваныч? — спросил Чубуков, копавшийся во внутренностях грузовика.

— Машину надо, срочно!

— Далёко?

— В деревню.

— Так вон «москвичонка» только что сделали. Попроси, отвезет.

Этот старенький «Москвич» уже выезжал из техгородка. Я бросился за ним, догнал, щелкнул пальцем по стеклу, и он остановился.

— А вы, наверное, Виктор Иванович? — открыв дверцу, спросил пожилой мужчина в старомодном плаще и шляпе. — Руководитель этой станции?

— Да. Подбросите до Топольков?

— Конечно.

Подошедший охранник спросил меня:

— Скажите, а эта вышка, она что, вот только такой будет?

— Нет, — торопливо объяснил я. — Это летний вариант. А потом сделаем крышу, поставим пластиковые окна. Будет там электрообогрев, видеонаблюдение, телевизор...

— А кушетка?

— Ни в коем случае! Там не полагается спать. Дежурить на вышке будете по два часа.

Я сел в машину, и когда поехали, спросил мужчину:

— А вы, как я понимаю, из этого района?

— Да, живу в Марьино. Я директор школы.
— В Марьино я еще не был.
— Но мы о вас слышаны.
— И как поживает ваше село? Много проблем?
— О-о, выше крыши. Взять, к примеру, отопление школы...

Как ни колотилось у меня сердце, как ни шумело в башке, я внимательно выслушал всё, что сказал директор, и кое-что записал в блокнот. А когда он привез меня в Топольки и оставил машину у дома Запеваловых, я сказал, пожимая ему руку:

— В ближайшее время обязательно к вам наведаюсь.

И выскочил из машины, быстро прошел по двору, взлетел на крыльцо и вошел в дом. Алла Сергеевна сидела в одиночестве за столом в горнице. Она была в ужасном расстройстве. На мой вопрос, где все, тихо ответила, что Андрейка у соседки, играет с ее дочкой; Иван Степанович, пообедав, ушел в техгородок; а где сейчас Надежда, она не знает. Надежда не отвечает на ее звонки. Я тут же достал свой телефон, позвонил, но и мне она не ответила.

— Расскажите поподробней, — попросил я, присаживаясь за стол. — По телефону я не всё разобрал...

Случилось следующее. Алле Сергеевне позвонила знакомая учительница из райцентра и сказала, что видела на автовокзале Надежду и отца Афанасия, пастыря радолобов, и подслушала их разговор. Надежда говорила о том, что уже точно уходит в монастырь, и матушка Авдотья ждет ее через два дня к вечеру. Андрейку она возьмет с собой, устроит у каких-то людей поблизости, в Алексеевке, где каждый день будет его навещать...

— Виктор, вы обещали мне, что не пустите ее туда! — вытирая слезы, выговаривала мне Алла Сергеевна. — Я на вас надеялась...

— Пока что я своего обещания не нарушал. Она вам что-нибудь обо мне говорила?

— Говорила.

— Что именно?

— Что никакого будущего у ней с вами нет.

— Так прямо и сказала?

— Да.

— Эх-хе-е... — только и проговорил я, почесав затылок.

Мне было досадно, что Надежда не верит мне. Но тут же меня взяла досада на себя самого, ведь это я не сумел убедить ее в твердости своего решения. Да и не старался убедить. И даже не возразил на ее слова в театре: «О-о, какая у тебя жена-

---

то, оказывается, Витя! Таких не бросают, не-ет...» А почему не возразил? Да потому, что был уверен в себе, знал, что расстанусь с женой без всяких, а вот о том, уверена ли во мне Надежда, о ее сомнениях даже и не подумал! И что теперь? А теперь перед моим мысленным взором, как писали когда-то в романах, замаячил разверстый зев полного жизненного провала. Ведь если она уйдет в монастырь, для меня это будет крах. Я, конечно, не отступлюсь, ни за что, буду добиваться своего! Но, зная ее, я понимал, что, во-первых, неизвестно, сумею ли добиться, а во-вторых, если и сумею, то на это уже потребуются уйма времени, может быть, годы. Кто б знал, до чего жалел я теперь о том, что не развелся с Лилией сразу, как только встретил Надежду! Но, правда, и винить себя мне было особо не в чем. Просто я не хотел делать этого второпях, ведь речь шла о том, чтобы устроить свою судьбу раз и навсегда. Мне надо было, как я уже говорил, подготовиться, но не хватало времени. Да и, честно говоря, я всё как-то надеялся, что Лилия уйдет от меня сама. Так мне было бы легче. Я даже был уверен, что со дня на день она уйдет. Я же распознал ее, «вскрыл, как консервную банку», и знал: настоящая жизнь для нее — среди актеров, актрис, режиссеров. А со мной ей что? Сплошная обыденка. Если б не тот случай в гримерке с Дионисием, я бы до сих пор так ничего и не предпринял. Но поскольку все-таки предпринял, шанс у меня оставался, и я, бодрясь, говорил Алле Сергеевне:

— Не переживайте, не всё потеряно... Ничего, ничего!..
Время у нас есть, два дня...

А потом вышел на солнечный двор, слепяще-белый от цветущих яблонь, вспомнил, как играл в мяч с Андрейкой у этих яблонь, еще по снегу, как мы тогда о чем-то весело спорили с Надеждой... И у меня защемило на сердце, слёзы подступили к горлу, и я подумал: «Да как же я буду без них-то? Я же не смогу без них! Ведь они — бесценная опора для меня! Мне никак нельзя их отпускать, тем более на годы! Нельзя! Эта сильная баба, ставшая мне родной, как и ее сын, нужны мне больше всего на свете, нужны сейчас! И всегда будут нужны!» Слёзы чуть не потекли из моих глаз, но не время было раскисать, и я достал из кармана телефон и набрал номер частного детектива Серегина. Один раз я уже звонил ему и спрашивал о наших делах, но что-то там у него не складывалось. Когда он отозвался, я поздоровался и сходу сказал:

— Мне надо, Андрей Станиславович, решить всё срочно. Прямо сегодня!

— Но позвольте, Виктор Иванович... — опешил он. — Об экстренности речи не шло!

— Теперь идет!
— Но сегодня никак!
— А завтра?
— М-м... — подумал он немного. — Пожалуй, тоже нет...
— Но послезавтра, послезавтра крайний срок! — закричал я. — Андрей Станиславович! Я вас очень, очень прошу! Сделайте, пожалуйста, послезавтра!

Вернувшись в дом, я сказал Алле Сергеевне:

— Ни в коем случае ни слова не говорите ей! Ведите себя так, будто ничего не знаете.

— Виктор...

— Вырулим, Алла Сергеевна! Вырулим!

— Вы уверены?

— Уверен!

Поцеловав ее по-сыновьи, я вышел из дома. И только тут вспомнил, что остался безлошадным. Хотел позвонить Чубукову, чтобы он пригнал транспорт, но не стал, пошел пешком, сначала через деревню, потом по пересеченной местности. Нет, не был я уверен, что вырулим. Думая всё об одном и том же, потерянно брел я по перелескам, брел через поле, сначала по непаханой, заросшей сорняками земле, потом по свежевспаханной. Брел, пока меня не догнал на тракторе Антипов, аккуратно направлявшийся на обед. Он остановился, открыл дверцу, я забрался в кабину, и мы за деловым разговором, который на время отвлек меня от тяжких дум, вместе прибыли в техгородок.

44

И все-таки я не впал в уныние, продолжал работать на полную силу, занимался текущими делами в техгородке, переночевал там, а на следующий день на своей отремонтированной машине съездил в Марьино, и мы с директором школы сходили к главе администрации; я узнал всё, что можно было узнать об этом селе; потом сходили в котельную и договорились к следующему отопительному сезону специально для школы установить дополнительный котел. К тому времени я уже понял: как бы ни влияли внешние обстоятельства на внутреннее состояние, нельзя допускать, чтобы они сказались на твоём вкладе в дело. Что бы ни случилось, надо продолжать работать, раз уж ты поставил дело в пик своей жизни. Конечно, мысли о Надежде не оставляли меня, я очень сильно скучал по ней; стоило мне подумать о возможной долгой разлуке с ней, как наваливалась тоска, и я не знал, куда от нее деться, и всё думал: «Только бы успеть. Только бы успеть». И еле удерживался, чтобы не рвануть к ней. Но нельзя было к ней,

---

пока нельзя. Оставалось только вспоминать о том, как еще недавно я часто заезжал к ней, заезжал всякий раз, как только выдавалось свободное время (меня тянуло к ней постоянно), и мы пили чай, о чем-нибудь разговаривая, или по очереди читали сказки Андрейке, или играли с ним в сказочно-приключенческие настольные игры, и мне было очень-очень хорошо. Нередко Надежда смотрела фильмы на дисках. «Люблю киноклассику», — говорила она. И если я заставлял ее за этим занятием, то подсаживался к ней, и мы вместе смотрели, как, например, взлетает с крыши легковой машины и плывет в облаках человек в шляпе и в развеваемом плаще; или как девочка-певица в длинном блестящем бирюзовом платье идет по залу среди празднично накрытых столов, за которыми сидят дети, исполняющие роли взрослых; или как трое самураев, измученных битвой, мокнут под проливным дождем, и один из них говорит: «Мы все-таки победили».

Мне тоже хотелось победить, никогда ничего не жаждал я так сильно, как этой победы. И жил в ожидании звонка Серегина, ни на минуту не позволяя себе оставаться без дела. Переночевал и вторую ночь в техгородке, и с утра снова работал, а потом поехал в самую дальнюю от Топольков, но самую ближнюю к городу деревню района, чтобы сразу, если только позвонит Серегин, рвануть оттуда в город; и говорил там с людьми об их проблемах, думая: *«Только бы он успел! Только бы успел! Только бы позвонил!»*

И когда он позвонил, я с прижатым к уху телефоном чуть не подпрыгнул от радости на глазах у людей, окруживших меня возле сельсовета. Разговор с ними я закончил весело, пообещал, что через несколько дней наведаюсь к ним, скорей всего, уже что-то решив в их пользу. А потом сел в машину и поехал в город...

Мы опять встретились с Серегиним в сквере у транспортной академии, но в этот раз сели на скамейку. Уже вечерело, солнце скрылось за домами, высоко в голубом и светлом еще небе висел казавшийся прозрачным месяц, и горела одна крупная звезда. Хорошо пахла цветущая сирень. У Серегина был немного усталый вид, волосы по бокам от лысины были влажными: видно, сегодня ему довелось побегать, — но всё это не убавляло ни энергичности его, ни деловитости. Он говорил, отдавая мне документы:

— Вот ваши паспорта со штампами о разводе. А это — бумаги на имущественные отношения. По ним она не может претендовать на ваш капитал. Ни один суд не вынесет решение в ее пользу.

Я сказал, усмехаясь:

— Половину своего капитала я ей уже отписал.

— О, зря! Я был на вашем месте этого делать не стал.

— Но это был бы уже не я... Андрей Станиславович, а вам не говорили, что вы жестокий человек?

— Да сколько угодно! — рассмеялся Серегин. — И говорили, и корили! Но это, во-первых, далеко не так. А во-вторых, я не считаю данное качество таким уж отрицательным. Иной раз оно бывает весьма полезно... Так, забирайте и это, — протянул он мне оставшиеся в его руках бумаги и посмотрел на меня прямо, со светлой улыбкой: — Ну-с, теперь мы с вами, Виктор Иванович, наверное, расстаемся навсегда.

— Как знать, как знать... — ответил я и спросил: — Вы участвуете в выборных кампаниях?

Улыбка сбежала с его лица, он удивленно приподнял брови и ответил:

— Если под участием вы подразумеваете юридическое обеспечение кандидатов, то да, участвую. И всегда на стороне оппозиции. Для меня это принципиально.

— В таком случае, — твердо сказал я, — мы с вами еще поработаем.

— Ват как! Ну что ж, буду рад.

— До встречи, — сказал я, пожимая ему руку.

А утром следующего дня я подъехал к дому Запеваловых на белом «Мерседесе». Войдя в дом, поздоровался с Аллой Сергеевной и Надеждой. Отец, конечно, был уже в техгородке. О делах дочери он ничего не знал.

Легонько взъерошив волосы Андрейке, я сказал Надежде:

— Мне нужна твоя помощь. Давай-ка по-быстренькому проедем со мной...

Она повернулась ко мне от плиты, хотела что-то сказать, но Алла Сергеевна опередила:

— Иди, иди. Я всё доделаю. Иди. Раз просят помочь, надо помочь! По-христиански, сама понимаешь, всегда надо только так и никак по-другому! Иди, иди, иди!

И она, быстро подойдя к Надежде, развязала тесемки ее фартука.

— Паспорт только захвати, — сказал я Надежде. Она уже споласкивала в умывальнике руки.

— Паспорт? — переспросила Алла Сергеевна, бросилась в горницу и мигом вернулась с паспортом. — Вот, — сунула его Надежде в задний карман джинсов.

Когда мы выходили, я заметил в сенях большую, застегнутую на «молнию» сумку. В ней, безусловно, были вещи

Надежды и Андрейки. Алла Сергеевна смотрела на меня умоляюще, а я успокаивал ее жестами.

— О, какая пригоженькая! — удивилась Надежда, выйдя на крыльцо и увидев белый «Мерседес». — Откуда она у тебя?

— Позаимствовал. У нас теперь новая услуга: берем машины на комиссию. Ну и вот, попросил на время...

— А ехать куда?

— Увидишь. Домчим влёт!

За всю дорогу она не сказала ни слова, и только поглядывала на меня с иронией. А когда приехали, насмешливо спросила:

— И что же нам с тобой здесь, интересно, делать?

Я натянато засмеялся и сказал:

— А ты не догадываешься?

— Нет, — сказала она, глядя вперед сквозь ветровое стекло. Голос ее стал сухим. — Теряюсь в догадках.

Перед нами красовалось мраморное крыльцо новенького «Центра Бракосочетаний». По его ступенькам осторожно и даже как будто крадучись поднималась юная светловолосая невеста. Она придерживала левой рукой пышный подол белого платья, а правую держала на ладони такого же юного и светловолосого жениха; он шел выше, то и дело оглядываясь на нее. Следом поднимались празднично одетые свидетели и гости. В руках у них было много цветов.

Я достал из кармана паспорт и показал Надежде страницу со штампом о разводе:

— Смотри! Вчера я стал свободным человеком. Надеюсь, ненадолго. Делаю тебе официальное предложение. Уступи мне, пожалуйста, свою руку и сердце!

Ну, вот и настал он, момент *окончательного разрешения*. С улицы доносились голоса, смех, музыка. Подъехали еще две машины с новобрачными. А у нас в машине было тихо. Я ждал. Во мне всё оцепенело. Она смотрела вперед неподвижно; лицо задумчиво, веки полуопущены, сочные губы сжаты, меж красивых бровей залегла тоненькая складка. Я не ожидал, что она так долго и напряженно будет думать. Мне казалось, между нами всё давно решено, и она сразу согласится. Но она думала и думала. О чем? Вдруг я понял: ей очень трудно переломить себя, отказаться от решения, с которым успела свыкнуться. Мне стало страшно. Я подумал: если откажется, брошусь ей в ноги, буду умолять до последнего...

И смотрел на нее в ожидании. Наконец, она пошевелилась, достала сотовый телефон из кармана джинсовой безрукавки, которая была надета поверх клетчатой ковбойки, набрала номер и сказала:

— Здравствуйте, это Запевалова...

На том конце кто-то сразу же заговорил, и она некоторое время слушала, а потом сказала:

— Вы меня, пожалуйста, простите...

Я впился в неё взглядом, сжимая руль. А она говорила виновато, со смущенной улыбкой:

— У меня всё отменяется... Да, случилось... — Лицо ее стремительно заливала краска. — Я выхожу замуж... Да, да...

Сердце в моей груди бешено заколотилось, взлетая куда-то ввысь, радость горячей волной хлынула в горло.

А она говорила:

— Спасибо... И я рада... Спасибо, что вы меня так хорошо понимаете... Я скоро к вам заеду. До свидания.

Щелкнув телефоном, она посмотрела на меня, рассмеялась и сказала:

— Ну что, жених? Как бракосочетаться-то думаешь? В таком виде?

Я не смог сразу ответить, я всё покашливал со слезящимися глазами, всё улыбался, наверное, глупо. Потом достал из кармана пиджака две бордовые бархатные коробочки с обручальными кольцами и сказал:

— Главное — вот. Остальное приложится. Пойдем!

И мы пошли в это большое и красивое здание, а там я подошел к сидевшему за столиком молодому, одетому по-жениховски администратору и представился ему. Он на мгновение замер, а потом встал и куда-то быстро ушел.

Его не было долго. Но вот он вернулся и с очень приветливой улыбкой сказал:

— Дело в том, что на днях мы здесь разыгрывали лотерею. Знаете, как это бывает, когда маленькая девочка вытаскивает из барабана бумажки с номерами. Там были разные выигрыши, в том числе и на полный комплект бесплатных услуг нашего заведения. Так вот на ваш порядковый номер как раз и выпал такой выигрыш. Поэтому — добро пожаловать! Вы, — сказал он Надежде, — пройдите с ними, — показал он на двух спускавшихся по лестнице девушек в одинаковых светло-зеленых платьях. — А вы — с ними, — сказал мне, показывая на идущую к нам по просторному светлому фойе женщину в таком же платье и на мужчину в легком, как у больницы врача, светло-зеленом костюме.

— Везет! — шепнула мне с улыбкой Надежда. — Как я хочу, чтобы нам и всегда так везло!

И пошла с девушками вверх по лестнице.

А я пошел за мужчиной и женщиной в светло-зеленых одеждах, думая:

«И правда, везет! Молодец, Котёл! Держит слово!»

Сначала я помылся под горячим душем, потом мне дали новое нижнее белье, подобрали костюм и туфли, рубашку и бабочку. Я оделся, и меня провели в зал мужской парикмахерской, где перед зеркалами сидели три жениха, и навели прическу, какой у меня сроду не бывало. Я взял большой пластиковый пакет, куда была сложена моя одежда, и пошел к церемониальному залу. Там пришлось посидеть, подождать Надежду, и довольно долго. Оно и понятно: невесте требуется куда больше времени...

Но какой невестой она пришла! На ней, конечно, не было фаты, только диадема в королевской прическе, сверкнувшая на солнце из окна, когда она спускалась по лестнице, но и без фаты, в необычайно красивом белом свадебном платье, она выглядела так, что взгляды женихов, невест и всех, кто еще стоял и сидел в фойе, тянулись за ней, как примагниченные, пока она приближалась, глядя на меня счастливым взглядом и смеясь, а я как-то даже и не узнавал ее, до того незнакомо прелестным стало ее лицо, и только когда она, подойдя близко, нежно коснулась моего лица рукой в белой перчатке до локтя, увидел, что это именно оно, всё то же самое, родное, любимое лицо!

Нас пригласили в церемониальный зал. Мы оставили пакеты с одеждой у дверей и вошли. В зале была только одна женщина в шелковом синем платье с красной перевязью. Я достал кольца и положил на золотой подносик, который она держала в руке. Она поздравила нас и пожелала, чтобы этот радостный день соединил нас на всю жизнь; потом мы по очереди ответили на ее вопрос, согласны ли стать супругами, по очереди надели кольца друг другу на пальцы и «скрепили свой союз брачным поцелуем». От этого нежного поцелуя и от чудесного запаха духов, который можно было ощутить только очень близко от ее лица, у меня закружилась голова, так что было нелегко расписаться там, куда указала женщина пальцем с красным лакированным ногтем; и дальше я передвигался только с этим не проходящим головокружением...

Когда мы вышли из церемониального зала, нас провели в канцелярию, где наш брак был оформлен документально, а потом пригласили в ресторан этого же дворца. У его входа нас встретила официантка во всем бело-кружевном и проводила в один из залов, небольшой, по-домашнему уютный. Мы сели за столик с белоснежной скатертью, накрытый специально для нас. Еще две пары, как и мы, без гостей и свидетелей, отмечали здесь бракосочетание. Одна пара заметно старше нас, другая вообще преклонного возраста. Невесты

были не в свадебных платьях, но одеты празднично, как и женихи. Их лица светились счастьем. Как и наши с Надеждой лица, я видел это в окружавших нас зеркалах. Отдаленно доносился шум свадеб и музыка из других, больших залов. А в этом зале тоже звучала музыка, и под нее седоволосый артист пел на сцене у микрофона: «Вот уж тополь отцвел, белым снегом осыпался с веток...»

Мы с Надеждой сидели за столиком друг против друга, с бокалами в руках, и она, разговорившись после нескольких глотков шампанского, вспоминала о том, как мы познакомились.

— Ну, таким ты был тогда разнесчастным, под теми березами! — говорила она, улыбаясь и не сводя с меня сильно блестящих глаз. — Таким каким-то... потерянным... Мне так тебя жалко стало, аж сердце заболело! Это же не шутка для меня — попросить номер телефона. Со мной такого еще никогда не было! Но думала — забуду и всё. И даже думала: завтра уже, наверное, не вспомню... А вот не смогла забыть! Запал ты мне в душу, Витенька... — Она помолчала, всё глядя на меня с улыбкой, и сказала: — Я счастлива, правда! И такого со мной тоже еще никогда не было! Давай выпьем за наше счастье до дна! — она звякнула своим бокалом о мой, допила остававшееся в нём шампанское, поставила бокал на стол и, посерьезнев, сказала, глядя мне прямо в глаза: — Витя, мама, наверное, говорила тебе про мой характер. Может быть, даже говорила, что со мной будет нелегко. Но я тебе обещаю: ты не пожалеешь! Ты никогда об этом... не пожалеешь... — она вдруг всхлипнула и заплакала, и тут же засмеялась, и сказала, одновременно и смеясь, и плача, и стараясь спрятать от меня лицо: — Ой-ей-ей! Вот и слёзы потекли... А если бы ты знал, — говорила она, вытирая слёзы откуда-то появившимся в ее руке белым платочком, — если б ты только знал, как непросто из меня выжать слёзы!

Когда она успокоилась, мы еще понемногу выпили и сидели, закусывая и разговаривая, и разговор тёк легко и свободно. Нам всегда было о чём поговорить. Мне становилось очень-очень хорошо. Так томительно, так радостно было на сердце!

— Да! — вдруг вспомнил я. — Надо же еще оформить документы на Андрейку!

— Какие документы? — непонимающе посмотрела на меня она.

— Как какие? На усыновление.

— О-о!.. — протянула она, глаза ее опять повлажнели. — А я об этом как-то даже и не подумала...

— Так думай! А вообще-то меня сейчас другое заботит.

— Что именно?

Я наклонился к ней через стол и прошептал:

— Ну, теперь-то уже ведь можно не только, как ромашку...

Она замерла на мгновение и тут же затряслась в беззвучном смехе, весело стреляя в меня взглядом, а через несколько минут мы входили в номер гостиницы этого же дворца, и мое головокружение превращалось во что-то похожее на сумасшествие, и я парил в сладостном, жарком, истекающем негой мареве...

Потом мы ехали по городу: она попросила отвезти на Иртышскую Набережную, к ее бабушке с дедушкой. На заднем сиденье «мерса» лежали коробки с белым платьем, костюмом, туфлями...

— Свадьбу-то будем играть? — спрашивал я.

— Ну а как же! — весело отвечала она. — Как же без свадьбы-то? Односельчане не поймут!

— Тогда, может, через пару недель?

— Хорошо.

— Надо моих родителей пригласить.

— Это обязательно.

— Слушай, а радолоб Афанасий может нас обвенчать?

— Без проблем.

— В общем, сегодня уезжаем, — напомнил я ей. — Не забыла, где меня ждать?

— Не забыла.

— Как буду подъезжать, звякну. Да, а ты Алле Сергеевне-то позвони!

— Сейчас, сейчас позвоню... — Она достала телефон. — К стати, а где мы будем жить?

— В Топольках, где же еще. В доме бывших звероводов.

— А-а... — протянула она, изумленно-радостно посмотрев на меня. — Так это ты его отремонтировал?!

— Теперь это наш теремок! — засмеялся я. — В нем сегодня и поселимся. С тобой и с Андрейкой.

Она тоже засмеялась и, нажимая кнопки телефона, сказала:

— Ну, Андрейке, я думаю, ближайший месяц лучше пожить у бабушки с дедушкой!

Я отвез ее, приехал в «Кардан», поставил на комиссионный подиум «Мерседес» и перенес из него в свой «жигуленок» свадебные наряды. Потом поднялся в офис и сказал сидевшим там Фролу, Славе и Владимиру Ивановичу, что сегодня отбываю на постоянное жительство в Топольки и очень

скоро приглашу их на свадьбу. Странно, они ничуть не удивились. И все в голос поздравили меня. Мы расставались не навсегда, но всё же расставались, и я чувствовал (как, наверное, и они) легкую горечь расставанья. Я крепко пожал на прощанье руку Славе, Владимиру Ивановичу, а когда пожимал Фролу, мне вдруг вспомнилось, как мы с ним, иссушенные жаждой, сидели в «Запорожце», и он, открыв полторашку с минералкой, не приложился к ней первый, а протянул мне... И тут я, чувствуя, как набегают на глазах слёзы, обнял его, непроизвольно, порывисто, крепко. И быстро вышел.

И поехал домой. В последний раз.

Войдя в квартиру, я собрал в спортивную сумку всё самое необходимое, главное — одежду и обувь для тренировок. Что до остального, то тут классический вариант: ухожу в чём есть.

Поставив сумку посреди комнаты, отдающей запустением и покинутостью от того, что к ней давно не прилагали рук (обои выщели, потолок растрескался, а в углах на полу лежала пыль), я походил по паласу, посмотрел на чеканки теста на стенах, тронул синие стеклянные подвески-кораблики, свисавшие на нитях с люстры, послушал их мелодичный звон и глянул на себя в наискось подвешенное к стене овальное зеркало в витиеватой раме, как у Марии Ермоловой. На меня смотрело посвежевшее лицо с хорошим, живым блеском в глазах. Только прическа пострадала. Я вынул из кармана расческу и поправил ее. Потом подошел к окну. Сквозь ивовые ветви видны были рыбаки у озерка. Хороший вид. Но теперь мне было ничуть не жаль уходить отсюда. И только странное чувство вины слегка бередило душу. Отчего это?.. Ну да. *Она* жила со мной, ни о чем не догадываясь. Что-то делала для меня... Тот же кредит... А я этим пользовался...

Подойдя к стенке, я выдвинул нижний ящик, порылся в нем и достал большой тонкий конверт из коричневой почтовой бумаги. По первоначальному замыслу перед уходом следовало вынуть из него фотографии и бросить на стол. Но теперь мне этого делать не хотелось. Из-за чувства вины. Да, виноват. Не так, разумеется, как она передо мной, но всё же. И поэтому лучше будет взять всю вину на себя. Нет, не узнать ей истинной причины... Я смотрел на конверт, и мне вспомнился персонаж одной из лежавших в нем фотографий — Григорий Эдуардович Рубец. Ох, и номер он отколол! Еще хлеще Классного. Недавно к нам заезжал один коллега из Москвы, он всё и рассказал. Оказывается, в последний свой приезд, перед Новым годом, Рубец пригнал в наш город целый железнодорожный состав хлопка. Это и было то, на чем он со-

---

бирался мгновенно разбогатеть и что подразумевал, говоря мне: «Вот завтра, за-автра всё решится!» Однако назавтра выяснилось, что хлопок у нас в городе никому не нужен, что некогда лучшее в СССР хлопчато-бумажное производственное объединение полностью развалено, как и все другие текстильные предприятия, и хлопковое сырье здесь просто некому перерабатывать. Как мог Эдуардыч дать такого маху, ума не приложу. Наверное, сказалась пьянка. Он и тогда сразу запил, и знакомым пришлось отправлять его в Москву, а там на нем висел громадный долг за кредит на хлопок; у него возникли крупные проблемы с серьезными людьми, и неизвестно, чем бы всё для него закончилось, если бы не покровительство одной крупной бизнес-леди его возраста. Она выплатила за него долг, уложила в больницу на излечение от алкоголизма, приехала в наш город, отправила в Москву состав с хлопком, а потом с весьма приличной для себя выгодой продала его в Данию. Эдуардыча же самым настоящим образом женила на себе, с брачным контрактом и свадьбой, и поставила служить швейцаром в одном из своих ресторанов. Теперь Эдуардыча можно видеть там в форменном костюме цвета перезрелой малины, обшитом золотым позументом, и в такого же цвета фуражке с золотой кокардой в виде эмблемы общества трезвости. Как сказал наш коллега, в последнее время у этого ресторана резко возрос процент женской клиентуры.

Я не стал доставать фотографии из конверта, а взял ножницы, разрезал его на мелкие кусочки над кроватью, потом собрал их, бросил в унитаз и смыл.

И, найдя лист бумаги и ручку, сел за резной круглый стол с гнутыми ножками и написал: «Лилия! Я действительно уезжаю, как и сказал тебе вчера, но не в командировку, не на время, а навсегда. В гараже стоит новая иномарка, она твоя. Успеха тебе и счастья. Виктор». Рядом с запиской я положил на стол ее паспорт, ключи от гаража и от машины и документы на машину. «Будем считать, — подумал я, — что это и есть мой *чистый* выход».

У меня еще оставалось время: Надежда сказала, что ей хочется побыть у бабушки с дедушкой часов до девяти. И я завалился на кровать поверх покрывала. Мне вспоминалось многое из того, что пережил я здесь, вспомнилось и то, как я пил коньяк и бредил под пронзительные вопли рок-солиста... Потом я задремал. Меня разбудил звонок. Я встал и снял трубку телефонного аппарата, не того старого, с одним рычажком, который ошибочно соединил меня с Серегиным, а новенького, из гнутого никелированного металла и белой пластмассы, модно выполненного под старину.

— Витя! — услышал я голос Лилии. — Как хорошо, что ты дома! Значит, ты никуда не поехал?

— Я сейчас уезжаю...

— А я ключи забыла! Завези их в театр.

— Ладно.

Я положил трубку и сходил на кухню. Да, ее ключи лежали на холодильнике. По времени получалось, что она звонила в антракте. Я взял ее ключи, а свои положил на стол рядом с запиской. Захватив сумку, закрыл квартиру и вышел на улицу, к своей «семерке» у подъезда. Солнце светило еще ярко и стояло довольно высоко (часы переводили на летнее время).

По пути я заехал в цветочный магазин и купил букет лилий. Я подгадал верно: спектакль как раз заканчивался. Билетерша тихонько пустила меня в зал. Он был переполнен, многие сидели на приставных стульях. Лилия стояла на сцене, в броском плаще и шляпе девятнадцатого века, с чемоданом в руке, и говорила Дионисию Ковалеву, одетому в бесформенные штаны и простую светлую рубашу с кушаком: «Я как собиралась, всё плакала о тебе. На вот! Я у себя отрезала полкосы для тебя. Возьми на память!»

Когда спектакль окончился, и Лилия вместе с другими вышла на сцену, я пошел к ней. Мне не удалось вручить ей букет первым, у ней в руках было уже несколько букетов, и она, улыбающаяся, раскрасневшаяся, увидев меня, вспыхнула и шагнула мне навстречу, а я сунул ей букет, вложил в ее руку ключи, резко повернулся, сбежал со сцены и пошел по гремящему овациями залу, уверенный, что она уже и не помнит обо мне. «Прощай, ошибка Мойры, нечаянно исправленная мной, — думал я. — Теперь мне предстоит исправлять другие ошибки...»

В машине я позвонил Надежде и сказал, что еду за ней.

Перед глазами у меня всё стояло улыбающееся лицо Лилии, и какое-то недоброе предчувствие зародилось во мне, так что я даже не заметил горбатый наплыв на асфальте перед автобусной остановкой, и меня сильно трянуло. В глаза, как огненный шар, ударил солнечный отблеск от оконного стекла девятиэтажки, и пришлось остановиться...

Предчувствие окажется не напрасным: потом я узнаю, что Лилия переживет нервный срыв и даже отлежит в больнице. В театре начнут заменять спектакли с ее участием, и кое-кто из критиков заговорит о конце ее сценической карьеры. Мне станет очень жалко ее, но ничего уже нельзя будет изменить. И меня ужасно обрадует известие о том, что она поправилась, вернулась на сцену и играет еще лучше. Она сыграет в премьерe «Сирано де Бержерака», а потом этот спектакль

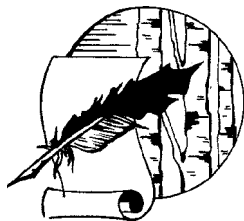

повезут на фестиваль в Москву, и там она получит приз за лучшее исполнение женской роли. О ее разводе узнают, с экрана телевизора прозвучит крылатая фраза «Только идиот может бросить такую женщину», к Лилии посыпятся предложения замуж, и пройдет слух, что одно из них — от главы области Волчкова, и что скоро она выходит за него. Но слух не подтвердится. На пресс-конференции, которую она даст по возвращении с фестиваля, одна дотошная журналистка станет спрашивать о ее семейной жизни, о том, почему всё так получилось, и она ответит, что сама теряется в догадках, что муж ушел, скорее всего, из-за ее чрезмерной занятости в театре. Журналистка спросит: «А если муж вернется и поставит условие: он или театр?» Лилия ответит: «Я брошу театр». Она это произнесет так, что в пресс-центре наступит глубокая тишина, а потом кто-то захлопает, и все встанут и будут аплодировать ей, как после спектакля. Когда я об этом узнаю, то, конечно, не поверю, что она смогла бы бросить из-за меня театр. Но до меня, тем не менее, дойдет, что на самом-то деле я не смог распознать ее, не смог «вскрыть ее, как консервную банку», что я вообще не понял ее, и навсегда она останется для меня самой большой загадкой.

Но всё это будет потом, а сейчас я навсегда уезжал в другую жизнь. Город шумел, резал слух автомобильными сигналами и скрипом тормозов, тёк людскими потоками по тротуарам, заслонял небо громадами домов, но когда я выехал на набережную, небо распахнулось во всю ширь; по нему расходились от горизонта бороздки розовеющих облаков, и солнце рассыпало по реке последние золотые чешуйки. И я уже видел, как впереди, у дороги, ждет меня, машет рукой и смеется *та, которая мне нужна*.

По всему получалось, что провидец, поведавший отцу о моем будущем, попал в точку: всё складывалось, как я хотел.

г. Омск

Эмма МЕНЬШИКОВА

СТРАННАЯ ЛЮБОВЬ

* * *

Где взять слова, когда уходит жизнь бесстрастно,
Когда стремится вдаль её река,
Которую, как и любовь, держать напрасно
В размытых временах усталых берегах,

Как передать души измученной смятенье,
Что слышит на Земле небесный зов,
Но так полна ещё восторга и томленья,
Что рассказать об этом не хватает слов?

БЕЛЕЕТ ПАРУС

Белеет парус одинокий...
М.Ю. Лермонтов

Белеет парус одинокий
Уже почти две сотни лет.
Казалось бы, простые строки,
А сколько тайны в них глубокой,
Как чувствовал её поэт..

Он пел о счастье, бурей грезил
И рвался в море и туман,
Где и поныне парус резвый
Легко качается над бездной,
Небесным светом осиян.

Поэт убит, а парус реет:
Вот сила, данная словам,
Через века являя нам,
Как он белеет и белеет,
Назло бушующим волнам.

РАЗЛУКА

Я уже примеряла разлуку —
И была она мне по плечу,
Я носила б её на прогулку,
Да вот шаль к ней никак не сыщу.

А без шали в невзрачной сермяге
Если выйду я, сердце скрепя,
То, ступив за порог, в полушаге
Всё ж снимаю разлуку с себя.

Тяжела она, грубо пошита,
И нейдут мне ни цвет, ни фасон.
В непогоду — плохая защита,
И от новой любви — не заслон.

Проку в этой разлуке не много:
Нет ни вида у ней, ни тепла.
И хранить её — только морока,
И забыть — столько лет не смогла.

Но в преддверии вечной разлуки
Всё душа отпускает сполна.
Ведь не брать ей в небесные круги
То, что здесь отлюбила она.

ДЕД

«Сколько времени, дед?» — я спросила его в час вечерний.
И он, колокол словно услышав уже вечевой,
Что созванивал сбор где-то в высях небесных губерний,
Только мне и сказал: «Жить осталось всего ничего...»

Дед был скромен и тих, про таких говорят: «Прост, как правда»,
Приносил нам с сестрой горсть помятых в кармане конфет,

Никогда не рассказывал нам о войне и наградах,
Сохранив до скончания дней только свой партбилет.

Мы его ордена «заиграли» ещё в малолетстве,
Потеряли, забыли, а кто-то прибрал под шумок.
Дед бесребреник был, не копил, не скорбел о наследстве,
Завещая потомкам единственно жизнь: всё что смог..

Он мосты не взрывал, не горел, не ходил в рукопашный,
Не форсировал рек и врагов не сражал наповал.
Всю войну на железной дороге служил — и бесстрашно
Эшелоны на станции ночью и днём принимал.

Как боец на посту — а фашисты бомбили нещадно
Все пути, по которым спешили на фронт поезда, —
Дед мой стойко, порой под огнём и убийственным градом,
Службу нёс на путях, не жалея себя никогда.

Да и как пожалеть, когда вдовы вокруг и солдатки,
Когда братья на фронте, потеряны дочь и жена...
Когда взрывы грохочут, и рельсы горячи и шатки
И когда лишь победа, одна лишь победа нужна.

Дед на станциях прифронтовых был обычным путейцем,
И на случай налётов всегда оставался в депо.
Рвались бомбы, горела земля, но он чувствовал сердцем:
От судьбы не уйдёшь, и на смену вступал словно в бой.

Он на фронт не попал, но служил своей Родине честно.
И наград его помню тяжёлый такой холодок.
Он до старости самой лишь форму носил повсеместно,
И ушёл в мир иной, как уходят, исполнив свой долг.

Не цеплялся за дней своих крохи, был тих и серьёзен —
Молча ждал, когда колокол грянет по душу его.
«Сколько времени, дед?» — я спросила его, пряча слёзы.
Он взглянул на часы: «Жить осталось всего ничего...»

МАМЕ

I

Она жива — и будто нет её...
Ей чуждо отражение своё.
Сказав однажды: «Никого не помню,

И вряд ли вспомню хоть когда-нибудь...»
Живёт она безродной и бездомной
И налегке свой завершает путь —

Без сожалений, памяти, чутья...
А всё ж душа сильнее забытья.
К сестре моей прижмётся в смутной грёзе,
Хотя давно не узнаёт её,
И гладит руку ей, как будто просит
Прощенья за беспамятство своё...

II
Ну вот и нет последнего заслона.
В иные веси мама отошла.
И так обычно всё на свете, словно
Она здесь никогда и не жила.

Осенний день не помянул дождями.
Не спели птицы на прощанье ей.
Лишь нам с сестрой теперь скорбеть о маме,
И быть заслоном для своих детей —
До края света, до последних дней.

III
У мамы было крепдешиновое платье
И узкие — «на выход»! — босоножки.
Ещё тонки, красивы пальцы и запястья,
Ещё она застенчива немножко...

А вот уже и крепдешин давно не в моде,
И рук своих приходится стесняться —
Станком отрезало ей в смену на заводе
Уставшие от напряженья пальцы.

А напоследок лишь взмахнула мне на счастье,
Застыв в оконной раме, как в окладе...
И всё мне мстятся её тонкие запястья
И солнцем — крепдешиновое платье.

* * *

Как ни крути, а жизнь — залог страдательный,
Под бременем её стенает земля.
Но чем же эта жизнь так притягательна,
Что уходить не хочется совсем?

И если это грех, то в оправдание
Душа и здесь лампадочку несёт,
Подсвечивая своды мироздания
И юный снег, спадающий с высот.

О Господи, как горестно и сладостно
Быть на Земле какой-то миг всего,
Не представляя, что быть может радостней,
Чем с этой жизнью кровное родство.

* * *

Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ к несчастью был.
А. Ахматова

И я была с моим народом
В трамваях и очередях...
А. Линёва

А я сама народ, всю жизнь — в труде:
Топила печи, гнулась в борозде,

И по воду — с ведром наперевес,
С бельём — к реке, и за дровами в лес.

Всю жизнь батрачу я со всей страной.
И доли не хотела бы иной.

Храни, Господь, и дальше мой ковчег,
Даруй моим любимым долгий век,

А хлеб и воду, рифму и строку
Я и сама добуду, как смогу.

Мне всякая работа по плечу —
Сверну, перелопачу, заточу

И набело переложу в слова
И чёрный дым, и чадные дрова.

Подёнщица, раба черновиков,
Я как поэму возводила кров.

И пальцы — в кровь, и душу нараспах,
С молитвою в душе и на устах,

Жила как мой народ, как плоть его,
Начав свой путь с избушки вековой.

Во тьме плутала, шла через дожди —
Я и сама народ, как ни ряди.

Всё тянет посмотреть, как там изба.
И никуда не денешься: судьба.

МАЛЬВЫ

То ль садовые, то ль полевые...
Да в России повсюду они!
Как девчонки, что вышли впервые
Погулять за калитку одни.

Робко жмутся вдоль старой ограды.
На пригорки взбегают гурьбой.
Облачившись в цветные наряды,
У просёлков кружат вразнойбой.

Не чета они сёстрам садовым —
Розам чопорным, астрам вразлёт.
Мальвы даже в бурьяне терновом
Расцветают без всяких забот.

И живут лишь под солнцем, на воле,
По лощинам, дворам и садам.
Подоконник и ваза — не более,
Чем на час этим странным цветам.

И куда бы они ни попали,
И в какой бы земле ни взросли,
Мальвы всякие близи и дали
Превращают в пейзажи Руси,

Где на фоне обветренных весей —
За плетнём, у лесной полосы —
Появляются кисти известной,
Колокольцы небесной красы...

ПУТЬ ДУШИ

Нет, нет, не стоит сожаленья
Из прожитого ничего.
И даже если боль и жженье
В груди при имени его...

И даже если слёзы градом,
И даже если злость берёт,
Что счастье было где-то рядом
Да если б ведать наперёд...

Ничто не стоит сожаленья:
Здесь путь души — и нам ли знать,
Как ей земное притяженье
Назначено одолевать.

* * *

Живи, пока живётся
И радуйся пока...
А после даже солнце
Погаснет на века,

Всё глухо канет в Лету,
На каменное дно,
Куда дневному свету
Проникнуть не дано,

Откуда память даже,
Пуста и холодна,
Не свяжет, не развяжет
Земные времена.

Напрасное проворство —
Во весь опор нестись.
Живи, пока живётся,
Пока светится высь...

ЧУЖОЙ ЧЕЛОВЕК

Где-то в чужом городе
То дождь идёт, а то снег.
В этом чужом городе
Живёт чужой человек.

Как перемагается
И с кем коротает век,
Знать не полагается,
Когда чужой человек.

Вот он один в комнате,
Обители прошлых нег.
В этой пустой комнате
Забыт чужой человек.

Вспомнить бы горемычного,
Запертого в отсек.
Нет, ничего личного,
Ну просто же — человек.

ВРЕМЯ

Было время объятий,
Жарких встреч, а теперь,
Время скорбных полатей,
Время горьких потерь.

Было время бездумья,
Ставок на интерес.
Было времени — уйма,
Оказалось, в обрез...

Машет осень беспечно
Шалью звёздчатых астр.
Было времени — вечность,
А теперь — как Бог даст.

* * *

А листья опадают феерически,
Кружат, мерца в солнечном сиянии,
Под музыку, не слышную физически,
Но явственную в сферах мироздания,

Где сходятся-расходятся вселенные,
Планеты неустанно хороводятся,
А над Землёй парят листы осенние
Багряным омофором Богородицы.

СТРАННАЯ ЛЮБОВЬ

Да, странная у нас любовь с тобой...
Мы связаны лишь Небом и Землёй,
Необъяснимым притяженьем душ,
Когда и сушь, и глушь, и злоба стуж —

Всё нипочём. У чувства есть лишь Бог.
Оно не ведает людских дорог,
Не побивается густым дождём,
Живёт, куда мы с тобой живём.

И что — глаза в глаза, рука в руке,
Когда близки мы даже вдалеке...
Но в час тоски в безвременье разлук
Как не хватает мне тебя, мой друг..

КОГДА

Когда зима, затишье —
Так хочется упасть
В траву, что зноем пышет,
И выплакаться всласть!

Когда весной округа
Сомлеет от тепла —
Так хочется, чтоб выюга
Дороги замела,

Чтоб снега — по колено,
И тронуться не сметь,
Стоять и вдохновенно
На белый свет смотреть...

А если ночь как будто
Уже и не избыть —
Так хочется, чтоб утро
Успело наступить...

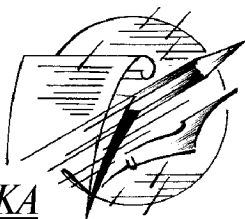
г. Липецк

СПРОС НА РОДНЫЕ «ОДЁЖКИ»

В середине 70-х, будучи редактором нелидовской районной газеты, я с интересом читал статьи Ивана Васильева сначала в «Калининской правде», затем — в «Советской России». Приходили в редакцию старый газетчик Алексей Васильевич Шуваев, собкор «Калининской правды» Павел Иванович Федоров, и мы допоздна обсуждали васильевские публикации.

— Забористо он «пашет», — качал головой знаток крестьянской жизни Павел Иванович.

В размышлениях Ивана Афанасьевича отражались деревенские проблемы, о которых мало кто говорил на официальном уровне, но которые всё настойчивее стучались в дверь. Образовалось много такого, что подлежало искоренению, обновлению. Ну, скажем, планирование от достигнутого сдерживало инициативу. Большие деньги вкладывались в окультуривание земель, а должной отдачи не было. По осени гибла значительная часть выращенного урожая. Как воспитать бережливость и рачительность? Что нового внедрить в межхозяйственные связи? Почему нарастают про-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

творчества между потребностями практики и «уложениями» сверху? Васильев писал об этом просто, доходчиво, но так, что написанное брало за живое, находя отклик и у рядового крестьянина, и у высоких партийно-советских начальников.

Шли года, но интерес к его публикациям не ослабевал. Статьи, очерки Васильева в «Советской России», в журнале «Наш современник» воплощались в его книги. «Беру на себя», «Коренные и приезжие», «Я люблю эту землю», «В краю истоков», «Открытие человека», «Возвращение к земле»... Содержание их в наши дни не менее актуально, чем при его жизни. Спор материального и духовного, государственного и частного, ответственность руководителя, плановость и инициатива, предательство интеллигенции, сохранение памяти о прошлом...

О важности, злободневности творчества Ивана Афанасьевича свидетельствовало то, что журналистка областной молодежной газеты «Смена» (меня перевели сюда редактором) Нина Алексеева защитила на факультете журналистики МГУ кандидатскую диссертацию «Публицист Иван Васильев (проблематика и метод творчества, особенности формы публицистических произведений)». Да, у него было и есть, чему поучиться. Знанию народной жизни. Умению философски выстраивать и обобщать факты. Сдержанной образности языка. Самоотверженности в поиске. И, конечно же, русскому бескорыстию, широте натуры.

На полученную Ленинскую премию и гонорары за книги Иван Васильев создал в Борках, под Великими Луками, Музей боевой славы с картинной галереей, Дом экологического просвещения. Для сравнения: Дом поэзии Андрея Дементьева в Твери обошелся в 70 миллионов рублей бюджетных средств. Между прочим, Васильев, в отличие от Дементьева, никогда бы не написал: «Я в Израиле, как дома...», не заявил бы, что тоскует по этой далекой, чуждой для него стране. Я, кстати, был в Израиле с православной делегацией в начале 90-х, и, несмотря на очарование увиденными святынями, через неделю затосковал по погрязшей в ельцинской смуте Родине.

Эта же тоска по родному одолевала Ивана Афанасьевича: «...Я люблю эту землю. Неброскую березовую страну. Тихую мою Родину. Я люблю на ней всё: грустные околицы деревень, грязные большаки и звенящие при первом морозце тропинки, серое чернолесье с багряным листом и затяжные дожди, голубые озерные дали и нивы-рушнички. Я люблю ее людей, трудолюбивых, радушных, отважных»... Как подтверждение этой любви длинный ряд их проходит перед нами в

васильевских очерках и повестях. Старый солдат Мокеич — от него автор познавал на войне солдатскую науку. Столяр детского дома Пал Ваныч, который «резал правду-матку в глаза» («Земля русская»). Трудолюбивая Кирияновна, которая «своим и обликом, и манерами, и речью напоминала о славе своей первой девки на селе» («Крестьянский сын»). Заступник «за родное и такое беззащитное» Мишка Молчун («В Топалках что-то случилось»)… Васильев с болью отмечает, что «демократия» сделала их «забытыми всеми» — и властью, и «новой культурной элитой».

Несмотря на то, что он был старше меня на целое поколение, нас многое роднило. Опыт районной газеты. Областная газета «Калининская правда», где Иван Афанасьевич отработал десять лет собственным корреспондентом по Ржевскому «кусту», и куда я пришел редакторствовать, когда он уже обосновался на «вольных хлебах» в Борках. Интерес к краеведению, наконец. Но была и разница во взглядах, что однажды дало себя знать. Последнее письмо от него повергло меня своей непререкаемой бескомпромиссностью если не в смятение, то в несомненное расстройство. Васильев откликнулся на мою статью «Синдром бамбуковой палки», напечатанную в «Тверской жизни» (бывшей «Калининской правде»). В статье шла речь о неспособности некоторых руководителей и политиков отрешиться от догматизма, по-новому взглянуть на прошлое. Иван Афанасьевич заподозрил меня в «отступничестве» и открыто написал об этом. Письмо, датированное 22 июня 1991 года, заканчивалось припиской «В день поминовения павших, но не отступивших».

«Как же так? — думал я. — Человек имеет право на переосмысление прожитого, пережитого». Об этом писал и сам Васильев: «Убеждения — штука динамичная. Они в постоянном движении...» Тогда почему, почему так вознегодовал он от моей статьи? Видимо, причиной было его прозрение. К тому времени писатель понял то, что еще предстояло понять мне. Он увидел, осознал, что за завесой бойкого трёпа Горбачева о «новом мышлении», «обновленном социализме», «демократии» целенаправленно вершится дьявольское деяние. Тут уже речь не о «переосмыслении», корректировке прежних убеждений на основе житейского опыта, а об отказе от них в принципе. От социализма, коллективизма, социальной справедливости, всего того, что было традиционно близко, дорого русскому человеку.

А потому слово его наполнилось новым содержанием. Поздние публикации Ивана Васильева в «Советской России» — пронзительный крик отчаявшейся души. Но «перестройщи-

---

ки» его уже не слышали. Ни Горбачев, ни Яковлев, ни другие, звонившие ему в Борки, расточавшие комплименты, просившие совета... Дневники Ивана Афанасьевича «Только и всего» вообще не стали достоянием широкой общественности. Не стали, потому что, как и всё правдивое и талантливое, были опасны для сделавшей опору на чистоган власти.

Какой неизбежной тревогой веет от васильевских записей:

«Страна, как загнанная лошадь, брошена. И на нее спущена стая шакалов, и своих, и забугорных. Ах, с каким возделением, с какой жадностью и цинизмом кинулись они терзать еще живое тело! Ужасно видеть искаженные злобой и жадностью лица! Цинизм политиков передается народу, в людях исчезает всякое подобие вести. Таким букетом гадостей начинается капитализация России...»

«Воистину смутное время на Руси. Всё перевернуто вверх дном. Чистое и доброе ушло вниз, отлеживается на дне, копится там, набирается сил, а дурное и поганое плещется наверху, орет, кривляется, смердит...»

И вот, как только произошло воплотившееся в страстные строки прозрение писателя, так на упоминание его имени сразу было наложено сверху негласное вето. Такой Иван Васильев был не нужен власти. Но с народом русским он как был, так и остался. Остался даже после своей смерти. Пожалуй, наиболее сильно ощущаешь это, читая и перечитывая его «Раздумья». Вроде бы они о разном. Но объединяет их глубинная мысль — человек, оторвавшийся от своих корней, от памяти о деяниях своих предков, не способен творить, создавать, строить. Он быстро теряет стыд, поддается дурным влияниям, сдавая в угоду «сладкой» жизни то, что вершилось трудом предыдущих поколений:

«Если родители научили тебя всякое ребячье дело делать добросовестно, если внушили, что лень, неряшливость, небрежность есть непорядочность, то когда станешь работником, у тебя не будет конфликтов с общественным требованием честной работы, оно воспринимается тобой как естественная необходимость и станет основой нетерпимости ко всякому плохо сделанному делу».

«Человек скорее всего срывается с нравственных якорей, когда уходит с родной земли».

«Мы так много говорим о любви к природе, что забываем: любовь — это, прежде всего, знание».

«Всякое равнодушие непохвально, равнодушие к талантам — отвратительно».

«Память, хранящая прошлое, возвышает душу над мелочами жизни».

«Истинная публицистика — это сжигание самого себя, своих чувств и нервов, души и разума».

«Боль заставляет страдать и зовет к действию, но она никогда не рождает очарования. Очаровывает прекрасное».

«Наш путь тогда чего-то стоит, когда, на просёлки свои возвратясь, не стыдно людям в глаза посмотреть».

В 2004 году, на празднике фронтовой поэзии в Борках, разговорились мы с поэтом из Пскова Александром Бологовым, ранее часто встречавшимся с Васильевым. «А ведь Иван Афанасьевич тебя простил за ту статью, — обронил он. — И вообще, старик, он к тебе по-доброму относился. Просто не хотел, чтобы ты наступил на «старые грабли» русской доверчивости, как в свое время наступил он».

Однако намного раньше, еще до 1993-го, когда Ельцин со своей «шайкой» расстрелял Дом Советов, я уже не питал иллюзий относительно того, в чьих руках оказалась Россия, и какое будущее уготовано ей алчной ратью «новых собственников». В том числе — на областном уровне, где отдельные бывшие партийные и комсомольские аппаратчики, плюс понаехавшая московская нахрапистая публика спешно прибирали к рукам земли, предприятия, склады, обогащались на левых поставках ГСМ, торговле спиртным. Вместо былого созидания тлетворный дух разграбления, присвоения, коммерции, наживы проникал и витал всюду, уродуя, корежа сознание, пожирая души.

К этой поре коллектив «Тверской жизни» уже не был сплоченным. Одни работали по совести, по сложившимся убеждениям, другие — по корысти. Последним, кажется, было: всё равно, кому служить. Главное — платили бы «бабки». «Когда же вы дадите нам пожить спокойно!?» — бросали они в глаза мне после очередной острой статьи. Просматривая свой дневник, нахожу запись, сделанную 28 ноября 2000 года, незадолго до того, как нас с писателем Михаилом Петровым, моим первым заместителем, изгнали из редакции: *«Тверскую жизнь» погубит инстинкт самосохранения людей, которым не нужна идеология газеты. Они рассматривают ее как своего рода собес... Но газета без идеологии обречена. Все эти «сиси-миси», в которых нет нерва жизни, не интересны читателю...»*

И что? Щедрое финансирование, повышение зарплат не помогли. Читателю ведь всё равно, сколько журналист получает, хвалит его власть или нет, ему нужно, чтобы газета затрагивала созвучные струны, будила мысль и совесть.

Больше тридцати лет назад «Советская Россия» (30 июня 1989 года) напечатала статью Ивана Васильева (в ту пору

народного депутата СССР) «Спрос на убежденных». *«Спрос на убежденных сегодня велик. Им-то газеты и должны зажигать «зеленый», — размышлял Иван Афанасьевич. — К сожалению, не всегда так получается. Особенно в провинциальных газетах... Газету делают журналисты. Будем прямо говорить: люди они в большей части кабинетные. Ну выскочат в командировку, проедут по городам и весям, что-то увидят, что-то услышат — и гонят строчки в номер или эфир. И как же бывает досадно читать и слушать словесные побрякушки! Конечно, глубина познания действительности зависит от жизненного опыта, но не в меньшей степени — и от позиции. Что исповедует сам пишущий, взявшийся оценивать людские дела? Нельзя сделать газету убедительной руками неубежденных журналистов. Не оттого ли кидает нас на примерку чужой одежды, что не убеждены мы в искусстве своего народа шить одежду по своему плечу?»* В корень смотрел Иван Васильев.

Размытость убеждений, желание угодить чиновному люду, насаждение чужих стандартов, стремление к материальному комфорту оборачиваются отрывом от народной жизни, что, в свою очередь, порождает серость и скуку на газетных полосах. Это, думается, и случилось с «Тверской жизнью». И не только с ней. С появлением «новых ценностей» исчезло умение журналиста самостоятельно мыслить, анализировать, убеждать. Замечу: в тот период, когда появилась статья Васильева, это качество еще не было в столь остром дефиците, как в наши дни. На центральном уровне лишь газеты «Советская Россия», «Завтра», «Слово», «Аргументы недели», журналы «Молодая гвардия», «Наш современник» да еще несколько газет и журналов его сохранили. Что уж говорить о региональной прессе.

Истекло уже несколько лет с той поры, как «Тверская жизнь» перестала существовать. Коллектив газеты публично этим не возмутился. Тверская «новая интеллигенция» не прореагировала. Между тем, с этой газетой, выходявшей в разные годы под разными названиями, связаны более ста лет областной истории. И когда первые лица обладминистрации в День российской прессы рассуждают о «продолжении славных газетных традиций», я мысленно задаюсь вопросом: «Что это, господа? Дилетантизм ваш? Или лукавство ваше? Как можно говорить о «сохранении славных традиций» после уничтожения главного носителя традиций?»

Какие труженики пера работали в «Калининской правде» («Тверской жизни»)! Иван Васильев, Павел Иванов, Алексей Матвеев, Сергей Душенков, Василий Быковский, Семен Флигельман, Александр Смирнов, Борис Лапченко, Юрий

Красавин, Виктор Липин, Юрий Батасов, Марина Мотузка, Надежда Нестерова, Геннадий Сазонов, Михаил Петров, Нина Алексеева... Даже в войну газета (под названием «Пролетарская правда») выходила для оккупированных западных районов Калининской области. Доставлялась курьерами с риском для их жизни через линию фронта. Одним из редакторов, третьим по счету, был мой земляк, друг моего отца (вместе сражались в партизанском отряде) Иван Иванович Капустников. А тут, в относительно благополучное время, холодным росчерком вынесли ей смертный приговор.

Впрочем, задолго до этого прекратился выход патристических газет «Позиция», «Тверской собор» и редактируемого Михаилом Петровым журнала «Русская провинция». Как говорил тогда Михаил Григорьевич, ему поставили условие: переименуй журнал в «Российскую провинцию», но он отказался — и финансирование прекратили. А что осталось-то на тверском информационном пространстве из областных печатных СМИ? Скудные, заполненные официозом «Тверские ведомости» (орган Законодательного собрания). Ну и созданные в 90-е годы частные «свободные» газетки, где основные темы: слухи, придуманные сенсации, трагические происшествия. К слову, свободными они никогда не были, ибо ориентированы на обслуживание местных кланов.

Клановость — болезнь заразная и ныне укоренившаяся. Поскольку между кланами происходит, явно или тайно, соперничество за власть, за бюджетные потоки, то оно выливается на страницы этих частных газеток, особенно в период предвыборных кампаний. Ничего нового. Россия это проходила в начале прошлого века, когда Василий Розанов сравнивал буржуазного журналиста с «идиотическим унтером», засевшим в окопе с пулеметом в руках, а Константин Победоносцев — с «уличной торговкой», зазывающей купить ее товар. А как же насущные, беспокоящие народ темы? Демографический кризис? Запустение земли? Истребление лесов? Нравственное обнищание? Снижение интеллектуального уровня чиновничьего аппарата? Упадок провинциальной медицины и образования? Где пропаганда святости таких понятий как Родина, Государство, Труд, Достоинство? Эти темы остаются вне поля зрения или на втором плане.

Борьба с коррупцией, если и затрагивается, то преимущественно с точки зрения клановых интересов. Главное, что связывает кланы — круговая порука их членов на основе личной заинтересованности, выгоды, кумовства. Без чиновничества тут, понятно, не обойтись. Посему актуальны и сейчас слова Ивана Афанасьевича: *«Чем больше я, неся в себе*

веру в добро и правду и имея целью служение добру и правде, входил в мир чиновный, вникал в его заповеди, тем больше убеждался в его перерождении. И убеждали меня в этом вы, беспринципные «выгодники». Вас становилось все гуще и гуще, вы пожирали мир правды и веры, как гусеницы капусту. Меня отвратило от вашего мира...»

Конечно, в этом «мире» разные люди. Есть среди них и уважаемые простыми людьми толковые руководители, стремящиеся использовать любую возможность на общее благо. Не боящиеся сказать правду-матку. Но в целом это «клановый мир», с общей буржуазной идеологией, всеохватный и всевластный. Доминирующие кланы путем межклановых договоренностей определяют, кого и куда ставить, кого сместить, наградить, выдвинуть в депутаты. На мой взгляд, ими основательно дискредитированы областные награды, почетные звания, литературные премии, само понятие профессионализма. Похоже, нынешнему тверскому губернатору Игорю Рудену удалось ослабить клановое влияние. Правда, лишь отчасти. Об этом свидетельствует хотя бы затянувшаяся неразбериха с назначением глав муниципалитетов в ряде западных районов области.

Смена районного руководства, как правило, ведет к смене «команды» и нередко оборачивается проблемами для редакторов местных газет. Недавно на родине Героя Советского Союза Лизы Чайкиной в поселке Пено вынудили уволиться (с приходом новой муниципальной власти) опытного редактора газеты «Звезда» Валентину Никанорову. Я ее неплохо знаю. Валентина — человек твердых убеждений, патриот родного края, редактор и журналистка по призванию. Но что чиновникам до этого? Сдается, им нужно, прежде всего, послушание, а не профессионализм убежденных. Теперь мать двоих детей «стоит» на бирже труда. Где же так называемое журналистское сообщество? Почему помалкивает в тряпочку и не защитило коллегу? Да потому что сообщества давно нет. Каждый себе на уме и выживает в одиночку.

На излете прошлого года в Твери умер замечательный журналист, член Союза писателей России Александр Харченко. Почти сорок лет он самоотверженно служил в ИТАР-ТАСС. Полсотни раз этот геройский человек был в «горячих точках», в том числе больше двадцати командировок совершено им в Чечню. Отмечен государственными наградами. Написал я о нём очерк. Задумался, где бы напечатать, и пришел к выводу: в Твери негде! Уж слишком не соответствует патриотический облик Александра Антоновича Харченко содержанию «свободных» «чужих одёжек». Скрепя сердце, послал очерк в одну из них. Как и предполагал, она не напечатала.

Зато без проблем очерк увидел свет в «Советской России» и на портале «Русская Народная Линия».

Под многолетним началом подвижника русской журналистики Валентина Васильевича Чикина (он знал Ивана Афанасьевича, приезжал к нему в Борки), близкая, своя по духу когда-то для Васильева «Советская Россия» по-прежнему авторитетное, уважаемое в народе издание. Не грешно бы и кремлёвцам нашим, гораздым обряжать Россию в «чужие одёжки», почаще брать народную газету в руки. Брать, чтобы размышлять, делать выводы. Ведь темы, которые она освещает, имеют государственное, национальное значение.

И всё же недостает нам в современной журналистике и литературе вдумчивых исследователей народной жизни, защитников земли русской, подобных Ивану Васильеву. Я не за возврат к прошлому, нет. Но и отрываться от него негоже, оно — опора настоящего и будущего. Вот приходится слышать: бег времени ускорился, людям некогда читать большие статьи, настала пора «клипового мышления», и надо, мол, писать кратко. Но что такое «клиповое мышление»? Это поделённые на части фрагменты, рваное, без логической взаимосвязи частного и целого, мышление, которое не позволяет человеку остановиться и задуматься: а что, собственно, происходит. С миром, страной, с каждым из нас? Где добро и где зло? Кто враг, а кто друг? Куда мы движемся? Какое общество строим? Для чего живем? Практически это — отсутствие мысли и мышления!

Однако умысел в этой «чужой одёжке» есть. Хозяевам жизни не нужны думающие люди. Им нужны послушные человечки, «колесики» и «винтики», которые исправно крутились бы в заданном направлении, будучи не в состоянии понять причины и суть происходящего. Для «изготовления» таких действует огромная информационная машина, устроенная по западному образцу. Она оглушает, отвлекает от настоящего, вводит в состояние депрессии. Но очень хочется верить: придет, обязательно придет тот день и час, когда и на государственном уровне востребуется умное, наполненное правдой жизни русское слово. Тогда и будет по-настоящему осознано подлинное, действительное значение Ивана Афанасьевича Васильева и сделанного им. Спрос на родные одёжки, на убежденных патриотов можно на время пригасить, заглушить. Но отменить или запретить его невозможно. Он, подобно ручейку из чистого деревенского родника, все равно вырвется наружу.

г. Андреаполь Тверской обл.

МОЙ ТЕЙП СТАРШЕ

РАССКАЗ

Шёл третий месяц миллениума, нового отсчёта времени, нового тысячелетия. Кто-то вытащил из словарей это необычное, магическое слово, наверное, в надежде изменить и спасти мир, открыть его заново, дать ему шанс. Добравшись до предгорий Кавказа, где годами шла война, это слово наполняло мысли людей лубочными картинками северной природы, ушастыми зайцами, глазастыми белками, волокнами белых облаков, плывущих по гляncy новогодних открыток. Оно смягчало боль, страх, нервную дрожь, словно бинтами пеленая упругое тело и бунтующий дух, не давая пальцам сжиматься в кулаки. Оно успокаивало. Что-то же должно быть здесь, за гранью миллениума! Ну что-то кроме войны. Хотя бы эти ушастые зайцы! Это волнующее слово обещало милость небес, обещало исполнить мечты. И даже тем, кто убивает ни в чём не повинных, беззащитных сограждан, кто не ведаёт, что творит... К чёрту! Мечты бьют в голову хуже палёной водки, от них надо избавляться, они притупляют бдительность. Уже третий месяц, уже март, а ничего не происходит. Ну

ПРОЗА

разве что банды мятежных чеченцев и арабов-наёмников после долгих боёв покинули разрушенный до фундамента Грозный. Что до обычных людей, тех, кто не умеет за себя постоять, то и кровь, и грязь, и страдания — им всё те же, как во весь предыдущий, искорёженный войнами век.

Колонной санитарных машин мы идём из Старых Промыслов, эвакуируем мирное население из района недавних боевых действий, работаем по профилю — спасаем (мы же служба спасения, и я, майор Михайлов, в этой колонне старший). «Мирное население» — удобный журналистский штамп, чётко определяющий, кого на войне убивать нельзя. В отличие от репортёров война различий не делает. И вот этих брошенных, забытых людей, заеденных вшами, больных, голодных мы каждый день находим в засыпанных подвалах, в землянках, среди кирпичных развалин, под обломками бетонных плит, доставляем в пункты сбора. Сегодня Грозный — это мёртвый, пустынный город, больше похожий на погост, во дворах среди осколков снарядов, стреляных гильз, хвостовиков мин, торчащих из мартовской грязи, среди ржавых консервных банок, битого стекла и прочего мусора попадают надгробные камни, покосившиеся кресты, наспех установленные на могилах жителей, убитых бандитами, погибших под обстрелами. Ещё попадают мины на растяжках. Но жизнь, как ростки первой травы, пробивается к свету, прорастает между плит, среди руин. Люди, почувствовав, что они кому-то нужны, те, кто покрепче, приходят в пункты сбора сами, там дают воду — и попить, и помыться, дают горячую еду, «гуманитарку», там же работают и военные медики. Добрался, уже хорошо, значит, не сдохнешь, как одиночая собака под забором. Самых тяжёлых мы увозим в Назрань, а оттуда — если прикажут — и дальше.

Колесо потрёпанного «уазика-буханки» с прострелянным красным крестом на кабине провалилось в очередную дорожную яму, выбросило брызги холодной воды, смешанной с грязным снегом, натужно взревел мотор, вытаскивая нас на дорогу. Я схватился покрепче правой рукой за скобу, чтобы не удариться головой о ветровое стекло и не ударить прикладом автомата в уже помятую, без обшивки дверь. Когда же это всё закончится? Наверное, никогда. И к войне привыкают.

— Рамзан, потише можешь? Не дрова везёшь.

— Так получилось. — Мой водитель, нестарый чеченец с узким тёмным лицом, сеткой морщин у глаз, с короткими сильными руками и с акцентом, от которого меня непроиз-

---

вольно коробит, бросил на меня быстрый неодобрительный взгляд.

— У нас в салоне больные старики...

— Так получилось.

Теперь он не повернул головы и, чуть притормозив, объехал другую широкую, а судя по большой волне, и глубокую выбоину, машина накренилась, я снова схватился за скобу. Да знаю я, что так получилось! Вот и водители на моих машинах все — чеченцы, местные, одуревшие от войны или, лучше сказать, от их чеченского безвременья. Вырвали пласт времени из своей жизни — а что, кто-то виноват, кроме них? — и стоят среди разрухи, не понимая, как жить, что делать? Размагниченная стрелка ошалело вращается, ища свой полюс, свой природный смысл, и не находит его. Я не оправдываю их ни на йоту, свой компас надо содержать в порядке, в исправном состоянии. Думали, что смогут обойтись без нас, да что-то не срослось. Даже голодных накормить не могут. Теперь смотрят исподлобья, словно я им должен, лишнего слова не скажут. А о чём им со мной, с офицером, говорить, о погоде, что ли? Да и погода — дерьмо, сырость, туманы спускаются с гор, одним словом — март.

Кто они? Мы их называем чеченцами, они себя — нохчами. Кто-то с самого начала воевал на стороне федералов — можете не верить, но были и такие, кто-то пытался отсидеться в своих аулах, переждать войну, не у всех вышло. А если кто и был на стороне мятежников, бандитов, кто держал оружие в первую чеченскую, уже не признается. Но вот пришли к нам, в МЧС, в нашу службу, искать работу, не побоялись, что свой же тейп, свой род осудит как изменников, тут же всё на крови замешано. Хуже, если это будет чужой тейп. Они сделали свой выбор и остались с нами, с русскими. Сказать по-честному, выбор был невелик, их семьи белый хлеб месяцами не видели, а дети забыли, что такое детство. Я не знаю, как их принимали, чем они доказывали свою верность, может быть, на Коране клялись? А каким ещё огнём жечь чеченское сердце? И мы их взяли на службу. Но они — нохчи, горцы, можно ли на них положиться? Рамзан, водитель, читает мои мысли; знаю, что читает, потому и молчит. Он знает, что я ему не доверяю. Он молчалив, скрытен и даже мрачен, как эта поросшая густым мелким ельником замшелая сырая скала, что угрожающе нависает над дорогой, мимо которой мы сейчас проезжаем. Со скалы далеко видно в обе стороны, когда нет этого непроницаемого густого тумана, вызывающего тревогу и озноб. А как доверять, если смута идёт шестой год, если она разделила людей на своих и на чужих, ни-

---

кому не оставив шанса быть даже посторонним, просто наблюдателем. Разве ты пойдёшь против своего народа, когда тебя спросят? То-то же, у каждого свой народ.

— Ты всё молчишь, Рамзан, много думаешь.

Я пытался хоть как-то завязать отношения, если уж нам предстояло колесить по кавказским дорогам, жить и выживать; моя командировка только началась, впереди было три месяца работы в разрушенной стране. И ещё я хотел узнать — так, для себя — чеченцы понимают, что с ними произошло? Что они сами отвечают за свою судьбу? Рамзану не понравились бы мои вопросы.

— Ехать ещё долго. Сказал бы что. Семья, дети?

— Нечего сказать.

— Ну, раз нечего...

Мы уже несколько часов в пути. Нас сопровождает промозглый ветер, забивающий моросью зеркала заднего вида, серое небо с седыми ниспадающими волокнами, да хриплые переговоры по радио. В ночь будет снег. Прошли несколько блок-постов. Военные, когда видели, кого мы везём, интереса к нам не проявляли, не задерживали, и мы шли дальше. Ехать по равнине безопасно, местность просматривается, если не считать густых зарослей кустарника вдоль дороги. В горах по-другому, так и кажется, что за тобой наблюдают, что из каждой глубокой расщелины, из-за каждой груды камней по тебе ударит пулём. Для бандитов мы лёгкая цель. Моя машина идёт первой. Если что, нас с Рамзаном срежут первой очередью. Вот об этом я и думаю каждый раз, когда мы медленно, без прикрытия проходим мимо лесистых склонов. О чём-то другом я подумаю после, когда-нибудь в другой раз. Говорят, на этой дороге, что ведёт в Назрань, стало спокойнее. Говорят...

— А я всю страну объездил. Командировки. Жаль, вспомнить нечего, в смысле хорошего вспомнить. Пять лет назад я с отрядом Центроспаса командировался на Сахалин, в Нефтегорск, там было страшное землетрясение. Думал, уже ничего страшнее не увижу: был город, и нет города — сложился как карточный домик, похоронив под панельными стенами тысячи людей. Помню, идём, осматриваем, ищем живых, собаки землю, завалы вынюхивают, а там только раздавленные тела, прикрытые ровным слоем цементной пыли. Рука так и тянется сигарету достать, отравиться. И хоть бы кто вскрикнул, хоть бы кто застонал. Так то землетрясение, а здесь...

Разговор не клеился. Снова петляем, снова притормаживаем, всё та же дорога, что много лет без ремонта, всё тот же

треснувший, мозаичный, продавленный гусеницами асфальт, промоины, колеи в обе стороны. А бронетехнике всё одно, она — следствие, а не причина. К этому стоит добавить вязкую слякоть в межсезонье, как сейчас, бегущие с гор ручьи, они размывают худое дорожное полотно, превращают его в сплошную полосу препятствий с ямами, трещинами, от этого и скорость у нас чуть выше, чем у пешехода. По ходу движения колонны я ещё успеваю осматривать рыхлые, сырые обочины: вдруг мина, фугас, вдруг провода торчат или обрывки тросов? Если стоит фугас, то будет и засада, нам точно не выжить. При этой мысли во рту становится сухо, сглатываю сухую слюну. Потом проходит. Судьбу не угадаешь, сколько ни напрягай извилины, сколько ни пытайся уловить вкус желчи в гортани. А смерть, она — одна, хоть как. А умирать придётся. «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...» — всё вертится и вертится на языке. Я из Новочеркасска, и это моя песня, с ней и жить не страшно, и умирать — наверное, но этого я не знаю. Ещё не пробовал.

— Рамзан, ездай ровно! Обочину цепляешь.

— Так получилось. — На этот раз, чуть повернув голову, он коротко, оценивающе посмотрел в мою сторону, и нервно ухмыльнулся правой стороной лица, не произнеся больше ни слова.

Изредка попадались колонны навстречу, почти все — армейские. Военные рядом, значит, всё нормально. В моей же колонне один совсем молодой *летёха* и два сержанта-контрактника, мои подчинённые спасатели — это актив; в пассиве же были три мои девчонки, доктор и медсёстры и двадцать три православные души, чудом выжившие на войне под арналётами, без денег, без еды, без тепла. Среди них и одна беспомощная лежачая старуха, у которой из родных остались только мы — случайные попутчики на большой военной дороге. Мы её нашли вчера в подвале разрушенной пятиэтажки, только и успели накормить бульоном и поставить капельницу. Как выжила? Да кто знает, как она выжила? Искупают и осмотрят, попробуют найти родных, но это будет уже в Назрани, если мы её доведём. В актив или в пассив отнести своих водителей — я по неопытности не знал.

Когда долго едешь, разные мысли успевают посетить голову, сделать несколько полных кругов от начала до конца, успевают надоеть, как оскомина. Такого ещё в моей жизни не было...

Две недели назад, это ещё февраль был, наша группа из отряда «Лидер» загрузилась в Раменском на Ил-76, на старом проверенного извозчика, и — вперёд, в Моздок. Тем, кто

не знает, Моздок — это ворота Северного Кавказа. Вместе с нами прибыл госпиталь медицины катастроф «Защита», там почти все — женщины, я их называю девчонками, так понятнее, что их надо оберегать. В общем, они гражданские, а их всё туда же — на войну. На усиление им была придана группа специалистов Центроспаса, тоже гражданских, то есть без оружия. Не понимаю, что на войне делать без оружия! Функция охраны всей группы была на нас, на офицерах «Лидера». В Грозный шли с внушительным сопровождением, колонной из БМП, бронетранспортёров, грузовых машины с имуществом, с бронежилетами на стёклах. Девчонок, то есть хирургов, терапевтов, медсестёр, упрятали под броню, я по старой памяти устроился в командирском люке бронетранспортёра. У меня укороченный Калашников, мы его зовём «Ксюхой», предохранитель снят, так, на всякий случай.

Заходили в Грозный со стороны Аргуна, мимо Ханкалы. Вдруг на самом въезде в город за ржавой металлической оградой, среди мусора и развалин рвануло, осколки, камни с грохотом ударили в ограду, несколько осколков с шуршанием пронеслись высоко над колонной, из клубов пыли стремглав вылетела худющая бродячая собака. Вот оно что — растяжка сработала... В Грозном прошли через площадь «Минутку», «тоннель Романова», мост через Сунжу, мимо развалин президентского дворца, через площадь, где был когда-то памятник русскому, чеченцу и ингушу. В годы безвременья здесь был рынок невольников, торговали людьми, как в тёмном Средневековье, все стены окрестных зданий были в щербинах, в следах от пуль, здесь же расстреливали, публично казнили по шариату, смерть была зрелищем. Здесь всё пропитано кровью. Проезжали молча, совершенно замерев от ужаса, было слышно, как под колёсами бронетранспортёра скрипит кирпичная крошка.

Разместили нас на бывшей базе «Грознефти» в Старопромысловском районе. В длинных бетонных коробках боксов для грузовых машин гулял ветер, внутри всё было усеяно кусками искорёженного металла, осколками кирпича, старыми окровавленными бинтами, обрывками бумаги, высокие окна были выбиты, ворота сорваны с петель, в потолке зияли огромные дыры, вероятно, от попаданий мин, из бетонного пола торчала сигара снаряда от «Града». Бетонный забор вокруг базы оказался относительно целым. Сразу выставили временный караул, разгрузились и начали приводить в порядок заброшенные боксы, править ворота, заделывать окна. Установили надувные модули, запустили дизельную станцию. Электричество есть — жизнь налаживается.

О том, что мы заняли эту позицию, в районной комендантуре и на соседних блокпостах ещё не знали. Всю ночь где-то рядом гремела перестрелка, сверкали трассеры, шипели и распухали осветительные ракеты, ухали взрывы. Около пяти утра, когда я дежурил с напарником Андреем, в распахнутые ворота базы на всём ходу влетела БМП-двойка, стала крутить башней, выискивая цель. Ствол влево — там закрытые ворота, дальше темень и пустота, ствол двинулся вправо — здесь могут бликовать стёкла машин, а наша позиция, обнесённая мешками с песком, расположена рядом. Но вот ствол остановился, упёршись в нас. Нет ничего проще дать очередь снарядами для полного контроля. До нас метров сто. Опознавательные сигналы мы знаем, зеленая ракета — свои, но как же дрожали руки. Наконец, снял предохранительный колпачок, ракета — в небо, и «беха», как злая ящерица с гусеницами вместо коротких когтистых лап, с длинным стволом вместо острого хищного языка, недовольно уползает задним ходом в неведомую пугающую тьму. ...Андрей, пригнувшись и спрятав спичку в ладони, прикуривает сигарету, я беру этот спасительный огонёк и не могу взять, а потом сажусь на заиндевелый мешок и не могу дышаться этим сладким дымом. Да что бы им стоило нажать на спуск? Ровным счётом — ничего, война всё спишет, и своих, и чужих. А потом кто-то скажет, мол, так получилось. Я вздрогнул.

Запрашиваю другие машины: как там наши больные? Как «буханки», не развалились ещё? «Нормально» — шепеляво отвечает «моторолла», значит, без осложнений, и машины на ходу. Это федералам, то есть военным, подбрасывают новую технику, бронетранспортёры и «КамАЗы», всё лучше тратить железо, чем солдатские жизни, а мы — почти гражданская служба, хотя и вооружены, тыловое обеспечение, мы зачищаем поле боя. Обходимся тем, что есть. Я всё так же смотрю по сторонам, веду наблюдение за дорогой, за вершинами гор. Что я хочу там увидеть? Что я боюсь там увидеть? Знаю, что «чехов» в горах полно, а у нас только автоматы. Какая нелепость, их не остановят красные кресты на бортах машин.

Вдруг Рамзан резко тормозит и тоже смотрит вверх, на гребень ближнего хребта, вокруг которого дорога делает кругую петлю и близко подходит к расщелине. Колонна за нами встала. Я невольно хватаюсь за автомат. Слева с хребта неторопливо, с мирным журчанием стекает талая вода, образуя в расщелине, в теснине, ручей, из-за него дорога на широком участке подтоплена, покрыта наносами песка и мелкого бутового щебня.

— Что?

— Показалось.

— Что показалось?

— Наверху воронки от авиабомб, много воронок. Грунт сдвинулся. А теперь снег сходит. Подождём минуту, да?

— Ну, подождём.

Почти сразу же явственно зашуршала расщелина, нарастающий глухой звук, как будто идущий из чрева чёрных после зимы гор, перемежался звонким стуком катящихся камней. Потом всё стихло, лишь два небольших, округлых камня-валуна выкатились на щебенчатую обочину и замерли, найдя свою точку равновесия и опоры у самого обреза дороги.

— Вот и всё. — Ровным голосом произнёс Рамзан. — Теперь едем.

Я с благодарностью, почти с восхищением смотрел на своего водителя, оценивая его внутреннее чутьё. Камней могло быть больше, они могли ударить по машинам. Да мало ли что? Обстановка в кабине стала немного теплее.

— Скажи, майор, — вдруг прервал молчание Рамзан, — а Бог есть?

Я оторопел от услышанных слов, мне казалось, что все чеченцы упёртые мусульмане. Как бы сказать... Мне казалось, что им не хватает уверенности в собственной исторической нужности, и они искали её в исламе, который им принесли арабы в истовом служении на выбранном ими пути. И вдруг этот обезоруживающий вопрос.

— Ты чего? Как же без Бога?

— Мы же все были атеистами, да? Недавно. Обходились как-то, — он смотрел прямо на дорогу, по его лицу ничего нельзя было прочесть.

— Мы были заблудшими овцами.

— Ага, заблудшими овцами. — Зверская улыбка ползла по его перекошенному судорогой лицу. — Как же и мой Магомед и твой Иса допустили это? То, что творится. Сколько людей погублено? Одних, как свиней, резали, других, как собак, отстреливали. Почему они не остановили эту мерзость. Почему в них нет жалости?

— Рамзан, а ты кто?

— Я? Хм, — он подумал, но совсем чуть-чуть. — Я — учитель.

— Какой ты учитель, ты всю жизнь был водителем санитарки, баранку крутил.

— Вот-вот. Всю жизнь трупы возил. Это большая наука.

— Ну и...

— Нет бога, майор. — Он замолчал, а я не знал, что ответить на это утверждение, такое же твёрдое, как приговор. А помолчав, он уже увереннее продолжил: — А вера в Него есть. Вера в Аллаха есть!

Я понял, что избран слушателем, и молчал.

— Человек рождается светлым, добрым, он любим всем миром, да? Посмотри на детей. Человек купается в мечтах, как в облаках. Умирает — злым. Потому что мечты остаются мечтами, за целую жизнь он ничего не достиг, он понял своё ничтожество, ему страшно. И он начинает придумывать себе того, кто его простит, погладит по головке и простит, и снова разрешит купаться в облаках. Ты представляешь, майор, что миллиарды людей мечтают об одном и том же! Это они своими молитвами и проклятьями, своей верой создают Бога. И у всех Он разный.

— Бог — это молитва?

— Да ты меня понял.

— Рамзан, по законам шариата...

— Знаю я, что ждёт меня по законам шариата. Но я тоже верю в Аллаха, а он милостив. — И добавил тише, опустив голову: — Он уже показал мне свой гнев, покарал заблудшую овцу.

В наступившей тишине отчётливей стал слышен гул мотора, скрип рессор и чей-то стон, изредка доносившийся из салона «буханки». Мне хотелось расспросить Рамзана, но я мог только всё испортить, я бы обязательно испортил, и молчал. На мгновенье приоткрылась непознанная глубина чужой души.

— Федералы бомбили Грозный, ракета попала в центральный рынок. Или несколько ракет. Большой был взрыв. Много людей погибло. Моя жена была на рынке с детьми, за овощами пошла. Я хотел остановить её, позже купим, и махнул рукой, не остановил... А Он, Он не спас мою семью, Он меня наказал... Да мало ли за что.

— Ты сказал, федералы. Вот я — майор Михайлов, я — русский. Ты же сейчас и меня обвиняешь?

— Нет. Не бери на себя чужого, ты — спасатель. Своё неси. — Он сбавил скорость, и мне показалось, долго на меня смотрел, и, может быть, впервые я почувствовал, что он на самом деле не водитель санитарки, а учитель. — Всё в руках Аллаха.

— И моя жизнь?

— И твоя, и моя тоже.

Мы надолго замолчали, погружившись в свои мысли, взвешивая и сказанное, и услышанное. В салоне снова стонали, это старуха пришла в себя: наверное, перестало действовать

обезболивающее. Чем дольше мы молчали, тем сильнее во мне росло непонимание этой войны, этой притворной покорности, которую показывал Рамзан. Он чеченец, не может быть чеченец покорным. Виноватых ищет. А виноваты, понятное дело, русские — не монголы, не Тамерлан, сами они никогда и ни в чём не виноваты. Что же выходит? Пришли солдаты империи, пришли легионы, чтобы покорить или уничтожить свободных туземцев, свободных детей гор с их чистыми незамутнёнными помыслами. Так что ли? Что же тогда они волка избрали своим символом?

— Вы гордый народ, — прервал, наконец, я молчание, — но гордость — это всегда что-то надменное, всегда за чей-то счёт, это как путь в никуда.

— Я всё знаю, меня учить поздно. Мой народ за это платит прямо сейчас. Платит. — Было видно, что Рамзан собрался с мыслями, он не привык уступать. Наверное, многие соображения мучили его давно, а высказывать их раньше не доводилось.

— К власти пришли сильные люди, они хотели суверенитета, как на Украине, как в Грузии. Подняли мятеж. Они не подумали, что для суверенитета нужно единство всех тейпов, всего народа. Деньги нужны, чтобы кормить народ. Но главное — люди не хотели. Люди помнят Шамиля, Ермолова, помнят, как всё было. Зачем наступать на те же грабли?

— Опять Ермолов! Его нет уже лет сто восемьдесят, — я насмешливо хмыкнул. — Ну да, вы — жертва, а мы — каратели?

Рамзан побледнел, его тёмная задубевшая кожа на щеках высветлилась, напряглась. Он приподнял подбородок, медленно выдохнул, опустил веки.

— Мы получили, что было угодно Аллаху. Он не только меня — всех наказал! Ты знаешь, кто такие ваххабиты? Ты не знаешь, кто такие ваххабиты. Людям стало страшно. Страшно, что дальше будет хуже, что они ничего не смогут изменить. Кто-то хотел земли севернее Терека к Ставрополю присоединить. Чеченцы хотели. Суверенитет — это война, нажрались этой заразы по горло, эти ваххабиты молодых на войну забирали. Попробуй не отдай сына в банду, казнят или просто убьют. Многие против них были настроены, особенно кто в Грозном жил, те всё потеряли. Даже полевые командиры были против.

— Аллаху было угодно... А зверства, а резня? А рабы? — Меня вдруг прорвало, я не был таким выдержанным, как Рамзан. И он меня не останавливал, не пытался перечить. — Тысячи рабов, униженных людей, которых содержали, как

скотину, хуже скотины в зинданах, за решёткой. Это было в каждом ауле или не в каждом? Это не ваххабиты, не боевики, Рамзан, это народ. Людей за деньги покупали и продавали. Кто же это забудет? Память в сундук не спрячешь, и через поколение будут помнить, и как ещё отзовется...

— Ты прав. — Он был всё так же бледен и кривил губы, не находя других слов. — Это от дикости. Но не все такие, нохи не такие. Зверства мог творить кто угодно и безо всяких причин, да? От дикости, от безнаказанности. Власти не стало. В Мекенской один ваххабит расстрелял тридцать русских, а они все местные были. Он же чёрт, шайтан! Короче, его скрутили, собрался сельский сход, родственники убитых забили его палками. Всё было по совести. А местный мулла запретил хоронить эту тварь.

Он выдохнул и снова замолчал. Он оправдался. Зуб за зуб, смерть за смерть. Я смотрел в окно на унылый предгорный пейзаж и думал, что всё это уже было. Здесь или в другом месте.

Уже полчаса как последняя колонна федералов — рота новых, матово-зелёных бронетранспортёров — прошла нам навстречу и скрылась в предвечерних сумерках. Скоро комендантский час, больше мы не встретим никого, скорее всего не встретим. Сменился ветер; туман, который висел над дорогой и вызывал раздражение, остался позади, зацепившись за кусты терновника и молодой буковый лес. Я посмотрел на Рамзана, он снова непроницаем. Да, его дело служба, он служит, и ничего личного. И судя по выражению лица, по крепким сухим рукам, которыми он сжимает руль, по прямой осанке, он выполнит свою службу до конца, даже если страдание выжжет ему сердце. До Ингушетии, до Назрани оставалось совсем немного.

«Чехи», бандиты, террористы, как ни назови, появились на закате. Это и есть их время. Скажешь «чёрт» — жди, что он появится. Их было пятнадцать, тех, кто спустился на дорогу. Но, скорее всего, одна-две группы прикрытия оставались на ближних склонах гор, за камнями. После стольких лет войны даже дураки знают, что без прикрытия действовать нельзя. И только мы сегодня шли совершенно голые, положившись на красные кресты на бортах, а бронетранспортёры, полагавшиеся нам в прикрытия, к нашему выходу не пришли... Два пулемётчика в пятнистом камуфляже заняли обочины, один держал под прицелом меня, мою машину, второй — другие машины. Остальные боевики, разношёрстно экипированные, в затёртых разгрузках, в банданах встали толпой на дороге. Вели они себя дерзко, развязно, и хотя я не слышал

через стекло, сквозь шум ухающего мотора их слов, но видел чванливое выражение лиц, злобные, развёрстые рты. Это я в гостях, а они по любому — дома. Им ничего не стоило дать очередь по колёсам, по бортам машин, по людям, они это и демонстрировали, оставившись в нас убийственными стволами. У некоторых из-за спины торчали одноразовые гранатомёты, «мухи», могли и гранату пустить, так, для развлечения. До них было метров тридцать, может, меньше.

В первую же секунду я схватился за тангенту «мотороллы», чтобы заорать «К бою!», но так и застыл с открытым, оскаленным ртом. К какому бою? У меня за спиной в машинах мои девчонки и безоружные немощные люди, которых не убили в Грозном. Так неужели их убьют сейчас? Мы под прицелом. Любое угрожающее движение с нашей стороны вызовет шквал огня. Все эти пятнадцать стволов — или сколько их? — превратят нас в решето. Я это понял сразу. Это первое, что я понял. А потом с опозданием, как будто отражённым эхом, в голове пронеслась обжигающая мысль: но сначала они убьют меня, командира. Пальцы до белых костяшек сжали автомат. Тангента беспомощно выскользнула из руки и повисла на спиральном проводе. В салоне в наступившей мёртвой тишине снова застонала старуха. Нет, хотели бы стрелять, уже стреляли бы. Чего же они хотят, что с нас взять, зачем мы им? А заложники, а рабы? Нет, нет, не-е-ет! Но если вступить в бой, убьют всех, никого не оставят. Я замычал этим тупым «ы-ы-ы-ы-ы-ы». Что делать? Самому, что ли... Обнажился слабый дух. Чуть вздрогнула правая рука, она в ответе за всё... Десница... Карающая десница... Волна страха сменялась волной решимости, снова страх, снова решимость. Это кровь, она бьёт в виски. Надо успокоить сердце, и всё наладится. «Любо, братцы, любо...»

Тот, кто был старшим, рослый рыжий чеченец с такой же рыжей бородой, с глазами холодными, как у змеи, небрежно, властно махнул мне рукой, чтобы я шёл к нему. Медлить нельзя. Я не в том положении, чтобы медлить. Надо идти. На расправу.

Надо только понять, что смерть — это не страшно, просто надо успеть сделать как можно больше, пока она не пришла. Надо выйти из машины, выйти, встать твёрдо, сделать шаг в сторону. В сторону от колонны. Я никогда ни в кого не стрелял. За что же мне так? В плен нельзя. Совсем нельзя. Пусть стреляют. Они насытятся мной, а других не тронут. Мысль, которая только что была обжигающей, остыла, стала ледяной, как лютая зимняя ночь. Да, других — не тронут.

— Командир, я пойду к ним, — Рамзан вдруг вывел меня из оцепенения, я совсем забыл про своего водителя, я не считал его напарником.

— Убьют. — Я начал немного соображать, но не вполне...

— Всё в руках Аллаха.

— Возьми мой ПМ, вдруг... — Это был самый глупый совет, и я осёкся.

— Нет, командир, — он странно, сочувственно улыбнулся мне правой стороной лица, как будто прощался, но от него вдруг потянуло мощным согревающим ветром, словно его сила духа, его вера могла передаваться по воздуху, по волнам. — Я пойду.

Громко хлопнув дверью машины, нелепо подняв руки, что совсем не вязалось с его характером, мой водитель медленно пошёл навстречу банде. Рыжий бородач и все остальные боевики с удивлением или с насмешкой, а, в общем, презрительно смотрели на низкорослого работягу-водителя Рамзана. Для них он тот, кто прислуживает федералам. Он отвлёк их на себя, и я наконец-то попытался выйти на связь с базой. Не вышло, слишком большая дальность. Зато совершенно неожиданно, надтреснуто, нечёткими всплесками прозвучали позывные двух бронетранспортёров, нашего отставшего сопровождения. Они были где-то в пути. «Держитесь!» — пронеслось и затихло над широкими предгорьями.

— Ну что, абреки, вас много, а я один, — неожиданно бодрый, безрассудный голос донёсся до приоткрытого окна «буханки».

Ответом был грубый окрик, и после разговор, угрозы, крики шли только на чеченском языке. Рамзан не тушевался и тоже повышал голос. Его ударили в плечо, но он что-то крикнул в ответ, отвёл чужой кулак. В него угрожающе тыкали стволами, орали прямо в лицо, пытались запугать, давили, закатывали глаза, размахивали руками, призывая в свидетели и пророка, и самого Аллаха, снова тыкали. Рамзан находил слова в ответ и ни разу не уступил. В какой-то момент эмоции начали стихать, в них не стало агрессивной твёрдости. И уже никто не взывал к Аллаху.

Вдруг «чехи» развернулись к нам спинами и неслышно растворились среди высоких придорожных зарослей, которые здесь были в изобилии, последними быстрым шагом убралась пулемётчики.

Рамзан вернулся к машине, неторопливо, грузно опустился на своё водительское место, пряча от меня левую руку, которая невольно вздрагивала. Запустил двигатель.

— Едем, командир?

Я колебался. Надо было понять, насколько я обязан Рамзану, прежде чем я скажу первое слово. Я был обязан ему всем, всем без изъятия — своим сегодняшним днём, завтрашним, тем, как я обниму сына, когда я вернусь домой, даже сигаретой, которую я сейчас жадно курю.

— Что ты им сказал? — Не выдержал я. — Не молчи.

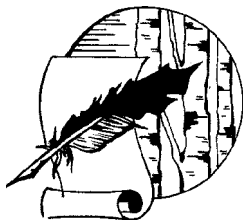
И он ответил низким грудным голосом, с акцентом, который мне показался ещё сильнее, отрывисто произнося каждое слово, как будто говорил не за себя, а за всех:

— Мой тейп старше!

Я опустил стекло в двери кабины, чтобы свежий ветер остудил лицо, выбросил истлевший до фильтра окурки, потом поднял глаза к сумеречному небу и нелепо скривил в улыбке губы.

Размашистые с сиреневыми подпалинами облака, похожие на большого ушастого зайца, лениво плывут к далёкому горизонту, как на старой открытке с поздравлениями к Новому году. Облака скрадывают, приглушают вечерний свет. Есть повод открыть мир заново — сегодня наступил и мой миллениум. Если ночью будет снег, не страшно, утром он растает с первыми лучами солнца. А мы всё так же продолжаем свой путь, углубляемся в длинные шероховатые тени, что стелятся от предгорий, чуть слышно шипит «моторолла», автомат, как верный пёс, лежит у меня на коленях, а я бесцельно тереблю ремешок компаса, притороченного к офицерской сумке. Стрелка компаса колеблется, вздрагивает от вибрации мотора, от того, что машину раскачивает на ухабах, трясёт, но стрелка снова возвращается в исходное положение и раз за разом показывает на север, туда, где меня ждут.

г. Тамбов

Светлана СУПРУНОВА

УТЕПЛЕНИЕ ДУШИ

* * *

Я как будто в глубоком тылу,
Где ни брани, ни горя, ни грусти,
Здесь кадушка в прохладном углу,
И в кадушке солёные грузди.

Тихо так от росы до росы.
Вишня тонкая смотрит в окошко.
А за дверью с кукушкой часы
И до них половик, как дорожка.

Лишь трава да какой-то сорняк,
Не растёт в огороде капуста,
Поглядеть — ни людей, ни собак,
На единственной улице пусто.

Разрослись на погосте кусты,
Пожелтевшие холмики низки.
О разлуке напомнят кресты
И о правде земной — обелиски.

То ли я забрела не туда,
То ли родина где-то за краем.
Крест упал и ржавеет звезда.
Неужели себя забываем?

* * *

Порой мила, порой несносна,
То тарыхтит, а то молчит,
Бывает, что посмотрит постно,
А иногда развеселит.

Как будто краски видит слабо
И к жизни не расшевелить,
И впору плюнуть — что за баба,
Ни так, ни сяк не угодить!

По кругу словно бесы водят,
Не тот вокзал, пустой перрон,
Не те слова на ум приходят,
И платье с туфлями не в тон.

От мыслей чёрных потускнела,
Весь мир порою не любя...
И я не в зеркало смотрела,
А заглянула вглубь себя.

СМЕРТЬ СТАРУШКИ

Часы, минуты — как их мало,
И думы, думы о былом...
Всё снимки прошлые искала
В комодe стареньком своём.

Нехитрый скарб перебирала,
Как утешалась от обид.
Невестка толстая ворчала,
Что много света нагорит.

Она задумалась немного,
Рукой махнула на дела
И в новом платье, у порога
Оставив тапочки, ушла.

И странной виделась разлука:
Стоит комод, но из угла
Уже ни шороха, ни звука.
И снова день... Она ушла.

Как будто соль купить забыла
Или ещё чего купить
И дверь тихонечко закрыла,
Чтоб никого не разбудить.

---

* * *

Дожди зарядили, так сыро, а мне бы
Хорошей погоды и слов бы простых.
На птиц посмотрю — и захочется в небо,
Забуть навсегда о печалях земных.

И станет легко от такого полёта,
Никто не обидит, никто не предаст,
Но к сердцу родное прилепится что-то,
И будет болеть, и покоя не даст.

Друзей ли ушедших мелькнувшие тени
И след одинокий на влажной траве,
Не это ль крыльцо и худые ступени,
И сад у крыльца, утонувший в листве?

Заплачу от памяти и от бессилья,
Что горние радости — всё это ложь,
Как будто и в небе всё та же Россия,
Тропинки по кругу — куда тут уйдёшь?

ПЛАНЕТА

Всё продумала, всем подала,
Всех под куполом синим простила.
Я планету с орбиты сняла
И её на ладонь поместила.

Обезумев, затих океан,
И вода не туда стала литься,
Заметавшись от страха, в карман
Залетела какая-то птица.

И метели не там замели,
И равнинные ветры пропали,
К югу с севера льды поползли,
И сквозь льдины цветы прорастали.

От Земли осторожным перстом
Отвела я тяжёлые тучи,
Голос мой разразился, как гром:
«Люди, я же хотела как лучше!»

Пусть найдутся другие пути,
И её, голубую подругу,
Я подбросила кверху — лети!
Но она завертелась по кругу.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Тёплых слов бы, тёплых взглядов,
Но простужен этот мир.
Утепление фасадов,
Утепление квартир.

От дождя и снегопада,
Чтобы стужу побороть,
Установят всё, что надо,
Обогреют нашу плоть.

Вышли мы — и не чихнули,
В суете, да всё шутя,
Там хромого подтолкнули,
Тут обидели дитя.

Всё расчётно и платёжно,
Взял бумажку — и пиши.
Это сложно, очень сложно —
Утепление души.

ПОЭЗИЯ

Забывать слова на месяцы, на годы,
Отшевелив губами, замолчать,
Остаться дома из-за непогоды
И не суметь ненастье обругать.

Смотреть в окошко на кресты и флаги,
Копить печали, словно вызревать,
Водить пером впустую по бумаге,
И вспоминать слова, и вспоминать.

Отгоревать, отплакать, отсмеяться.
Но вырвутся из снежной целины
На белый свет — как заново родятся —
Лишь те слова, которые нужны, —

Невычурные, самые простые,
И вспыхнет свет божественный в ночи,
И сбудется — заговорят немые.
Утихни, каждый, слушай и молчи!

* * *

Бесславная, обычная, проснись,
Зажмурюсь я от утреннего света.
Я почестей и титулов боюсь —
За ними не видать уже поэта.

Когда как все земные — значит, жив.
Я сыплю одиночество по ложке,
Автографы однажды невзлюбив.
Всё легче расписаться на платёжке.

Всё для души — грибами полон лес,
Тропа к нему, иду себе непрытко,
И каждый день — как будто до небес
Достать рукой ещё одна попытка.

* * *

Взяла ведро — одно, другое,
Окно помыла, пыль смела.
Стекло прозрачное такое,
Как будто вовсе нет стекла.

Светло, безветренно и словно
Меж стен привычных не окно,
Как будто живописец ровно
Своё повесил полотно.

Перед забором сухоцветы,
Соломы ворох на возу,
Висят последние ранеты,
И листья плавают в тазу.

И вот не спрятаться от шума,
Неслось, гудело за версту,
И барабанил дождь угрюмо,
Стекали капли по холсту.

Так мокро было и уныло
И над верхушками темно.
Картину чудную размыло —
И я увидела окно.

* * *

Всё где-то там, в какой-то стороне
Картавый шум и Спасские ворота.
Живые звёзды в маленьком окне
Хранят меня от злобного кого-то.

А мне бы этот час приколдовать,
Когда душа не просится на паперть,
И нет обид, и некого прощать,
И под тарелкой праздничная скатерть.

Цветы сегодня ярче за окном,
Мой тихий дом как будто ближе к бору,
И шлёпаю, укутавшись платком,
По длинному, как память, коридору.

Как много мне надарено с утра
И запахов, и света за порогом,
Душа чиста — всё вымели ветра,
И я осталась с Родиной и Богом.

НАДЕЖДА ДУРОВА

Опять в руках ломались спицы,
Не получались кружева,
И о свободе пели птицы,
Манила неба синева.

Себя слезами орошала —
Конец терпению, конец! —
И пол холодный целовала,
То место, где стоял отец.

И в полукруге серых окон
Блеснули ножницы в руке,
Упал к ногам последний локон,
И конь затопал вдалеке.

И как минувших дней проклятье,
И как девичеству упрёк
На берегу осталось платье,
И берег был уже далёк.

О, чем ты, резвый конь, встревожен?
Неси её в казачью рать!
И сабля просится из ножен,
Рука сжимает рукоять.

Луна взойдёт над страшным миром
И поле брани озарит,
И бабье сердце под мундиром
Так не по-бабьи застучит!

* * *

Доев ломоть последний хлеба
И плоть свою вернув земле,
Я всё же дотянусь до неба,
Повиснув на одном крыле.

И знаю, это может случиться:
Всегда тоскуя о былом,
Я в землю буду упираться
Другим — опущенным — крылом.

Мне не стоять перед божницей,
От музыки небес не млеть,
Я буду век распятой птицей —
И не упасть, и не взлететь.

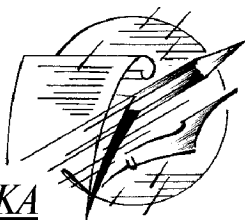
г. Калининград

ЛЮБЯЩИЙ ВАС МИХАИЛ ЛЕМЕШЕВ

6 января 2021 года, потрясенный вестью о смерти Михаила Яковлевича Лемешева, я вспомнил его слова, сказанные им накануне своего 80-летия, о том, что Небесное Воинство не имеет потерь и что в него можно попасть только по призыву Самого Господа Бога. Под впечатлением услышанного я тогда впервые подумал о Небесной ипостаси моего собеседника.

Вот рассказ о том, как он стал народным заступником. Ему, сорокалетнему доктору экономических наук, удалось в одночасье пробить государственную пенсию колхозникам, которую они не получали вплоть до 1967 года.

До него это не удалось ни маршалу Победы Георгию Жукову, ни Генералиссимусу Иосифу Сталину, прекрасно знавшим, что Красная Армия, разгромившая фашизм, на 90% состояла из крестьян. Не удалось потому, что об этом знали и теньевые ненавистники русского народа, которые, прикрываясь партийной демагогией, стремились создать для сельских жителей невыносимые условия вплоть до лишения их паспортов, что было равносильно отнятию гражданства. Кроме этого, беспаспортные смерды не получали за свой

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

труд ни копейки и, по сути, работали за палочки или трудодни, обеспеченные лишь сельхозпродуктами. Естественно, что многие из них, прежде всего молодые, мечтали вырваться в город, хотя бы и в статусе лимитчиков. А там из-за нехватки жилья рождаемость не превышала смертность. Такой механизм подспудной самоликвидации народа был главной целью русофобов того времени. И вдруг супротив этого, чуть ли не идеального замысла, встает невесть откуда взявшийся молодой экономист с навязчивой идеей дать государственную пенсию безликим, безгласным колхозникам!

Обвинив Лемешева в невежестве, элементарной безграмотности (он-де не только не знает законов, но даже не может отличить государственную собственность от негосударственной) лакействующие экономисты-начетчики выступили против его предложения. Они мотивировали свою позицию тем, что в колхозах не государственная, а кооперативная собственность, и посему выплата пенсии колхозникам, согласно советскому законодательству, если и возможна, то только за счет колхозных средств, которые из года в год неизменно изымались государством.

Зная об этом, противники Лемешева не сомневались в провале предпринятого им дела. Они были уверены: бюрократическая машина перемелет сердобольного поборника справедливости в песок. А он и не собирался с ней связываться, он ее обошел, добившись аудиенции у самого Председателя Правительства А.Н. Косыгина, которому и передал лично в руки специальную записку с ясным и лаконичным доказательством того, что львиную долю национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, дают именно колхозы. А потому правомерно их социальное страхование за счет государственного бюджета. А.Н. Косыгин своей властью поддержал Лемешева, и колхозники впервые стали получать государственную пенсию, правда, всего лишь 12 рублей с копейками. Но зато они почувствовали, что государство о них вспомнило и признало в них своих граждан. Это была блистательная на государственном уровне победа учёного, по сути, замедлившая обезлюдивание якобы не перспективных сел и деревень, а значит, и отодвинувшая в будущем демографическую катастрофу в России. Кто в нашей стране сделал что-то подобное?! За этот небывалый и неслыханный дотоле подвиг Лемешеву, как минимум, был положен орден «За сбережение и умножение русского народа». Но такой награды тогда не было. Да и теперь нет.

Но самое огорчительное, что такой человек, как Лемешев, не занял руководящего поста в государстве ни в ту пору, ни

впоследствии. То ли из-за банальной зависти, то ли из лютой ненависти имя народного ходатая в данном случае замолчали. К тому же прирождённая скромность Михаила Яковлевича фатальным образом помогала его недругам. Во всяком случае, ни сельские жители, ни даже родная мать не ведали, кому прежде всего они обязаны неожиданным вниманием государства к себе. Сам он в своей книге «Свеча» уделил этой теме всего полторы страницы, утверждая, что государственная пенсия колхозникам была дана исключительно «По благодати Божией, по Его безмерной любви к добрым делам христиан» (М., Палея, 1999).

Стремительное восхождение Лемешева на вершину научного Олимпа было громом среди ясного неба для его академических противников. Никто не ожидал столь скорого покровительства ему на самом верху, и поэтому, поджав хвосты, они смотрели на него с благоговейным ужасом, ожидая самых крайних перемен в государстве, а для себя чуть ли не конца света. Наверно, он напоминал им предводителя Невесного Воинства Архангела Михаила. Высокий, стройный, пылкий, голубоглазый, окрыленный жаждой справедливости. Это вызывало в них чувство необъяснимой тревоги и внушало безотрадную мысль о неотвратимом возмездии. Если их что и успокаивало в нем, так это отсутствие правой длани с огненным мечом. Она была разбита осколком немецкой бомбы, и партизанский ветеринар отпилил ее ножовкой по суставу в полевых условиях...

Однако обратимся к истокам доблестного героя военной и духовной брани. Он родился 1 января 1927 года в селе Тименичи Брянской области. Его отец Яков Кириллович Лемешев, до революции вахмистр в кавалерии, был обладателем двух Георгиевских крестов. При Советах заведовал конфермой, которая растила коней для Красной Армии. Естественно, его сын сызмальства приобщился к лошадям. О себе, пятилетнем, Михаил Яковлевич вспоминал в третьем лице: «Скребницей чистил он коня». По его словам, он любил слушать, как звенит овес, когда насыпаешь его из ведра в ясли для лошадей. Этот звон сопровождал его впоследствии всю жизнь. Отцу и матери Василисе Давыдовне Михаил обязан исконно русским мировоззрением, включающим в себя, прежде всего, любовь к земле, труду, природе, людям. Мальчик рос в песенной атмосфере села, где без песни никакая работа не ладилась. Читать научился с пяти лет, хотя в школу поступил с семи. С отрочества полюбил поэзию, особенно Пушкина и Есенина, стихи которого едва ли не все знал наизусть.

Благо книги поэта имелись в библиотеке уцелевшей от разгрома господской усадьбы, в флигеле которой проживала еле

ходившая от старости барская повариха. Каждое утро маленький Миша относил ей кувшин парного молока, а она за это давала ему читать книжки. Судя по всему, эта женщина была весьма образованной, поскольку с течением времени приобщила его не только к чтению известных экономистов начиная с Адама Смита, но и к изучению русских мыслителей вплоть до Константина Победоносцева.

Михаил Яковлевич высоко ценил свою мать и говорил: «Всё, о чем я думаю и о чем болит моя душа, в меня вложила Василиса Давыдовна в девичестве Косина из деревни Коростовка, тогда еще Брянского уезда. Он запомнил на всю жизнь ее слова: «Миша, ты теперь с головой ушел в науку, имей в виду, что шибко ученый, как топор неточёный, — рубит и колет, а тесать не может, потому что народной жизни не знает».

31 мая 1941 г. Михаил с отличием закончил семилетнюю школу, а уже в октябре немцы оккупировали Брянщину.

И вот новый поворот судьбы. Он стал партизаном и вошёл в пятёрку, состоящую из однокашников. Главным объектом их внимания была железнодорожная станция в Брянске, где работал диспетчером внедрённый партизанами человек. Он-то и передавал через вчерашних школьников сведения о продвижении поездов дяде Семёну, а тот в свою очередь доставлял их в лес к партизанам. И хотя ребятам категорически запрещалось отвлекаться на иные акции, они, тем не менее, умудрялись воровать идущие на фронт ящики с оружием и продуктами, в чем крайне нуждались партизаны.

Однажды Михаил совершил геройский поступок. Диспетчер передал юноше записку со словами: «Весьма срочно!» Что делать? В нарушение всех инструкций он доставил срочное донесение напрямую по назначению в лес к партизанам. В результате наши бомбардировщики разбомбили вместе с мостом через Десну воинский эшелон. Правда, после этого сразу же начались многодневные ковровые бомбардировки партизанских мест. Одна из бомб тяжело ранила Михаила. И всё же повезло. Жизнь ему спас подоспевший ветеринар. Тогда же немецкий летчик сбитого партизанами самолета на допросе показал, что уничтоженный эшелон вёз под Курск около 50 «Тигров». Весть о его гибели привела в ярость самого Гитлера.

После освобождения Брянска в сентябре 1943 года Михаил вернулся в сожжённое дотла село Тименичи. Работал в колхозе учетчиком. Жили в погребе, голодали. Весной поступил в Кокинский сельскохозяйственный техникум, где давали карточки. Окончил его в 1947 году с отличием, что в то

время давало право на поступление в любой ВУЗ страны без вступительных экзаменов. Однако стремясь материально помочь овдовевшей матери, молодой зоотехник попросил направить его на работу.

Так он оказался в Калмыкии, где впервые вступил в конфликт с преступной расчётной системой, обрекавшей работников скотоводческого совхоза на голодное существование в зимний период. Писал письма в главк труда и зарплаты отрасли, но ему даже не отвечали. Тогда он понял — нужно продолжать учебу.

Здесь обратим внимание на то, что молодой Лемешев не только не сдался, а наоборот, нацелился на свое призвание народного заступника. При этом, по его собственному признанию, у него было такое чувство, что он попал с одной войны на другую, еще более истребительную, где главным оружием являются основательные знания.

С такими мыслями он решил поступить в Московский институт коневодства, куда его приняли, несмотря на отсутствие кисти правой руки, по распоряжению самого Маршала Советского Союза Семёна Михайловича Будённого.

Дело в том, что до революции Будённый одно время служил под началом вахмистра Якова Кирилловича Лемешева, которого очень любил за дивный и сильный голос, поскольку сам хорошо пел и играл на гармошке.

После Гражданской войны, когда Яков Кириллович вернулся из семилетнего германского плена, Будённый не раз заезжал к нему в Тименичи, чтобы душу отвести в песнях и не только.

Впоследствии, когда Михаил Яковлевич осознал себя православным и крестился, он рассказал об этом своей матери. Она всплеснула руками со словами: «Сынок, а ты у нас крещёный!» И тогда только он узнал, что его крестным является Семён Михайлович Будённый. Но это была семейная тайна, о которой не ведал даже сам крестник. Отсюда становится понятным почему Маршал проявлял внимание к своему протеже и лично вручил ему диплом об окончании Института коневодства. Воистину Михаил Яковлевич имел двух покровителей: Архангела Михаила на небе и на земле Семёна Михайловича Будённого, который, кстати говоря, и устроил ему аудиенцию с Алексеем Николаевичем Косыгиным. Так что основатель Красной кавалерии умел не только шашкой размахивать, как принято было считать в Советское время, но и обладал аналитическим мышлением. Его крестник был убежден, что пресловутое рассказывание захлебнулось на разгонном этапе не без тайной воли Будённого. Однако эхо это

го геноцида аукнулось во время Великой Отечественной войны не единожды.

Нужно особо отметить, что в Институте коневодства Михаил занялся сверхпрограммным изучением всего массива философско-экономической мысли. Очень скоро ему открылось различие между марксизмом с ленинизмом и теми классиками в области политэкономии и философии, продолжателями которых Маркс и Ленин себя объявили. В отличие, например, от Адама Смита, от Давида Рикардо и особенно в отличие от немецкого экономиста Робертуса-Ягцеова (1805—1875), выступавшего за переход к государственному социализму без классовой борьбы путем эволюции капитализма к трудовой собственности, Маркс и Ленин пропагандировали в своих работах классовую вражду, истребление Церкви, социальные войны. И вот с этой идеологией, основанной на технологии подлогов и подмен, Лемешеву предстояло вступить в единоборство вслед за Есениным, ибо Сергей Александрович всего лишь в двух стихотворениях «Метель» и «Весна» чуть ли не походя в пух и прах разнес концлагерную бухгалтерию «Капитала» Маркса.

Научно-созидательная инициатива Лемешева проявилась уже на 3-м курсе института в 1951 году, когда он написал курсовую работу под названием «Ничто в полюшке не колышется». В ней он показал не только удручающую разруху в колхозе, где проходил практику, но и предложил принять для ее преодоления следующие государственные меры: 1) Отменить натуральные налоги с крестьян; 2) Перейти в колхозах с натуральной на денежную оплату труда; 3) Отменить планирование размеров посевных площадей по всем культурам и по численности поголовья скота в колхозах, а планы по обязательным поставкам продукции государству заменить заключением соответствующих договоров на добровольной основе с указанием закупочных цен. Если бы его предложения тогда были внедрены в жизнь, то сельское население умножилось бы к концу XX века в несколько раз, производительная мощь колхозов вышла бы на полные обороты. Но у русофобской закулисы была обратная задача по максимальному распылению созидательных сил народа под видом грандиозных проектов типа поднятия целины и т.д. Как бы там ни было, свою курсовую работу Лемешев по совету своего руководителя доброго и мудрого профессора Льва Михайловича Зальцмана сжег и таким образом избежал якобы неминуемого ареста.

В 1956 году М.Я. Лемешев окончил аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и был зачислен в тогда же созданный Научно-исследовательский

экономический институт Госплана СССР. Это позволило ему анализировать ход всех великих строек коммунизма. В большинстве случаев он столкнулся с безотрадным нерациональным и даже губительным для природы их размещением. Лемешев заявил об этом и попал в опалу, после чего вынужден был практически самостоятельно заниматься научной деятельностью. В 1959 году журнал «Плановое хозяйство» (№11) опубликовал его статью «Планирование капитальных вложений в сельское хозяйство», где было изложено принципиальное положение о том, что объем инвестиций в отрасль, далеко не достаточный в реальности, должен быть пропорциональным объему создаваемого в ней национального дохода. Разразился скандал, который, однако же, вознёс Лемешева на должность главы Сельского хозяйства НИЭИ Госплана СССР. С этой высоты он мог окончательно убедиться в том, что головокружительные проекты века, чрезвычайно опасные для окружающей среды в большинстве своем выдвигаются на авось. Чтобы поставить этому заслон, Лемешев в 1972 году создал в Центральном экономическо-математическом институте АН СССР отдел экономических проблем природопользования, то есть открыл и разработал совершенно новое направление, именуемое теорией управления экономикой и экологией как единой метасистемой.

В этом же институте он открыл постоянно действующий семинар «Социально-экономические проблемы природопользования», через который за 14 лет работы прошли тысячи участников: экономистов, математиков, космонавтов, инженеров, гидротехников и т.д. Михаил Яковлевич лично подготовил 68 кандидатов и 12 докторов наук по специальности экономист-эколог, то есть, по существу, создал целую армию высокопрофессиональных защитников природы. Армию, которой не было альтернативы.

Как безусловный создатель и глава экологии в СССР в 1974 году он принял участие в работе симпозиума экспертов ООН по окружающей среде в Мексике, на котором была выработана «Кокоевская декларация», по существу своему, Всемирная хартия защиты природы. В следующем 1975 году дирекция ЮНЕП, проходившая в Кении, избрала его экспертом ООН по охране окружающей среды. В этом статусе в начале 1980-х годов он фактически возглавил борьбу против чудовищного по своему безумию проекта переброски части стока северных и сибирских рек на юг, выношенного в недрах «Гидропроекта» и «Гипроводхоза».

По его инициативе при Президиуме АН СССР была создана специальная комплексная комиссия под председатель-

---

ством вице-президента Академии А.Л. Яншина. В ней работали десятки крупнейших ученых нашей страны. М.Я. Лемешев, будучи заместителем председателя, возглавлял в ней эколого-экономическую секцию. Активность его поражала. Он рассылал во все центральные газеты свои статьи с разоблачением преступного проекта. Но только «Советская Россия» опубликовала одну из них под названием «Против течения» пятимиллионным тиражом (20.12.1985).

И тут самое время вспомнить о небесной ипостаси ее автора. Почему? Да потому, что в пику сатанинскому повороту северных и сибирских рек он в одночасье повернул умы своих соотечественников в русло текущей действительности и одновременно разоблачил внутренний заговор, явно поддерживаемый извне.

Не случайно 7 июня 1982 года президент США Рональд Рейган, обращаясь к евангелистам, объявил крестовый поход против империи зла в лице СССР. В январе 1983 года он повторил тоже самое. За ним в таком же духе высказалась и премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Для подобных заявлений нужны были свежие общепонятные доказательства типа того, что русские своими безумными проектами создают угрозу самому существованию человечества. Они, мол, самоуправно на основании одних только гидрологических теорий и расчетов с потолка осуществляют доселе невиданный по своему безумию, чуть ли не тотальный поворот северных рек на юг. Это неизбежно приведет к расстройству жизненных условий нашей общей планеты. Даже голословные доказательства такого рода способны не только вызвать возмущение мирового сообщества, но и при умелом вбросе научно-технического компромата, если можно так выразиться, привести в ярость общественное мнение.

Дело в том, что наша Земля представляет собой гироскоп, вращающийся вокруг своей оси. При воздействии на него достаточной силы извне, эта ось имеет тенденцию прецессировать, т.е. менять свой наклон, что может привести к непредсказуемым последствиям в сфере земного бытия. Так вот, системный поворот столь могучих и многоводных рек, большинство из которых впадает в Северный Ледовитый океан, пусть даже в донорском объеме, адекватен силе Кориолиса, вызываемой вращением самой Земли, известной нам из школьной программы по географии. Её суть зримо проявляется в том, что в Северном полушарии правые берега рек более крутые и высокие нежели левые. А в Южном — наоборот, левые более высокие и крутые, чем правые, потому что их под неизбывным действием силы Кориолиса подмывает вода и т.д.

Конечно, найдутся те, кто вышеизложенное назовет фантазией. Но вспомним: спустя всего лишь пять лет после публикации статей Лемешева в скоростном режиме и по той же технологии «Поворота рек», в октябре 1990 года будет запущена inferнальная программа перехода всего и вся к рынку, едва не отправившая Россию вместе с ее народом в небытие. Советские люди в одночасье оказались в мире фантастических похищений без средств на существование, без родины, без будущего.

Обычно насыщенные публикации Лемешева или замалчивались, или оканчивались санкциями со снятием редактора, их опубликовавшего, с работы. Сам же автор, благодаря заступничеству Алексея Николаевича Косыгина, отделывался разного рода выговорами. Но на этот раз «Советская Россия» опубликовала 3 января 1986 года в его поддержку статью «Вызывает тревогу», которую подписали ведущие писатели страны: С.П. Залыгин, В.Н. Астафьев, В.И. Белов, Ю.В. Бондарев, В.Н. Крупин, Л.М. Леонов, П.Л. Проскурин, В.Г. Распутин. Общеизвестно, что любая публикация без живой обратной связи с читателем — всего лишь мыльный пузырь. Однако случилось непредвиденное чудо. Впервые за время Советской власти не раскрученный ни сверху, ни со стороны ученый не только объединил разъединенных своими дарованиями писателей, но и воочию разбудил сознание всего государствообразующего народа, который потребовал не повышения оплаты труда или сокращения рабочего дня, а немедленной защиты своего Отечества от всякого рода враждебных ему проектов и посягательств на безнаказанное опустошение государственного бюджета. Причем это требование оказалось столь категоричным и массовым, что уже 16 августа этого же года вышло решение Политбюро ЦК КПСС, где говорилось, что признано целесообразным прекратить по указанному проекту работы в связи с необходимостью дополнительного его рассмотрения.

В действительности никакого повторного рассмотрения не требовалось. В своей статье «Поворот», изданной в поэтическом сборнике «Уроки правды», Сергей Залыгин писал: *«Как это ни грустно признать, но ведь выигрыша-то по существу не оказалось ни у кого, все в проигрыше: и ведомство, и государство, и общество. Плакали народные денежки, вложенные в проект. А все те силы, которые мы называем общественным мнением и которые затратили столько энергии ради того, чтобы доказать, что дважды два четыре, они-то что выиграли? Дело ведь с самого начала было настолько очевидным, что диву даешься, каким образом Минводхоз, а вкупе с ним*

Институт водных проблем АН СССР путем одних только бюрократических процедур и проволочек могли столько времени удерживать свой проект на плаву?!» Задавшись этим вопросом, Сергей Залыгин прикрывал верховную власть, словно не ведал, что без ее волевого указания Минводхоз ничего удерживать на плаву не мог. Именно поэтому он и пошел ко дну вместе с проектом «Поворота». В 1989 году его ликвидировали. Это тот случай, когда нехватка смелости самым роковым образом обернулась против отнюдь не бездарного писателя, забывшего, что талант без мужества, подобен самолету без мотора. К тому же, Залыгин умудрился в своей итоговой статье даже не упомянуть М.Я Лемешева, в то время как отмена пресловутого проекта была, прежде всего, его личной победой. Именно он обнаружил преступную ущербность якобы всесторонней экспертизы проекта. После чего именно по его неукротимой инициативе при президиуме АН СССР была создана специальная комплексная комиссия. Кроме того, именно он пробил в «Советской России» публикацию статьи о безумном повороте рек, заработав на этом пути репутацию человека, от которого редакторы других изданий шарахались, как от прокаженного.

Зная, что Лемешева поддержали все ведущие писатели России, я по своей наивности полагал, что его все любят и чтят как национального героя. Когда в 1989 году он выставил свою кандидатуру в Совет народных депутатов СССР по Черемушкинскому избирательному округу Москвы, я не сомневался в его победе. Тем более что в этом округе преобладала интеллигенция. Однако победителем оказался некто Сергей Станкевич, стоящий на фотографии позади Ельцина. После этого ближайший друг Михаила Яковлевича Павел Васильевич Флоренский презрительно заметил, что «черемушкинские мозги нации» не в состоянии отличить алмаз от мыльного пузыря.

К великому сожалению, мы писатели России, вовремя не поддержали его. Будучи православным, глубоко образованным и непревзойденным оратором Лемешев вполне мог пройти в Совет народных депутатов СССР, где для него открылась бы дорога даже в президенты. Такой человек не допустил бы распада СССР, не довел бы страну до разграбления её научно-промышленного потенциала, не пустил бы по миру миллионы своих соотечественников, не обрёл бы их на безработицу, бездетность и вымирание, не развёл бы в культурно-просветительской деятельности произвол якобы благотворительных программ. Он был полностью согласен с необходимостью незамедлительного возвращения от всеядного гума-

---

низма гуманоидов к человеколюбию оклеветанного Ивана Грозного, который секирой пресекал ересь разного рода паразитов, посягавших на православную веру. Он правил по исконному правилу наших предков: Русь для тех, кто, не щадя живота своего, служит ей верой и правдой. Для таковых, независимо от национальности, она мать родная. И действительно, ни одно племя, ни один народ, вставшие под ее крыло, не исчезли с лица земли. «Это потому, — говорил Михаил Яковлевич, — что на знаменах Православия мы несли миру человеколюбие. Зная это, США, где всем заправляет доллар, системно стремятся извести Россию руками спасённых ею племен и народов».

Моя личная встреча с Лемешевым произошла в 1988 году, когда он первым поддержал нашу борьбу против внезапного строительства Северной ТЭЦ с устаревшим оборудованием. По слухам, она должна была быть построена без ведома москвичей, как АЭС в районе Дмитрова. Но 26 апреля 1986 года рванула Чернобыльская атомная станция. Тогда-то запаниковавшие «минеры» двух столиц якобы спешно перебросили ее строительство под Мытищи теперь уже в качестве Северной ТЭЦ. Причем перебросили впритык к истоку родниковой речки Сукромки, впадающей в Яуз, которая в свою очередь является притоком Москвы-реки. Поэтому наша борьба свелась к тому, чтобы электростанция была оснащена надежными фильтрами для очистки отходов от сгорания мазута. Тогда Лемешев проявил себя истовым воителем. Мы же воспринимали его как полномочного носителя Правосудия. Высокий, златоглавый, голубоглазый, светоносный. Словом, его можно было принять за лик, посланный в нашу среду свыше.

В 1993 году М.Я. Лемешев все-таки был избран депутатом Государственной думы РФ и председателем думского Комитета по экологии. Он тут же создал при Думе Высший экологический совет, куда вошли лучшие умы от науки. Благодаря их усилиям в подготовке законопроектов, Лемешеву удалось добиться принятия Думой важнейших федеральных законов: «Об экологической безопасности населения», «Об особо охраняемых территориях», «Об охране животного мира» и чрезвычайно важный федеральный закон «О ветеранах». Дело в том, что до принятия этого закона 16 декабря 1994 года ветераны всех категорий, а именно: ветераны Великой Отечественной войны, военной службы, прокуратуры, юстиции, судов, органов внутренних дел и ветераны труда оказались во время грабительской перестройки за гранью человеческого бытия.

Дело дошло до того, что умерших ветеранов, не востребованных из-за безденежья родственниками, стали хоронить скопом в черных целлофановых мешках. Могги страны были забыты покойниками этой категории. Однако настоящий бум скопления усопших начался с осени 1990 года, когда была запущена Чубайсовская программа всероссийского перехода к рынку за 500 дней — «шоковой терапии».

Это были дни безнаказанного расстрела ветеранов всеми средствами массовой информации, которые называли их чуть ли не главным тормозом развития страны и демократии. Но закон «О ветеранах» положил этому античеловеческому делу конец. Ветераны обрели социальную защиту вплоть до похорон за счет государства. О том, что за его принятие в Государственной думе развернулось целая битва, во время которой Лемешев обвиняли в том, что он хлопочет о правах мертвых и не думает о живых, сегодня вряд ли кто помнит. И уже никто бы не вспомнил, если бы зам. председателя Комитета по экологии Государственной думы доктор технических наук В.В. Тетельмин не написал в воспоминаниях об этом подвиге своей экологической группы во главе с М.Я. Лемешевым.

Важно понимать, что экономика — это, по сути, строительство жизни, а экология — ее защита. Без этой взаимосвязи современная жизнь не могла бы существовать. М.Я. Лемешев понимал это как никто другой. Поэтому он и стал отцом экономико-экологического направления в нашей стране, хотя и до него были весьма яркие светила от экологии, например, В.И. Вернадский. Но дело в том, что именно Лемешев создал и выстроил научную инфраструктуру, а точнее, систему животворящих обратных связей в этой сфере. Он так же разработал экологическую стратегию и лично подготовил кадры для нее. По сути, он создал Всероссийскую службу экологического противостояния тотальному «минированию» России фактически во всех сферах, включая и мозги заведённых в тупик граждан. Ближайшим примером таковых являются атеисты.

Конечно, апостасия, или безбожие, является с древних времен непревзойденным средством ослабления и ослепления противника, особенно в случае его целенаправленного истребления. Именно поэтому в 1917 году большевики первым делом приступили к искоренению веры в российских людях. Для более полного понимания сокрытой технологии якобы «самоистребления» русского народа Михаил Яковлевич советовал обратиться к изданной в 1906 году книге Дмитрия Ивановича Менделеева «К познанию России». В ней, на основании переписи населения 1897 года, россиян в конце XX

века, по прогнозу автора, при сохранении рождаемости на среднюю семью 6-8 детей, должно быть 550—650 млн. человек. Нужно сказать, что только за 23 года царствования Николая II население России увеличилось на 55 млн. Именно стремительные темпы развития враждебной Западу страны привели противников России к ускоренному решению — остановить ее путем втягивания в бойню Первой мировой войны с последующим разжиганием в ней революции и т.д. вплоть до максимально раздутой урбанизации, которая поглотит сельский мир, где только и могла существовать превышающая смертность рождаемость. Поэтому М.Я. Лемешев в 2016 году и предложил в своих последних статьях в противовес жизненно опасной урбанизации — для начала построить не менее 50 тысяч экологически чистых деревень. Альтернативы этому плану просто нет, поэтому вокруг него и образовалось молчание, весьма похожее на оцепенение.

В заключение хочу исполнить обещание, данное мной Михаилу Яковлевичу, опубликовать в случае его смерти обращение к своим соотечественникам. По сути, это одновременно и завещание.

Рассуждение о руководящем интересе в жизни человека

Объектом заинтересованности человека может быть любой предмет или явление окружающего мира, в котором он живет. Для меня постоянным интересом выступает познание феномена любви. Любовь — это интимное глубокое чувство, устремленность к другой личности, человеческой общности, окружающей природе и социально-экономической жизни общества. В древней мифологии любовь — это космическая сила, подобная силе тяготения. В учении Платона любовь — это побудительная сила «духовного восхождения».

*Я глубоко убежден, что любовь человека к Богу, к Родине, к Природе, к людям, созданным по подобию Божию, к своей профессии, к своему делу, к историческому опыту жизни страны, к достижениям науки является ничем не заменимым созидательным ресурсом. Именно этим **мировоззрением** наполнена моя сознательная жизнь, в том числе и научная деятельность. Каждый человек должен осознать, что без любви не могут быть успешно реализованы никакие его желания, задачи и замыслы. Любовь должна быть постоянным спутником и основной созидательной человеческой жизни.*

Любящий Вас М.Я. Лемешев

НЕНУЖНОЕ ЗОЛОТО

РАССКАЗ

Тысячи лет вода тающих ледников, собираясь сначала в небольшие ручейки, затем в неширокие реки и речушки, прорезая горную твердь, скатывалась по ущельям и седловинам Тункинских гольцов Восточных Саян вниз — по южным склонам в Тункинскую долину, по северным — в долину рек Шумак и Китой. Силой потока вода размывала кварцевые жилы и выбивала из них золотоносные руды и песок.

Песок, не задерживаясь в русле, выносился сильным течением в долины, а крупное самородное золото в районе водопадов и в узких теснинах скал проседало сквозь рыхлый аллювий до коренных пород, забивая собою трещины и западины. Даже сильнейшие паводки не выталкивают самородное золото из гнёзд наверх.

Найти такое гнездо можно только случайно, наткнувшись взглядом на отливающий благородным блеском самородок...

Едва не переехав нартами концы его охотничьих лыж, оленья упряжка остановилась. Запаленные олени, с мордами в хрустком инее, сип-

ПРОЗА

ло раздували мокрые ноздри. Каюр отложил хорей, скинул с головы капюшон и обернулся к Кузнецову.

Андрей Александрович улыбнулся — ну кто тут ещё мог быть? — только Миша Ытынгын. Давний знакомец. Один из немногих оставшихся на этой земле тофаларов-оленево-дов. Когда-то, молодым специалистом, Андрей Кузнецов после окончания горного института учился у тофалара Ытынгына понимать и любить тайгу и горы...

— Рад тебя видеть, Миша!

— И ты здравствуй, Кузнецов. Давно ты к нам не приходил. Я вспоминал тебя...

— Я тоже вспоминал. Люди говорили, ушёл ты к Верхним Богам. Я не верил...

— Хорошо, что не верил. Болезнь ко мне приходила. Долго не уходила — забрать с собой хотела, к Верхним Богам увести хотела. Я уже и дорогу к ним видел. Но я не пошёл...

— Договорился?..

— Как с ней договоришься? С болезнью нельзя договориться. Она всегда обманет. Хитрая — предлагала отпустить меня, если я укажу ей на кого перейти. Говорила — хоть на самого плохого человека, хоть на врага своего укажи — и я уйду, не буду тебя мучить. Хитрая. Если бы я согласился, она не только бы тело моё изломала, но и душу. Как жить потом с подлой душой?! Кем бы я стал? Росомахой вонючей? Болезнь хитрая, но глупая: когда тело болит — терпеть можно, когда душа болит — нельзя терпеть, пропадает человек. Видишь, сижу, не встаю с тобой поговорить? Я ей ноги свои отдал. Она с ними и ушла — думала, куда я без ног от неё денусь? Глупая. Она думает, человек без ног — не человек. А зачем мне большие ноги? — у меня олешки есть. Чего стоишь, Кузнецов? Садись, нарты большие — места хватит.

Андрей Александрович освободил ноги от лыж и полупри-сел, полуприлёг на нарты.

— Да-а, Миша, олени у тебя славные!

— Сам подбирал для упряжки. Много соли скормил — теперь они ноги мои, жизнь моя...

— Далеко ездил?

— Олешки четыре раза останавливались, значит, километров сорок. На Тайзы ездил. Водопад там, знаешь?..

— Бывал...

— К водопаду ездил. А ты, Кузнецов, всё золото ищешь?

— Ищу.

— Нашёл?..

— Нашёл...

— Что делать будешь?..

— Пока не знаю...

Ытынгын, покопавшись за пазухой, достал трубку. Придавил табак в люльку большим пальцем, прикурил. Попыхтел, почмокал, давая разгореться табаку, — глубоко затянулся. Его тёмное сморщенное как кожаный мешочек лицо было отрешенным и невозмутимым.

Кузнецов вспомнил. Михаил и тогда, много лет назад, когда сильно волновался, всегда трубку раскуривал. Говорил — дым думать помогает. Вспомнил и другое — жена Ытынгына Харитина да и другие его родственники, даже дети, тоже с трубками не расставалась.

Миша курил, молчал. Молчал и Андрей Александрович.

Полулёжа на шкуре марала, что покрывала нарты, Кузнецов, согретый солнцем, любовался окрестностями. Пока тропил снег на лыжах, было как-то не до любований, нужно было торопиться до заката дойти до трассы, где его ждала экспедиционная машина. Вторая половина марта, а снег и не думает ни темнеть, ни оседать. Искрится под солнцем, как в январе. Недалёкий лесок до сих пор индевелым куржаком покрыт. Каждая ветка, каждая иголочка посеребрены морозом.

Михаил выбил о нарту докуренную трубку, завернул в тряпочку и спрятал за пазуху.

— Я знал, что ты найдёшь золото, Кузнецов. Ты умный. Многие до тебя его здесь искали. Находили крохи. Ты не такой — тебе крохи не нужны. Сколько лет прошло — старым стал, а нашёл... Зачем тебе золото, Кузнецов?

Водопад слышно издалека. Высотою с двухэтажный дом, широкий, в три-четыре метра полосую, ниспадает он со скального уступа в узкий каньон. Через пару десятков метров вырывается поток из каменных теснин и, распадаясь на несколько рукавов, несёт свои воды в долину.

Этой весной, подточенная временем и мощными потоками воды, к подножью водопада осыпалась огромная часть скалы. И на открывшемся скальном срезе проступило несколько ярко выраженных кварцевых жил, наискось уходящих в глубину земли.

Подойти к водопаду можно только со стороны реки, что непросто — заболоченные участки так плотно забиты молодым березняком, что пройти к водопаду летом практически невозможно. Только зимой через крутую крупную осыпь...

Кузнецов давно мечтал проверить на золотое оруднение эти места и при подготовке полевого сезона, просматривая новые космоснимки, обратил внимание на свежий оползень в

районе водопада на реке Тайзы. И понял — пора. Но из-за непроходимости к этим местам летом пришлось ждать зимы. И биться с начальством за разрешение провести там разведку, доказывая, что учитывая общую золотоносность района, не исключено, что обвал скалы обнажил кварцевые жилы и что какая-то жила несёт богатое золотое оруднение.

Сегодня Андрей Александрович окончательно убедился в огромной перспективности разведанного месторождения и с гордостью записал в своём дневнике: «Пробы на золото, взятые из жил различного типа и различных мест участка, показали общую весьма сильную золотоносность...»

— Зачем мне золото? Как сказать-то? — лично мне, Михал Дмитрич, золото интересно только как обручальное кольцо на моём пальце да цепочка на шее жены. Не более. А если говорить о том золоте, что в недрах ваших гор сокрыто, так это моя работа — искать. Я геолог и мне нет разницы, что искать — уголь, торф, золото. Просто работа. Хотя вру, не просто — а любимая работа. Это единственное, что я умею — бродить по свету и открывать что-то новое. Лишь бы на пользу. Думаю, скоро у вас здесь новый посёлок золотодобытчиков вырастет, прииск откроют, дороги проложат, ЛЭП протянут до самых дальних точек, народу нового понаедет. Короче, жизнь зашевелится в ваших краях...

Старый тофу поднял глаза на Андрея Александровича.

— Ты умный человек, Кузнецов, учился долго, жил долго, зачем неправду говоришь? Или ты в это веришь? Когда это чужие люди моему народу хорошо делали?

Мой народ очень маленький народ, скоро в семи чумах все поместимся. У нас уже почти ничего своего нет — только вот эти долины и горы, да немного оленей. Рыба в реках, зверь в тайге, в которой деревья падают от старости, а не от топора...

Мой народ хитрости не знает, мы даже ловушки на зверя не ставим — зачем зверя обманывать?.. Мы зверя честно добываем — ружьём и собакой. Не стреляем, пока со зверем глаза в глаза друг другу не поглядим. Когда-то нас было много, и были мы карагасы — чёрные гуси. Мы ни с кем не воевали, пасли оленей, охотились. Мы просто жили. Пришли чужие люди и сказали: какие вы карагасы, какие гуси? Вы будете тофалары. Теперь мы тофалары. Тофы. Чужие люди забрали наше имя, потом наши долины, оленей — мы ушли в тайгу, в горы. Но чужие нас и здесь не оставили — они стали забирать себе в жёны наших девушек, а наши юноши стали брать в жёны женщин из чужих племён. Людей стало много, а народа моего почти не стало. Нас совсем мало — семь-во-

---

семь сотен? Кто знает... А сейчас прииск откроют, реки перекопают, горы взорвут, тайгу вырубят-выпилят — куда тофу идти?..

Старый тофалар замолчал и раскурил трубку. Отвернувшись от Андрея Александровича и взглядываясь в начинающее розоветь вечернее небо, сказал:

— Горе, Кузнецов, от твоего золота моему народу. Опять придут чужие люди, и не станет больше карагасов. Все будут — а карагасов не будет. Если кто и останется, то ненадолго — водка их убьёт. Давно живу — видел, какая жизнь на приисках. Нет там счастливых. Золото всех губит. Я ведь за тобой, Кузнецов, не один день смотрел. Как только ты свою бригаду в соседнюю деревню привёз, я сразу понял — за нашим золотом ты пришёл. А раз пришёл — найдёшь. Я потому и не хотел с тобой встречаться. Дружбу нашу ломать не хотел. Мне о нашем золоте, золоте тофаларов, отец, умирая, рассказал. Отцу — дед, деду — прадед. И все они говорили — узнает чужой человек о золоте — не станет народа чёрных гусей... Я скоро тоже уйду. Тайну золота сыну должен оставить. А получается, нет тайны, оставлять нечего. Я последний хранитель... Зачем тебе наше золото, Кузнецов?..

Андрей Александрович потрясённо молчал. Он всю жизнь занимался геологией, разведкой различных месторождений, он прекрасно выполнял свою работу — и очень гордился этим. Он не стал большим начальником, но он и не стремился им стать. Кузнецов любил полевую работу, его ценили, уважали, его награждали и хвалили. Андрей Александрович верил, что выполняет очень нужную и важную работу, и люди ему за это благодарны.

А что получается?! Что сейчас получается?! Ведь он никогда в таком ключе о своей работе не думал. Получается, что да, в общем, для страны, для всего народа его работа важна и нужна, а для конкретного отдельно взятого человека и народа — гибельна...

— Михал Дмитриевич, может, всё не так страшно? Да и потом, пока только я, я один знаю конкретное местоположение золоторудных жил, примерные их запасы. Да и верны ли мои предположения? Ведь, в принципе, пока всё это так — на глазок. Ведь всё ещё проверять и проверять. Годы пройдут. Так что ничего пока с вашей тайной не произошло. Вы один знали, теперь мы — двое...

Ытынгын, словно китайский болванчик, покачал головой:

— Если тайну знают двое — значит, её знают все. — И, помолчав, добавил: — Знаешь, какая любимая команда у моих оленей? «Стой!» Только её они всегда слышат, хоть гром-

---

ко скажи, хоть прошепчи. Команду «Вперед!» они могут и не услышать или сделают вид, что не слышали, хотя слух у них отменный. Я к чему это говорю? Ты, Кузнецов, команду «Стой!» никогда не слышишь, ты идёшь и идёшь по следу до конца, как моя любимая собака. Ты никогда не сможешь остановиться. И тайну сохранить ты не сможешь. Ты, как и мой народ, хитрить не умеешь...

Кузнецов ничего на слова старого тофалара не ответил. Да и что было говорить? Прав старик — ушло время тайны, сохранить её уже не получится, даже если и очень хочется.

— Пора тебе, Андрей Александрович, темнеет, иди, тебе ещё до трассы посветлу дойти нужно...

Кузнецов кивнул и на прощанье приобнял друга.

— Всё будет хорошо, Миша. Не переживай...

Михаил Дмитриевич кивнул. Поднял хорей, ткнул им ведущего оленя, что-то гортанно выкрикнул, и упряжка, рванув с места, стала быстро удаляться.

Расстроенный произошедшим разговором, переполненный безрадостными мыслями, проводив долгим взглядом друга, Кузнецов продолжил свой путь.

Широкие охотничьи лыжи, подбитые камусом, хорошо скользили по слежавшемуся снегу. Закатное солнце сиренево подкрашивало удаляющиеся горы и чернило недалёкий лес. Воздух ощутимо остывал, и лёгкая снежная взвесь мелкими, едва заметными крупинками-звёздочками сыпалась с неба.

Сухо щёлкнул выстрел.

Кузнецов столбиком завалился на бок. Одна лыжа слетела с ноги, другая, встав стоя, носком уставилась в небо...

По этой торчащей из снега лыже, Ытынгын, круто развернувшись оленей на звук выстрела и обуреваемый мрачным предчувствием, отыскал Кузнецова. Но помочь Андрею Александровичу уже было нельзя. Выстрел был прицельным — пуля вошла Кузнецову в висок. Стрелял опытный человек. Профессионал. Один выстрел — один трофей.

Ытынгын, вынув из-под шкур карабин, долго в бинокль оглядывал кромку недалёкого леса. Было тихо и никакого движения у леса не было видно...

Снежная невесомая взвесь, опадая на лицо Кузнецова, сначала таяла, но вскоре белёсая вуаль укрыла ледяной корочкой его полностью...

Старый тофалар от рождения да и от прожитого времени был тёмн лицом, но сейчас, казалось, почернел совсем. Сидел он обезноженный на нарте, смотрел на белое застывшее лицо старого друга и, раскачиваясь, тянул заунывную песню ыр...

И думал. А думал он о том, что кто-то ещё, кроме него, знал тайну золота и тоже очень не хотел, чтобы её узнал чужой...

У самой кромки льда, среди скользких чёрно-серых окатышей, сквозь толщу воды отсвечивал тусклой желтизной крупный самородок. Осторожно, держась рукой за нависающие над потоком воды ветки, ощупывая ногой ледяную корку, охотник шагнул к закраине. Лёд затрещал под весом тела, но выдержал, не проломился.

Прозрачная вода горных рек обманчива — любой предмет, лежащий под водой на дне, кажется рядом, а потянешься за ним — там глубина. И наоборот — думаешь, что глубь, а там мелко...

Решив, что самородок у самой поверхности, охотник ошибся — потянувшись за золотом, он едва не ухнул в обжигающую ледяную воду. Только просунув почти по самое плечо руку в воду, он смог ухватить самородок. Мокрый, тускло-жёлтого цвета, в кавернах забитых жёстким песком, величиной с большую картофелину, он увесисто оттягивал руку.

Оглядев самородок, немного подивившись его тяжести, охотник вдруг размахнулся и кинул его во вспененную водопадом глубину. Там его место, там, среди множества таких же тяжелых собратьев. Там их никто даже случайно не увидит. А у народа тофу теперь будет ещё много спокойных лет.

Правильно отец говорит — ненужное это золото. Никому не нужно — ни чужим, ни его народу. А геолог, геолог сам виноват, что нашёл здесь золото. Никто его сюда не звал. Это не его тайна, и он её уже никому не расскажет. Отец тоже скоро уйдёт к Верхним Богам, там и встретится со своим старым другом. Оттуда сверху они будут смотреть, как он будет хранить последнюю тайну чёрных гусей. Ведь теперь он, сын старого Ытынгына — единственный её хранитель...

г. Чебоксары

КОНТРАБАНДА

РАССКАЗ

Тимофеич возвращался домой. Довольный своей поездкой в ближнее зарубежье, он сидел у окна автобуса и вновь перебирал в памяти все те дела, которые заставили его совершить столь дорогой для нищенского бюджета путь. Щуплый, но еще резвый старичок, с живыми, почти всегда смеющимися глазами, удовлетворенно откинулся на сиденье и думал о том, что успел сделать очень важное дело в своей, подошедшей к финишной прямой, жизни — поклониться в последний раз дорогим могилам своих родных и близких.

Тимофеич, полузакрыв глаза, вспоминал с улыбкой, как навещал старых дружков, тоже, как и он, избежавших пока встречи с костлявой, как вспоминали они за бутылочкой, дни давно ушедшей молодости, как слезно расставались, наверняка уже зная, что не суждено им больше увидеться на этом свете. И каждый день в течение всего своего визита Тимофеич посещал кладбище, приводил в порядок могилки и прощался, прощался, прощался. Не забыл Тимофеич и о своей половине, сходил к ее бывлым подружкам, привет занес, потом купил

ПРОЗА

ей гостинец в подарок — головку местного сыра, с давних пор больше всего любимого женой.

Автобус сбавил ход и остановился у родной таможни.

«Забирайте сумки, готовьте документы, — напомнил водитель. — Сразу предупреждаю, у кого возникнут трения с таможенниками, ждать не стану, уезжаем сразу, как только проверят последнего».

Пассажиры, подхватив свою поклажу, потянулись к выходу, доставая документы. Сразу у автобусных дверей их встречал здоровенный таможенник, молча и строго брал паспорта, подозрительно и долго сверял их с оригиналом, скрупулезно разглядывал штамп прописки и медленно возвращал документ владельцу, внимательно всматриваясь в следующего приехавшего.

«Да, — с уважением подумал Тимофеич, невольно распрямляя свою шупловатую фигуру, — у таких молодцов никакой шпион и контрабандист не проскочит, вон как глазами стреляет! От такого ничего не утаишь, я — свой человек, а и то заробел, что уж тут про людей с нечистой совестью говорить! На замке все ж, видать, наша граница, что бы там ни болтали», — и старик, гордо расправив плечи, отошел к очереди, выстроившейся к столу, за которым проверяли вещи приехавших еще два красномордых бугая и худющая девица с ярко напозаженными губами.

— Что везете? — машинально спросил Тимофеича один из таможенников, запустив по локоть руки в сумку и быстро перебирая в ней вещи. — Наркотики, оружие, валюту?

— Я террорист, автомат с глушителем везу и мину с дистанционным управлением, — пошутил вдруг Тимофеич, пытаясь скрыть вспыхнувшую досаду.

Таможенник от неожиданности столь наглого, на его взгляд, заявления моментально прекратил манипуляции руками и уставился на старика.

— А дед-то шутник, — тут же уловив смену настроения своего начальника, недобро произнесла девица.

— А мы сейчас этого шутника проверим. Так говоришь — террорист? — с издевкой в голосе произнес мордатый. — Да какой из тебя, пенька трухлявого, террорист! Небось оружие в своей жизни и в руках не держал.

Тимофеич словно остолбенел от такого неприкрытого хамства, стоял, раскрыв рот и моргая глазами.

— Что зенками бегаешь? Знать, совесть все же нечиста у тебя, — продолжал ехидничать досмотрщик. — Счас мы тебя на предмет контрабанды прощупаем, наверняка что-нибудь незаконно провозишь.

— Да как вы смеете так со мной обращаться! — взвился Тимофеич. — Я фронтовик, я честный человек!

— А если честный, так чего развыступался? — подозрительно зашипела девица. — А ну-ка вытряхивай всё из своей сумки.

Тимофеич, тяжело дыша, вывернул содержимое сумки на стол.

— Натё, ищите, но если ничего не найдете, вам это так даром не пройдет.

— Ты еще и угрожаешь? Ну, пеняй на себя!

Девица ловко выпотрошила вещи старика и, тщательно их просмотрев, протянула своему начальнику целлофановый пакет с чем-то круглым внутри.

— Вот!

— Что это? — уставился тот на Тимофеича.

— Сыр, жене гостинец везу.

— Сыр, говоришь, а сколько его здесь? — ласково поинтересовался шекастый.

— Килограмма два, — недоуменно посмотрел на него Тимофеич, ошарашенный изменившимся тоном.

— Два кэгэ, ясно! А ты знаешь, сколько можно провозить? — так же мягко плел языком государственный человек.

Тимофеич вопросительно пожал плечами.

— Один кэгэ, милый ты наш террорист, всего один, — издевательски заулыбался мордатый. — Всё сверх этого считается контрабандой.

Тимофеич побледнел.

— Так откуда я знал, сколько можно везти, — испуганно прошептал Тимофеич. — И что теперь со мной будет?

— Посадят теперь тебя, старый ты индюк, — расхохотался мордатый.

— Дошутился, на зоне теперь шутить будешь, — продолжали веселиться стражи границы, глядя на вконец растерявшегося старика.

— Вы его еще долго мучить будете? — вдруг раздался голос водителя.

— Езжай давай, от греха подальше! — крикнула в ответ девица. — А то и на тебя акт составим, за то, что возишь контрабандистов.

Шофер зло сплюнул под ноги, сел за руль, и через минуту автобус отъехал от опасного места.

— А как же я? — беспомощно спросил Тимофеич.

— А что ты? — удивленно вскинула брови девица. — Ты остаешься.

— Будем, дед, бумагу на тебя составлять за незаконный ввоз контрабанды на территорию нашей страны. Вот так-то, —

нагнулся над Тимофеичем мордатый, — дошутился ты, дед, досмеялся, теперь пришло время ответ держать.

— Ребятки, да бросьте вы, ну какой из меня контрабандист, мне уж восьмой десяток идет! Да заберите вы этот сыр, бог с ним, — совсем испугался Тимофеич, — отпустите меня домой, а?

— Нет, дед, будешь штраф платить как минимум, — продолжал давить на бедного старика таможенник, — и не малый.

— Сколько? — трясущимися руками Тимофеич вытащил из кошелька деньги. — У меня тут сто десять рублей и пять долларов осталось.

— Не, гляньте на него! — соорил возмущенную мину мордатый. — Никак он нам взятку желает предложить? Дед, а ты знаешь, что за это бывает? — разыгрывая справедливое негодование, продолжал спектакль таможенник. — А ну-ка, красавица, составь-ка акт на деда о попытке дачи взятки должностному лицу, — подмигнул он девице.

— Эт мы мигом, — заулыбалась довольная бесплатным представлением работница таможни.

— Вы что, издеваетесь? — стало доходить до Тимофеича. В глазах у него потемнело, словно очередью плеснуло из далекого сорок пятого. — Фашисты вы, подонки!

— Что-о? Оскорблять при исполнении?! — аж подпрыгнул мордатый. — Ну все, старое чучело, ты мне надоел, — и ткнул увесистым кулаком Тимофеичу в бок.

Старик согнулся пополам, хватая ртом воздух, несколько секунд пробыл в такой позе, опустился на пол и беззвучно заплакал, а еще через минуту завалился на бок.

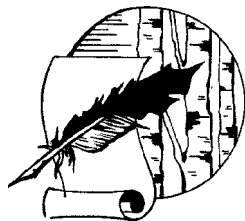
— Что с ним? — испуганно кинулась к старику девица и, увидев пену на губах Тимофеича, отпрянула назад. — Падучая!

— Вот черт, — прижал деда к полу мордатый, — пошутили мы, дед, пошутили! — Когда же Тимофеич пришел в себя, виновато стал оправдываться: — Ну, ты сам хорош. Мы на государственной службе, а ты со своими шуточками дебильными. Хорошо еще на нас попал, была б другая смена, там бы с тобой...

Тимофеич тупо смотрел по сторонам и никак не мог сообщить, что с ним, где он и зачем. Но вот взгляд его наткнулся на злополучный сыр, лежавший на краю стола. Старик неожиданно схватил его и стал быстро откусывать. Через несколько мгновений головка сыра уменьшилась на две трети.

— Это — бабке, — отложил остатки в сторону Тимофеич. — Гостинец. А это вам контрабанда, — похлопал себя по животу и мстительно засмеялся: — Съели?

г. Калининград

Александр ПОТАПОВ

ОТЦОВСКАЯ ТРОСТЬ

РУССКИЙ МЕЧ

Русский меч всегда щита верней —
Память предков твёрдо это знает.
Истина дошла до наших дней:
От меча мозолей не бывает.
Невский Александр сказал:
«Не трусь!
Мужественных сила не покинет.
Если враг с мечом придёт на Русь,
От меча бесславно и погибнет!»
Русь была Орде, как в горле кость,
Били мы и шведа, и француза,
И фашистам тоже довелось
Испытать разящий меч Союза.
Нам в наследство многое дано.
Прорастёт сквозь мрак былая слава,
Если в нас живет Бородино,
Поле Куликово и Полтава!
Суждено нам Родину беречь,
Не прося у Запада подачек.
Да живет в веках родная речь!
Да нетленным будет русский меч!
Да и разве может быть иначе?

ТЕРНОВНИК

Заполонил терновник огороды
В моём родном пустеющем селе
И разгулялся сам себе в угоду,
Как одинокий дед навеселе.

Ему крутые склоны не помеха,
Он из оврагов выполз на поля.
Терновник словно чувствует: век от века
Скудеет плодородная земля.

Конечно, он разрухе не виновник,
И потому, денькам погожим рад,
По всей округе буйствует терновник —
Неприхотливый русский виноград.

У горизонта громоздятся тучи,
И на полях, как видно, неспроста,
Топорщатся терновника колючки,
Как на челе распятого Христа.

Что делать с ним?
Мне грустно и неловко.
Тугих плодов накатывает вал...
Быть может, настоять на них терновку?
Да равнодушен я к спиртному стал.

...Я молчаливо голову склоняю,
Ещё ни в чём не чувствуя беды,
И пробую на вкус — зачем, не знаю —
Заброшенности горькие плоды.

* * *

В душе темно, как полночью осеннею.
Я мучусь, забывая о себе,
Когда слезами матери Есенина
Россия плачет о своей судьбе.

Слепой народ на лучшее надеется,
Но грустно тлеет мутная заря,
И кровь кистей рябиновых виднеется
В есенинской причёске октября.

Вонзаясь в небо острой колокольнею,
Старинный храм плывёт, как горький дым,
И раздаются стоны колокольные
По убиенным, павшим и живым.

Из века в век скорбят могилы братские.
Тоска крестов — всё горше и черней.

И обелиски строгие солдатские
Афганской болью старят матерей.

Но праведные муки — не напрасные.
Кровь страстотерпцев пролита не зря.
Вот потому алеют гроздья красные
В есенинской причёске октября.

* * *

Стала жизнь — что вниз откос пологий,
Душу стала смута истязать.
И пошел я по глухой дороге,
Словно странник, сырый и убогий, —
Сам себя отправился искать.

Тяжела дорога, что от дому,
И тревожно, как перед бедой.
Я уж и не рад пути такому,
Вдруг навстречу — путник незнакомый,
С посохом и сивой бородой.

— Что невесел, сыне? Что случилось? —
Он меня участливо спросил.
— Как же так, старик, скажи на милость:
Жизнь бежит, а счастье только снилось.
Иль о нём я Бога не молил?

И сказал мне дед, сверкнув очами,
Так, что у меня по телу — дрожь:
— Тяжела дорога лишь в начале,
Мудрость жизни — в боли и печали,
Счастье — в том, что мыслишь и живешь.

Я в ответ:
— То истина простая,
Но порою не хватает сил,
Липнет лихо, что смола густая...
— Ты терпи, — сказал он и... растаял,
И с небес меня перекрестил.

И застыл я чутко, как охотник...
Видно, тот старик, что здесь стоял,
Был не просто пахарь иль работник,
А святитель Николай Угодник,
Да его я в спешке не признал.

ОТЦОВСКАЯ ТРОСТЬ

Голод, войны, глухие невзгоды —
Всё изведать отцу довелось,
И ходил он в преклонные годы,
Опираясь на верную трость...

К нам с годами приходит усталость,
Жжёт рябины пунцовая гроздь...
Помню: мать, заболев, опиралась
Всё на ту же отцовскую трость...

Были в жизни и горе, и радость,
Но опор я не знаю иных:
Опираюсь на трость, опираюсь,
Как на память о предках своих.

* * *

Меркнут краски вечера, словно на иконе.
Августовской свежестью полнится простор.
А на горизонте — небесном подоконнике —
Дозревает солнце, словно помидор.

От реки крадётся влажная прохлада,
Над лугами воздух трепетно-духмян.
В чередe картофельных опустевших грядок
То ль ботва дымится, то ль ползёт туман.

Сумерки тягучие травы ниже клонят.
Клён ладони чуткие к дому распростёр.
Катится за низкий неба подоконник,
Наливаясь красками, солнца помидор.

НИНКА

По асфальтовой тропинке,
Что вдоль улицы бежит,
Поутру соседка Нинка
На базар в райцентр спешит.
На плече с натугой тащит
Две сумы наперевес.
Спотыкается всё чаще —
Знать, в сумках немалый вес.
Разумеется, не тонна,
Но в сумках стоят рядом

Шесть объёмистых бидонов
Со свежайшим молоком.
Нинка скажет, как отрубит:
— Что мне длинные рубли!.. —
Нинке жалко, что в округе
Всех коров перевели.
Нинка отроду отменно
Знает сельские дела,
Потому козе на смену
Трёх бурёнок завела.
Рассудила Нинка верно:
— Рубль крепчает пятаком!.. —
Нинка, первый здешний фермер,
Кормит город молоком.
Трудно новое наладить,
А порушить всё легко...
Пейте, горе-демократы,
Вместо водки — молоко!

* * *

Ах, ты, реченька-река
Красноталовая!
Из какого далека
Ты пожаловала?

Где таится твой исток
С ключевой водой?
Где твой левый бережок,
А где правый твой?

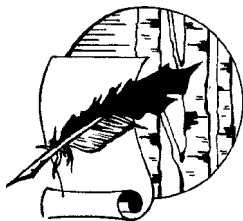
Прячет издавна тебя
Глушь чащобная,
И блестит воды слюда,
Как лощёная.

Ах, ты, реченька-река
Старорусская!
Не мелка, не глубока,
В меру узкая.

Ты торишь, как человек,
Путь нехоженный...
Знать, у нас с тобой навек
Судьбы схожие.

г. Рязань

Николай ПИДЛАСКО

ОЖИДАНИЕ

* * *

Отчий дом — гнёзда ласточек, сенцы,
Свет лампадки, тепло образов.
Начинается Родина в сердце
С песен маминых,
С комнатной дверцы,
С кукованья настенных часов.
И с окошка, где ширь голубая, —
Не видать ни конца ей, ни края...

ОЖИДАНИЕ

Светлой памяти мамы

...И глядишь ты, как день угасает,
И как ветер в черёмухе сник,
Как собака назойливо лает,
Словно кашляет дряхлый старик.
Ты глядишь, как над липами шумно
Вороньё хороводом кружит,
И как месяц — совсем ещё юный —
Освещает верхушки раakit.
Погрустишь в тишине...
И в тревоге
Ночь повиснет на шёлке гардин.
А на пыльной брусчатой дороге —
Лишь огни проходящих машин...

---

* * *

Скамейка старенькая. Липа.
Зари вечерний полусвет.
И во дворе всё так же сипло
Скрипит калитка давних лет.
Ложится ночь. Луна по небу
Бредёт за зорькой в поводу.
И тихий дол, и в дымке вербы,
И звёзды — россыпью в пруду.
Из окон свет струится тускло
И опадает с яблонь цвет.
...Но отчего на сердце пусто?
Со мною мамы рядом нет.

* * *

...Ещё хлеба волной гривастой
Шумят в бескрайности полей.
Ещё серпасто-молоткастый
На флаге герб страны моей.

Ещё ни бедных, ни богатых,
В почёте труд и человек.
И брат горой стоит за брата.
Казалось, будет так вовек.

Ещё ни смуты, ни чужбины,
И злобы нет, и нет границ.
И не в руинах Украина
От русофобских небылиц.

И школьник я ещё покуда,
Душе неведома тоска.
Скажи мне — СССР не будет,
Я покрутил бы у виска...

* * *

Склон речной.
Осинки, словно свечи,
Разгорелись ярко у воды.
И на тёрне гам стоит скворечий —
Манят птиц созревшие плоды.
От скирды исходит дух соломы,

Камыши на воду полегли.
С огорода мякоть чернозёма
Веет сырью вскопанной земли.
И прижмусь душой тихонько к иве,
Помолчим вдвоём о жизни с ней.
Только здесь и вправду я счастливый —
В самом сердце Родины моей.

АКАЦИИ

Неле

Цветут возле дома акации.
Родная, ты только взгляни!
Какая гармония, грация!
Какие весенние дни!

Светло мне, как в первую встречу!
Тогда они так же цвели.
И это крылечко...
И вечер...
И в лунной степи ковыли...

* * *

Рассвет горит. Туманны дали,
И на холме белеет храм.
Несу я душу обветшалую
К малиновым колоколам.

Вокруг поля чернее ночи
Лежат, распаханы под зябь.
Пестрят листвою ярко рощи
И по реке гуляет рябь.

...И день взошёл. Синеют дали,
Играют солнцем купола.
Нет на душе моей печали,
Годов лишь ноша тяжела.

В ЗАБЫТОМ КРАЮ

Льётся бас бархатистый шмеля
Над тропой полевою, окольною.

В жарком мареве тонут поля,
В степь иду золотую, привольную.

Мысли светлой надежды полны,
Утопаю в ромашковом инее.
Воздух давней вдыхаю страны,
Небо ясное — синее-синее...

И от зноя дрожит тишина.
Ни тенёчка.
Ни птичьего голоса.
Опалённая небом сосна
Сторожит эти хлебные полосы.

Хорошо на родной мне стороночке:
Степь да сёла, да церковь на взгорочке.

г. Колпино Ленинградской обл.

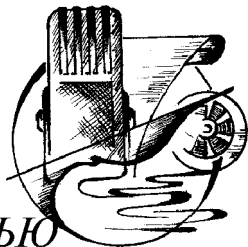
СЛОВО И МИР

Богатое, многогранное, самобытное, любимое подлинными ценителями литературы творчество Валентина Сорокина отмечено премией Ленинского комсомола, Государственной премией России, Международной премией им. М.А. Шолохова, Всероссийскими премиями Сергея Есенина, Н. Гумилёва, А. Твардовского, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. Стихи Валентина Сорокина переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди. Поздравляем Валентина Васильевича с 85-летием, желаем ему добра, благополучия и предлагаем читателям беседу с поэтом, которую провела Лидия Сычёва.

Сталевары не лгут

— Ещё до школы, не зная грамоты, я стал сочинять. Сначала частушки, потом стихи. Жили мы на Южном Урале, на казачьем хуторе Ивашла. Папа у меня лесник, война началась, ушёл на фронт разведчиком. А нас — восемь детей! Он вернулся весь израненный, на костылях.

Папа любил песни. Играл на гармошке, в 30-е годы он взял 1-е место на конкурсе народного творчества. Его очень любили башкиры, чувашаи, мор-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

два, русские. Как свадьба, обязательно звали. Мне он говорил: «Да, стихи это здорово! Но лучше бы ты пошел в военную школу. Закончил, стал генералом и разогнал этих негодяев».

— *А негодяи кто?*

— Руководители наши. Он ненавидел их за раскулачивание, считал, что с этого началось уничтожение русской деревни. Говорил: сынок, когда ты доживешь до моих лет, поймешь, что папа прав, только в это время не будет хватать солдат в армии, бабы рожать перестанут.

Послевоенная деревня была разрушена. Я ушел из дома в 14 лет, прибавил себе год и поступил в фабрично-заводское училище, готовившее рабочих для Челябинского металлургического завода. Работал в мартеновском цехе, где 1200 человек варили сталь. Люди меня окружали изумительные! Грамотные, начитанные, физически крепкие и очень честные. Чего им лгать? В моей группе, выпущенной из училища, было 25 человек. За десять лет 11 погибли. Работа-то какая!

— *«Я стоял у огня / В миг рождения булата / Потому у меня / Путь дорога крылата». Вы разливали сталь?*

— Да, я работал крановщиком в 1-м мартене, имел 8-й разряд. У нас была спецодежда, маски для дыхания. В кабине крана стоял чайник, и температура была такая, что вода начинала парить.

Работа тяжелая. Но и благодарная, потому что человек, прошедший через нее, другими глазами смотрит на мир природы. Представьте: 8 часов жары, огня, с которым человек ведет битву или разговор о перемирии, а потом он выходит из цеха и видит мороз и снег. «Под огнём, как под метелью белой, / Закрывал и открывал глаза, / Здесь моя душа перекипела, / Будто в скалах — вешняя гроза».

Металлурги никогда не бросят в беде и не оставят одного в радости. Они — вместе! Нигде больше я не видел такого коллективного дружелюбия, ответственности друг перед другом и государством, перед бедами и радостями, перед волнениями народными, как у мартеновцев.

Самое громкое хвастовство в цехе — сколько купили журналов, прочли книг, что в выходной запомнилось. Не мелочились люди, «бизнесом» не болели — они и слова-то такого не знали.

В 1962 году я стал членом Союза писателей. Писатель Леонид Соболев удивлялся: «Впервые принимаем человека в комсомольском возрасте». Борис Ручьев, десять лет безвинно просидевший на Колыме, пригнул меня. Он сказал такую фразу: «Валя, у тебя строчка, как у Павла Васильева, кован-

---

ная!» Людмила Татьяничева редактировала первую мою книгу — «Мечта». Всем, кто мне помогал, я старался платить добром. Для меня эти люди не забыты, и каждый день они — мои.

Благодарение

— Первый из поэтов, кто меня окрылил, — Василий Дмитриевич Фёдоров. Без него я вообще был бы другим человеком. В 60-е годы Твардовский и Фёдоров считались крупнейшими действующими поэтами. Когда я читал Василия Дмитриевича, всё мне было родным: как он с природой говорит — моё, как с рабочим миром говорит — моё, как с Россией, с семьёй, с мамой, с отцом говорит — всё моё.

В 1961 году я работал на ЧМЗ, много печатался, у меня вышла книга. Но я никогда не отличался самоуверенностью. И вот я отправил Василию Дмитриевичу письмо: очень уважаю вас как поэта, верю вам, высылаю рукопись новой книги. И добавил: «...Если я графоман — не отвечайте».

Проходит месяц — ни звука, второй — тишина, третий... 7 ноября я иду в смену с четырёх часов дня. Мама всегда провожала меня, даже зимой выходила на балкон и молила Бога, чтоб я не сгорел, не попал в беду. И вот я выхожу пораньше, смотрю: в почтовом ящике телеграмма. «Дорогой Валентин! Поздравляю вас с великим праздником и с выходом книги в издательстве «Советский писатель». Подробности письмом. Василий Фёдоров».

Перед сменой у нас проходила планёрка. Подаю начальнику цеха телеграмму. Он зачитывает её — под аплодисменты. Начальник быстро нашел мне замену, говорит: «Три дня отпуска! Празднуй!» Вот такая была рабочая среда! Все знали, что я Фёдорова люблю, что для меня его признание важно.

А ещё меня поддержал Борис Ручёв. Он на Колыме отбывал заключение по делу Павла Васильева. Не расстреляли его только потому, что он совсем юный был. Помогали мне в судьбе моей Михаил Львов, Николай Воронов. Влияли — Борис Можаев, Фёдор Абрамов, Константин Воробьёв. Люди-то какие! А Михаил Алексеев, Анатолий Иванов, Юрий Бондарев, Сергей Поделков, Юрий Прокушев? А Пётр Проскурин какой был?! Честнейший человек!

Для меня эти писатели — святые люди. Получая от них одобрение своим стихам, я, конечно, радовался. И платил им той же любовью и благодарностью. Почти о каждом из них я написал очерк. И считаю: если у поэта нет чувства благодарности, значит, он наполовину обделен дарованием.

— На Высших литературных курсах поэтический семинар вёл Александр Николаевич Макаров, известный в те годы критик. Он сразу меня поддержал статьёй в «Литгазете», очень выделял из семинаристов. Мы дружили — слушатели ВЛК и студенты Литинститута. Николай Рубцов, братья Сафоновы — Эрнст и Валентин, я — нас звали «четвёрка дружная ребят». А ещё — Владилен Машковцев, Боря Примеров, Иван Акулов, Анатолий Жигулин, Сергей Хохлов. Вот такая литературная среда была.

После ВЛК меня направили в Саратов, где создавался журнал «Волга». Главным редактором назначили Николая Шундика, я вёл отдел поэзии, отделом публицистики заведовал Боря Дедюхин. С прозаиком Григорием Коноваловым мы были очень дружны.

— *А как вы оказались в «Молодой гвардии»?*

— В 1967 году в Саратове проходил пленум Союза писателей, посвящённый работе «Волги». В своём докладе Константин Федин сказал, что поэтический раздел журнала — лучший в стране. Все центральные газеты напечатали эти слова. А через две недели я получил письмо от первого заместителя главного редактора журнала «Молодая гвардия» Сергея Викулова. Он звал на работу. Провожать меня на вокзал пришёл весь коллектив «Волги». Я был тронут до слёз.

— *«Волга, Волга! Крики пароходов. / Грохот ветра. Стоны камыша. / И к тебе, как чайка, в непогоду / Льнёт моя усталая душа».*

— Отношение ко мне в Саратове было такое сердечное, что я даже иногда жалел, что уехал оттуда.

— *В вашей трудовой книжке есть запись: «Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», редактор отдела очерка и публицистики, редактор отдела прозы, редактор отдела поэзии, член редколлегии журнала «Молодая гвардия». Журнал в конце 60-х — гремел. Это был главный рупор «русского Возрождения».*

— Талантливые люди его делали! Руководил журналом Анатолий Никонов, патриот и умница. В редколлегию входили Владимир Чивилихин, Василий Федоров, Владимир Солоухин, Михаил Лобанов, Виктор Петелин. Стал расти тираж, а с ним росло и наше влияние. И тогда время от времени в коридорах ЦК КПСС Александр Яковлев, будущий поллитбюровец, срывался с цепи и набрасывался на «Молодую гвардию». Теперь нам по телевидению рассказывают, что Яковлев был завербован ЦРУ, и его от ареста спас Михаил Горбачев.

А мы работали на русское дело. Если цензура выдирала из отдела критики патриотический материал, тогда я давал что-то подобное по отделу очерка и публицистики. Когда вел отдел поэзии, мы с Виктором Петелиным обговаривали ситуацию: снимают у него материал о русской жизни — я на эту тему ставлю стихи.

В «Новом мире» на нас обрушился критик Александр Дементьев со статьёй «О традициях и народности». Это был человек, начинённый дубовым марксизмом. Национальное чувство казалось ему политическим преступлением. Дементьев обвинил в русофильстве и славянофильстве, в патриархальщине и почвенничестве, пожалуй, более сорока русских поэтов, которые были напечатаны в журнале. Меня он распёк за пейзажные стихи и за статью о творчестве Феликса Чуева. Статью я напечатал под псевдонимом Ястребов, но Дементьев учуял: «Русью пахнет».

Давление на уничтожение

— *Существовала ли «русская партия» в то время, о чем много сегодня говорят?*

— Тогда её ещё в большей степени не было, чем сейчас. Например, меня 13 лет не выпускали за границу.

— *За что?*

— А я не знаю! А за что взяли и в мою квартиру вселили мультимиллиардершу Кристину Онассис с её новым советским мужем?

— *Может, у вас «жучки» были установлены? Спецслужбам не надо ничего перedelывать.*

— Не знаю. После «Молодой гвардии» я работал главным редактором издательства «Современник», у меня была служебная машина, водитель — симпатичный парень. А когда в 1980-м году я уходил из издательства, он мне признался, что служит в КГБ.

Квартира моя была обычная, в писательском доме. И вот мы стоим с Борей Можаяевым и видим, как из окна на улицу вещи, книги выбрасывают.

— *Неужели такое возможно при «развитом социализме»?..*

— «Не жалею, что здесь я родился, / Удивляюсь, что жив до сих пор!» Леонид Леонов, узнав, как меня выкинули из дома с детьми и матерью, сказал: этот случай после 1937 года — самый ужасный факт. Это была психическая атака, давление на уничтожение. И с тех пор я ни одного поэта, расстрелянного, безвинно посаженного, мерзавцам никогда не прощу.

— *Дипломат Вадим Мельников утверждал, что решение по Онассис принималось на уровне Политбюро и лично товарища Брежнева.*

— Супруг мадам Онассис, между прочим, унизил мою жену циничным замечанием: мол, дешёвые обои и шкафы у вас. Хотя вчерашний коммунист партбилет сдал на хранение в ЦК КПСС перед неравным браком... А что касается заграницы, то поэт Андрей Дементьев вёз писателей на Кубу, руководил делегацией. Сели мы в самолет, через 5 минут взлёт. Вдруг голос в динамиках: «Пассажир Сорокин на выход!» И я понял: даже на Остров свободы меня выпускать нельзя.

— *Как же так: вы из крестьянской семьи, десять лет работали в мартеновском цехе, вы написали «Мне Россия сердце подарила, / Я его России отдаю», и вас что, подозревали, что вы — в Израиль?..*

— Я же отказался писать доносы в КГБ, значит — неблагоприятный. «Россия! Родина поэтов! Пути судьбы моей темны, / Глаза, как дула пистолетов, / И на меня наведены». Ехал я в электричке в Домодедово, где жил тогда, и сочинил это стихотворение. На Лубянке по доносу меня шесть часов допрашивали. И ничего не нашли!

Рязань и Пальмира

— Поэт Михаил Львов мне говорит: «Валя, я пришел к очень большому начальнику, и сказал ему: что вы творите с Сорокиным! Да этот человек погибнет, но никогда не предаст родину! Я из круга молодых поэтов не видел более русского, чем он».

И тогда я стал выездным. Сергей Михалков ведёт собрание в Московской писательской организации. Говорит: кто может поехать на Ближний Восток (как раз шла война между палестинцами и Израилем). Все молчат. Тогда я поднял руку. Встаёт известный литератор, он сейчас жив-здоров, и вообще человек неплохой. «А ты, Валентин, не боишься, что тебя оттуда в гробу привезут?» Я говорю: «Ну ты-то точно по мне не заплачешь!» В зале хохот, аплодисменты.

Я был несколько раз в Сирии, в Пальмире, у меня есть цикл «Древняя песнь Иордана», арабы меня много переводили, я встречался с Хафезом Асадом, отцом нынешнего президента страны. После каждой поездки надо было написать отчёт в ЦК КПСС: личные впечатления, прогнозы. И партийцам вдруг так понравился мой взгляд и слог, что они стали меня без конца просить, чтобы я куда-нибудь съездил.

За границей я был 14 или 15 раз. Для меня это много. На третий день начинаю сходить с ума: зачем я сюда приехал?!

Лучше бы я поехал в Рязань! Вышел бы на берег Оки! Вспомнил бы Есенина, прочитал: «Стою один среди равнины голдой, / А журавлей относит ветер в даль, / Я полон дум о юности веселой, / Но ничего в прошедшем мне не жаль!»

Вот такие стихи я запоминаю! Если у прозаика, у поэта, у актера, у философа, у генерала нет вот этого чувства святого: пусть придёт смерть, но не предательство Родины тобою, тогда зачем жить?! Я в глаза посмотрю человеку и вижу — врёт он или нет в отношении к Отечеству. Я не считаю, что если — нищета, значит, ты должен предать Родину, или даже если в твою квартиру Онассис вселили, ты должен предать Родину, или если тебя 13 лет за границу не пускали... Родина одна, и она ни с чем не сравнима.

— *А правда, что ваша супруга из рода Пушкина?*

— У её крестной мамы девичья фамилия — Пушкина. В 1937-м году родителей моей жены и весь их «родовой куст» посадили, частично расстреляли. Не за Пушкина, конечно, потому что за Пушкина некогда было сажать. А посадили за то, что их семья занималась выращиванием продуктов для царской семьи. У них была усадьба, свой дом в Петербурге. Теперь жена говорит: надо возбудить дело, чтоб вернули собственность. Но я не сторонник такого процесса, потому что надо поднимать документы, а при нашей бюрократии потом кто-нибудь возьмёт да и приватизирует нас вместе с этим домом.

— *Всегда найдётся какая-нибудь Онассис... А чем история с квартирой закончилась?*

— У Анатолия Иванова выходила замуж дочь. Мы на свадьбе: я, Иван Акулов, другие писатели. А с левой стороны от меня сидит симпатичный, крепкий человек. И вот он мне говорит: «Извините, вы — Сорокин?» Я говорю: да. «Ну, давайте выпьем». Сидим дальше. Он опять: «А вы точно Сорокин? Поэт?» Киваю. Ещё выпили. Сосед опять за своё: «Слушай, скажи честно: ты — Сорокин?» Я говорю: как ты мне надоел!.. И послал его. «О, ну это точно Сорокин! А я от Константина Черненко. Мы вот получили письмо литераторов в вашу защиту, неужели всё, что там сказано, с вами творили?» Я говорю: да, всё было.

После этого разговора будущий генсек прислал свою помощницу, она мне предложила на выбор три квартиры. Когда я поселился, попросила: «Дайте телеграмму на имя Черненко, что жилищные условия вас устраивают». Я это сделал.

Две цензуры

— *Вы работали главным редактором издательства, в «Современнике» выходили острые книги Виктора Астафьева, Ва-*

силія Белова, Владимира Чивилихина, Станислава Куняева, Валентина Распутина и многих других писателей. Как вам удалось их издавать?

— Миссия главного редактора включала непосредственный, почти ежедневный контакт с цензурой. Заместитель начальника Главлита Владимир Солодин был культурным и честным человеком. И мы так сдружились с ним! Относились ко мне в цензуре в тысячу раз лучше, чем в партийном Отделе пропаганды. Солодин мне говорил: «Валентин, нам постоянно звонят из ЦК партии, требуют, чтобы мы дали на тебя отрицательную характеристику. А мы им отказываем». Когда я приезжал в Главлит, сотрудники прибегали меня послушать: им интересно, как поэт видит ситуацию в стране. Цензоры помогли мне многие романы и повести спасти.

В «Современнике» работали умные люди, они чувствовали политическую, национальную, экономическую ситуацию в стране. Если бы Солженицына издали в СССР, то никакой склоки бы не было.

— *Вы считаете, что и «Архипелаг ГУЛАГ» можно было выпустить?*

— А почему нет? Пользы было бы больше, а неточностей и домыслов в книге — меньше.

— *И вы отказались подписывать письмо против Солженицына в 70-е годы?*

— Да, верно. Так вот, цензура никогда не задерживала рукописи, книги через Главлит быстро шли. Другое дело, если начинались трения с ЦК.

— *А кто был выше: Главлит или ЦК?*

— ЦК выше. Но и там были хорошие люди. Например, Евгений Михайлович Тяжелников переживал за меня очень.

— *Как же так: вы хорошо знали все цензурные механизмы, а написали поэму «Бессмертный маршал» (о Георгии Жукове), которая 13 лет была запрещена?*

— У нас один великий маршал — Леонид Ильич Брежнев. Возвышать другого — политическая неграмотность, сказал Сергей Михалков на секретариате Московской писательской организации. Среди литераторов всегда есть люди, которые обслуживают верха — видно, как тарелки носят, со столов подбирают... Есть протокол обсуждения «Бессмертного маршала», когда некоторые поэты, не прочитав рукопись, кричали: «Антисоветчина!» А первым среди писателей помог поэме Юрий Поляков. Он был главным редактором «Московского литератора», дал в газете хороший отклик, опубликовал главу.

— *За что на вас обиделся нобелевский лауреат Михаил Александрович Шолохов? И даже кляuzu в ЦК отправил?*

— Шолохова использовали как таран. Он меня ни разу не видел и не разговаривал со мной, но по наущению дочери Маши и её окружения написал жалобу в ЦК. Бумагу прочёл Брежнев, заварилась страшная склока. Когда скандал стих, ко мне в редакцию приезжал помощник Шолохова. Передал, что Шолохов сожалеет, что Маша натворила (слово прозвучало грубое, нецензурное), и что лично против меня нобелевский лауреат ничего не имеет.

Когда я пришел в издательство, дочь писателя работала редактором. Как она попала в «Современник», я не знаю — у неё даже литературного образования не было. И вот звонит мне помощник Косыгина: «Ты почему не повышаешь Марию Шолохову?» Я говорю: «А куда повышать?» «Сделай её старшим редактором, завотделом». «Ей доверили руководить изданием тома произведений Шолохова, она допустила ошибки, я её оштрафовал на 3 рубля». «Нельзя так! Надо повышать». «Знаете что, приезжайте сюда, садитесь в кресло главного редактора и повышайте». Он: «Оё-ёй, какой ты, ну и ну!»

Марию я не выделял из своих сотрудников, относился к ней равно. Это, наверное, задевало её самолюбие. На издательство и без Шолохова было много накатов. Мы организовали своих переводчиков вокруг «Современника», у нас выходили смелые книги, новинки. Я издал репрессированных поэтов: Павла Васильева, Бориса Корнилова. Мы печатали лучших авторов из национальных республик. Издательство быстро выкатилось на первую позицию — книги хорошо расходились.

Национально «Современник» был очень определенным и нужным. У нас же до сих пор русский народ самый большой шовинист, самый большой пьяница в мире, самый большой драчун, самый ленивый и самый нелюбящий Отечество.

— *А как это возможно?*

— А так. Швыдкой сказал, что русский фашизм страшнее немецкого. А сам до сих пор работает на «русский фашизм», даже министерство возглавлял! Какой шовинизм, когда у нас ни одного поэта русского, о которых я вспомнил, нет ни на экране, ни на радио. Их вообще выкинули из жизни! Но зато все и везде хвалят Бродского...

— Многие наши литературоведы виноваты в том, что у нас забыты Владимир Луговской, Александр Прокофьев, Борис Ручьёв, Сергей Орлов, Михаил Дудин, Михаил Львов, Сергей Наровчатов. А сколько национальных поэтов вытеснено из народной души? Даже Мустай Карим. А татарский поэт Муса Джалиль? О нём каждый день надо вспоминать! Поэтов заменили диссидентами и дачниками, живущими в Америке.

Детство моё прошло на Южном Урале, на хуторе Ивашла. Заключенные рядом гнали по горным рекам лес. Это были инженеры, учителя, образованные люди. Мама то картошки им посылала отнести, то каши. Они были расконвоированные, и мы, ребяташки, носили им передачи. Я сижу у костра, а заключенные читают наизусть стихи Павла Васильева, Есенина, Бориса Корнилова.

Когда повзрослел, я стал изучать биографии расстрелянных поэтов. До сих не понимаю: откуда эта жестокость?! Я считаю — высочайший грех расстреливать честного поэта, и я, например, пока живу, никому этого не прошу. Как вообще можно человека безвинного карать?!

В молодости я добился приема у председателя КГБ Шелепина. Пришел к нему, стал говорить, что хочу изучить судьбы погибших поэтов. Он на меня посмотрел и сказал: «Зачем это тебе, Валентин? Ты на себя берешь тяжелый груз. Это очень затруднит твою жизнь». И отказал мне.

Но спустя годы я всё-таки добился, чтобы мне выдали «Дело № 11254», по которому осудили Павла Васильева. Я первый из поэтов, кто держал в руках этот страшный документ. Около 500 страниц, большинство — машинописные.

Я читал дело за узким столом, с обеих сторон от меня сидели офицеры. Если я что-то выписывал, то должен был это вслух зачитать. Говорил я с ними смело и откровенно, и им, видимо, это понравилось. Я им много рассказывал о Павле Васильеве, о его родных, стихи читал. И вот заключительная встреча, они меня спрашивают: могу ли я минут десять подождать? Я говорю: да. И они мне выносят фотографию Павла Васильева. Он весь избитый, истерзанный. Я посмотрел на снимок, поблагодарил и сказал: «Простите, но я не могу эту фотографию взять».

И тогда офицеры мне говорят: подождите ещё немного. Выносят другое фото: на нём Павел Васильев красивый, сильный, разворот у него такой, воротник барашковый. Я снимок начал везде публиковать. И этот образ поэта очень близок его стихам.

Потом я написал книгу очерков «Крест поэта», где никого не забыл из живых поэтов, кто мне помогал, но главное — рассказал о безвинно казненных. Этот огонь и сейчас во мне.

Обитель вдохновения

— В 1983 году первый секретарь правления Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков пригласил меня руководить Высшими литературными курсами. Когда громили «Современник» — за нашу русскую позицию, за полезную государству работу, был суд Комитета Партийного Контроля. Я эту историю пережил очень тяжело. Арвид Пельше, был такой партдеец, член Политбюро, глава КПК, предостерег коллег: «Вопросов Сорокину не задавать!»

Они почувствовали — я готов к любой подлости — и отступили. Мне объявили выговор и отпустили.

После этого несправедливого суда Георгий Мокеевич сказал мне: «Ты пострадал, за всех нас рассчитался. Пока ты не выйдешь на достойную работу, я не усну спокойно!..»

И вот развал СССР я встретил на должности руководителя Высших литературных курсов, которые тогда подчинялись Союзу писателей. Уютный особняк в центре, на Тверском бульваре. Мне предложили его приватизировать: «Будешь жить припеваючи, сдавать элитную недвижимость». У нас же много писательской собственности «растворилось» именно таким образом. Я отказался, присоединил ВЛК к Литинституту.

— *Вы руководили курсами 31 год. Удивительную атмосферу творчества чувствовали и мы, студенты-заочники Литинститута, потому что тоже занимались в этом здании. Я завидовала слушателям ВЛК, бывая на ваших творческих семинарах.*

— Тверской бульвар, 25!.. Шагнёшь из ворот — справа на тебя смотрит Сергей Есенин, а слева — Александр Пушкин... Живи! Благодарю Бога! Твори! Литинститут и Курсы — могучий творческий мир. Одни — преклоняются перед Платоновым, другие перед Львом Толстым. Да и среди студентов гениев — хоть отбавляй. А преподаватели!.. Литературовед Борис Леонов, порывистый, остроумный. Критик Владимир Гусев. Стремительно входит в аудиторию, с порога начинает лекцию. Историк Александр Орлов, спокойный, рассудительный. А вот мы шагаем по скверу Литинститута с Львом Ивановичем Скворцовым... Филолог, знаменитый верностью к отчету слову, к сказке и к бытине, к пословице и к поговорке.

Моя судьба литературная складывалась так, что с большинством писателей России да и СССР мне часто приходи-

---

лось встречаться, беседовать и работать вместе. И что я увидел и запомнил? Талантливый прозаик, поэт — всегда, как правило, добрый, честный, доверчивый и красивый человек. Главная его забота — правда и красота. Правда — о себе и о родном народе, о государстве и о времени.

Огонь слова

— *Есть мнение, что поэзия — мужская работа. Можно ли ее сравнить с трудом сталевара?*

— Да, поэзия — это огонь! Я вот что заметил: поэт может нравиться смыслами своих стихотворений, позицией своей или не нравиться, но если он честный поэт, то он всегда будет иметь опору в народе. И даже в тех людях, кому он не близок по своему направлению. Если он искренен, то поэзии, не трогающей душу человека, не бывает у такого поэта. Стихи его входят как молнии! А как только поэт начинает лгать, слово ему мстит. Он может и не замечать, а слово уже лишено искренности и пронзительной энергии.

Слово более дерзкое, чем пчела. Папа мне говорил: «Пчелы пьяного не любят. Они его обязательно ужалят». Так и слово: оно отомстит, если поэт начал лгать.

Просто говорить о русской речи, о слове, о языке невозможно. Надо говорить о государстве, о времени, о том, как народ живет, о промышленности, о селе, о земле. Язык всегда реагирует на ситуацию. Когда страна разрушена, народ голодает или когда идёт победная война и страна на подъёме, новые слова входят в песню, в пословицу, в жизнь.

Писатели как бы «редактируют» язык. Лев Толстой, Сергей Есенин, Иван Бунин — изумительные художники, они очищают наш язык и делают его ещё интересней, музыкальней. Но речь-то родную даёт народ! Кто выращивает язык, как пшеницу, как цветущий горох? Народ! А откуда он берет всё это? От жизни, от своей судьбы, от грядки.

Когда закончилась война, а погибли миллионы, у невест — женихи, у молодых жен — мужья, в семьях — отцы, то даже в нашем казачьем хуторе появились разводы. И в частушке народная беда выговорилась: «Вот иду я на рассвете, / Мну я кофту белую. / У него жена и дети, / Что я, что я, делаю?»

Опустела деревня! И — какая тоска, грусть: «Я иду по берегу, / Малина сыплется в реку. / Некрасива я, девчонка, / Никого не завлеку». Я могу сейчас заплакать — красота какая! Ясно, что это сочиняла деревенская девушка, и она не имела никакого отношения к крупным лирикам и диссидентам.

Что же мы видим сейчас в нашей культуре, на телевидении? Трагедию опустынивания. Песню русскую отобрали, музыку отобрали. А музыка и песня сопровождают каждое поколение. И рождаются в нём, усиливая предыдущее. А этого нет сейчас. На что же мы опираться будем?!

Национального на экране ничего не осталось. Мы не отличим выступление на концерте американского или европейского артиста от своего. Что-то национальное есть только в республиках наших. Кончится всё это трагедией.

У нас в стране национальная проблема вообще мёртвая. Мало сказать: «Надо дружить». Я, например, не боюсь выступать и говорить, что я очень русский человек. И меня татары всегда поймут и примут. Человек, любящий свой народ, никогда не предаст другой и не совершит против него зла. Потому что мой народ — во мне. Русский крест судьбы, пока я жив, никто и никогда не вырвет из моих рук.

Одна родина

— *У вас много гражданских стихов. Вот строки из недавнего: «В час рождения заповедей века / Правило нам Господом дано: / Родина одна у человека, / Мать одна, и солнышко — одно». Знаю, что вы тяжело переживаете трагедию СССР и славянского мира.*

— Как же так получилось, что виноватые в раздоре между народами стали владельцами власти? Сначала на Украине, теперь эти же силы рвутся к власти в Белоруссии. Неужели не стыдно?..

Мы жили в советской державе часто даже не реальностью, а романтическими обещаниями, которые вроде бы и окрыляли нас, заставляя относиться симпатичней и торжественней к делу. А получилось, что такая великая страна рухнула, и мы до сих пор никого ни призвали к ответственности.

Разве никто не виноват в произошедшем? Можно ведь было избежать этих катастроф, если всё проанализировать вовремя. Почему Победа над фашизмом оказалась Победой над страшной бандитской массой, армией, а здесь страну разрушили в мирное время, в мирные годы, и такая тихость, такая благостность, как будто ничего не произошло!.. Тот, кто это делает, он, что, ещё мечтает о такой же катастрофе?!

— *Литераторам-диссидентам даже памятники ставят. И навязывают их в качестве нравственных образцов народу.*

— Если бы я был диссидентом, я стал бы самым любимым поэтом у диссидентов, которые правят Россией. Одни «зарегистрированы» как диссиденты, другие — нет, но в

душе они — диссиденты. Кто из них сказал о России так, чтоб заплакать?..

Мы переживаем тяжелое время. То, что происходит в поэзии, в прозе, в литературе, это ведь происходит и в театре, в кино. Но это происходит, к сожалению, и на поле, и на заводе, и в конструкторском бюро, и в космических запусках ракет... Когда государство не имеет чёткого плана, тракта, по которому нам нужно двигаться в могуществе, отваге и красоте, народ тоже его не имеет.

— *Мир стремительно меняется. Как вы видите будущее?*

— Пора, в связи с технологическими открытиями, на которые вышло человечество, прекратить войны. Пора договариваться, помогать народ народу, страна стране, независимо от того, кто как о себе думает. Стыдно слушать те же самые речи, что звучали в эпоху фашизма. Мы видим те же самые стремления, что и тогда — овладеть каким-то народом или страной. Вместо того, чтобы взяться сообща за поддержку природы, восстановление её, за добрые и дружеские связи с ней.

Страшно наблюдать, когда сходятся руководители государств и начинают решать: будут ли они кого-то бомбить или не будут! Неужели не прошла эта эпоха?!

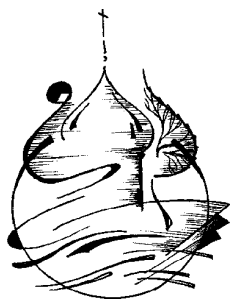
Верю, что человечество обязательно придет к миру и к гармонии. Посмотрите, как бы мы ни враждовали, что бы ни делали, а суть-то одна, боль одна у каждого народа! Это ж не случайно, что мысль о мире не оставляет человека в покое.

— *Спасибо, Валентин Васильевич, за эту надежду. И — благодарю вас за ваш поэтический труд, за красоту слова, за энергию жизни. Пусть в заключение нашей беседы прозвучат ваши стихи, которые я очень люблю: «Правит облако, с думой о лете, / В ночь, где вспыхнет кометовый след. / И в крови моей стоны и ветер, / И черёмухи яростный цвет».*

ГРАФ Н.П. РУМЯНЦЕВ

195 лет назад, 3 января (ст. ст.) 1826 года, на 72-м году умер выдающийся государственный и общественный деятель Российской империи граф Николай Петрович Румянцев. Его отец, фельдмаршал Пётр Андреевич Румянцев-Задунайский, был гениальным полководцем, прогремевшим на всю Европу победами над турками в войне 1768—1774 гг. Его дед по материнской линии фельдмаршал, князь Михаил Михайлович Голицын, соратник Петра I, прославился громкими победами в Северной войне 1700—1721 гг.

Однако при столь «военизированных» предках Николай Петрович избрал сугубо гражданскую стезю, хотя по традиции того времени и был с детства записан в армию — сержантом в артиллерию, затем переведён в лейб-гвардии Конный полк, затем в лейб-гвардии Семёновский полк, откуда в 15 лет вышел прапорщиком. На этом его «военная карьера» и закончилась. В 18 лет (1772 г.) его пожаловали в камер-юнкеры Двора, но светские развлечения его мало интересовали, и через два года он отправился в пу-

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

тешестве по Европе в сопровождении доверенного человека Екатерины II барона Гримма.

Покровительствовала юному придворному, в знак признания особых заслуг его отца, сама императрица. Но не только в родительских заслугах было дело. Сам камер-юнкер выделялся своим умом, любознательностью, обширными знаниями, энергией и добротой, терпимостью и приветливостью — тем обаянием, которое располагало и притягивало к нему самых разных людей. Вольтер, встретившись с ним в Женеве, высоко оценил ум и знания юноши и в письме своему венценосному корреспонденту Екатерине рекомендовал того к государственной службе. Много лет позднее Наполеон говорил, что он не видел еще никого из русских с такими глубокими знаниями в области истории и дипломатии, а французский министр иностранных дел Талейран отмечал, что Н. П. Румянцев «соединяет французскую любезность с английской глубиной и ловкость итальянца с твердостью русского».

По возвращении в Россию Николай Петрович служил при дворе, а с 1781 года на протяжении 15 лет занимал пост чрезвычайного посланника во Франкфурте-на-Майне, где попутно выполнил и деликатное дипломатическое поручение: посетил двор Баденского герцога, присмотрелся к его дочерям, выбрал старшую Луизу-Августу, а потом организовал её выезд в Петербург на «смотрины» в качестве невесты внука Екатерины, будущего царя Александра I. Одновременно он был русским представителем при сейме Священной Римской империи.

Успешно закончив дипломатические дела, Н. П. Румянцев вернулся домой и получил новое задание — разобраться с вопросом изменения курса медной монеты. Он оказался хорошим специалистом в вопросах денежного обращения и пошёл выше: был назначен председателем правления Государственного заёмного банка, затем сенатором и членом комитета, решавшего проблему погашения государственного долга. Восхождение по служебной лестнице продолжалось и при Павле I, однако граф чем-то прогневал царя и тот приказал ему «уехать в чужие края».

Вернувшись из 3-летней «ссылки» после воцарения Александра I, Николай Петрович стал одним из доверенных лиц молодого императора. Приходится поражаться, как он умел успешно справляться с разнообразием поручаемых дел. На посту главного директора водных коммуникаций (1801—1809 гг.) он руководил строительством Мариинского, Свирского и Обводного (в Петербурге) каналов, строительством Биржи, двух мостов на Мойке, водопровода из Мытищ в Моск-

---

ву, организовал расчистку фарватеров ряда рек. На посту члена Экспедиции по строительству дорог активно занимался дорожным строительством.

Одновременно (1802—1810 гг.) на посту министра коммерции занимался вопросами внешней и внутренней торговли, усовершенствовал систему финансов, установил выгодные таможенные тарифы, содействовавшие развитию промышленности и сельского хозяйства, учредил Архангельскую торговую компанию, организовал ряд географических экспедиций (в том числе первую русскую кругосветную экспедицию под командованием Лисянского и Крузенштерна), способствовал освоению северных и восточных районов страны, стал издавать статистические ежегодники по внешней торговле (выходили до 1917 г.). По его инициативе зародилось сахарное свекловодство. Кроме того, будучи членом Сената и членом (позднее председателем) Государственного совета постоянно участвовал в решении общегосударственных вопросов.

С 1807 года граф возглавил министерство иностранных дел. Англофильская политика его предшественника графа А.Р. Воронцова (брата многолетнего русского посла в Англии англomана С.Р. Воронцова) привела Россию к роковому шагу: разрыву с Наполеоном, вступлению в антифранцузскую коалицию, созданную для защиты Англии и Австрии от экспансии Наполеона, и поражениям Русской Армии под Аустерлицем в 1805 г. и под Фридрихсгамом в 1807 г. По Тильзитскому миру (1807 г.) Россия была вынуждена примкнуть к Континентальной блокаде Англии, своего главного торгового партнёра, на которого приходилось более половины русского экспорта, что больно ударило по интересам купцов и землевладельцев. (Правда, современные исследователи считают, что блокада практически не ослабила финансового положения страны и даже оказалась полезной, стимулировав развитие отечественной промышленности.)

Н.П. Румянцев был сторонником доброжелательных отношений с Францией и всегда относился с неприязнью к Англии, хорошо зная её коварство и стремление решать свои проблемы чужими руками. Ему и пришлось развязывать запутанные клубки противоречий между европейскими державами, смягчать последствия континентальной блокады, искать союзников и строить сбалансированные отношения с Наполеоном и с ненавистной Англией. Одним из самых крупных его успехов были переговоры со Швецией и заключение Фридрихсгамского мира, по которому Финляндия вошла в состав России. Император написал ему: «Невозможно было

вести переговоры с большим талантом и мудростью. Россия обязана Вам признательностью» и присвоил ему чин канцлера (аналог генерал-фельдмаршала), коих в истории России было меньше, чем императоров.

Однако, несмотря на все усилия министра иностранных дел, войну он предотвратить не смог, и вторжение Наполеона воспринял как личную трагедию: вскоре с ним случился инсульт, он почти потерял слух и от государственных дел отошёл. Но с этого времени началась его вторая жизнь, не менее яркая, чем первая, — жизнь «мецената имперского масштаба».

Ещё в юности Н. П. Румянцев увлёкся историей, и отставка от государственной службы дала возможность превратить увлечение в главное дело жизни. Адмиралу Крузенштерну он писал: «Станем служить всеобщему просвещению, Вы своими пространными познаниями, а я горячим усердием среди такой эпохи, в которой бесстыдно проповедают, что просвещение к благу народному не служит».

Первоочередной интерес для него представляли древние русские рукописи и документы — то, что сейчас называют первоисточниками, на которых базируется вся историография. К этому времени у него уже была огромная библиотека (в конце жизни насчитывавшая 28 тыс. томов). Он собрал кружок единомышленников — учёных, чиновников, студентов, получивший неофициальное название Румянцевского кружка, и из личных средств финансировал его деятельность — экспедиции в разные уголки России для поиска древних рукописей и в европейские страны для поиска документов, относящихся к России, обработку и систематизацию материалов, публикации научных трудов и т.д. Он выделил Академии наук огромную сумму, 25 тысяч рублей, на издание многотомного Собрания русских летописей. Его справедливо считают основателем русской школы археографии. Император Николай I говорил о нём: «Румянцев — это один из уникальных русских, уму и глубочайшим познаниям которого я поражаюсь».

За научные заслуги Николай Петрович был избран Почётным членом Императорской Академии наук, Прусской и Мюнхенской академий, членом более 20 научных обществ. Его альтруизм не ограничивался наукой. На свои деньги он построил в Великих Луках одну из первых в стране провинциальную библиотеку, в Гомеле (на Гомельщине у него были большие поместья) построил кафедральный собор и мост через р. Сож, финансировал кругосветную экспедицию под командованием Коцебу, в составе которой была большая

группа учёных, а всю свою большую канцлерскую пенсию отдавал в помощь инвалидам Отечественной войны.

Граф Н.П. Румянцев был богатым человеком. Но таких и даже более богатых было немало. Есть они и сейчас. Немного только было среди них людей, так беззаветно служивших Отечеству. Умирая, он завещал все свои коллекции Министерству народного просвещения «на общую пользу», и в 1828 г. в его особняке на Английской набережной открылся первый в стране публичный музей, названный Румянцевским. На фронтоне здания по повелению Николая I было начертано: «От Государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение». Однако из-за недостатка средств на содержание музеев в 1850-е оказался в плачевном состоянии. Спас его попечитель Московского учебного округа генерал Н.В. Исаков, по инициативе которого коллекция была перевезена в Москву и размещена в знаменитом Доме Пашкова на Моховой.

В советское время музей был расформирован, но расформирован достаточно разумно: книжную коллекцию передали Государственной библиотеке им. Ленина (ныне РГБ), которая и сегодня составляет большую часть фонда древних рукописей, а коллекцию произведений искусства — Музею изобразительных искусств им. Пушкина.

Умер Николай Петрович в Петербурге, а похоронен в построенном им Петропавловском соборе в Гомеле — городе, для которого он очень много сделал. Там же в 1992 г. установлен и памятник ему, а в РГБ проходят ежегодные Румянцевские чтения.

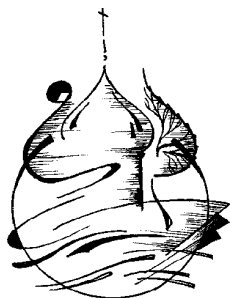
ЛЁД И ПЛАМЁНЬ

В год 100-летия со дня смерти П.А. Кропоткина

Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой.

А.С. Пушкин

В этом человеке совмещалось несовместимое: строгий научный ум геолога и геоморфолога, первым установившего существование ледниковой эры в истории Земли и идеализм стихийного бунтаря, мечтающего о справедливом сообществе свободных людей на нашей планете, где «свобода каждого есть условие свободы всех». В нём совмещались древняя княжеская кровь, восходящая к Рюрику, и сочувствие и сострадание к простым рабочим людям — крестьянам и пролетариям, которым он хотел открыть пути к светлому будущему в бесклассовом обществе, где не существует имущественных, сословных и иерархических градаций, где все равны, где нет насилия, нет государства как причины такого насилия над каждым свободным членом общества, а раз нет государственного насилия, значит — торжествует свобода в форме высшей анархии, безвластия, которая, опираясь на развитое сознание и чувство ответственности каж-

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

дого члена общества, определяет порядок отношений внутри общества, что выражается через известную сейчас всему миру формулу, принадлежащую уму этого удивительного князя: «Анархия — мать порядка».

Этот лозунг, обошедший вместе с политическими потрясениями начала XX века весь мир, был начертан золотыми буквами на плакатах русских анархистов, что вместе с большевиками творили революционный переворот в октябре 1917 года, он горел над Чёрным домом анархии в Москве, где неистовствовал король русской сцены Мамонт-Дальский, ставший виднейшим последователем князя Кропоткина, так ярко представленный на страницах эпопеи Алексея Толстого «Хождение по мукам». А после этот лозунг реял на чёрных знамёнах Народной армии батьки Махно, который не признавал никакой власти, никаких авторитетов, кроме авторитета «патриарха свободы» и «дедушки русской революции» князя Петра Алексеевича Кропоткина, потомка князей, родственных царскому дому Рюриковичей. Вот такие чудеса преподносит нам русская жизнь, наша удивительная безумная и великая история! Где ещё, в каких странах найдёшь такое сочетание несочетаемого, такие взрывы народной стихии, такие переходы от косного крепостного рабства к неистовым взлётам свободы духа, и где ещё родятся такие удивительные и противоречивые таланты, как не в нашей неповторимой стране... Жизнь и судьба Петра Алексеевича Кропоткина — полное подтверждение этих слов.

Итак, 8 февраля 1921 года в маленьком подмосковном городке Дмитрове скончался 78-летний старый человек, удручённый годами и болезнями, отошедший от политической борьбы авторитетный революционер, идеолог анархизма, с которым считался и сам «вождь мирового пролетариата», глава советского правительства Владимир Ильич Ленин, уважительно принимал его в Кремле, пытался уговорить его жить там, но когда престарелый князь-бунтарь отклонил это предложение, то Ленин выдал ему охранную грамоту и право самому выбрать любое место своего жительства. Пётр Алексеевич выбрал Дмитров — недалеко от Москвы, и в то же время — место спокойное. Покой ему был нужен после десятилетий бурно проведённой жизни. Удивительно, но начинал свой жизненный путь будущий великий анархист в среде старого московского дворянства, где патриархальные традиции помещицкой жизни и кондового крепостничества были сильны, как нигде.

Сам Пётр Алексеевич в начале своих мемуаров подробно рассказывает о традициях и устоях своего существования и воспитания в этой среде. Его отец — князь Алексей Петрович Кропоткин, старый николаевский служака, генерал-

---

майор и завзятый крепостник, владевший тысячами крестьян в трёх губерниях, с гордостью показывал гостям его особняка на Старой Конюшенной улице в Москве некий древний пергамент, доказывающий, что род его происходит от великих князей смоленских, от самого буйного князя Мстислава Удалого, того, кто некогда потрясал своими набегами, походами и усобицами Древнюю Русь. Может быть, авантюрные гены этого древнего князя ожили в его дальнем потомке?.. Кто знает... Мать Петра Алексеевича была дочерью героя войны 1812 года и Бородинского сражения генерала Сулимы, потомка лихих запорожских казаков, перешедших на российскую службу. Так что самими генами своими Пётр Кропоткин был предназначен для военной карьеры во славу царя и отечества!.. И царь Николай Павлович I сыграл-таки некую роль в судьбе будущего революционера. Когда в 1850 году царский двор прибыл в Москву на празднование 25-й годовщины вступления на престол государя-императора (и 25-й годовщины подавления восстания декабристов, заметим), то московское дворянство приветствовало его костюмированным балом, где маленький Пётр Кропоткин (ему было тогда 7 лет, он родился в декабре 1842 года) исполнял роль персидского принца и так понравился императору, что тот пригласил его занять место у подножия своего трона, поместил на ступеньках перед собой. Так весь бал будущий великий анархист принимал царские почести и низкие поклоны от сиятельных придворных и вельмож. Милостью императора он был определён в Пажеский корпус при особе государя, что давало ему возможность впоследствии занять высокое место при царском дворе.

Но обучение в Пажеском корпусе в Петербурге не оставило в душе Петра Кропоткина никаких добрых воспоминаний. Лесть, низкопоклонство и бессмысленная муштра отвратили его от желания служить при дворе и он при получении офицерского звания по окончании корпуса попросился на службу... в Восточную Сибирь, в Амурское казачье войско! В земли тогда неисследованные и дикие... Это вызвало шок и недоумение в дворянском окружении его семьи. Сам генерал Алексей Петрович Кропоткин едва не проклял своего младшего сына, собственной рукой пресекшего блестящую придворную карьеру. Но времена были уже другие. Умер, не выдержав поражения в Крымской войне, старый государь Николай I, прозванный «палкиным» в духе новых веяний. На престол взошёл либеральный государь Александр Николаевич, близилось падение крепостного права, ожили вольнолюбивые нравы, родилась свободная печать, студенчество шумело, крепостные волновались — везде реял дух свободы. Почитайте роман Станюковича «Вокруг све-

---

та на «Коршуне», относящийся к началу 1860-х годов. Там молодые офицеры русского императорского флота поднимают гост «за полную свободу во всём мире!» — такие наступили времена. Неподчинение родителям было в моде, вспомните героиню романа Тургенева «Накануне», которая против воли родителей выходит замуж за болгарского революционера и уезжает сражаться за свободу славян. И молодой Пётр Кропоткин не подчинился нраву своего закосневшего в крепостничестве отца и уехал искать себе собственную судьбу.

Он уезжал в Читу в 1862 году, в самый разгар начатых Царём-Освободителем великих реформ. И поначалу молодой офицер, занявший пост чиновника для особых поручений при и.о. губернатора Восточной Сибири Болеславе Казимировиче Кукеле, живо включился в работу по продвижению этих реформ. И особенно в дело реформирования тюрем и мест заключения Российской империи. А в тамошних краях ведь были и знаменитые Нерчинские каторжные рудники, где отбывали срок наказания ещё декабристы, и Ленские золотые прииски, и каторжные работы на строительстве дорог в непроходимых прибайкальских горах — будущие места, где проляжет Транссибирская магистраль. И везде использовался труд заключённых, часто бунтовщиков, протестантов, каких немало было на просторах великой империи. Исполненный высоких идеалов гуманизма и человечности, чиновник и офицер Кропоткин составляет проект преобразований, гуманизации системы наказания в Империи. Проект одобрен Кукелем, отсылается в Санкт-Петербург, а оттуда... молчание. Косному бюрократическому государству не нужны преобразования, оно их боится. Тогда и рождаются у молодого и думающего чиновника мысли о бесполезности самой государственной системы, даже о вреде, который эта косная система, переполненная взяточниками, бездушными бюрократами, чиновниками, все усилия которых направлены только к желанию угодить начальству, а между делом сорвать и собственный гешефт, приносит обществу и людям. Развитию человечества вообще. Кропоткин видит жизнь простых людей, охотников, рыболовов, собирателей даров природы, возделывателей целинных земель, которые на неосвоенных просторах Сибири сами строят свою жизнь, а чиновное государство им только мешает, душит налогами, собирает непомерную дань, вводит стесняющие инициативу жителей законы и запреты, и в нём всё больше и больше утверждается мысль о необходимости ликвидации государственных институтов, о создании вольных производственных сообществ, таких своеобразных общин, где не было бы диктата бездушного закона, а было бы равноправие и сознательное отношение членов общества к труду! —

это и есть те начала вольного анархического строя, который и намеревался утвердить в жизни человечества вольнолюбивый князь. Но это была утопия, в которую, однако, Кропоткин верил до конца своих дней.

Анархическая идея была не нова в политической жизни России. У Кропоткина был предшественник — тоже великий бунтарь Михаил Бакунин, давно обретавшийся на Западе. Но Бакунин никогда не ставил своей целью предсказать жизнь будущего свободного общества после победы революции. Он прямо утверждал, что анархия — есть средство разрушения и ниспровержения существующего несправедливого строя угнетения и подавления свобод. А какие формы примет жизнь общества «на второй день после победы революции» — это дело десятое, это устроится само собой, предсказать это невозможно. Собственно, осуществление такого анархического подхода к экономическому устройству общества мы все с вами видели своими глазами в начале 90-х годов прошлого века, когда устами «великого экономиста» Егора Гайдара нам внушалась мысль, что в хозяйстве страны «рынок сам всё устроит», стоит только сокрушить железную клетку социализма. Этот анархический подход к вопросам экономики очень напоминает бакунинские идеи разрушения всего и вся, но никак не подходит к делу организации разумного человеческого общежития, а возвращает нас в эпоху первоначального накопления капитала, то есть в эпоху грабежей, колониальных захватов, социального неравенства, попрания элементарных гражданских прав простых людей, повального криминала, что мы и пережили в 90-е годы. Кропоткин же всерьёз задумывался о будущем устройстве общества, но видел лишь некий «союз самоуправляющихся общин», долженствующий прийти на смену государству, которое для Кропоткина олицетворяло всё самое худшее. Но сам великий анархист сознавал, что жизнь людей в таких самоуправляющихся общинах будет подвержена строгим самоограничениям, чтобы поддерживать состояние равенства между членами общины, а это трудно, так как человек несовершенен. Значит, вольно или невольно, но в самих общинах придётся вводить строгий надзор за членами общины, за их личной жизнью, то есть идти на существенные ограничения свободы личности... Это противоречие Кропоткин в своих теориях так и не смог разрешить, хотя любил повторять слова Жан-Жака Руссо: «Чтобы можно было передать свои права выборному собранию, оно должно состоять из ангелов. Да и у них вырастут рога и когти, как только они примутся за управление людьми».

Жизнь опровергла эти утопические идеи всеобщей анархии. Индивидуум личности стремится преодолеть свою зависимость от общества, чтобы чувствовать себя действительно свободным. Современное общество всё более атомизируется, развиваясь по англо-саксонскому варианту, где «мой дом — моя крепость». Отсюда повальная урбанизация, возникновение огромных городов-мегаполисов, где в сонмище людском, каждый чувствует себя одиноким, но лично свободным и, пожалуй, не согласится вернуться в сплочённый коллектив общины, где ты постоянно под контролем и приглядом, как в той деревне Пеньково, где «от людей не спрячешься». Но чтобы могло существовать такое атомизированное сообщество индивидуумов, должна быть внешняя сила, которая организовывала бы и руководила обществом. Такой силой может быть только государство, а вот государство-то и все его институты Кропоткин решительно отвергал. В этом было его коренное отличие от Ленина, который как раз и строил социалистическое государство на основе «диктатуры пролетариата», а всякая диктатура была неприемлема для князя-бунтаря. Диктатура несёт с собой террор, насилие над личностью, а это то, что Кропоткин отрицал, он видел опасность проявления «цезаризма» в будущем социалистическом обществе. Цезаризм и погубил социалистическое общество в нашей стране, когда пост такого «цезаря» занял заведомый предатель Горбачёв, опиравшийся на поддержку своего подельника Яковлева, который прямо, цинично открыто признался в своих мемуарах, что вёл целенаправленную подрывную работу по развалу СССР, обманывая всех и вся, пользуясь высоким положением в государстве как член политбюро. Вот это предвидел Кропоткин, и здесь он оказался пророчливей Ленина.

Но до всех этих великих и судьбоносных дел было ещё далеко в 60-е годы XIX века, когда молодой исследователь Сибири Пётр Кропоткин проделывает многомесячные нелёгкие путешествия по сибирским рекам — Шилке, Амуру и Ингоде, проходит маршрутом по Маньчжурии под именем купца Петра Алексеева, то есть совершает фактически разведывательную экспедицию на территорию Китая. Всё это — для лучшего определения границ России в том, тогда ещё совершенно неосвоенном краю. Наконец, он возглавляет экспедицию на Олёкму и Витим, пройдя в общей сложности полторы тысячи километров! Эта экспедиция дала поразительные научные результаты. Мало того, что было открыто несколько неизвестных горных хребтов, один из которых, по заслугам, будет назван хребтом Кропоткина, но — самое главное, Кропоткин открыл в районе Ленских золотых приисков

ледниковые наносы, что дало ему основание выдвинуть теорию эры великого оледенения в прошлой геологической истории Земли и Сибири, в частности. Теория эта перевернула научные взгляды на прошлое Земли и снискала Петру Кропоткину бессмертное имя в ряду великих русских и мировых учёных. Самое интересное, что открытия эти сделал тогда совсем молодой человек, не имевший даже высшего образования!

А образование было ему очень нужно, и Пётр Алексеевич Кропоткин покидает военную службу, покидает нелюбимый им пост государственного чиновника и уезжает из Сибири в Петербург, в столицу, в университет, учиться на физико-математическом факультете, на который он был принят с орденами, что называется, так как молодой студент, уже был прославленным учёным и исследователем Сибири, награждённым за свои труды Большой золотой медалью Императорского русского географического общества! Конечно, ему светила блестящая научная карьера. Многочисленные публикации в научных журналах России и Европы ещё более упрочили его славу учёного. Ряд гениальных гипотез — о характере движения льдов в Северном ледовитом океане, о существовании новых земель там — всё это блестяще подтвердилось в будущем. Его отец, старый генерал, теперь с почтением взирал на своего прославленного сына и гордился им. Хорошо, что он не дождался марта 1874 года, когда сразу после блестящего доклада в Географическом обществе об открытии ледниковой эры, автора этого доклада, его сына, родовитейшего князя Петра Алексеевича Кропоткина арестуют царские жандармы как... опаснейшего революционера, смутьяна, а возможно — и террориста!

Дело в том, что вместе с научной работой в Петербурге Пётр Кропоткин начал и другую работу — революционную. Он вместе с известным народником Чайковским основал «Большое общество агитации» для ведения пропагандистской работы среди пролетариев Петербурга. Так что после докладов в Императорском географическом обществе он часто отправлялся в рабочие окраины столицы, вёл беседы с рабочими, развивал перед ними свои анархические взгляды на будущее прекрасное общество всеобщего равенства. Верили или не верили работяги увлечённому своими идеями светлейшему князю, аристократу, пошедшему в народ, но арестовали Кропоткина не за это. Вернее сказать — и за это тоже, но руководителя этого народнического общества пропаганды Чайковского выпустили из тюрьмы через три месяца, а вот Кропоткина держали в застенках Петропавловской крепости в особых секретных камерах для самых опасных политических

преступников целых два года, хотя некогда он был личным другом самого Царя-Освободителя Александра II, и вот теперь Государь милостиво позволил узнику Кропоткину иметь в своей камере перо и бумагу, чтобы он мог и там писать свои научные труды.

Кропоткин и писал — о движении льдов в Северном океане, о новых неизведанных там землях, написал книгу о Ледниковом периоде в истории Земли. Но крепче любых физических льдов сковали Россию нравственные льды реакции и страха. Царь был скован страхом перед грозным призраком революционного террора, а охранке удалось дознаться на стороне, что Кропоткин связан с Софьей Перовской и Желябовым — руководителями «Народной воли», которые уже не раз пытались убить Государя. Оттого и держали Кропоткина в застенках Петропавловки, что боялись — а ну как князь-революционер знаком по своим аристократическим связям с кем-то из царского окружения... Тогда картина заговора против Императора stanovилась совсем уж грозной. Возможно, Кропоткин просидел бы в застенках секретной тюрьмы всю жизнь, выйдя оттуда стариком, возможно, что и совсем окончил бы там свои дни; возможно, поднялся бы на эшафот вместе с Перовской и Желябовым после того, как народо-вольцы привели-таки свой план по убийству Царя в исполнение, но судьба распорядилась иначе. Пётр Алексеевич заболел, не мудрено — сырые камеры Петропавловки быстро сводили узников на тот свет. Чахотка была тогда бичом царских тюрем. И его отправили в тюремный госпиталь, а оттуда он бежал и скрывался где-то на воле. Где?.. Были у народо-вольцев знакомые, даже высокопоставленные люди, что скрывали борцов с режимом. Читайте об этом у народника и террориста Степняка-Кравчинского, а он был хорошим знакомым Кропоткина. Не так уж слаба была подпольная Россия, разветвлённая её сеть глубоко проникала в российские просторы. По каким-то из этих каналов Петру Алексеевичу Кропоткину удалось выбраться за границу.

Он покинул родину ещё сравнительно молодым 34-летним человеком, а вернулся уже в новую революционную Россию убелённым сединами 74-летним старцем, «дедушкой русской революции», творцом идеи великой анархии — новой утопии, равной утопиям Томазо Кампанеллы и Томаса Мора. На вокзале в Петрограде в мае 1917 года его встречал сам глава Временного правительства Александр Фёдорович Керенский и тут же предложил Кропоткину пост министра — любого по его выбору! Великий анархист отказался — сам принцип государственности был ему противен. Но Керенс-

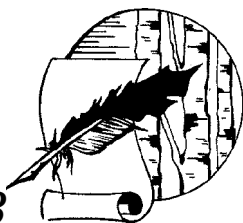

кий уговорил его выступить на Государственном совещании в Москве в августе того смутного года. Кропоткин выступил. Он говорил и призывал к классовому миру, к сотрудничеству имущих классов и трудового народа... Наивный! Уже были заряжены орудия новой революции, большевистской, что вскоре ударят и по Зимнему дворцу и по Кремлю.

Пётр Алексеевич отошёл от дел. Сил уже не было. Он жил в Москве на Большой Никитской в большой неубранной квартире. За окнами гремели выстрелы октябрьских боёв 1917 года, Москва стала большевистской. Потом новой властью были разогнаны организации анархистов, а сами они были брошены в тюрьмы новой охранкой — ВЧК. Кропоткина не трогали. К нему приезжал за советом сам Нестор Махно, которого Кропоткин дружески принимал, но его отвращала бандитская слава, что тянулась за махновскими тачанками. Он ничего не смог посоветовать ему. Революция пошла куда-то не туда, не тем путём, что предрекал бывший князь. Везде свирепствовал террор — что белый у Деникина, что красный у Ленина, что зелёный у Махно. А Кропоткин всегда гнушался террора и насилия, он верил в светлое будущее человечества. Вера его так и осталась — мечтой. Ленин приглашал его в Кремль, любил поговорить с ним о будущем бесклассовом обществе. Кропоткин говорил неохотно, он видел лёд, сковывавший великий очистительный пламень революции, видел новых «цезарей», что вскоре будут править миром... Он попросил у Ленина отпустить его доживать в Дмитров, в русский провинциальный городок, где ещё тянулась тихая неспешная жизнь, так памятная ему по воспоминаниям детства. Он умер 8 января 1921 года. Хоронили его на Новодевичьем кладбище в Москве с большой помпой при стечении огромных масс народа. Это были первые великие похороны, традиция которых ознаменует собой всю советскую эпоху. На похороны своего вождя были отпущены из тюрем ВЧК, по особой просьбе Ленина к Дзержинскому, анархисты, которые после похорон все вернулись в застенки. Навсегда.

Нет уже на карте Москвы Старой Конюшенной улицы, где родился вождь русского анархизма, но есть станция метро, которая называлась одно время «Дворец Советов». Но дворца не построили, а станцию переименовали в «Кропоткинскую», теперь из неё есть выход к храму Христа Спасителя. Вот ведь как получилось — станция имени великого анархиста, а выводит к храму... Бог ведёт.

СТИХИ
ТАМБОВСКИХ ПОЭТОВ

Валентина ДОРОЖКИНА

ПРИЧАСТНОСТЬ

К войне моя причастность так мала —
Я в сорок первом маленькой была.
Но помню я, как мне, ещё ребёнку,
Соседка показала похоронку.
Другой сосед вернулся невредим,
Но стал он почему-то нелюдим.
И только ночью повторял: «Война...»
И добавлял: «Будь проклята она!»
К войне моя причастность так мала —
Еще отца я папой не звала,
А он ушел, с порога оглянулся,
А он ушел и больше не вернулся.
Его мы ждали до конца войны
И верили в настойчивые сны.
Мы ждали так, как с фронта каждый ждал,
А получили: «Без вести пропал...»
К войне моя причастность так мала —
Я школьницею даже не была,
Но знала я, как пишется: «Вой-на»
И сколько горя принесла она.
Нас утешали: «Без вести пропал...»
А вдруг отец убит не наповал?
Но знала я, что, в общем, неспроста
Меня все называют «сирота».
К войне моя причастность так мала,
Что всех солдат я папами звала.
А папа в рамке с низенькой стены
Спускался в мои праведные сны.
Теперь я ночью долго не засну.
Я ненавижу всякую войну,
Хоть к ней моя причастность так мала —
Я в сорок первом маленькой была.

МАМЕ

Вдовья доля, как ты нелегка.
Оставались вдовами девчонки.
Не надела чёрного платка
После получения похоронки.
Не отгородилась чернотой
От надежды и от ожидания.
К эшелонам, словно на свиданье,
Бегала и верила: «Живой!»
А потом среди людского моря
Не твоя ль душа рвалась на части?
Глубоко своё запрятав горе,
Ты со всеми плакала от счастья.
Ветер гнал на запад облака —
Словно бы по вражескому следу.
Не надела чёрного платка,
Потому что верила в победу.

* * *

«Спаси, Господь, спаси мою страну
Во дни неправедные и во дни лихие...» —
Кто в страхе не шептал слова такие,
Проснувшись или отходя ко сну?

Но на устах молитва не у всех:
Иной кощунствует, иной лукавит.
Немудрено сегодня впасть во грех,
Когда страной несправедливость правит.

Спаси, Господь, спаси мою страну!
И пусть такие не наступят сроки,
Когда, в пророческую бездну заглянув,
Отпрянут в ужасе пророки.

Александр МАКАРОВ

КРАСНЫЙ МЯЧИК

Из послевоенной разрухи,
Из низкой избушки я вышел.
Избушка — два синих окошка,
Прижался подсолнух к плетню.

Какой я счастливый, что вышел,
Какой я счастливый, что выжил!
Какой красный мячик красивый,
Сейчас я его догоню!

Бегу я — и смотрит деревня
Глазами спокойными окон,
Храня треугольники писем,
Читая их в узком кругу.
По травам,
Налившимся соком,
Под песней,
Парящей высоко,
Из послевоенной разрухи
За мячиком красным бегу!

СТАРОЕ ПАЛЬТО

В том доме не живёт никто.
Осталось старое пальто.
В косяк дубовый гвоздь забит,
А на гвозде пальто висит.
Пройдётся ветер за окном,
Пальто помашет рукавом,
Мол, заходи, садись за стол,
Да говори, зачем пришёл.
Когда-то здесь жила семья.
Остыла печь. Пуста скамья.
Дед с бабкой на погост ушли,
А дети — на краю земли.
Днём без тоски. А по ночам
Пальто вздыхало по плечам,
По старику. В пальто старик
Ходил, поднявши воротник.
Пальто повесит он на гвоздь
И ждёт гостей. И каждый гость
Смотрел на старое пальто
И вопрошал: «Есть в доме кто?»
— Есть в доме кто! — ответит дед,
И бабка скажет то ж в ответ.
Теперь дед с бабкой глубоко...
А дети? Дети далеко.
Пальто вздыхало: в доме сор.
В окно посмотрит из-за штор,

Достанет веник из угла
И — ну мести! Покуда мгла
Ночная не накроет дом
Своим невидимым крылом.
Пальто пройдётся взад-вперёд.
И вспомнит: всюду был народ.
Работал, радость в мир неся...
Провинция!.. Неужто вся
Ты — это старое пальто?
Куда ни глянешь — всюду боль.
Пальто облюбовала моль.
Пальто однажды через щель
Уйдёт за тридевять земель.
И никогда, нигде, никто
Не вспомнит старое пальто.

Евстахий НАЧАС

* * *

Делит нас земля, а перед небом
Все мы одинаково равны.
Ранний месяц, как краюха хлеба,
Засветился с южной стороны.
Вся она затянута перкалью
Низких сыроватых облаков,
Ветры их прицнинские соткали
Из туманов, плывших над рекой.
Я молюсь о том, что небо вижу,
Рядом с храмом, где живу в селе.
Чем душой мы к высям горним ближе,
Тем родней друг другу на земле.

* * *

Буду по миру скитаться
То с сумой, а то с бедой.
Буду сутками питаться
Только хлебом и водой.
Потеряв в друзьях опору,
Свет любви храня в душе,
Буду спать я под забором
На холодном спорыше.
Боль я вынесу без звука
Что настигнет на пути,

Даже с Родиной разлуку
Я смогу перенести.
Но пока мне светят травы,
По которым я брожу,
Святой Боже, Боже правый,
Об одном тебя прошу:
Дай же, Господи, мне силы,
Пережив молву и сглаз,
К женщине, что стала милой,
Возвращаться каждый раз.

Иван АКУЛОВ

* * *

Мать России — деревушка.
Город — названный отец.
В срубе Родины избушка —
Нижний основной венец.
Самый нужный, самый-самый,
Из небесных поясов,
С бабами и мужиками,
Посреди лесов, овсов.
Истекают деревушки
Ручейком степным в песке.
Церкви, церковки, церквушки
По Руси стоят в тоске...

* * *

В отцовском доме те же потолки,
Полы и окна, притолоки, двери.
Наверно, с лёгкой мастерил руки,
Не забывая мерных дел и веры.
В углу — сундук,
шкаф на стене,
скамья,
Ещё одна, чтоб не теснились дети,
Когда за стол усядется семья
Поесть еды крестьянской на рассвете.
Прошло полвека.
Нет давно отца
И матери...
И разлетелись дети...

А дом стоит, не потеряв лица
И избежав необратимой смерти.
Другой хозяин в нём теперь живёт.
Он молодой и без креста на вые.
Колышется его большой живот,
Когда увидит тучи грозовые.

Мария ЗНОБИЩЕВА

НА КРЫЛЕЧКЕ

Посидеть на крылечке, как будто мне десять лет,
Посидеть на крылечке, как будто не умер дед
И в глазах его карих древний огонь горит:
«Ох, и жалко тебя...» — А дальше — не говорит.

«Вот дострою забор, а потом ещё пять годков —
От ворот буду палкой гнать твоих женихов.
Ну а если какой и глянется, станет мил,
Ты смотри на одно: чтоб он работающий был».

Всё-то дедушка знает. А вечер нетороплив,
И луна над домом сочней, чем белый налив,
Часовая стрелка плоским гребёт веслом,
Пока мы на крыльце, под крылышком, под крылом...

У СТАРОЙ КОЛОКОЛЬНИ

Живая жизнь везде пускает корни.
Весенний свет согрел лесную хмарь.
Акация цветёт на колокольне,
Тяжёлый шмель гудит, как пономарь.

О красоте былой не беспокоясь,
Не тяготясь ни горем, ни виной,
Она стоит, разбитая по пояс,
У кладбища — вратами в мир иной.

Минувших дней безвестные герои,
Святые и грешившие постом, —
Там те лежат, кто эти стены строил,
А рядом — те, кто рушил их потом.

И ясно: умиранье неизбежно.
Куда бежать, когда приют — готов?
И я в свой час хочу вот так же нежно
Растаять среди сосен и цветов.

Александра НИКОЛАЕВА

* * *

На девственном снегу — на белом одеяле
Лишь пепел деревень, истерзанных огнём,
И кости мужиков, которые желали
Великой правды здесь, в Отечестве своём.

Не правда их ждала, а горькая расплата,
Карательный поход, ордынская резня
И девять грамм свинца из трёхлинейки брата —
Врагов страшнее нет, чем кровная родня.

Мучителен и так удушлив запах гари.
Скелетов избяных где отыскать предел?
И, кажется, дотла в Антоновском пожаре
Патриархальный мир крестьянства догорел.

Богатый чернозём окаменел от боли,
Кровавый пар идёт с прогалин к небесам.
Как в раненой земле на Бородинском поле
Здесь больше не расти ни злакам, ни цветам.

Над речкой наклонив натруженную шею,
Надрывно конь заржёт у мертвенной воды...
Куда ни посмотри, тамбовская Вандея
На годы, на века оставила следы.

ВИНИКЛЯЙ

Растёт непобедимый Иван-чай
Сквозь крыши и оконные проёмы.
От брошенной деревни Виникляй
Осталось только фото из альбома.

Чернеют полусгнившие дома
В садах, заполонённых бузиною.
Не от зерна распухли закрома
В амбарах за разрушенной стеною.

Почти неузнаваемы черты
Иной деревни, тучной и счастливой.
Не стрижены малинника кусты,
И руки жалит горькая крапива.

Где слышны были детский смех и гам,
Безмолвие кладбищенской гробницы,
Приют никем не позванным гостям —
Приблудным лисам и голодным птицам.

На улице заросшей каждый дом —
Печальное свидетельство о смерти
Эпохи целой на пути людском,
Но звука лишь в космическом концерте.

* * *

Когда весна ушла на карантин,
Земля и небо потеряли краски.
На улицу в соседний магазин
Нельзя прийти без медицинской маски.

Здороваться за руку, обнимать —
Движения, запретные для тела,
А для души мучительным пределом
Недавно стали кресло и кровать.

В предвидении Страшного суда
Закрыла эпидемия границы.
В Европе опустели города,
И вслед за ними — русская столица.

Что делать? В Интернете на дому
Забиться? С другом убежать на дачу?
(Хороший способ одолеть чуму
В «Декамероне» завещал Бокаччо.)

В моём Тамбове не читают СМИ:
Кому нужны пугливые статейки?
Гуляют в парке бабушки с детьми,
Целуются подростки на скамейке.

И я сама у мостика над Цной
С природою назначила свиданье...
Такое безрассудство лишь весной
Имеет право на существованье.

ПРЕКРАСНОДУШНЫЙ ДИКТАТОР

Вызванные 260 лет назад (в 1861 году) отменой крепостного права изменения, вылились в итоге, как это не покажется странным, в волну терроризма, направленного против самого Царя-Освободителя. Важную охранительную роль на этом этапе играли, как бы теперь сказали, силовики и прежде всего министры внутренних дел. Одним из них стал генерал-адъютант Михаил Тариэлович Лорис-Меликов — этнический армянин, родившийся в Грузии и всю жизнь служивший России. Вполне, между прочим, типичная история для «тюрьмы народов», как величали наше Отечество его враги.

Покоритель Кавказа

Родился он в Тбилиси в октябре 1825 года в дворянской семье, с XVI века владевшей правами на город Лори и одноимённую область. В 11 лет отпрыска древнего и знатного рода определили в Лазаревский институт восточных языков (позже Институт востоковедения), построенный московской армянской диаспорой как раз для этих целей. Однако, спустя 5 лет,

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

проявившего неукротимый характер горячего юношу, отчислили за мелкое хулиганство. После этого ему оставалась прямая дорога в армию, что он и сделал, поступив в 1841 году в привилегированную школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (позже Николаевское кавалерийское училище) в Петербурге. В столице он близко сошёлся и даже одно время жил на квартире вместе с тогда ещё мало кому известным Николаем Некрасовым. Их объединила не столько любовь к поэзии, сколько к запрещённому вольнодумству, которым почти поголовно увлекалась тогда молодая элита, «сливки общества» и... будущее России.

В августе 1843 года новоиспеченный корнет получил назначение в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, дислоцированный в Польше, прослужив там 4 года. В то время шла затяжная Кавказская война, где лилась кровь, совершались подвиги, за которые давались чины и награды — удел и мечта всех молодых офицеров того времени. Корнет, тяготясь гарнизонной службой в тихой тогда Польше, владея языками горцев и хорошо зная их обычаи, подал рапорт о переводе. Начальство пошло навстречу, и с 1847 года поручик Лорис-Меликов откомандирован в распоряжение главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя Михаила Семёновича Воронцова. Здесь он находит себя и, отдавшись в руки дикой стихии, проявляет лихость, храбрость и молодечество, участвуя в постоянных стычках: боях и операциях с горцами в Чечне и Дагестане в т.ч. против Шамиля и Хаджи-Мурата. Не обходят его чины и награды: штаб-ротмистр, ротмистр, орден св. Анны 4-й степени, золотая сабля с надписью «За храбрость», орден св. Анны 3-й степени с бантом.

С началом Крымской войны (1854—1856 гг.) немирные горцы активизировали свои действия, осуществляя набеги на прикордонные мирные аулы и казачьи станицы, в ответ на что командованием Кавказского корпуса был сформирован отряд под начальством будущего покорителя Шамиля — князя Александра Ивановича Барятинского, куда получил назначение и наш герой. Позже его перевели на турецкую границу для непосредственного участия в войне с турками, где он снова блестяще проявил себя. То командуя отрядом охотников — добровольцев из числа местного населения (по сути, разведчиков-диверсантов), то действуя в авангарде против вражеской кавалерии в ряде сражений. Пиком его военной карьеры в этой войне стало участие в штурме и взятии крепости Карс, комендантом которой и начальником прилегающей области он и был назначен. По итогам кампании он

получил чин полковника и был награжден второй золотой саблей с надписью «За храбрость», орденами св. Владимира 4-й (с бантом), и 3-й степеней.

С окончанием войны Лорис-Меликов оставлен на Кавказе, ему поручаются разовые ответственные, в т.ч. дипломатические поручения и назначения на военно-административные должности в Абхазии и Южном Дагестане, где он получает генеральский чин. В 1863 году он занимает должность начальника беспокойной Терской области, одновременно становясь наказным атаманом Терского казачьего войска с присвоением чина генерал-лейтенанта. После пленения Шамиля (1859 г.) самое время заняться умиротворения Северного Кавказа, и граф Лорис реализует на практике много лет складывающийся в его голове план приведения новообращенных поданных Русской короны в соответствие с проводимыми в этой время в России либеральными реформами Александра II. Освобождает горцев от феодальной зависимости местных князьков, открывает целую сеть школ и училищ, повсеместно внедряет общероссийскую судебную систему, призванную заменить кадиев, шариатские суды и адатные правила, вместе с тем вводя налоги и подати.

Не попал в «чёрный список»

К 60-ти годам основательно подорвав здоровье, он просится в отставку и, получив ее, вместе с чином генерал-адъютанта убывает на лечение за границу. Однако скоро начавшаяся очередная война с Османской империей за освобождение братских балканских народов (1877—1878 гг.) потребовала его возвращения на Кавказ, где он возглавил специально сформированный армейский корпус. В этой должности он добился значимых побед, взяв крепости Ардоган, Карс (второй раз!) и пленив до 25 000 солдат и офицеров противника. Удивительным было и то, что, ведя весьма затратную для бюджета войну, ему удавалось сэкономить государственные деньги, воюя фактически в кредит. Это стало возможным, благодаря его высочайшему авторитету и поддержке среди местного населения (в основном единоплеменников — армян). Окончание на сей раз успешной войны принесло её подлинному герою не только два ордена святого Георгия (2-й и 3-й степени), но и графский титул.

Однако почивать на лаврах ему не пришлось. В 1879 году в Астраханской губернии вспыхивает эпидемия чумы и графа Лорис-Меликова, назначив временным губернатором Нижнего Поволжья, направляют на борьбу теперь уже с чёрной

смертью, выделив для этого из казны неслыханную сумму — до 4-х миллионов рублей (вот тебе и «проклятый царизм!»). Учитывая, что меры начали предпринимать ещё до его назначения на пост, Лорису удалось быстро локализовать очаг заболевания, сэкономив при этом львиную долю государственных средств. За свои труды на этой ниве он был награжден орденом св. Александра Невского и уже прочно попал в орбиту внимания Государя Императора.

К этому времени в Империи пышным цветом расцвел политический терроризм «народовольчества» — леворадикальной революционной организации. Его жертвами стали не только простые полицейские, солдаты и офицеры, но губернаторы, министры и даже сам шеф жандармов — Николай Мезенцов. Было организовано несколько безуспешных покушений на самого Царя! Тем временем Михаил Тариэлович получает назначение в одну из беспокойных губерний — Харьковскую, где перед ним был убит губернатор, князь Дмитрий Кропоткин.

Лорис действовал как всегда решительно, нагнав страх на немногочисленных в Харькове «народников». И тут в его, казалось, непробиваемом, закалённом характере сурового воина стала проявляться «слабинка» в виде желания популизма. Он старался понравиться т.н. общественности, для чего привлекал на свою сторону набиравшую силу прессу, откровенно заигрывая с журналистами, ища знакомства с редакторами. В итоге ему удалось снизить накал революционных страстей в Харькове, завоевав не только популярность у общественного мнения и газетчиков, которые расхваливали его на все лады, но доверие у читавшего прессу венценосца. Удивительно, но даже беспощадные террористы из «Народной воли» не стали включать его в свой «чёрный список», поддавшись влиянию «пятой власти».

В плену обольщений

А тем временем в феврале 1880 года в Зимнем дворце был совершён очередной теракт народовольцев — прогремел взрыв в царской столовой, где только по счастливой случайности не оказалось августейшей семьи! Это вызвало настоящую панику не только в столице, но и отдалось гулким эхом по всей огромной Империи. Не на шутку перепуганный Александр II создает чрезвычайный орган — Верховную распорядительную Комиссию по охране государственного порядка и на роль её председателя назначает графа Лорис-Меликова, наделив его практически диктаторскими полномочиями. Ему

были подчинены в том числе МВД, полиция и III Отделение Канцелярии Его Величества (аналог ФСО-ФСБ). Одним из первых его шагов стала ликвидация последней как «проморгавшей» теракт в Зимнем. Царём тем временем рассматривался вопрос о возвращении прежде бывшего Министерства полиции, а в либеральных газетах развернулась дискуссия о переподчинении полиции органам земского и городского самоуправления.

Диктатором Лорис был оригинальным. Считая, что опасность исходит от горстки отщепенцев, которых надо просто переловить и перевешать (типичная ошибка многих «силовиков» того времени), он был противником повсеместного «закручивания гаек», чем сразу вызвал восторг в кругу свободолюбивых либералов и прессы — т.н. «общественного мнения», на которое он ориентировался. Под гул их одобрения, им было поручено пересмотреть дела III Отделения по осужденным и подвергнувшимся административной высылке по политическим мотивам лиц. В результате несколько сотен ссыльных (в основном представителей либеральной интеллигенции и студенчества) были с триумфом возвращены в города проживания, где тут же включились в процесс «брожения умов», став для кого-то героями, несправедливо пострадавшими «за правду».

Пресса возносила его до небес, назвав проводимые им меры «диктатурой сердца», что льстило «старому солдату», возмнившему себя спасителем Отечества ещё и от врага внутреннего. В своих экспериментах по борьбе с революционной крамоллой он пошел ещё дальше, начав отменять цензуру на печать, надеясь этим ещё больше привлечь на свою сторону и сторону Правительства общественность. Он был сторонником теории, что пресса в России (в отличие от Европы) не просто отражает общественное мнение, но и формирует его, с чем трудно поспорить. Начинают выходить не только прежде запрещенные издания с революционным «душком», но и новые, либерального толка: например, газета с характерным названием «Гласность». В ней осторожно критиковался радикальный, «революционный социализм» и оправдывался социализм вполне научный, способствующий всеобщему прогрессу, на который, как на идола, молилась тогда т.н. «передовая общественность». Чем это закончилось, мы сегодня знаем точно, но тогда это читалось смело и звучало вызывающе-альтернативно.

Не убедило незадачливого диктатора в ошибочности выбранного им пути и покушения на него в феврале 1880 года террориста Молодецкого, который был признан сумасшед-

---

шим одиночкой и казнён. Всего же за 16 месяцев пребывания Лориса во главе Комиссии, в России прошло 32 политических судебных процесса, и было вынесено 18 смертных приговоров. Этого казалось ему достаточно, ведь, по его мнению, революционное подполье уже дезорганизовано и одновременно... очаровано его гениальными мерами. Он был фанатично увлечён своими прожектами по переустройству России (считая, что знает её). Входя всё больше в доверие к Царю-реформатору, он пошёл ещё дальше, предложив государю комплекс мер по дальнейшей либерализации общества, получивших у историков название «Конституция Лорис-Меликова», которую самодержец намеривался принять, соглашаясь, что подобные акты умиротворят жаждущих крови террористов и успокоят общество (ситуация повторилась в 1917 году с обратным результатом). Наконец, в августе 1880-го он сумел убедить Александра II, что режим ЧП следует снять, поскольку приятых им мер достаточно — так хотелось ему поскорее стать миротворцем и искупаться в лучах славы!

В том же месяце Царь назначает его на пост реорганизованного МВД, куда вошёл Департамент государственной полиции с влитыми в него бывшими сотрудниками III Отделения. Тогда же появилось в ведомстве и новое подразделение — Судебный отдел. Следующим его шагом было сокращение Центрального аппарата министерства — ещё один популистский ход, поддержанный газетами. А нового министра всё несло дальше — на газетные просторы. С его подачи в прессе развернулась дискуссия, «какой быть полиции будущего», а лично им предложено: «...привести полицию к единообразию и поставить в гармонию с новыми учреждениями, чтобы в ней не было больше возможности проявляться разным уклонам от закона, существующим доселе»...

Но все благие намерения министра по дальнейшей либерализации жизни и облагораживанию полиции разбились о страшный факт — убийство Царя, которое произошло 240 лет назад — 1 марта 1881 года за день до подписания им «меликовской» конституции, дарующий народу очередную порцию свобод. Такова гримаса истории. Царь-Освободитель пал жертвой своих подданных при благодущии должностных лиц и умилении околдованного реформами т.н. общественного мнения. В защиту нашего героя следует сказать, что он не советовал Александру II в эти дни появляться на улице, но Царь больше доверял другим словам любимого министра.

Мария ТОБОЛОВА,
кандидат филологических наук

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ТРОНА

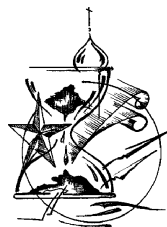
Я имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи — в руках Господа, Который поставил меня на то место, где я нахожусь; что бы ни случилось, я склонюсь перед Его волей.

Император Николай II

С каждым годом растёт интерес русских людей к личности нашего последнего Императора-страстотерпца Николая II. В частности, люди интересуются вопросом: было ли отречение Государя от власти в пользу брата Михаила или же не было? И если оно было, то было ли добровольным? Давайте разбираться.

Сторонники того мнения, что отречения не было, считают, что существующий «Манифест об отречении Императора Николая II» — фальшивка. Действительно, многие ученые-историки доказывают, что дошедший до нас документ об отречении вызывает ряд вопросов: почему он был не на фирменном бланке Российской Империи, почему подпись Царя сделана карандашом и т.д.

Но отречение все-таки было. Многие современники святого Императора-мученика

УРОКИ ИСТОРИИ

упрекали его, что он без должной борьбы отказался от трона, но они не учитывали всех обстоятельств, при которых произошло отречение. Что же побудило Государя решиться на такой важный шаг?

К моменту начала Февральской революции практически во всех высших слоях российского общества, а в наибольшей степени в русской интеллигенции, сложился пагубный настрой, который выражался в стремлении к обличению, к разрушению существующего строя во имя некой великой идеи, которую никто толком не смог сформулировать. Это духовное томление хорошо выразил еще М.Е. Салтыков-Щедрин: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то осетринки с хреном». Со всех сторон шло расшатывание Трона. В продажной прессе в ход была пушена отвратительная клевета, направленная против Царя-мученика и Царицы. Распространению клеветы способствовали и завсегдатаи великосветских салонов, которые затаили обиду за якобы недостаточные к ним милости и внимание со стороны Императора и Императрицы. Даже члены Династии стояли в оппозиции Монарху. Например, Великий Князь Николай Николаевич, дядя Императора, был обижен тем, что Государь сместил его с должности Верховного главнокомандующего, сам заняв этот пост. Во время Мировой войны немецкие самолеты сбрасывали над позициями русских войск листовки, в которых говорилось о якобы любовной связи Императрицы с пьяным, неграмотным мужиком Григорием Распутиным. Императрице Александре Федоровне молва приписывала шпионаж в пользу Германии, хотя по воспитанию внучка королевы Виктории была скорее англичанкой, нежели немкой. Еще до февральских событий среди оппозиционеров существовал план заключить Императрицу в монастырь, а Николая II отправить в Крым. Во время труднейших месяцев Мировой войны всё русское общество с безответственными депутатами Государственной Думы прилагало усилия к тому, чтобы опорочить Государя, — и злобная молва хлынула в армию и народ.

В стране давно зрел заговор, который гнезвился в либерально-оппозиционных кругах и революционных кружках с поддерживающими их политико-финансовыми кругами Запада. Даже в ближайшем окружении Царя были предатели. Но заговор не мог рассчитывать на успех, если бы генералы Ставки оставались верными присяге. Заговор военных сразу парализовал все действия Государя.

Российская Империя была богатейшей, цветущей страной, являя собой чудо небывало мощного подъема во всех

сферах, устойчивого роста уровня жизни населения. Страна занимала 5-е место в мире по уровню жизни (сегодня наше место — между 60-м и 90-м). К 1917 году германских агрессоров остановили на дальних рубежах, а Российская армия была подготовлена для успешного наступления совместно с союзниками в апреле 1917 года. Экономика страны была переведена на военные рельсы. Страна находилась на пороге победы и превращения в самую мощную военно-экономическую державу в мире.

К началу революции в феврале 1917 года в Петрограде было изобилие продовольствия, в стране даже карточек не было. В течение нескольких дней (с 18 по 21 февраля) был лишь дефицит черного хлеба. Женщины, стоявшие в очередях за хлебом, начали громить пекарни. «Хотим хлеба!» — скандировала толпа. Генерал С.С. Хабалов, командующий войсками Петроградского округа вопреки повелению Государя отказался подавить бабий хлебный бунт. Вскоре провокаторы стали присоединять лозунг «Долой монархию!» С заведомого благословения Государственной Думы на улицу вышли рабочие некоторых заводов. Правительство растерялось и не приняло достаточных мер к охране Петербурга и Москвы от возможного революционного выступления. Охранять столицу осталась одна полиция. Столичный гарнизон перешел на сторону восставших: распропагандированные новобранцы, не желавшие идти в окопы, подняли восстание. Народ в столице превратился в ту самую толпу, которая кричала: «Распни, распни Его!»

1 марта 1917 года восставшие объявили о создании Временного правительства, которое должно было взять на себя управление страной. Одновременно с формированием Комитета Государственной Думы и Временного правительства началось формирование Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Произошел государственный переворот, который в условиях войны является изменой своей собственной стране. Этот переворот стал причиной крушения тысячелетней, великой православной России.

В марте 1917 года отстранение Государя от Престола было принято с общим восторгом. Обыватели думали, что скоро придет конец войне и начнется новая, светлая жизнь без горести и печали. Вместо этого в России произошел *русский бунт, бессмысленный и беспощадный*, который победил, и началась красная смута.

Еще в середине января 1917 года Государь, понимая необходимость поддержания порядка в столице в военное время, приказал начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексее-

---

ву вызвать в Петроград с фронта 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Приказ не был выполнен. Масон Алексеев был участником заговора против Царя, одним из главных действующих лиц, вынудивших Царя отречься от престола. Больше всего он думал о собственной карьере, считая, что в случае прихода к власти Великого Князя Николая Николаевича он станет Верховным главнокомандующим армией, которая стояла на пороге победы.

22 февраля Государь выехал в Ставку по телеграфной просьбе генерала Алексеева, не зная, в чём именно заключается спешное дело, требующее его присутствия. По существу генерал Алексеев обманом выманил Царя в Ставку. 22 февраля императорский поезд вышел из Царского Села и 23 февраля прибыл в Могилев.

23 февраля, сразу же после отъезда Государя, в столице начались беспорядки, перешедшие в столкновение с войсками. По роковой случайности в тот же день заболели все дети Государя, кроме Марии, корью в тяжелой форме.

25 февраля, то есть с опозданием на два дня, в Ставке стало известно о начале беспорядков в столице. Государь не получил правдивой информации о событиях в Петрограде. От генерала С.С. Хабалова, командующего войсками Петроградского военного округа, от А.Д. Протопопова, министра внутренних дел, и председателя Государственной Думы М.В. Родзянко поступали самые противоречивые сообщения. Прочитав телеграмму от С.С. Хабалова, Император приказал ему пресечь беспорядки военной силой: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ» В тот же день Царь издал указ правительствующему Сенату о роспуске Государственной Думы.

26 февраля из Петрограда М.В. Родзянко начал оказывать давление на Государя. Он просил «безотлагательно призвать лицо, которому может верить вся страна, и поручить ему составить правительство». В тот же день в столице для разгона демонстрации войска применили огнестрельное оружие, в результате чего появились убитые и раненые.

27 февраля, рано утром, началось вооруженное восстание части Петроградского гарнизона. Солдаты приняли решение не стрелять в демонстрантов и присоединиться к рабочим. В 8 часов утра Государь, узнав о военном бунте, для восстановления порядка в столице отправил в Петроград единственную находящуюся в его распоряжении личную охрану — Георгиевский батальон под командованием генерал-адъютанта Н.И. Иванова, назначив его Главнокомандующим Петрог-

---

радским военным округом с полномочиями диктатора. Однако эшелон генерала Н.И. Иванова отправился из Могилева лишь в час дня 28 февраля, через 17 часов после того, как Государь отдал свое распоряжение. Одновременно с назначением генерала Иванова Царь распорядился, чтобы с трех фронтов было отправлено в Петроград для подавления смуты по две кавалерийских дивизии и по два пехотных полка. Однако из-за действий генералов-изменников, в первую очередь Алексеева и А.С.Лукомского, в Петроград эти полки отправлены не были.

27 февраля по городу начались убийства полицейских и городских, грабежи и мародёрства. В течение всего дня растерявшееся от всего происходящего правительство не предпринимало никаких действий для урегулирования ситуации. «Государь окружен или глупцами, или прохвостами», — сказал как-то А.С. Суворин, издатель правой газеты «Новое время». В результате бездарности столичной власти почти весь город оказался в руках бастующих. В тот же день был создан Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, а Временный комитет Госдумы объявил, что берет власть в свои руки, выпадавшую из рук правительства. Как позднее писал П.Н. Милюков, «вмешательство Государственной Думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии».

27 февраля, поздно вечером, Император Николай II получил телеграмму от председателя Совета министров князя Н.Д. Голицына, в которой говорилось, что уличные беспорядки «сегодня приняли характер военного мятежа». Князь умолял Государя отправить в отставку правительство, назначив главой нового правительства лицо, «пользующееся доверием в стране». Однако Государь считал недопустимым всякие перемены в условиях военного времени. Тем временем царско-сельский гарнизон перешел на сторону революции, а отряд генерала Иванова не был пропущен к восставшему Петрограду: генерал Алексеев и командующими фронтами не прислали войска ему на помощь.

28 февраля, рано утром, Государь вслед за Ивановым отбыл из Ставки, находившейся в Могилеве, по направлению к Петрограду, чтобы лично принять меры к прекращению начавшегося развала и анархии. Весь тот день он пробыл в пути. В ночь с 28 февраля на 1 марта в 150 км от Петрограда царские поезда были остановлены, оказавшись под полным контролем железнодорожников, перешедших на сторону революционного правительства. Длительная задержка отправ-

---

ки генерала Иванова привела к тому, что Император оказался в пути без всякой воинской поддержки и отрезанным от внешнего мира. После неудачной попытки пробиться в Царское Село Государь решил ехать в Псков, где находился штаб командующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского, куда он прибыл вечером 1 марта. В тот же вечер Государь имел продолжительный разговор с генералом Рузским, который сразу в резкой форме стал настаивать на немедленном создании Ответственного министерства, то есть правительства, подотчетного Думе. Царю предлагалось передать власть неопытным лицам, а вся ответственность за их действия ложилась бы на плечи Царя. Государь не верил, что его противники совладают с положением, а потому до последней минуты старался удержать власть в своих руках. Царь возражал Рузскому, что он считает себя не вправе передать всё дело «управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред Родине, а завтра умоют руки, подав с Кабинетом в отставку».

После полутора часов тяжелого разговора Николай II, лишенный реальных рычагов власти, согласился поручить Родзянко составить Ответственное министерство. Генерал А.И. Спиридович писал об этом в своих воспоминаниях: «В тот вечер Государь был побежден. Рузский сломил измученного, издёрганного морально Государя, не находившего в те дни около себя серьезной поддержки. Государь сдал морально. Он уступил силе, напористости, грубости, дошедшей один момент до топания ногами и до стучания рукою по столу. Об этой грубости Государь говорил с горечью позже своей Августейшей матушке и не мог забыть ее даже в Tobольске».

Когда Н.В. Рузский передал по телеграфу проект манифеста об Ответственном министерстве, то Родзянко заявил, что этого уже недостаточно: «Грозное требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становится определенным требованием», — сказал он по телефону Алексееву. Тогда же генерал Лукомский написал генералу Рузскому, что, по его глубокому убеждению, «выбора нет, и отречение должно состояться». Заговорщики шантажировали Царя судьбой его Семьи, которая могла погибнуть в случае его упорства, так как Семья якобы находится под контролем восставших.

Наступил роковой день 2/15 марта. Ночью генерал Рузский распорядился прекратить отправку в Петроград верных присяге войск для подавления мятежа. Такой же приказ был отдан из Ставки генералом Алексеевым. Узнав, что царский поезд задержан в Пскове, Императрица писала Его Величе-

---

ству: «А ты один, не имея за собой армии, пойманный, какмышь в западню, что ты можешь сделать?» По существу в Пскове Царь был уже арестован.

В 10 утра Алексеев разослал телеграммы всем командующим фронтами по поводу необходимости отречения, причем в этих запросах подсказывался и ответ: «Обстановка, по видимому, не допускает иного решения». К 2 часам 30 мин. были получены ответы: высшие начальники действующей армии просили Государя отречься от Престола «ради блага Родины», «спасения России» и «победы над внешним врагом». Все они изменили воинской чести и долгу присяги. Особенно тяжелое впечатление произвела на Государя телеграмма его дяди, Великого Князя Николая Николаевича, который «коленипреклоненно» умолял Государя отречься от Престола. Государь понял, что генералы от него отвернулись. Что оставалось делать Государю? Не мог он один идти против всех, ибо никто не остался верен ему: даже Собственный Конвой изменил ему. Даже генерал Н. И. Иванов, на которого Николай II рассчитывал и которому безгранично верил, и тот отрекся от своего Государя, уведя войска из Царского Села. Даже двоюродный брат Государя Великий Князь Кирилл Владимирович с красным бантом на груди привел 1 марта Гвардейский экипаж в распоряжение Государственной Думы. *«Все сошлись с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного»* (Рим. 3: 11-12).

Ознакомившись с содержанием телеграмм, Император в 3 часа решил подписать отречение от российского Престола в пользу своего сына при регентстве брата — Великого Князя Михаила Александровича. Свидетель этой сцены министр Двора граф Фредерикс позже в разговоре с М. Э. Крейнмихель вспоминал, что в минуту колебания Царя Рузский «вскочил и, положив руку на кобуру с пистолетом, нервно закричал: «Подпишите, подпишите же! Разве Вы не видите, что Вам ничего другого не остаётся?! Если Вы не подпишете, я не могу ручаться за Вашу жизнь!» В тобольской ссылке Царь говорил близким людям: «Бог не оставляет меня, Он даёт мне силы простить всех моих врагов и мучителей, но я не могу победить себя еще в одном: генерал-адъютанта Рузского я простить не могу».

2 марта 1917 года Николай Александрович послал телеграмму председателю Государственной Думы М. В. Родзянке о своем согласии на отречение. «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и спасения России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына при регентстве брата моего Михаила», — телеграфировал

Император Николай II Родзянке. Однако после разговора с лечащим врачом Наследника, который подтвердил, что болезнь Алексея неизлечима, Император изменил решение, передав Престол брату Михаилу Александровичу. В тот же день был готов проект Манифеста об отречении, подготовленный в Ставке по приказу и под редакцией генерала Алексева.

Вечером, в 20 часов, в Псков из Петрограда прибыли принимать отречение министр Временного правительства А.И. Гучков и член Государственной Думы В.В. Шульгин. Государь заявил им, что *«...во имя блага и спасения России я был готов отречься от престола в пользу своего сына. Но... пришел к заключению, что ввиду его болезненности мне следует отречься одновременно и за себя и за него»* в пользу брата. Государь передал им подписанный и переделанный Манифест. Приехавшим Гучкову и Шульгину Государь задал вопрос: справятся ли они? Не задумываясь, они ответили: «Справимся». Как они «справились», знает весь мир и свидетельствует история: возгласив революцию, Государственная Дума не только не сумела удержаться у власти, но и... самоупразднилась. Император, подписывая документ об отречении, стремился избежать худшего: гражданской войны во время внешней войны с немецкими агрессорами.

Шульгин, чтобы не создавалось впечатление, что отречение вызвано силой, просил Царя датировать документы 3 часами дня, ибо двумя часами ранее были датированы незаконные указы о назначении Верховным главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича, а председателем Совета министров князя Г.В. Львова. Посредством этих документов делегаты от Думы рассчитывали создать видимость преемственной военной и гражданской власти.

Святой Государь записал в своем дневнике: «Нужно мое отречение... Суть та, что во имя спасения России, удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился... В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!» По словам историка С.С. Ольденбурга, «при той позиции, которой держались ген. Рузский и ген. Алексеев, возможность сопротивления исключалась: приказы Государя не передавались, телеграммы верноподданных не сообщались».

2 марта генерал Л.Г. Корнилов, приняв от Временного правительства должность Главнокомандующего Петроградским военным округом, вместо того, чтобы организовать меры по подавлению бунта, арестовал святую Императрицу Александру Федоровну и ее детей и затем держал их под стражей в Царскосельском дворце.

---

3 марта Государь вернулся в Могилев и в последующие дни был занят отданием последних распоряжений. В тот же день после переговоров с членами Временного комитета Государя Великий Князь Михаил выступил с заявлением, в котором говорилось, он возьмет власть только по воле народа, выраженной Учредительным собранием, а пока просил всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству. Ознакомившись с текстом акта, Царь записал в своем дневнике: «И кто только подсказал Мише такую гадость?»

По свидетельству генерала Д.Н. Дубенского, сопровождавшего Николая II в составе свиты, перед отправлением из Могилева в Царское Село Государь был арестован в Ставке. Арест был произведен по требованию прибывших членов Государственной Думы и был передан Государю Алексеевым, правда, в смягченной форме: «Ваше Величество должны себя считать как бы арестованным». Государь ничего не ответил, побледнел и отвернулся от начальника штаба». 9 марта 1917 года в 11.30 Император Николай II прибыл в Царское Село уже как «полковник Романов».

Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства признала все обвинения против Царя и Царицы необоснованными.

Итак, отречение не было добровольным. Это было подлое, насильственное отстранение от власти Императора и Верховного главнокомандующего Русской армии в результате изменнического заговора. Царя вынудили подписать отречение, следовательно, отречение было незаконным и не добровольным! Вина в случившемся лежит на тех, кто требовал и настаивал на отречении. Кровь Царственных Страстотерпцев лежит на совести не только большевиков, но и генералов, предавших своего Царя. Произошло событие огромной важности, быть может, самое значительное во всей тысячелетней истории России: отречение Помазанника Божия, Царя, Самодержца святой Руси. Но от царского миропомазания отречься невозможно, его нельзя отменить и в мистическом и юридическом смысле он оставался русским Царем и погиб как Царь.

Свержение законного Царя Николая II в результате заговора небольшой группы лиц стало толчком последующих событий. Отречение Государя не только не успокоило народные массы, но, напротив, усугубило ситуацию в стране. Учредительное Собрание, которому Великий Князь Михаил Александрович предоставил право решить вопрос о форме правления в России, большевики разогнали. Временное пра-

---

вительство после бесславного существования было упразднено. Фронт развалился, и началось скатывание Российской Империи к поражению в Мировой войне, которое закончилось подписанием позорного Брест-Литовского мирного договора. Начался внутренний развал, Гражданская война и красный террор, коллективизация и голодомор, ГУЛАГ и большой террор. Небогоугодное дело, произошедшее 2 марта 1917 года, было направлено против России, русского народа и его будущего. Иудин грех Россия искупила ценой крови миллионов своих граждан.

P.S. *«Не прикасайтесь помазанным Моим»* (Пс. 104: 15) — сказал Господь, предостерегая дерзающих посягать на власть богопоставленных правителей. Господь покарал отступников. Генерал Николай Рузский, который хвастался, что «убедил Царя отречься от престола», в сентябре 1918 года в Пятигорске был взят чекистами в качестве заложника вместе с другими «бывшими». Воздаяние настигло Иуду, запятнавшему свое имя изменой Царю. 1 ноября того же года группой из 59 заложников в одном белье со связанными проволокой руками повели на бойню. Генерал, столь храбрый перед Царем, находившимся в полной его власти, был безропотен перед красными палачами, которые зарубили его кинжалами. «Имя Рузский будет во всем мире символом измены русских генералов, русских дворян, русских солдат и всех слоев русского народа своему Императору» (Р.А. Штакельберг, церемонимейстер Двора).

31 марта 1918 года шальной большевистский снаряд оборвал жизнь Л.Г. Корнилова. Генерал Алексеев умер 8-го октября 1918 года на Дону от воспаления легких, где он принимал меры по организации вооруженного сопротивления большевикам и создания Добровольческой армии.

Премьер-министр Временного правительства князь Львов, посветовавший в свое время Великому Князю Михаилу Александровичу Романову не принимать власть, оказался в большевистской тюрьме Екатеринбурга, из которой, однако, был вскоре выпущен за свои «заслуги» перед революцией. В своих воспоминаниях, написанных в Париже, он писал, что в тюрьме он был поваром и особенно отличался своими кулинарными способностями.

Генералу С.С. Хабалову, М.В. Родзянко, Великим Князьям Николаю Николаевичу и Кириллу Владимировичу удалось бежать из охваченной Гражданской войной России. Они умерли в эмиграции в разные годы.

ПРИВАТИЗАЦИЯ РОССИИ

30 лет минуло с тех пор, как состоялся Всесоюзный референдум, на котором три четверти «дорогих россиян» высказались за сохранение СССР — исторической России. Последовавший за тем антиконституционный переворот был «легализован» принятием ельцинской конституции, и все, его совершившие, остались не только на свободе, но и при постах. Одновременно на референдуме 70% проголосовали за введение поста президента СССР, которому удалось стать первым и последним.

Почему российское общество смирилось с антиконституционным переворотом, а именно так и только так можно оценить сам факт полного игнорирования итогов всенародного референдума политической элитой? Почему народ не восстал, а принял разрушение собственной державы? И это после того, как все отпраздновали тысячелетнюю годовщину крещения Руси, ставшей страной-цивилизацией, которая со временем взяла на себя миссию удерживающего, как первые христиане назвали мощное государство, способное противостоять силам вселенской тьмы. Почему граждане смирились с круше-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

нием государства, взявшего на себя роль сверхдержавы — одного из основных гарантов поддержания мира на планете? Это вопрос и сегодня мучит многие умы, и на него нет однозначного ответа.

То, что народ не бунтовал, но очень тяжело реагировал на предательство элиты, нетрудно понять: именно в это время в науке появляется понятие «русский крест», что означает невиданную демографическую катастрофу. Суть этого символа — креста — заключалась в пересечении двух линий: линии рождаемости, которая стала неуклонно падать, и невиданного, противоестественного роста смертности, линия которой перпендикулярно пресекала линию рождаемости. В те годы я работал с группой выдающихся ученых над программой социально-экологического мониторинга, авторы которой позже были удостоены за эти исследования Государственной премии (Премия Правительства РФ 2007 г.). В рамках программы проводился фундаментальный демографический анализ реальной ситуации в стране (многоотомный труд), который показал по месяцам, что девятый вал смертности, во-первых, был цикличен и строго привязан к датам политических решений, которые опускали страну на дно, и, во вторых, накрывал собой людей выборочно — в основном молодых мужчин. Все кладбища этих лет напоминают фронтовые погосты... Статистика тогда напоминала военные сводки — уходили миллионы людей в расцвете сил, у которых отняли будущее. За 10 лет население России уменьшилось почти на 9 млн. человек, причем депопуляция затронула практически всю Россию.

Думаю, что удивительная пассивность людей отчасти связана с этой катастрофой — волной смертей — и имеет несколько причин. И одна из них заключается в том, что его совершили сами руководители социалистического государства — то есть люди, которые постоянно твердили о ценностях социализма и коммунизма и, наверное, сами верили в них. Это деморализовало большинство граждан, которые по инерции верили государству, которое худо-бедно, но сохраняло социальные гарантии. И люди полагали, что эти гарантии, как минимум, останутся за ними и ещё прирастут некими политическими свободами, представления о которых были крайне смутными и размытыми. Воистину, что имеем, не храним, потерявши плачем. А то, что эти новые свободы — это только так называемые негативные свободы, то есть свободы от государства и его опеки, от ответственности и норм элементарной морали — это оставалось за границей понимания и простых людей, и интеллектуальной элиты.

Даже Александр Зиновьев, который внес свой весомый вклад в полную дискредитацию социалистического государства, только тогда ужаснулся содеянному, когда воочию увидел, что представляет собой западнизм — так он называл насильственно навязанную России новую идеологию: «Будущи предназначена (по замыслу изобретателей) для поражения коммунизма, «бомба западнизации» в практическом применении оказалась неизмеримо мощнее: она разрушила могучее многовековое объединение людей, ещё недавно бывшее второй сверхдержавой планеты и претендовавшее на роль гегемона мировой истории, до самых его общечеловеческих основ, не имеющих отношения к коммунизму. Запад с помощью этого оружия одержал самую грандиозную в истории человечества победу, предопределившую, на мой взгляд, ход дальнейшей социальной эволюции на много веков вперед. В результате взрыва «бомбы западнизации» в России на скорую руку был сляпан социальный строй, который я называю постсоветизмом. Это — явление исторически новое, не имеющее аналогичных прецедентов в прошлом и складывающееся буквально на наших глазах».

Вторая причина молчаливого принятия великого предательства — полное отсутствие институтов самоуправления и гражданского общества в России. Люди многомиллионной страны не знали, что такое народные волнения, не было ни опыта, ни вожakov — подлинных лидеров общественного мнения. Не было ни социальных структур, ни сил и сложившихся политических движений, которые могли бы возглавить массы или хотя бы предложить обществу пару убедительных лозунгов. Их нет и сегодня.

На этом фоне «навалынята» выполняют очень важную деструктивную миссию, не отдавая себе в том отчета, — они создают видимость политического протеста, у которого нет ни целей, ни конструктивных идей, ни потенциальных союзников. Да и какие могут быть союзники, кроме провокаторов, у «крестового похода детей»? Именно так называли в начале 13-го века многотысячную «армию» детей и подростков, которую те же дельцы и провокаторы собрали во Франции и Германии, чтобы «невинные души», перед которыми «раступится море», освободили Иерусалим. Но море не раступилось, а детей перевезли в Алжир, где продали в рабство.

Третья причина — искусственно созданная ситуация хаоса, пустых лавок и хронических перебоев с продуктами первой необходимости, разрушение базовой социальной инфраструктуры. Я хорошо помню то чувство безысходности и степень отчаяния, охватившего людей, доведенных до край-

---

ности. В такой ситуации людям было не до конституционных прав. И расчет дельцов и провокаторов полностью оправдался: люди поверили, что витии их не предадут...

Вопрос же о том, почему великую страну предали и кто именно предал, и даже за сколько сребреников — это особая тема, которая уже давно не составляет государственной тайны. Мы знаем все имена, а руководство страны продолжает отмечать их юбилеи. Теперь все понимают, что большинство людей, которые находились у власти, были обыкновенными моральными уродами. Они сознательно продали Родину, когда за неё стали давать хорошую цену, а торговля была легализована властью. Это происходило на всех её уровнях и прежде всего в тех социальных группах, к которым должна была перейти власть. И она перешла вместе с прилипшей к жадным рукам общенародной собственностью, от которой никто из них не отказался. Все, кто был ближе к рычагам власти, те и стали приватизаторами России. Самые социальные низы стали крышевать Россию, войдя напрямую из преступных сообществ в политическую и бизнес-элиту. По ночам на политическом небосводе до сих пор иногда светят не звезды, а накладки...

Николай БОНДАРЕНКО

СОЗДАТЬ СВОЮ «ХУАВЭЙ»

С 2006 по 2020 год в российские инновационные Институты развития (ИР) бюджетом России вложен почти 1 трлн. рублей, но к успеху это, к сожалению, не привело. Доля инновационной продукции, произведенной в России, остается на уровне 10-летней давности — 6%, хотя должна была составить по итогам 2020 г. 25%.

По поручению президента правительство провело анализ деятельности ИР, признав ее требующей «существенной корректировки», то есть неэффективной. В связи с этим правительство РФ объявило о начале реформирования четырех де-

---

сятков институтов развития. Их ориентируют на достижение национальных целей развития, дублирующие функции сократят, часть структур ликвидируют, часть укрупнят. Целый ряд институтов, включая «Роснано» и фонд «Сколково», перейдет под управление Российской государственной корпорации развития «ВЭБ. РФ». Сохранены будут лишь «Росатом», «Роскосмос», «Ростех» и ряд других стратегически важных организаций.

При этом необходимо отметить, что, судя по успехам в разработке перспективного вооружения, новых видов авиационной, космической техники ВПК России в отличие от созданных либералами «гражданских» Институтов развития показывает традиционно высокую слаженность, результативность и эффективность. Учитывая участие нескольких НИИ Министерства обороны РФ в разработке самой эффективной и востребованной в мире вакцины против коронавируса Спутник V, не существует тех задач, которые не могло бы выполнить Министерство обороны РФ.

Учитывая обозначенную на Давосском форуме 2021 г. В.В. Путиным проблему монополизма цифровых гигантов как одну из основных угроз развитию мира, выраженную в *«консолидации больших данных и попытках грубо, по своему усмотрению управлять обществом, подменять легитимные демократические институты, по сути, узурпировать или ограничить естественное право человека самому решать, как жить, что выбирать, какую позицию свободно высказывать»*, российское общество, государство в целом остро нуждаются в создании так называемого «суверенного интернета» и технических средств, его обеспечивающих.

Поэтому возникает вполне логичный вывод: а не поручить ли министру обороны РФ создание госкорпорации по созданию и производству собственных супер-серверов, процессоров и всех необходимых комплектующих, которые смогут обеспечить полную технологическую и информационную безопасность России и дружественных ей стран?

Задача эта настолько амбициозна, что, по сути, речь идет о создании новой отрасли, научно-производственных мощностей, консолидации всех боеспособных предприятий, работающих в этом направлении и всего имеющегося в России кадрового потенциала в один кулак.

И одним из примеров для нас может служить опыт Китая и, конкретно, компании «Хуавэй», которая является одним из ведущих производителей серверов, создаваемых до введения против нее санкций со стороны США на базе процессоров и системной логики Intel. При этом «Хуавэй» последова-

---

тельно проводил локализацию производства и внедрение своих компонентов.

После введения санкций «Хуавэй» поставила перед собой следующие цели: опережающее внедрение собственных технологий на серверах производства Huawei; популяризация линейки серверов, основанных на собственной архитектуре и собственных процессорах.

Китайские IT компании не только продвигают свою продукцию во всем мире, но и инвестирует огромные средства в экосистему вокруг своих продуктов — в приложения, операционные системы, базы данных, средства разработки, обеспечивая значительными объемами работ коллективы китайских программистов, создающих различные сервисы, используемые массовым пользователем. Приблизительно таким путем необходимо пойти и России, чтобы обеспечить свою технологическую и информационную безопасность.

Почему для решения этой стратегической задачи необходима госкорпорация да еще и под управлением Министерства обороны РФ? Во-первых, не секрет, что сам интернет был создан по заданию ЦРУ и что такие цифровые платформы, как Гугл и Фейсбук находятся с ЦРУ в постоянном контакте, обеспечивая слежение и сбор информации о гражданах всего мира. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что наше Министерство обороны в лице ГРУ будет курировать наш независимый интернет, что будет отражать лишь опыт наших геополитических партнеров.

Во-вторых, только серверы, находящиеся на балансе госкорпорации, в отличие от Сбербанка, 50% которого принадлежит нерезидентам России, смогут обеспечить сохранность личной информации граждан России, баз данных государственных и бизнес-структур России.

Немаловажным является и тот факт, что в научно-производственных структурах Минобороны сохранились настоящие патриоты, которые не только за деньги, но и за совесть своими талантами обеспечивают обороноспособность России. Многие делается для привлечения новых кадров — молодых ученых и инженеров и для их воспитания на идеалах служения своему Отечеству.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2021 год
(Март — апрель)

11 мая 2020 года в подмосковном Красногорске сгорел частный дом для престарелых. Погибли девять пожилых людей. Еще девять пострадавших были госпитализированы. По информации администрации Красногорска, учреждение действовало без регистрации. Как сообщили СМИ, якобы ссылаясь на Следственный комитет РФ, причиной пожара стала «неисправность электропроводки». Пишу «якобы», потому что данная причина стала давным-давно отработанной для прессы в подобных трагедиях без всяких ссылок на СК.

15 декабря 2020 года частный приют для престарелых сгорел в башкирской деревне Ишбулдино. Погибли 11 его постояльцев в возрасте от 57 до 80 лет. Пять человек спаслись. По версии СК, владелица пансионата с начала 2018-го по декабрь 2020 года, организовав дом престарелых, оказывала соц-услуги, не отвечающие требованиям безопасности. Приют для пожилых людей функционировал без необходимых документов. Причиной пожара, как и всегда, названо «короткое замыкание».

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Следующий пожар в нелегальном доме для престарелых якобы из-за «неосторожного обращения с огнем» произошел ночью 10 января 2021 в поселке Боровский под Тюменью. По сообщению прессы, «пожар начался с бани и распространился на другие постройки». Погибли семь человек. Вопросом: с какой стати пожилые люди ночью оказались в бане — «всезнающая» пресса не озадачилась. И о том, какое наказание понесла задержанная хозяйка учреждения, никакая пресса сообщить не удосужилась да и, скорее всего, этим не интересовалась.

В ночь на 17 марта 2021 г. в г. Лесосибирске Красноярского края в двухэтажном деревянном доме была сожжена еще одна многодетная семья. Сгорели четверо детей. Один ребенок и бабушка оказались в реанимации. Мать дома отсутствовала. Сообщение об этом прошло только по «Маяку». Причиной, как положено, названа «неисправная электропроводка». Первый канал ТВ, естественно, об этой неисчислимой по счету трагедии промолчал. Зато в течение всего этого дня рупор Эрнста в новостях в подробных деталях рассказывал о нападении американского одиночки на азиатских предпринимателей. Для Первого канала это было куда важнее гибели каких-то гойских детей в мало кому ведомом Лесосибирске.

Изо дня в день идет уничтожение самых беззащитных — стариков и детей.

Кем? На этот вопрос так ни разу и не ответили ни Следственный комитет, ни СМИ, ни какие-либо другие органы власти.

* * *

От американской трагедии — к американскому позорищу. От Флойда — к Байдену.

Падающий президент — как символ падающей Америки.

А началось всё с *мировой игры в слова*. Клоун №1 Джо Байден на вопрос журналиста «Путин — это киллер?» утвердительно кивнул головой и сказал: «Угу». То есть сам Байден Путина киллером не назвал, а лишь своим «угу» подтвердил провокационный вброс махрового русофоба из пиндосских СМИ. Через день после этого Путин решил включиться в *мировую игру слов* и воспользовался детской присказкой: «Кто как обзывается, тот так и называется». (Хотя обзывался, еще раз повторяю, американский цэрэушный «журналист» из obsługi Обамы — Д. Стефанопулос.) Пиндосские тележурналисты, видимо, сговорившись, решили постебаться над ответом российского президента и дружно «перевели» его детскую присказку как еще одну русскую поговорку: «Рыбак рыбака видит издалека». То есть по смыслу получилось: киллер киллера видит издалека... И значит, Путин при

этом переводе признаёт себя киллером... Таким образом *мировая игра слов* очень быстро перешла в *мировую войну слов*. Скабеева с Поповым заблажили в своей передаче: «Это неправильный перевод! Америкосы не знают русского языка!» И т.д.

Всё они прекрасно знают, эти америкосы. Но свой стёб они, сговорившись, решили использовать в качестве продолжения и разжигания *мировой войны слов*.

В костер этой войны Путин бросил свое предложение Байдену устроить беседу в прямом эфире, в режиме он-лайн. Российские эксперты назвали это предложение вызовом на словесную дуэль. Однако старческий маразматик по имени Джозеф (клоун №1), естественно, от этого «вызова» *уклонился*, как и положено *клоуну*, сославшись на занятость. Но разгоревшаяся *мировая война слов* на этом не утихала, а даже наоборот — расширялась, включая в себя всё больше лидеров других стран, как и свойственно мировым войнам. Однако старый маразматик по имени Джозеф в тот же день, когда он увильнул от ясного ответа на «вызов» Путина, трижды споткнулся и упал, всходя по трапу на борт самолета, вылетавшего в штат Джорджия. Пиндосско-белодомовские «эксперты» назвали причиной этого падения *ветер*. Да это и понятно: старческих трусоватых маразматиков, как правило, ветром сдувает... Переволновался старичок... Давно его никто на дуэль не вызывал. Хоть и словесную. Но даже и в *мировой войне слов* ему действительно нужно пожелать здоровья. А то чего доброго — раньше времени...

И все-таки фальсификация выборов всегда по жизни — сказывается... Так, Ельцин после своей фальсификации до конца президентского срока не дотянул...

* * *

На новой 5-тысячной купюре Хабаровск заменят на Екатеринбург с Ельцин-центром...

Центробанк, конечно, «независим» от Кремля...

* * *

«День дурака» — 1 апреля — берет начало с библейских времен и имеет антихристианскую основу. Согласно древнему иудейскому календарю Христос был распят в пятницу 30 нисана, т.е., по-нынешнему, — 30 марта. А воскрес на третий день, который в современном европейском календаре соответствует 1 апреля. Потому-то иудеи две с лишним тысячи лет назад, высмеивая Воскресение Христово, и стали этот день называть «днем дурака» и громко смеяться, подтрунивая друг над другом.

В атеистическом государстве этот «праздник юмора и смеха», естественно, легко прижился и стал чуть ли не «всена-

---

родным». Но в наше время, во всяком случае для верующих людей, этот иудейский «день дурака» никак не может и не должен отмечаться в качестве «праздника смеха и юмора».

В связи с тем, что римский и греческий календари не соответствовали древнему иудейскому, в дальнейшем, после завоевания и ликвидации Иудеи, день Христова Воскресения стал рассчитываться по первому полнолуннию после весеннего равноденствия. Но тот факт, что т.н. «день дурака», как и 2000 лет назад, по-прежнему отмечается именно 1 апреля, говорит о том, что «люди Торы» своим древним традициям не изменяют... И заставляют нас всех смеяться вместе с собой...

* * *

Европа не стоит жизни четырехлетнего Владислава Дмитриева, убитого украинским беспилотником. Ребенка похоронили 5 апреля в закрытом гробу. Никто в Европе не выразил ни соболезнования семье, ни осуждения террористической «Украины». Более того, этот факт европейскими СМИ вообще был проигнорирован. Европа до сих пор встает на колени в память об убитом полицейскими наркомане и уголовнике Д. Флойде. Но разорванный снарядом террористической «Украины» четырехлетний ребенок извратившуюся в своем ничтожестве Европу не волнует абсолютно. Что из этого следует? Из этого следует то, что в прямом смысле этого слова Европа не стоит жизни одного ребенка, убитого ею под Донецком. Этого ребенка убила она, извращенная, похабная, бессмысленная и злобно-трусливая Европа. Бог давно от нее отвернулся. Россия — это не Европа.

Но по какой причине террористическая «Украина» уже семь лет безвозмездно убивает русских в Донбассе? По причине кремлевского политиканства и малодушия. Глядишь, и в скором времени мы получим новое издание «минских соглашений».

* * *

Обострившийся до предела политический и военный кризис вокруг т.н. «Украины» в начале 2021 года после осточертевшей семилетней «войны без войны» на Донбассе, наверное, уже абсолютно всем доказал, что в 2014 году российской верхушкой была совершена большая ошибка. Ошибка, стоившая жизни сотням русских людей. Уже совершенно ясно, что нынешнего военного противостояния России и НАТО, как и пропагандистского накала с обеих сторон, не произошло бы, если бы Кремль семь лет назад не проявил малодушия и вслед за присоединением Крыма признал бы донбасский референ-

---

дум и независимость ДНР и ЛНР. Более того, если бы тогда кремлевское руководство, а вернее говоря, глава государства не совершили этой малодушной ошибки, то и сейчас, в наше время, нам не пришлось бы воевать с нынешней вооруженной Западом нацистской и милитаристки настроенной «Украиной». Потому что отступать «Украине» уже нельзя. Отступив и вновь отведя тяжелую военную технику от донбасских республик, она развалится стремительно и окончательно. А тогда, в 2014 году, «Украина» и США были в растерянности и не знали, что делать. Вот и нужно было этим воспользоваться.

За семь лет нацистской пропаганды «украинское» население почти поголовно превратилось в наших настоящих, озлобленных, угарно воинственных врагов. Кремлевская элита в 2014 году решила ограничиться Крымом, проигнорировав восставший Донбасс, и вот теперь под видом военных учений была вынуждена сосредоточить несколько армий на юго-западных границах. И всё потому, что семь лет назад была совершена **роковая ошибка**. Кремль ее, конечно, не признаёт. Но она уже абсолютно всем в России очевидна. Об этом уже открыто и откровенно говорят эксперты и ведущие политических программ на центральных каналах ТВ. Ведь донбасским референдумом был охвачен весь Донбасс полностью, в пределах двух своих областей. И если бы он был признан Россией, Донецкая и Луганская республики сейчас находились бы в своих естественных административных границах, а не в урезанных наполовину территориях. И всё это — следствие роковой кремлевской ошибки семилетней давности. За прошедшие с тех пор семь лет, не случись той роковой ошибки, официально признанный нами Донбасс полностью восстановился бы экономически и отстроился, ему не грозила бы никакая война, т.к. на его границах с «Украиной» стояли бы российские войска, как стоят они в независимых Абхазии и Южной Осетии. Но та ошибка теперь может привести к реальной большой войне.

История много раз доказывала, что подобные политиканские ошибки равносильны измене.

* * *

Ночью 15 апреля в селе Бызово Свердловской обл. в частном доме сгорела еще одна многодетная семья. Погибли пятеро детей. Еще четыре человека — двое взрослых и двое детей 2017 и 2021 года рождения госпитализированы с ожогами I и II степени. Дом был новым, в который, недавно построив, переехала семья с семью детьми. Однако о причине пожара по «Маяку» и Интерфаксу сказано, как отрезано: «ветхая проводка».

Ни один центральный канал ТВ об этой очередной, нескончаемо-заданной трагедии не сообщил. И никакие власти никому не выразили публичного соболезнования. А зачем? Привычное ведь дело... К чему привлекать к нему внимание? Ведь совсем скоро в очередную ночь где-то произойдет у нас точно такой же пожар в доме с многолетней семьей — естественно, из-за неизменного и заранее всем СМИ известного «короткого замыкания»... Зачем будоражить население в промежутках между рекламой?.. «Маяк» в утренних новостях отчитался об этом и больше не вспоминал.

Но самое поразительное — то, что почти никого в России эта **скрытая война** против русского населения не волнует. «Ну, ты преувеличиваешь...» — как обычно, слышу я в ответ. Наши люди о ней, как правило, и не слышат, и не задумываются.

* * *

Проследим мартовско-апрельскую хронологию. Сначала клоун №1 по имени Джо Байден обозвал президента России киллером. В ответ Путин пожелал ему здоровья и предложил побеседовать в открытом эфире. Клоун №1, естественно, струсил и отказался. Но через некоторое время он позвонил Путину, проговорил с ним целых полчаса, за киллера, само собой, не извинился и предложил встретиться в нейтральной стране. В какой и когда — не сказал. А на следующий день — объявил России новые санкции в сфере дипломатии и экономики. И тут же, видимо, со страху ввел в США чрезвычайное положение...

Мы становимся зрителями то ли еще одной мировой абсурдистской пьесы, то ли очередного всемирно-циркового представления под названием «Смех сквозь слёзы». США у нас на глазах превращаются в цирковую арену, на которой первым номером выступает падающий от ветра престарелый шут, то и дело забывающий, как зовут его внучек, детей, жену и его самого. Порой он не понимает, где находится и зачем вообще оказался на арене *глобалистского цирка* перед зрителями разных континентов, едва сдерживающих хохот. В этот момент он начинает звать на помощь «президента» Камалу Деви Харис... Почему-то именно ее этот спотыкающийся клоун в маске не раз называл «президентом США»...

Филиалом этого глобалистского цирка становится Европа со своими местечковыми клоунами — №2 (Зеленский), №3 (Макрон), №4 (Меркель), №5 (Джонсон) и с подыгрывающими им шутами-статистами из Прибалтики, Польши, Болгарии, Чехии, Румынии... Видимо, Бог решил посмеяться над Западом и заодно пригласил нас на это позорное пред-

---

ставление, на это всемирное посмешище, прежде чем новый Содом и новая Гоморра покроются огненным пеплом...

Сфальсифицированный «президент» Джо Байден, которого американские республиканцы называют «хромой уткой», даже если когда-нибудь и встретится с российским президентом, то на следующий же день забудет об этом общении и, очнувшись от кошмарного сна, подпишет новые санкции в связи с вмешательством ФСБ в его кошмарный сон. И тут же позвонит Путину с предложением о встрече...

Как и положено, на арене европейского цирка в компании ряженных бесполок клоунов вертится беспородная шавка, которую они то и дело науськивают на картинку с медведем, отчего она заходится в самодовольном заливистом лае. Иногда ей бросают кусочек сахара, который она ловит на лету. После чего — снова голосисто визжит. Когда европейский клоунатный цирк, обанкротившись, закроется, беспородная шавка, поднимая хвостом пыль с земли, жалобно скуля, приползет на брюхе к прежнему хозяину и попросит косточку...

* * *

Клоун №2 тоже по примеру своего начальника (клоуна №1), раздувшись от важности момента, обратился перед телекамерами к Путину с предложением о встрече... «в любом месте Донбасса». Ясно, что на территории ЛДНР у бывшего эстрадника вряд ли хватит духу появиться, поэтому Путин предложил ему встретиться в Москве. На этом напыщенная важность клоуна №2 закончилась. Даже ему понятно, что поездка в Москву — в столицу «агрессора» — станет для него концом клоунской карьеры, а то и самой трусовато-подловатой жизни: окружающие его бандеровцы ему этого, конечно, не простят. И потому донбасская эпопея будет иметь изматывающее всех продолжение неизвестно какое время. Как мы видим, Путин решил вновь спустить на тормозах обострение обстановки на линии донбасского разграничения — приказал отвести российские войска от границы с «Украиной» в места их постоянной дислокации. После чего клоунатный МИД «Украины» решил выслать двух наших дипломатов...

Ясно, что капиталистической России, а точнее говоря, ее капиталистической власти завершение строительства и функционирование «Северного потока—2» гораздо важнее неразрешаемой обстановки в Донбассе и людей, проживающих там. Мол, люди семь лет терпели и еще потерпят, а дополнительный газ, направленный в Европу, — это деньги, большие деньги, постоянно растущий капитал... А то, что там гибнут русские люди — ну что ж, не мы в этом виноват-

---

ты... Нам не нужны новые санкции, нам не нужна конфронтация с Европой и Америкой и нам очень нужна новая ветка газопровода... Но... «Донбасс мы не оставим...» — то и дело раздаётся из Кремля. Эти заклинания мы слышим уже восьмой год. Вот уж скоро будем отмечать десятилетний юбилей «минских соглашений», не позволивших Донбассу разгромить ублюдочное нацистское ракообразование на исконно русской земле. Ведь капиталистической России намного важнее и ценнее доходы от будущего газопровода, идущего в Германию...

Таковы невесёлые реалии всемирной клоунады.

* * *

Приходится согласиться с тем, что Китай — единственная в мире страна, имеющая достойную, нормальную, адекватную власть, соответствующую любым возникающим обстоятельствам. Разве можно себе представить, чтобы Китай позволил своим спортсменам участвовать в каких-либо международных соревнованиях без национального гимна и флага? Разве можно себе вообразить, чтобы во время польско-китайского спортивного соревнования официальное польское лицо позволило себе демонстративно убрать китайский флаг? Что было бы, если бы такое случилось? Можно не сомневаться в том, что ровно через 15 минут польский посол находился бы в пекинском МИДе, а через 30 минут абсолютно все польские дипломаты получили бы такого пинка, что летели бы из Китая со скоростью звука. И все чиновники ВАДА (Всемирного антидопингового агентства) были бы объявлены невъездными на территорию Китая.

Но к позору беззубо-либеральной кремлевской власти этот «инцидент» с флагом случился во время польско-российского матча на первенстве мира по шашкам среди женщин 27 апреля 2021 г. Наш невероятно велеречивый МИД сподобился лишь на то, чтобы это демонстративное, кощунственно-хамское непотребство назвать «досадным недоразумением». Спрашивается, чем эта обнулённо-несменяемая власть отличается от русофобского Запада в своем отношении к России? Пустозвонной, ничего не значащей «патриотической» демагогией информационного представителя МИДа Марии Захаровой?

P.S. В тот же день в центре города Чеховице-Дзедзице на юге Польши был демонтирован еще один памятник советскому солдату. Реакция Кремля, как и в прежних подобных случаях, была нулевой.

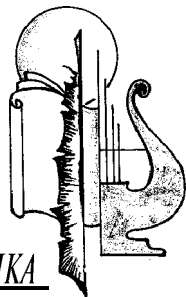
«ЗА ЖЕСТЬ КУПОЛОВ И ЗА КРЕСТ ЗОЛОТОЙ»

Национальный образ России в поэзии Александра Хабарова

Око за око из году в год,
Пьяной хулой оскверняя уста,
Русь бесконечной пургою метёт
Талою влагою в очи Христа.

К. Михеев. «Русские взоры»

При всех потерях и сложностях современного мира, пожалуй, самое важное открытие и осмысление всё же происходит в поле словесности. Многое возвращается на круги своя, и утраченный интерес к поэзии и прозе тоже начинает оправдывать наши ожидания. «Поэт в России, он — поэт, / Не больше и не меньше», — вот так по-классически весомо обозначил ипостась поэта наш современник Валерий Хатюшин. Жизнь и судьба Александра Хабарова этот поэтический феномен подтверждают и одновременно заставляют взглянуть на его творчество через призму всей русской поэзии. Мощное космическое излучение хабаровской поэзии сияет в стихах ушедших поэтов — С. Есенина, Н. Рубцова, П. Васильева, Б. Корнилова, произведения которых незабываемы и неподвластны времени. Вдохновенный талант природа дала и самому А. Хабарову, на генетическом уровне впитавшему фольклор русской земли, самобытность её языка.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

«И склонится к России моя голова, / В ледяные отцовские руки», — напишет он пронзительные строки, подтверждающие прямую преемственность традиций. Поэт ушёл в полную силу, как сказала бы М. Цветаева, ушёл в вечность «на высоте дара и судьбы».

Александр Хабаров был человеком вне парадигм и иерархий. Его эпоха несводима к 66-ти прожитым им годам. Некоторым отведена особая роль — быть человеком вне ряда. Из-за чего, впрочем, он и страдал. Любая система подпитывается рефлексом, звериным чутьём на несходство с ней тех, кто выбирает свои пути, свой мир, непохожий на чей-то, который вопреки всему стремится сохранить в себе. Александр Хабаров всегда оставался равным самому себе, вне зависимости от существующей системы. Потрясающая убедительность и оголённая правда — как вершина творчества — исходит от его стихов и, видимо, имеет корни, берущие начало в его биографии. Он обладал цельным и смелым характером — и как человек, и как писатель, и учила его цельности, смелости и жизнь, начиная с юных лет, и литература, ставшая судьбой. Родился А. Хабаров в городе Севастополе, учился в мореходном училище, затем в Крымском государственном университете, сменил и освоил множество профессий: трудился матросом, наладчиком ЭВМ, спасателем, инструктором-спелеологом, корреспондентом крымских газет, а также в журналах информационного агентства печати «Новости». Будучи уже в зрелом возрасте, принимал участие в реставрации старинных храмов, коллел смальту, выкладывал фоны в мозаичной иконе «Царские мученики» и в куполе храма Благовещения Пресвятой Богородицы, что находится в Петровском парке в Москве.

Александр Игоревич Хабаров — автор более семи книг поэзии и прозы, среди них самые известные поэтические сборники: «Спаси меня» (1989 г.), «Ноша» (1996 г.), «Жесть и золото» (2012 г.), «Из жизни ангелов» (2016 г.), а также ряда остросоциальных криминальных романов, многочисленных публикаций в области экономики и политики. Он является лауреатом многих литературных премий, в том числе им. Н. Заболоцкого (2000 г.), им. А.П. Чехова, обладателем «Золотого пера Московии» (2004 г.), Общенациональной Горьковской Премии в номинации «поэзия» (2015 г.). Его стихи вошли в различные антологии, к примеру, в такое популярное и авторитетное издание как «Русская поэзия. Век XX», в альманахе «Академия поэзии». Творчество А. Хабарова представляет фило-софско-литературный синтез и фантастически-романтического, и эпически-сказового, и легендарно-реального, в котором присутствует несколько измерений как реальной действительности, так и поэтической с её измерением памяти. Темпераментную гражданскую поэзию автора отличает острая эмоциональная реакция, а мужественное слово — выдержка и стойкость русской православной души, сокровенное слово возрождения, спасительного очищения души от всего наносного, чуждого, неестественного её природе, изначально основанной на добре и любви.

Время, искажённое прагматизмом, ему явно претило. В ХХI веке мощно и яростно Хабаров открывал новую поэтическую страну, открывал собственной интонацией и отчаянными порывами в координатах собственного духа и собственной воли, собственной жизненной правды, сложной, противоречивой, неудобной, которая в любые времена далеко не всем по нутру. Поэт ощущал себя частью этой особенной, небывалой страны, которую он исходил, как странник и паломник, не исключено, и как отверженный изгой, о ней были все его поиски и мечты, поиски истинной Родины, когда-то утраченной, и эта потерянная Родина никогда не отпускала его. Сегодня нас так же не отпускает невероятно притягательная сила, некий магический механизм озарения в стихах А. Хабарова. Странно, до конца необъяснимо: человек ушёл в вечность, а книги его, написанное им продолжают жить. Одна из его самых запоминающихся книг, название которой столь же яркое, сколь и редкое — «Жесть и золото», — горестная книга, но вместе с тем и высокая, светлая.

*Свято место пусто не бывает,
По ночам там ветер завывает,
В полдень — ночь кемарит в уголке.
Или забредёт какой прохожий,
На простого ангела похожий,
С посохом ореховым в руке.*

Уверенная поступь русской поэтической традиции прочитывается буквально в первых стихах «Свято место», и автор чувствует и передаёт нам её эмоционально-волевое отношение к миру и человеку. Болевое напряжение строки он скрашивает пронзительной лиричностью, высоким благословенным светом, согревающим мир утренними лучами солнца. Безнадёжного нет, есть нечто таинственное и нечто непостижимое в описанной им стране безмолвных снежных равнин, заброшенных погостов, тихих, доживающих свой век деревушек, что затерялись среди бескрайних российских пространств, старых маленьких церквушек и рядом с ними струящихся родников. Всё творчество поэта — родник, лоно земного ключа, стремящегося к своим кровным истокам. Русь стала для него — единственным и главным истоком. С горькими лишениями искал он то, что ниспослано художнику свыше за право владеть талантом.

Поэт стремился охватить, сопрячь, примирить, казалось бы, разные темы, но все они связаны в единый тугой узел: Русь, Россия, судьба художника, слово, осенённое божественным светом, и дорога, в конце которой нас ждёт Бог, ибо иного пути в настоящем творчестве просто нет и не должно быть. Вера православная, земля православная, христианское служение Истине — то, что испокон веков несёт в себе Россия, то, что сохранилось внутри её глубинной провинции, вдали от шумных горо-

---

дов, там, где бредёт одинокий прохожий, как в стихах А. Хабарова, «на простого ангела похожий, с посохом ореховым в руке». Неотступно предстают перед глазами картины и пейзажи русских художников с многочисленными старцами, паломниками, странниками, бредущими по дорогам святой Руси. Родина, судьба человека и поэта, Бог — всё это раскрывается в его стихах по возможности сжато, плотно, в пределах целостного высказывания:

*Солнце глянет в черные отверстия,
Голуби, как добрые известья,
Разлетятся в дальние края.
Грянет с неба благовест усталый,
И заплачет ангел запоздалый...
— Здравствуй, — скажет, — Родина моя...*

Такова Русь, многострадальная, нескончаемая, вечная. И Александр Хабаров выходит к своему роднику, даже в лютые морозы незамерзающему, где всегда живая сила пульсирующей струи прозрачной воды, пробивающейся сквозь льды, пульсирующей, словно могучее горячее сердце, заставляющее растекаться по жилам животворящую кровь.

«Эта страна, словно вьюга...»

Нет, нас вели не разум, не любовь и нет, не война,
Мы шли к тебе словно в гости, каменная страна.
Мы, мужчины, с глазами, повёрнутыми на восток,
Ничего под собой не слышали, кроме идущих ног.
Павел Васильев. «Переселенцы»

Русь — Россия — стержневая корневая система, питающая всю поэзию Александра Хабарова, — первостепенная и непреложная. Но некогда поправ традиции святой Руси, мы попрали и память предков, надолго став нищими духом. Как тут не воспользоваться обнажённо правдивой строкой Анны Ахматовой, когда «всё расхищено, предано, продано». Царство верности правде жизни, заложённое на Руси её христианским промыслом Божиим, давно потеряно. Автор ищет свою потерянную Родину, и она у него очень разная: трагическая и светлая, собственно, как и вся его поэзия контрастов, поэзия приземлённой простоты и пафосного величия. Возникает странный собирательный образ России — страны извечных холодов, покрытой снегами: стылый, зябкий, заметаемый вьюгой и продуваемый злыми, безжалостными ветрами, — образ «страны снегопада», «земли ледяной»: непролазных сугробов, а ещё черной земли и глины под сапогами, бесконечной русской распутицы,

---

безмолвных равнинных пространств, исчезающих за дальним горизонтом. Да и горизонты познания творчества у А. Хабарова тоже волшебнo-бескрайние, в них нет границ и временнѣх рамок, поэт предвидит грядущее, скрытое скорбью ледяных дорог. С одной стороны — бесприютность, мрачная тоска размышлений, с другой — необозримое эпическое пространство земли Русской, могучая цельность духа русского человека.

Что характерно: мы сталкиваемся в поэзии автора с противоречивой категорией двойственности сознания. Нужно сказать, это всегда присутствовало в русской литературе, но здесь необходимо выделить основное — есть ли и каков выход из подобного состояния? Во имя чего создаётся художественное произведение, ради какой идеи? — вот, что важно. Принцип «искусство ради искусства» сам по себе давно никому уже не интересен, как и принцип оригинального самовыражения, если за ним ничего более существенного не стоит.

*40 лет кочую в захолустьях,
Воду пью в холодных русских устьях,
Черный, Христа ради, у мамаш
Русский хлеб выпрашиваю наш...
Я не раб, не вор, не росомаха —
Огород вскопаю в три замаха...
Погремуха — Стѣпка-Огонѣк;
А крестили... вроде бы Санѣк...*

Как видим, стихи поэта «Сирота» — не просто, как можно предположить, отдельные автобиографические моменты, написанные ради красивого словца, если вдуматься, — это нелѣгкая судьба не только паренька по имени Санька, это Россия, которую мы до сих пор не знаем, потому как не проехали её налегке в товарном вагоне от начала и до конца, не прочувствовали хлеб её русский, больше чѣрствый, с привычной горчинкой. И весь он тут, его запахнутый герой, словно на ладони, без лукавства и прикрас со своей исповедью, что не о хорошем в себе, а о грехах, пусть о жизни бесшабашной и вместе с тем по-своему правильной, где и он непоследний грешник, не вор, бегущий от труда на земле отчей.

Поэзия А. Хабарова почти всегда являет собой напряжѣнный накал, взрыв эмоциональных чувств, когда бездна, падение и тут же взлѣт, высота граничат рядом, когда ослепляет сочетание обычного, приземлѣнного и возвышенного, но не откровенно пафосного. Неоднозначно раскрывается мир для поэта, для читателя и в стихах «Путь»:

*Мой путь далѣк, и снег мой бел,
Как черновик...
Я шѣл туда, куда хотел,
Меж сосен, книг,*

---

*Меж зданий разных: дом, дворец,
Темница, клуб.
И телом был я молодец,
Душою — глуп...*

То, что белые снега вселяют чистые чувства, и то, что путь далёк, и многое вовсе не пугает, хотя и не решает главного, что там, в конце пути, ведь идти можно до бесконечности. Как и в предыдущем стихотворении, здесь аналогично ситуацию изменяет завершающая строфа, привнося совершенно противоположную окраску, мироощущение внутреннего примирения, той незримой уверенности, в конце пути дарующей покой и просветление:

*Я шёл туда, куда хотел,
На стыд и свет,
На огонёк, на плеск весла,
На блеск пера,
На визг ликующего зла,
На зов добра...*

Путь должен иметь высокую цель — быть осмысленным. За этот «путь железный» его герой, будучи неразрывной, неотъемлемой частью вагонного простонародья, поднимает свой горький тост: «За поезд наш нескорый, / За Родину над бездной, / За узкий путь, который / Воистину железный...» Просторная, полная жизни и движения картина родной земли, «окутанная безбрежными снегами», слагается в стихах Хабарова в единую поэму о России: необъятные русские дали, нескончаемые дороги, полноводные реки, сливающиеся с родниками, глина и чернозём, «чёрная земля под сапогами», разбитые колеи, вокзалы и поезда, палатки и костры, хлеб и вода, сёла с погостами, «заплаканный платок» бабы русской, ещё храмы и купола, золотые кресты, скиты, тюрьмы, избы русские с лампадкой, бездонные колодцы, в которых отражаются звёзды... Вот она, хабаровская Россия: «нищая», «чёрная, пьяная, битая», что так напоминает и так похожа на блоковскую Русь, «где униженье, где грязь, и мрак, и нищета», но где не убывает любовь к этому «ужасному» миру, потому что «за ним сквозит» и «мир иной».

Как и для А. Блока когда-то, так же и для А. Хабарова важно в мире трагическом разглядеть этот «мир иной», не потерять с ним связующую нить, чтобы из тьмы выйти к спасительному свету. Именно об этом писала и Татьяна Глушкова в книге «Традиция — совесть поэзии», в статье, посвященной Александру Блоку, «И не ведаем сил мы своих...» В полифонической «музыке» на языке Блока выдающийся поэт и литературовед видела «некую мирозвязующую «материю», залог космичности человека, способности к личностному, а не индивидуальному бытию». Подлинную

поэзию может создавать только личность, впитавшая преемственность культуры. Культура же, по убеждению Т.М. Глушковой, и есть традиция. «Культура — это преемственность. Никакой другой культуры не бывает», — считала она.

Безусловно, А. Хабаров сотворил сам свой особенный поэтический космос. Он шёл на смелость «творческих» экспериментов, привнося в стихи собственное личностное начало, включался в пространственный диалог с предшественниками, входя в саму традицию, поднимая целые пласты русской культуры. Голоса русских художников слова слышатся и в беспощадном стихотворении А. Хабарова «Родина», впечатляя насыщенной мощью метафорического слова. Здесь тесно соприкасаются и А. Блок, и, разумеется, С. Есенин, и прозаик Л. Андреев, и, конечно же, А. Чехов. Произведение напоминает молитву, но настолько необычную, когда разговор с самим собой становится сокровенным разговором с Родиной, с Богом, осеменяющим своим святым перстом грешную и великую Россию:

*Вопию Тебе, Господи: воля Твоя,
А моя — лишь свобода...
Что мне Родина, бедная эта швея
Високосного года,
Эта нищенка в черных лохмотьях ночей
И в заплатках столетий...
Я и сам-то таков: и не свой, и ничей,
Но и, к счастью, не третий.
Там, где реки сольются, кружа, в родники,
И безвременье в силе,
Я пройду, не заметив дрожащей руки
Этой нищей России...*

Существует непознанная «область духа», что не даёт оторваться от земли родной, от корней кровных. «...А она-то, она-то вцепилась в меня!» — восклицает в сердцах поэт, имея в виду Родину, хотя мы прекрасно понимаем, что ей-то как раз нет до него никакого дела, как и до его горемычной родни, как и до всех остальных, таких же несчастных, обездоленных. Он сам намертво прикован к ней и до последнего своего земного часа будет предан ей: «Эта Родина, дальняя эта родня... / И за что она только так любит меня, / Выбирая из многих?» Хабаров останется верен нищей России, за которую было больно Есенину, о которой до глубины души сокрушался Блок. Классическое наследие всегда содержит в себе тайну сближения падения с тайной поднебесья, как низкого с великим. А. Хабаров поднимает Родину из нищеты и убожества на вершину и человеческого, и Божественного Духа. Подобное не всем по плечу. Он подкупает художественной правдой и совестливостью, гуманистическим отношением к «маленькому человеку», которому состра-

---

дал тот же А. Чехов. Да, пусть он нищ, наг, слаб, ничтожен, но лишь за него по-прежнему невыносимо больно, горько, ведь он живая частица Родины. Символическая и аллегорическая образность, художественные приемы обобщения приобретают в поэзии А. Хабарова магическую власть. Его стихотворение «Земля моя» явственно отзывается державинской речью: «Земля моя, ты прах... И я таков, / И я из праха вышел, червь двуногий...» — тут не только Русь, тут вся земля, из которой мы вышли и в которую уйдём. Разумеется, автор не ставит глобальную цель повторить знаменитую оду, не намерен и по капле «выдавливать» из себя чеховского раба, открыв собственное измерение духа, он ещё глубже врастает корнями в эту чёрную землю:

*Земля моя! Как черную змею —
Люблю тебя, что ты под сапожищем...
Да я и сам давно лежу во тьме,
Окутанный безбрежными снегами,
Как вещь в себе, как частное в уме,
Как черная земля под сапогами...*

Будто метафорическая живопись перед нами: многомерная, сложная, поразительная развернутая метафора — «черная земля под сапогами» — два образа, способных вобрать в себя чуть ли не всю Россию, способных быть почвой и способных стать традицией. Не в этих ли не знающих сносу сапогах исходил русский человек и свои дороги войны, не в них ли он пахал и сеял? Отвергнута завеса, скрывающая тайну жизни и тайну смерти — как истина, начертанная на неведомом языке. Крушение и возрождение одновременно!

Заметим, что поэтическое пространство в стихах А. Хабарова наполняется глубоким и пронзительным знанием жизни: жизнь для него гораздо важнее творчества. Он и говорит о ней понятным народным языком, где-то колоритным жаргоном, нисходя в самые низы пёстрой народной массы и нет-нет да и употребляя криминальные словечки. Вот и его «Русская ночь» — произведение вечного странника, ненужного человека, не день и не два кочующего по российским вокзалам, жизнь которого никогда ничего не стоила в опасных краях подолгу длящейся зимы:

*Ночь меня разводит на вокзале,
Как цыганка пьяного лоха...
Хоть бы добры люди подсказали
Избежать обмана и греха.*

Поедешь по Руси, сойдёшь на какой-нибудь небольшой станции провинциальной глубинки — увидишь сам, увидишься воочию, какая она настоящая Родина! Впрочем, не всегда русский человек бывает смирен и кроток. Порой противостояние

внутреннее переходит и в противостояние поэтическое. Стихотворение «Любовь к Родине» построено у Хабарова на антитезе, на некоем сарказме, резко переходящем в сардоническую насмешку:

*У нас на Руси хороши кабаки,
И тюрьмы у нас хороши.
У нас на Руси хороши кулаки,
Что кости дробят от души...*

Между тем не так просто жить в стране, богатой на противоречия, автор недаром скажет лирической, до дрожи, до озноба понижающей строкой: «Люблю эту землю за всю её ложь / И правду меж сосен и строк», «За пулю, летящую в грудь или в лоб, / За звёзды в колодцах без дна». И кажется, будто поднимается что-то внутри, подкатывает сладкий ком к горлу, а в самое сердце, словно восхитительный удар, — мощные завершающие аккорды! Всепобеждающие — за боль, за страх, за сомнения, за тоску одиночества и отчуждения на родной земле, но как бы то ни было, и за бессмертное, навсегда слитое, нерасторжимое с русской душой:

*За звон колокольный, за берег крутой,
За снежный и смертный уют,
За жезл куполов и за крест золотой
На храме, где нас отпоют.*

Вот она впереди — дорога к Храму! И как ни ищи свой «Потерянный рай» в одноимённых стихах автора, как ни теряя время, «речь, закат, восток, / железо в венах воинов из глины», как ни вини себя за промахи и неудачи, всё равно «скачает плоть, душа глядит на юг, / когда бредут на север богомольцы». И в этом истина русской жизни. Чтобы ни было суждено русскому человеку, чтобы он ни нашёл: «Обитель, скит, тюрьму, костёр с палаткой», — он обречён, «обойдя весь мир, вернуться в дом / — Туда, где умирают под лампадкой». Все пути-дороги сходятся в одну, круг бытия замыкается. Разве и это не есенинское родное, посконное, святое, когда умолял поэт, крестьянский сын многострадальной России: «...за грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать / Положите меня в русской рубашке / Под иконами умирать». Это ли не тот Дом, что нурукотворен, что вечен, как сказано в Писании (2 Кор. 5:1)? Дом небесный, Русский Храм — мистическое предчувствие Истины, яркие картины Русского мира, народного, ничем не замутнённого, образно и зримо предстают и в подлинно русской поэзии А. Хабарова.

Т. Глушкова в уже упоминаемой книге «Традиция — совесть поэзии», исследуя природу поэзии Ю. Кузнецова, анализируя популярность его творчества, в статье «Призраки силы и вольности» пишет следующее: «Если попробовать коротко объяс-

---

нить вспыхнувшее тогда внимание к этому поэту, не ослабившееся и по сей день, я сказала бы, что причиной его явился не только собственный тембр голоса, различимый у этого автора, но содержание, тяжелыми, неровными ударами крови пульсирующее в его стихах, внятные приметы мировоззрения, не всегда сулящие читателю привычный духовный комфорт». Данный феномен можно спроецировать и на поэзию А. Хабарова, здесь аналогично, по словам Т. Глушковой, крайне необходима «эмоционально-идейная оценка данного творчества». Зачастую неуютно, тревожно в надломленном мире, который изображает Хабаров: пугает дыхание нынешней эпохи, а крайне радикальный взгляд автора нередко вступает в конфликт с самой жизнью и с поэзией. Становится очевидно, насколько точно предчувствовал А. Хабаров национальную трагедию русского народа — страшный духовный кризис, проявившийся во многих сферах в период радикальной «перестройки» и в период постперестроечный, которые вовсе не назовёшь историей, а скорее — несложившейся жизнью. Как же велико горе России, что народ её разуверился в своём светлом будущем! Поэт попытался представить этот новый нравственно-философский аспект народной трагедии, импульсивно выплеснув всю русскую безысходность тоски, весь драматический надрыв в стихотворении «Застольная» (1983 г.). Автор тяготеет к глобальному, гигантскому тематическому охвату, вовлекая нас в нечто философско-трагическое по пафосу и невероятному накалу своего действия. С нечеловеческой энергией перед нами разворачивается историческое полотно России последней четверти XX столетия, находящейся на распутье грядущих перемен, поражающее интенсивным мистериальным планом, когда вино поэзии не опьяняет, а лишает разума, парализует дух и волю. Автор даёт волю повелевающему императиву, донельзя категоричному, жёсткому, не терпящему возражений:

*Россия, пей! От Бреста до Камчатки
Поднимем переполненные чарки!
За здравие и за помин души!
Россия, пей! Россия, пой-пляши!..*

Приволье времен, простор веков, свободные российские дали сторают в безумном пьяном угаре. И высказывание князя Древней Руси Владимира о том, что «питие есть веселие Руси!», — ныне не вселяет оптимизма. Настораживает властность героя, культ сильного, мы сталкиваемся с неким нарушением границ нравственности, возможно, и всей правды:

*Баян вразнос, а душу наизнанку,
Ещё стакан — и грянем «Варшавянку»!
Ещё стакан — затынем «Брянский лес»!
Ещё стакан — и воем без словес!*

Читателя накрывают с головой горько-гневные интонации бесприютной России. Глубоко психологичный внутренний мир поэта идет наперекор жизни, он бросает своеобразный вызов эпохе тотального развращения душ. Упругая напряжённая строка, безупречный чеканный слог сражают наповал едкой ироничностью, сарказмом, дикой, звериной силой неукротимости русского человека, сторающего в этом пьяном угаре. Отточенная словообразовательная модель ассоциативно-метафорического видения естественно впитывает и социальный жаргон. «Россия, пей! Нельзя, чтобы не пить!» — пугающе неукротимое и яростное звучание — ошеломляет, сковывает, леденит душу. Но разбойничья удадь, хмельное-бунтовское веселье героя резко сменяется суровой поступью выстрадавших авторских убеждений. Во имя чего мы вынуждены вместе с автором-героем раствориться в этом из года в год длящемся кошмаре? Кого призвать к ответу за русские загубленные жизни? И есть ли вообще какие-либо ответы? Разве что-то изменилось с того момента, когда писал Сергей Есенин свой цикл «Москва кабацкая» (1924 г.)? Это стихи русского поэта: «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», «Страна ль моя, сторонка...», и, вне всякого сомнения, — «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» «Нет! Таких не подмять, не рассеять. / Бесшабашность им гнилью дана. / Ты, Рассея моя... Рас... сея... /Азиатская сторона!» — во многом он был прав, провидчески прозревая её судьбу. Обладал зорким взглядом летописца и А. Хабаров, он — поэт-трибун не менее трудного, переломного и эпохального времени. К нему также приходит умение соединять эмоциональный напор, категоричную и резкую силу с чёткой остросоциальной мыслью, что является свидетельством зрелости художника слова, безусловным утверждением его самостоятельного поэтического голоса и литературного стиля.

Правдивый, принципиальный взгляд поэта охватывает широчайшую историческую панораму многоликой жизни России. Так, некую программность несёт в себе объёмное стихотворение «Державный марш». Определённо, его по праву можно назвать программным, оно написано в духе традиции странствия. Русская литература богата примерами и образцами произведений, созданных в классическом ключе путешествия. Достаточно вспомнить: Радищева, Пушкина, Лермонтова, Гумилёва, Есенина. А какое количество путевых дневниковых записок, дорожных заметок запечатлено в публицистическом жанре очерка! Обычная почва приобретает в стихах А. Хабарова свою нравственную оценку, плотно соединяя исторические, бытовые, психологические приметы времени.

Именно гражданственность — характерная черта поэзии А. Хабарова. Казалось бы, странный диалог с условным героем Ваней, землекопом-могильщиком, который больше напоминает монолог, тут имеет свойство перераста из обыденно-рядо-

---

вого в нечто мистическое, проходящее дантовы круги ада, или ту же зловещую фаустиаду, и всё, соединённое вместе, — непревзойдённый порочный круг российской истории.

*Не падай, не плачь, товарищ! Я знаю: твой бизнес угрюм и нищ.
Много ли, друг мой, наварил с братских кладбищ?
Твои землекопы, Ваня, не просыхают сто лет.
Вот ты идешь и плачешь, а плакать-то — времени нет. <...>
Я доведу тебя, Ваня, до самого Китежа-града,
Туда, где граничит с бессмертьем страна снегопада,
Мы ведь в фуфайках, Ваня, а те, кто носит пальто, —
Это снаружи — люди, а чуть полоснешь — не то, не то...*

Превратности человеческих судеб безразличны «стране снегопада», поэтому автор и режет обнажённым скальпелем по живому, ничуть не боясь быть непонятым. Спасительный Китеж-град — немеркнущая истина, не лишённая фантазийной гротескности, фольклорной сказовости, — философская метафора, способная провести человека по всей его жизни. Тогда не страшны и жизненно правдивые детали, равные самой жизни, тонко рассказывающие о тех, кто всегда одет в пальто, о тех, кто привык менять не только внешнее, но и внутреннее обличье, кому мало благ материальных, когда тому же простому люду достаточно и одной легендарной фуфайки, что не раз в лихую годину и в лютую стужу спасала его, пока шёл он, как писала поэтесса Юлия Друнина, в таких же легендарных «стопудовых» сапогах-кирзачах по дорогам России-матушки, по её дорогам войны, прошагав в них же и пол-Европы.

«Помнишь, пропала Расея, когда началась с раскола? / Тело — объект для опыта, если кровь — пепси-кола... / Застит глаза Европа, а уши — отрежет Чечня. / Если не прав я, Ваня, то помолись за меня».

Автор не принимает этих нескончаемых экспериментов, выпавших на долю России. Его драматическая поэзия, сопряжённая с трагедийностью происходящего, несёт в себе и великую тайну надмирности, неизбывную тайну победы человеческого духа над вселенской скорбью. Мы видим и ощущаем жизнь в стихах Хабарова во всей её многосложности, узнаём слияние таких хорошо знакомых поэтических имён, как Бродский, Евтушенко.

«Эта страна набегаёт и рушится, словно волна / Красного, Ваня, кагора, цимлянского, Ваня, вина... / Родина — это цунами, смывающее Кунашир. / Ваня, Москва за нами! А мы, к сожаленью, за мир...»

Нет, прав автор: «Эта страна не для слабых, она для атлетов и для калек», — чтобы выжить, выстоять, она требует от тебя преодоления нечеловеческих сил, требует яростного платоновского сердца, но только б хватило дней, отпущенных Богом. Ка-

---

кая-то мощная, запредельная сила не даёт русскому человеку быть счастливым, когда вовсе не счастья, а лишь несущей правды ищет он. Не зря литературный критик Т. Неретина говорит о ритмических сломах в «Державном марше», когда поэт, несмотря ни на что, следует своей первостепенной идее — понять тайну мистического предназначения России. Однако гладко написанный текст — ещё далеко не литература. Не к этому стремится поэт. Всё тут словно замерло в извечном русском ожидании ответа на вопрос: «Куда идёшь, Русь?» Из последних сил, не теряя надежды, держатся герои «за иву, за решку чугунную, за скользкую эту Русь», «за сосны, что ждут нас, как сестры, в снегах отдалённых мест», «за медный наш крест...», — что не дадут им погибнуть в пути, примиряя с неудобной действительностью. Но никоим образом — не за красивое словцо. Открывается целая историческая ретроспектива, в которой автор не боится бескомпромиссно-трагического мировосприятия, где-то жёсткого, даже жестокого в жизненно правдивом мире его широкого художественного произведения: «Тяжела ты для ангелов, пьяная наша дорога, / А человеку свойственно в спутники требовать Бога». Уходит, пусть и медленно, злобствующая, унылая тоска, а на её место приходят приметы Божественной одухотворённости. Нарастает высота поэтического голоса, в завершении происходят вещи невозможные для человека обычного: земной окоём будто перемещается — Деревня — Держава — на краю Земли! Мы наконец-то дошли! Необычная деревня разрастается до космических масштабов, словно превращается в грандиозную метафору-цель, вокруг которой вращается весь остальной мир, которому суждено стать светлым, суждено наполниться добром и верой в человека. То, что глубоко национально, — то является всечеловеческим. В стихах А. Хабарова пересекаются, идут навстречу друг другу: величие, сложность, противоречивость и загадочность русского национального мира:

*Зябка нам, Ваня. Тяжко нам, Ваня. Да вон уж деревня моя... <...>
Вот она, наша держава — деревня у самого края земли,
Вот она, наша деревня — держава, и мы до нее дошли.*

В творчестве каждого поэта есть высоты, определяющие степень его таланта. В поэзии Александра Хабарова — это «Державный марш» — эпическое, зрелищное произведение высочайшего морально-мистерийного плана, трагическое и вместе с тем светлое. Оно по праву могло бы пополнить хрестоматийную антологию русской поэзии XX века. Татьяна Глушкова, говоря о поэтическом и мистическом понимании истории и культуры, считала, что программа поэта: «Это, с неизбежностью, неповторимая «формула» всего его существа, всего его бытия, поведения творческого и жизненного разом». Вот и для А. Ха-

---

барова его творчество — прежде всего мужество оставаться самим собой, недоверчивость к лёгким путям и непокорство, т.е. нечто более сложное, чем просто литературное самоутверждение, либо приукрашенное самовыражение. Авангардизм его поэзии как раз не противоречит сохранению родных истоков.

«За слова, бывает, платят кровью...»

Заря моя, ты — ночь, а я — поэт.
Таких, как я, в природе больше нет.
Но знаю точно: есть они у Бога,
Он селит их в посёлке небольшом,
Там хижины покрыты камышом
И вдоль залива тянется дорога.

Александр Хабаров. «Моя, моя...»

Вдумчивый поэтический диалог через века и пространства ведёт Хабаров на страницах своих книг, он с каждым годом всё более обострённей чувствует духовную силу поэзии своих предшественников: Блока, Тютчева, Клюева, Есенина, Рубцова, Корнилова, Васильева. Принимает и по-новому осмысливает их понятие традиции и народности. В этом, вероятно, заключается основная разгадка его творчества. В русле нашей темы обратимся опять к блоковской статье Т. Глушковой, в которой она приводит провидческие строки гениального поэта о той космической тоске, когда «через тысячу лет мы не сможем измерить души...», строки, объясняющие мысли и представления литературоведа о современной культуре, утрачивающей глубину своего истинного значения. Она пишет о том, что *«даже в эстетических разговорах под культурой или культурностью стихотворца понимают чаще всего некую сумму книжных знаний, но не мироощущение автора, не тип его мышления, который при любой эрудиции и умелом щегольстве ею может остаться разорванным или достаточно узким»*. Природа искусства, культуры, камертон традиции, как считает Т. Глушкова, наполняют художника *«ощущением, которое вырастает из чего-то глубиннейшего, большего, чем те или иные изученные книги»*.

Александр Хабаров убедительно являет нам эту культурную традицию преемственности, которая и для него есть «совесть поэзии» и «есть сама жизнь поэзии». Будучи очень современным поэтом, идущим на риск и эксперименты постмодерна, в каждом осколке которого есть нерв предшествующих литературных культов и культур, он смог не отказаться от русской почвы, от христианского мировоззрения, смягчающего его жёсткую лиру, переплавляющую жёсть в золото трепетного и любящего сердца поэта-гражданина, поэта-трибуна своей многострадальной Родины. Отсюда вполне закономерно, что стихи «Слова» проникают в душу буквально каждым изречённым словом,

---

какое, подобно молчанию, на вес золота. И ощущаешь сразу, как по нервам пошли строки, побежал ток:

*За слова, бывает, платят кровью —
Впрочем, не «бывает», а всегда.
Я себе, как барскому сословью,
Задолжал и чести, и стыда. <...>
Хоть обсыпья пеплом или прахом,
А как глянешь в чистый водоём:
Там лицо, изрезанное страхом,
Чёрный зрак, пробитый копием...*

Боль, вина, ответственность за изреченное слово, за которое непременно спросится с художника, — неумирающая проблематика творчества. Хабарову эмоционально родственно есенинское наследие, он так же пришёл на эту землю, чтобы «рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души». Здесь, разумеется, в большей степени наблюдается не столько стилевое влияние, сколько смысловое. Пожалуй, несовершенство, неумение писать, являя себя в слове, когда всё остальное и гроша ломаного не стоит, когда вся текущая параллельно жизнь вторична для художника, когда в творчестве выделяется и решает всё — великое мужество писателя, что знакомо А. Хабарову, а ещё долгое земное терпение, вера в свою значимость, возможно, где-то самоуверенность, честолюбие, смелость, но они тоже необходимы, — два парадоксальных момента литературы. Да, у Хабарова имеется это мужество погнать душу в белые листы, как в зимнюю длинную дорогу, к заветной вершине, насквозь продуваемой зловещими ветрами, и пусть не взойти никогда на неё, но зато радоваться самому восхождению.

В поэзии А. Хабарова мы постоянно сталкиваемся как с отречением, неприятием окружающего, так и с возрождением, обретением себя и мира. В стихах «Словеса» он обозначает дилемму: словеса и слово, как известно, по своей смысловой сущности — понятия разные. Словеса — отнюдь не Слово, излучающее поэзию. Словеса — хаотичность, дисгармония, разрушающая мир человеческой души:

*Куда ни глянь — повсюду словеса,
Они роятся в воздухе и в дыме,
Они звенят, тревожа небеса
Неверными октавами своими.*

Вспомнит ли кто о них нынче, преданных забвению, отнявших столько времени, жизненной энергии, ушедшей в эти черновики-рукописи, кроме самого автора? Кто живёт в мире словес, тот не ладит с вещами. Либо словеса, либо дело! Но твоё дело — слово, если ты поэт. Причём рождалось в муках и по-

---

являлось на свет это единственно надёжное Слово, сияющее, как золото на черни, слово, укреплённое верой, среди неумолкающего словесного потока. «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься», — сказано в Евангелии (Мф. 12: 37). Ведь слово записанное призвано упорядочить мир. Призвано однажды остановить время. Остановить его текучесть, ибо каждое слово — это Божие слово. Сущее Божие Слово поднимает мир из праха, сотворяет его заново. Если не вдохнуть в слова жизнь, не одухотворить их, они так и останутся навсегда мёртвой материей. «И что они без нас? — ни дух, ни плоть, / Абстракция из хаоса и хлама, / Камней набор, из коего Господь / Воздвиг себе потомство Авраама...» — жалеет поэт, пытаясь среди словес запечатлеть хоть одно сокровенное слово, будто из золотоносной породы, золотого и чёрного песка, вдруг найти самородок, переплавить золотые-серебряные-бронзовые запасы словесной руды, извлечь среди грязи, сора, пустой породы золотые крупички.

Вглядываясь в судьбы великих поэтов, понимаешь: все они трагичны. Поэт и история. Поэт и время... Всегда ли он находит место в своей эпохе, или при любых испытаниях она остаётся для него враждебной, чужой?

«В мире, где люди мертвы, а камни — как дети, / Что мне делать, как быть, что пить на рассвете? / Как достучаться до сердца врага? дотянуться до горла друга? / Прячет следы человека эта звериная вьюга».

Сложно читать это стихотворение А. Хабарова — «Страж», приковывающие к себе неослабевающей властной силой напряжения, эмоциональным импульсом естественного и мучительного одновременно. Эпический подход к подаче материала, используемый и в этом произведении, способствует тому, что поэт мастерски выходит за рамки лирического повествования:

«Я отдираю подошвы от липкого снега; / Как мне петь в дороге? Ведь я задыхаюсь от бега. / Как узнать, что было? что будет? — забыть без остатка? / Буду шагать ночами, как страж мирового порядка».

Обобщённо-эпическая печаль неброской красоты срединной русской равнины, свежесть и чистота серебряных родников снимают тревогу, привносят особую лирику в его звёздную поэзию бесконечных снегов, где герою по нраву зима с её стылыми пространствами, когда ничего ни от кого не ждёшь, где зима — целительное забвение. У свободного художника получается изображение огромного пространства, равнинного, степного, метафизически притягательного. Если у мастера вещи делаются, то у поэта рождаются, он прорастает стихами в человеческих душах. Он — вечный страж державных постулатов России: народности, государственности, православия. Тягостно, но вместе с тем неуклонно интонации стиха меняются. Изначальный пафос, некая гордыня, ожесточение сердца автора уходят, а с другой стороны — жертвенность, сострадание, говорящие об

истинной природе вещей, наглядно проявляются. Правда и совесть — в них сила, а не в красоте, они своими лучами освещают изнутри поэзию Хабарова. Как человек и христианин он чтит прежде всего дела, подкрепляя их словом. Он — воин Христа, подвижник веры и правды, сострадающий ближнему:

«Может, и мне зачтется все, что казалось тяжко: / Черная эта краюшка да белая эта рубашка, / Небо в тяжелых звездах, зыбкое бездорожье — / Я ведь иду без жалоб, знаю, что всё здесь — Божье. / Я ведь из самых верных, пусть и не скорых шагом / Я ведь всегда на страже — с хлебом, вином и флагом...»

Чтобы не замёрзла его лира, поэт мессиански проповедует русскую христианскую мечту всеобщего мира и счастья — острые, грозные и прекрасные ситуации. В этом незыблемая сила и русской литературы. Все русские писатели в той или иной мере — великие сострадальцы и великие мученики, избравшие нелёгкий путь творчества. И образы, и тропы поэзии так же неисповедимы, как и пути Господни. Поэзия А. Хабарова глубоко конфликтна, возможно, это не всегда хорошо для читательского восприятия, но лишь отчасти, как и под каким углом зрения посмотреть. Вырвавшись из-под спуда, из-под бремени бытия, его слово творит чудеса. Созданные им современные образы он пропускает через плазму исторических событий. Художник уже больше говорит не словами, а образами. Его каждый слог, что натянут струной, не лишён летучей образности стиля, запоминательной афористичности. В стихотворении «Седьмая» Хабарова создаёт ритмический рисунок обострённой экстремальности, сложной ассоциативной образности, выступающей в причудливо-иносказательной форме. Но между тем образы его очень актуальны, а происходящее абсолютно реально, ясно:

«Как страшен этот мир, когда нет Бога, / Как ненавистны эти облака / И в никуда ползущая дорога. / Поэзия, как грязь под сапогом, / Всё чавкает и чавкает, покуда / Не назовут идущего врагом / Всего живого, в том числе и люда».

Собственно, этот мощный образ поэзии, сравнимый с грязью, что под сапогом, заключает в себе три неизменных символа, что способны впитать в себя весь остальной мир, который и был с момента его сотворения подчинён магическому слову. Ветхозаветная история человечества возвращает нас к первоначальному истокам, когда «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). И потрясающе звучат финальные строки: «Но ветер всё сильнее, а час короче. / Пока я кровь свою носил во рту, / Бог сотворил поэзию из ночи». Поэзия как Божие создание, как горний и земной мир, одухотворённый словом, ибо поэзия — есть стремление к вечному. И слово праведное не может быть без веры, без Бога, оно — само откровение, побеждающее всякое зло, по-настоящему открывающее в поэзии Александра Хабарова спасительные русские пути.

«Мой путь далёк, и снег мой бел...»

Тебе, проходимец, судьбою, / дорогой — болота одни;
теперь над тобой, над тобою / гадюки, гнильё, западни.
потом, на глазах вырастая, / лобастая волчья башка,
лохматая, целая стая / охотится исподтишка.

Борис Корнилов. «Лес»

Судьба человека есть великая тайна, не лишённая Божьего замысла, в полной мере коснувшегося и жизни А. Хабарова, самой внутренней сути его судьбы и его пронзительной лиры. Творчество поэта глубоко трагично в своей основе, хотя поэзии и не обязательно быть весёлой. Герой, мужество, трагедии и свободы — темы, согласитесь, сегодня непопулярные. Что примечательно: изображая трагичность бытия, автор обладает совсем не трагическим мироощущением. Хабаров — поэт особенный, имя которого однозначно не поставишь сразу в общий литературный ряд. «Немного нас осталось, золотых. / Серебряных и вовсе не осталось», — выходит, что неслучайно и о других, и о себе, словно чеканил неслабую монету, давал он столь исчерпывающую характеристику. В его природной натуре много народного, близкого нам, того, к чему так тянется русская душа, хотя немало и чрезвычайно сложного, противоречивого. Многогранная личность этого человека и художника не перестаёт поражать ярко выраженным философским маргинализмом, парадоксальным восприятием микро- и макрокосма его судьбы, вмещающей и свет утрат, и свет надежды. Да, мы все разные по отношению к окружающему миру. Так случилось, что жизнь Александра Хабарова — сплошные разрывы, крутые повороты, отчаянные, решительные выборы пути, порой метания, но и обретения непреложных смыслов — суть судьбы поэта. И в этой совсем негладкой судьбе какая-то странная видится мне закономерность судеб всех русских поэтов. Хабаров, не сомневаюсь, мог бы ответить Корнилову своими метафорическими стихами:

*Судьба моя, ты смерть, а я не свят,
Я, как и все, распущен и измят,
По мне прошлась безумная пехота.
Я вслед стрелял, я падал в небеса,
Но мир ночной прогнал меня, как пса,
И пьяный страж закрыл за мной ворота.*

Он и жил открыто, уязвимо, трудно, когда «не суждено осужденным кричать, / а я иду, во всём подозреваем...», вся его личная драма, вся жизнь — в его стихах. Отсюда, видимо, в некоторых моментах превосходит любое воображение и сама манера хабаровского письма — не мягким пером на бумаге, а будто ос-

---

тро заточенным стилем, каленым железом, как наколки на теле, выжигающие металлические слова на жести:

*Шмон длился три часа. Изъяли, суки,
Часы «Победа», галстук и шнурок,
Чтоб кольца снять — ножом пилили руки,
И вытирали кровь о свитерок.*

Невольно удивляешься, как получается у поэта совместить низкий, блатной жаргон с чистыми откровениями? В оболочке его характера — весь мир. Поэзию Хабарова отличает правда жизни: та самая правда жизни, пережитая и увиденная собственными глазами.

Дабы почувствовать разницу серьёзного и порой тяжеловесного хабаровского стиха, стоит вместе с ним отправиться в странствие. Ведь художнику нельзя не бывать на природе, не бродить по полям и лесам, нельзя не видеть неоглядные русские просторы. Стихотворение «Бродяга» и рисует такую панорамную картину, пронизанную национальным фольклором. Жизнь отдельного человека не имеет исторической цели, она для него не главное, зато имеют значение категории добра и зла. Кинематографическая зрительность, артистичность, исключаящая нарочитую театральность, — жизнь за кадром, её изнанка играют тут свою ведущую роль. Песенно-былинный образ Родины, лиризм и поэтическая сказовость создают особое приподнято-радостное настроение; кажется, так бы шёл и шёл по свету следом за лирическим героем, отчасти наивным, а всё же больше рассудительным и смекалистым:

*Шел себе один бродяга, / Никакой он не святой,
На ремне пустая фляга, / В сумке пряник золотой.*

Россия из века в век будет стремиться к идеальному бытию, к русской мечте — к Царствию Небесному. Народно-православный дух, слово народного дара, идущее из того земного истока, откуда русские песни текут, диво дивное — эта оставшаяся нам в наследство Русь! Природа в поэтическом пространстве стиха не только незримо коррелирует с внутренним состоянием человека, но и творит свой удивительный мир, без которого наш герой не может быть на этой Божьей земле. «Вот и этот стёр предплечья, / Всё свое с собой волок... / Ох ты, доля человечья, / Божьих промыслов залог...», — не так и лёгок путь, о чём со знанием дела пишет А. Хабаров. Недаром собиратель живого великорусского языка В. Даль слово доля ставил в одном синонимическом ряду со словами: судьба, жребий, рок, участь, счастье или несчастье, предназначенье, предопределение. И как верно в стихотворении «Бродяга» обозначено автором то, что всё на земле сводится к милости Божией, к промыслу. У того же

Даля аналогично данное понятие расширяется — промыслить, промыслить, старанье, попечение о вселенной и о человеке, провиденье, забота, поиск. Промысл Божий неисповедим. Как видим, сколько всего уготовано человеку на его земном и многотрудном пути!

В тугой узел всё сплетено у поэта, создаваемые им образы органично вписываются и в его судьбу: снега, холод, лёд, голодные, преследующие свою жертву, рыскающие по пятам смерти волки, свобода, бескрайние дороги, вокзалы и разрезающие на части, проходящие по сердцу, по крови, по судьбе стальные рельсы поездов. Самые неизгладимые, остающиеся в памяти образы: белая рубаха, черная футболка, сапоги и глина. Чёрное и белое — два полярных полюса, как светлый и тёмный ангел. Белая рубаха — излюбленный символ поэта, контрастно выступающий на тёмном фоне всех исторических времён. «Зачем, скажи, мне белая рубаха? / В таких идут на смерть, отринув страх; / В таких рубахах, брат, играют Баха, / А не сидят за картами в Крестах», — он вынимает из глубины абсолютно точные образы, исключительно правдоподобные детали. «В этом мире я увидел людей с кошмарным прошлым, отталкивающим настоящим и трагическим будущим. Мир был ужасен. Но жизнь продолжалась», — писал Довлатов в повести «Зона. Записки надзирателя». Вот и Хабаров, вопреки всему, не останавливается, продолжает жить и сражаться, поражая высокой экспрессией своего поэтического глагола, признанного и в новом тысячелетье так же «жечь сердца людей», когда «пора искать надежную дорогу / Туда, на волю — Родину, сиречь... / Пора отдать вон то, святое, Богу, / А это, в пятнах, — незаметно сжечь. <...> Ведь для чего-то белую рубаху / Я в этом чёрном мире отыскал?» Абсолютной альтернативой отражению «белой рубахи» в других стихах поэта выступает «чёрная футболка», которая, возможно, в «чёрной стране» его герою подходит больше, но даже в ней он может умереть «свободен и чист», прощён Господом за «невоздержные к правде уста». Свобода имеет у автора религиозный смысл. Свобода в поэзии Хабарова воспринимается как дар Божий.

Впрочем, свобода — субстанция капризная и непредсказуемая, особенно в нашей реальной, до конца непонятной, запутанной жизни. «Я поклялся в верности свободе, / А она — плевала на меня...» — некое отрезвление от эйфории вождельной свободы наступает у героя в стихотворении с таким же искомым названием «Свобода», будто спадает пелена с глаз, и мир приобретает вещественные очертания. О, как же беспощаден автор, как прекрасен в своём прозрении, созерцая воочию лицедейку свободу, растоптавшую всё святое: «Вот она бредет, бродяжка вроде, / Вот и я, как тень, бреду за ней — / Я ведь клялся в верности свободе, / Кто меня, свободного, верней?!» Автор в своём творчестве достаточно часто обращается к символическим и традиционным образам. Он делает это осознанно, ведь

традиционные образы, как правило, живут очень долго, кроме того, они очень близки к метафорам и часто заменяют их. Но всё же эти образы-шаблоны, которые активно использовались в фольклоре и в литературе, вселившись в его стихи, обретают особый авторский оттенок, то есть начинают звучать по-хабаровски неповторимо в поэтическом пространстве новой России. Автор любит выражать собственные мысли с помощью разных поэтических тропов (сравнение, метафора, гипербола, гротеск, эпитет...) и, разумеется, через символику. Он берет образы из фольклора (звезда, земля, глина, белая метель, волки...) и придает им свой индивидуальный оттенок. Художественно-впечатляющая сила, мощь блоковской строки отзывается у Хабарова в стихотворении «Множество», приковывающем к себе образом «русских сапог»: «Нас множество, но мы тверды, как снег, / К кресту земли прибитый сапогами...» Колоссальная концентрация сосредоточена и в мировом литературном образе, который достаточно часто использует поэт, — в образе волка. Образ волка прежде всего связан у Хабарова с определенным символическим рядом ассоциаций, коих не счесть. Писатель применяет его и в фольклоре, и в современных реалиях. Данный анималистический образ в его поэзии мог бы стать отдельной темой исследования. Можно выделить целый ряд поэтических текстов, где данный образ постоянно сопровождает читателя: стихи «Уход», где никак не обойтись в «стране ледяной» без волчьего воя, «Волки», где ветра, подобны воющим волкам, где «приблудные твари» меняют обличье, становясь не волками, а «волчарами» и «волчицами», или та же его «Плясовая», близкая к жанру частушки, где и «волчья стая», рвущая «клыками белу грудь», нечистая, потусторонняя сила — «волчья шея без креста», вызывающе контрастирующая с божественным, и стихотворение «Печален мир», которым не достаёт как раз «волчьей своры, уносящей ноги», и, конечно же, это — «Русский волк» с безжалостно обличительной правдой «русского волка, идущего с севера, / за теми, кто в мехах овечьих». Некая звериная сила, лишённая каких-либо нравственных иллюзий, что ведёт в бой его героя-одиночку, столь же беспорна, как и его невыносимая правда, как невыносима сегодняшнему нашему сознанию честность, совесть. Оригинальная поэтическая трактовка А. Хабаровым этого образа не может не вызвать и литературные параллели с творчеством родственных ему поэтов: П. Васильева, которому тоже «посулила жизнь дороги... ледяные...», в частности, таких его стихов, как «Песня», что с «волчьей проседью», с дымящимися снегами, с метелями, с рукавицами, «горячими, как волчья пасть...», и, вне всякого сомнения, С. Есенина с мистическими, неразгаданными стихами «Мир таинственный, мир мой древний...» — «песней звериных прав!...», в которой «заметалась звенящая жуть», «тиски облав», охотничья травля, «чёрная гибель».

Лирический бунтарь, бесшабашный, не таящий в себе зла и угрозы, идущий наперекор судьбе, пусть чью-то «совесть, как снег размело по Руси», пусть бесконечно «печален мир», но он ни при каких обстоятельствах не отступится от истины. «До смерти борись за истину, и Господь будет побеждать за тебя» — нацеливал русского человека отстаивать духовные законы святителя Иоанн Златоуст. И наш поэт-герой дойдёт до сути бытия, дойдёт до своей Державы, преодолевая сомнения и страх. Он перестал бояться, и это был выход в область его личной, независимой, духовной творческой свободы. Впрочем, не стоит забывать, что художник всегда находится в поиске, ему всегда будет не хватать чего-то окончательного: «А не хватает — сердца в небесах / И голоса, чтоб несся надо льдами, / Как вольный дух, как неизбывный страх / Пред всем неведомым, что будет с нами».

«Как страшен этот мир, когда нет Бога...»

Страну, которой нужен Бог,
Я больше всех любил.

А. Хабаров. «Моя страна»

Мысль в произведениях А. Хабарова настолько самобытна, инака, как говаривали в старину, что её невозможно выразить и объяснить однозначно в силу её недосказанности, в силу таинственности, раздвоенности, в силу стремления объять необъятное: от звёздного неба до утопающей в снегах земли. Авторская мысль метафизически обобщает мир, она соприродна ему. Поэзия А. Хабарова изобилует символами и загадками, но в то же время её ценностно-образующую основу составляют поиски истинной веры, воплощение универсальных понятий материального и космического мира, обретения Божественной составляющей — слияния двух линий: небесной и земной, жизни бессмертной и преходящей. Это нравственное стремление к Богу достаточно красноречиво характеризует творчество поэта. «Всё, что без Бога — суета суетствий!» — приходят на ум святые и мудрые слова Екклезиаста. Подлинная личность вне национального контекста не мыслится, потому что первостепенным условием её рождения, формирования является осознание себя как части общего целого, русского православного мира, родины, родного языка. «Я прочёл семьсот священных книг, / Когда, как все, вернулся из похода», — вот итог мучительных поисков художника слова, и замысел Божий обретает у него плоть и способность к настоящей жизни именно в вере.

В своих духовных исканиях А. Хабаров, жизненный путь которого не был ни лёгким, ни безоблачным, ориентируется именно на те ценности, которые открывают ему уверенность, жиз-

---

ненную силу и правоту, внутренний смысл истории. Бог знает о нас всё, но лишь Он знает и нечто, только Ему известное, о судьбе России и об её предназначении в мире, и Господь думает о ней иначе, чем обычный человек. Неизгладимое впечатление оставляет в душе стихотворение «Заплутал», когда действительно поэт-герой потерялся во временах и эпохах, произошло некое смещение действительности, вещественных предметов, событий, исторических персонажей.

«Путь мой прост, да на картах запутан маршрут... / Подзовика мне, братец, ночное такси, / Отпусти меня к Господу, цепкий уют, / Проводи меня, ангел, по светлой Руси...»

Таинственное пересечение образов и явлений: «ночное такси», или товарняк, или ямщик, или калики перехожие, тянущиеся друг за другом на своём долгом пути, может быть, и бродяга, истоптавший последние сапоги, и обязательно русский Иван, летящий где-то там «по склонам лет», верящий в удачу — «на рубеже добра и зла», и белый офицер Январцев, замерзающий в Великом Сибирском Ледяном походе, и поэт, что «ни разу в Венеции не был...», и «пьяный стрелочник», явно перепутавший остановку, нужную станцию и время, и тот же аферист, заложивший пальто, и «боец несостоявшийся Трофимов», что навсегда остался на одном из перевалов Баграма, и землекоп Ваня, бросивший кладбищенский бизнес, отправляясь в путь по Руси, — они непременно должны встретиться «на перекрёстке всех времён», «у самого края земли», у нашей русской деревни — державы. Всем ли им по плечу православный путь святости? Человек растёт тогда, когда страдает. Был бы Достоевский тем Достоевским, которого мы знаем, если бы он не пережил каторгу? Были бы без страдания старцы? Апостолы? Нам ли не нужны страдания? Боль и делает человека личностью. И каждому дано по его вере:

«Доведи меня, Кормчий, до первой корчмы, / Там и мёд подают, и тепло у печи; / Дай мне, Отче, звезду из бездонной суммы, / Дай мне, Ловчий, стрелу, чтоб свистела в ночи!»

Опять завораживает это непривычное молитвенное слово, ведь темы подобного величия и трепетного лиризма, там, где есть Божественная сила, не разрешаются без вечности. Пространство и время раздвигаются необозримо — вернётся ли герой назад, да и надо ли возвращаться? «Что ж, удел мой невестел, и выбор мой мал, / Перекресток мой пуст, крест мой — тяжесть и жость, / В трех мирах заплутал, девять жизней сломал, / И домой не добрался ни в пять и ни в шесть...» Обескураживающе действует финальная строка: три измерения, как метафора гибели реального мира, мечтающего о другом, совершенном, в котором Бог будет всегда рядом. Такая непостижимая сверхзадача — выйти за грани и области непознаваемого — выводит нас за рамки текста. Однако если приподняться над плотской жизнью и вырваться из плоскости «души и плоти» в

трёхмерный духовный мир, жизнь человеческая предстаёт в совершенно ином измерении.

Поэтический мир полнится соприкосновениями, сотворческим единением, проникновенным светом русского слова. Светоносность, лучезарность русской поэзии растворяется в тихом Божественном свечении:

*Мир не так уж темен, как казалось...
Ночь не смерть; усердствует свеча;
Сединою выстрадаана жалость
На висках пропойцы-палача...*

Свеча в данном случае — это тоже бытие его души, не окончание жизни, а знак того, что она не погаснет. Святой Тихон Задонский говорил о том, что «в Царство Небесное идут не от победы к победе, а от поражения к поражению, только доходят те, которые после каждого поражения встают и идут дальше». Мир, который вначале явился у Хабарова выражением враждебных чувств, неузнаваемо преобразился от Божественного свечения:

*Мир не темен, тьма внутри и сбоку,
Посвети мне, я сойду во тьму,
Шаткие ступени — это к Богу,
И обледеневшие — к Нему;
Я сойду — там свет уже не нужен,
Ты свети, а я иду...*

Некая неведомая сила ведёт и несёт его самоотверженного героя. Он ни на секунду не забывает, что ангел-хранитель и Бог — с ним, ведь человек — Его любимейшее творение. Какая-то внезапная радость наполняет душу тихим, мерцающим светом свечи, который разгорается и бросает ответ на этот бранный, печальный мир. Счастье поэта заключается в поэтической тайне творчества — светящегося и освещающего. Поэзия Хабарова рождена из внутреннего света, этот немеркнущий свет был у Есенина, у Рубцова. А ещё была вселенская тоска по Богу. Благодатный свет, тихая радость, мирный дух, терпение, а ещё всеильная помощь Господа во всех трудах и свершениях живут и в стихотворении Хабарова «Лампадка». Они имеют подтекст смиренного и по-настоящему радостного состояния православного христианина, когда светлая радость православия входит в сердце — «день утешный», «яко тать», незабвенно согревает сердце и душу: «Чтоб лампадка не погасла, / Освящая путь далёк, / Подольём немного масла / И поправим фитилёк...»

Да, быть благодарственным легко и приятно, но мы-то с вами знаем, сколько нужно для этого преодолеть соблазнов человеку! Иначе не впустить в себя это Божественное умиротворение,

---

этот воцерковлённый уютный мир, чарующий византийской пышностью и красотой православных обрядов. Портреты хабаровских героев не перестают удивлять, буквально в нескольких штрихах их моментальные пронзительные диалоги разрастаются в целые поэтические повествования, которые по сюжетам могли бы стать и романами в прозе. Причем, этот смелый диалог автор отваживается вести и с Богом, являя читателю своеобразный эксперимент, голгофу своей христианской идеи. Как совместить жертвенное библейское смирение с необходимостью активного противостояния злу? — краеугольная дилемма современного мира. Горечь грехопадения, враги, творящие лицемерные молитвы, находящиеся, как и герои Ф. Достоевского, между Богом и дьяволом, ведь святость — тоже из греха, — ничего не вселяет надежды, когда автор обращается и к себе, и к нам с прямым вопросом: «Где — не твоя ли? — душа в пиджаке / Штоф распивает с врагами Христа». И даже в Крыму, у подножья Ай-Петри, его посетит мысль-прозрение: «Правда горная, Божья, / Ложь — земная, моя...» Не здесь ли, у живописной горной вершины, родились и афористичные строки стихотворения «Дай...», всем существом своим взывающие к Создателю: «Дай мне, Боже, чтоб я, бескрылый, / Падал в небо твоё всегда...» Поэт чувствует собственное родство с миром и совершает мирскую молитву — философский разговор Неба, Земли, природы, космоса и Бога. Вера и даётся человеку как явление высшей духовной свободы.

А. Хабаров непритворно любил людей, чему и учит нас любовь Божественная. Любил, вопреки всему, как и русская литература всегда любит и защищает слабого человека, проявляя к нему милосердие. Но его молитва — мир не совсем тихий, а полный болезненных откровений. В названном смысле его честная молитва — благодарность Ему. В ней нет лукавства. Господь это ценит. И неизменно полагаться нужно лишь на Бога. Смерть, как составляющая земной жизни, тоже не может быть без покаяния. Внутри поэта как бы пересекаются: огонь борьбы и постоянная молитва покаяния, признания в грехах. Хабаров тему ухода человека в мир иной осмысливает с позиций философской категории жизни и смерти. Ведь жизнь, по сути, — это долгое привыкание к смерти, к тому, что потери человеческие не могут быть бесконечно неоправданными. Нечеловеческая тяжесть бытия, которую ощущает всё живое, по-блоковски передаётся нам в стихотворении «Круг», словно замыкающем круг земного бытия, когда его герой выходит навстречу холодным космическим ветрам: «Там, где смерти нету хода, / Между тьмою, / Я — за Богом, год от года, / Бог — за мною...» Но если Бог есть, то можно не бояться смерти, потому что смерть — не только горечь расставания. Это и радость освобождения, о чём на необыкновенном языке горного мира А. Хабаров поведает читателю в сакральном сти-

---

хотворении «Эхо Псалтири»: «Воскреснет Бог, и распадутся сети, / Все голуби взлетят, и все на свете / Бессмертники сквозь смерть произрастут...»

Эскапизм — ещё одна тема, привычная для русской литературы, когда жизнь диктует уход от реальности, у Хабарова приобретает индивидуальное видение. Его одинокий герой не разрывает окончательной связи с жизнью, он готов всегда возвращаться на эту грешную и такую любимую им землю, как земное воплощение «Божества», что стоит «у бездны на краю...»: «Нынче у самого края / Ангел меня подобрал. / Что я шептал, умирая? / И для чего умирал?» Жёсткость по отношению к себе и воля к жизни, и борьба — «там» она намного сложнее, чем испытание здесь. Русский человек не только видимым миром живёт, и смерть для него — не просто прекращение жизни, делающая бессмысленным уже прожитое и достигнутое, смерть открывает дверь в вечность — как постоянное освобождение от исчезновения, как физическое движение в само бессмертие.

Когда существует исход, то Господь указывает и путь иной, лишённый страха смерти, что мы непосредственно видим и в произведении А. Хабарова «Выход», теперь уже, можно сказать, в чём-то пророческом: «Я вышел прочь из города живых... / Я вышел из всего, где человек — / Всего лишь сочетанье громких слов». Поэтическое повествование подходит к своему апогею, к наивысшей точке — автор-герой, поправ смерть, выходит в будущую жизнь: «Мой путь лежал меж небом и землёй, / Я нёс свой крест, и не был он тяжёл, / Но не был он чужим, а был он — мой».

Свет истины, Божьей правды, Царство вечное открывается пред ним, где единая, соборная Русь, соборная молитва его грозной, властной, скорбной и светлой поэзии звучит и «за жезл куполов и за крест золотой...» От волчьего современного индивидуализма и глобализованного оцифрованного мира Александр Хабаров представляет в национальном образе России духовную альтернативу — русскую мечту. Это Храм, построенный на горе нашей истории, где есть все наши победы, и все наши поражения. Храм, который своими золотыми крестами и куполами касается лазури небесной. Свет стекает по крестам и осеняет наши дома, горят золотом купола и кресты — вот идеал русской мечты. Он так хотел видеть Россию, приближённую к русской мечте, к этой потаённой и явной сути всей русской литературы. Заполняя мироздание светом веры, как по мановению волшебной палочки из русской сказки, поэт будто повелевает слову и мечте, вселяет всем живущим неизбывную надежду: «Всё переменится утром. / Чёрное, стань золотым! / Стань, недалёкое, мудрым, / Стань, ледяное, святым!»

г. Минск